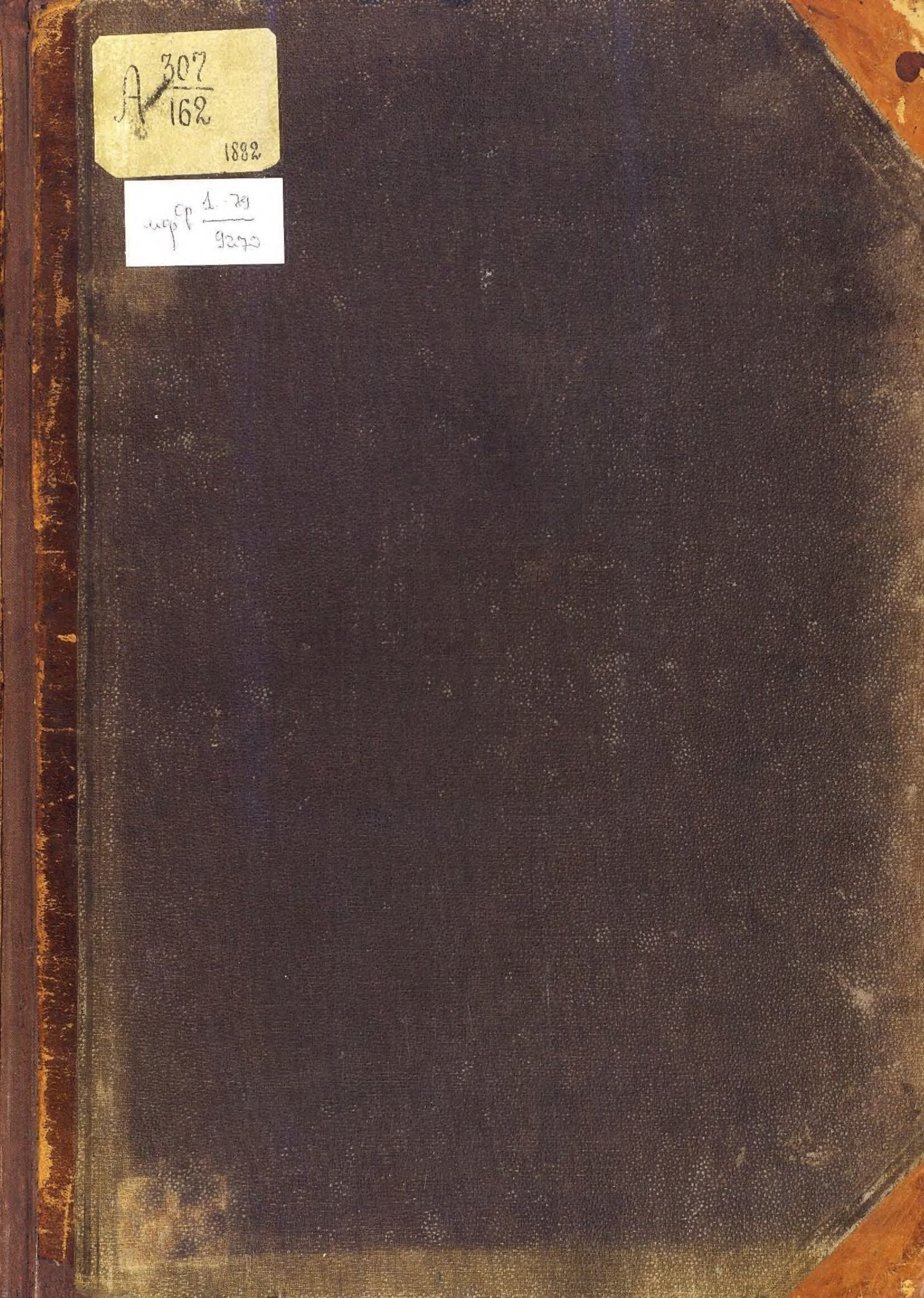
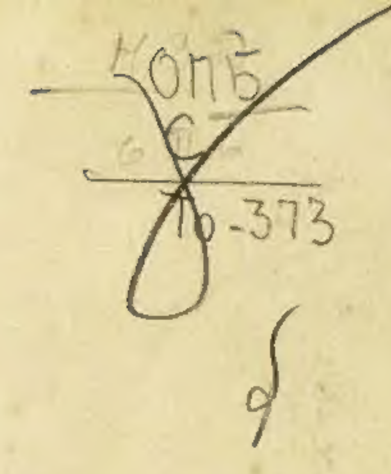

A 307/162
1882
1-79/9270

ДРЕВНѢЙШІЯ РУССКІЯ МОНЕТЫ
ВЕЛ: КНЯЖЕСТВА КІЕВСКАГО
НУМИЗМАТИЧЕСКІЙ ОПЫТЪ
ГР: И: ТОЛСТАГО.

ДРЕВНѢЙШІЯ

РУССКІЯ МОНЕТЫ

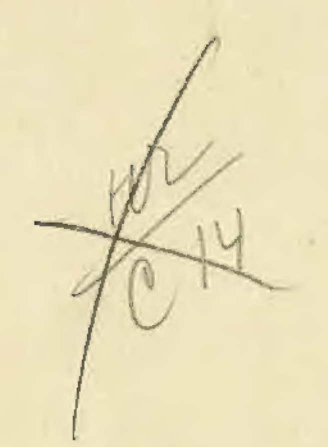
ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА

КІЕВСКАГО.

НУМИЗМАТИЧЕСКІЙ ОПЫТЪ

Графа Ив. Ив. Толстаго.

(СЪ 19 ТАБЛИЦАМИ РИСУНКОВЪ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9-я лин., № 12.)
1882.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Поводомъ къ настоящему труду послужило пріобрѣтеніе нами (т. е. мною и братомъ) въ 1877 году нумизматической коллекціи русскихъ монетъ М. В. Юзефовича. Между монетами этой коллекціи особеннаго вниманія заслуживали 43 экземпляра изъ числа монетъ, найденныхъ въ 1852 году въ землѣ близъ Нѣжина.

Часть монетъ этого-же клада была уже описана г. Волошинскимъ — именно монеты, находящіяся въ коллекціи Университета Св. Владиміра. Сознавая всю важность, которую имѣетъ для русской археологіи опубликованіе находящихся въ частныхъ рукахъ памятниковъ русской старины, мы намѣревались издать

описаніе 43 монетъ нашей коллекціи, подобно г. Волошинскому, въ видѣ каталога. Но уже при первой разработкѣ имѣвшагося у насъ матеріала мы усумнились въ вѣрности единственной до сихъ поръ классификаціи монетъ Нѣжинскаго клада — классификаціи г. Волошинскаго. Возникшее сомнѣніе заставило насъ обратиться къ довольно обширной литературѣ вопроса о разбираемыхъ монетахъ. Тутъ наши сомнѣнія получили болѣе реальную почву, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы были поражены величайшей разнообразностью воззрѣній на наши монеты: одни утверждали, что это монеты первыхъ русскихъ князей, другіе отрицали ихъ русское происхожденіе, считая ихъ болгарскими или сербскими; одни считали ихъ ходячею монетой, другіе — медалями; въ классификаціи — опредѣленіи относительнаго старшинства отдѣльныхъ разрядовъ монетъ — тоже несогласіе; насчетъ частностей высказывались также различныя мнѣнія — каждый объяснялъ по своему, какъ изображенія на монетахъ, такъ и надписи. Вслѣдствіе этого у насъ возникла мысль сопоставить всѣ разнообразныя мнѣнія и доискаться истины, но у насъ недоставало главнѣйшимъ образомъ одного — вещественныхъ доказательствъ для тѣхъ убѣжденій, къ которымъ мы приходили. Намъ казалось слишкомъ смѣлымъ рѣшать вопросы по нашимъ 43 монетамъ, составлявшимъ всего часть одного только, Нѣжинскаго, клада и мы готовы были уже отказаться отъ своей мысли и возвратиться къ первоначальному нашему плану изданія простаго каталога, но рѣшились обратиться сперва къ содѣйствію лицъ, обладавшихъ подобными нашимъ монетами. Тутъ мы встрѣтили столько сочувствія и желанія помочь осуществленію нашего изданія, что получили возможность располагать такой массой матеріала, какой едва-ли скоро удастся располагать кому либо. С. В. Бодилевскій, А. В. Брыкенъ, О. И. Горнунгъ, Н. Н. Мурзакевичъ, графъ А. А. Мусинъ-Пушкинъ, П. М. Остроглазовъ, графъ С. Г. Строгоновъ, М. Д. Свиридовъ, самымъ любезнымъ образомъ дозволили намъ воспользоваться для нашего труда принадлежащими имъ экземплярами: кромѣ того, мы включили въ него и экземпляры слѣдующихъ общественныхъ собраній, сдѣлавшіеся доступными намъ благодаря любезности ихъ хранителей: Императорскаго Эрмитажа и Академіи Наукъ въ Петербургѣ, Румянцовскаго музеума, Университета и Археологическаго Общества въ Москвѣ,

Университета Св. Владиміра и Духовной Академіи въ Кіевѣ. Такимъ образомъ мы разсмотрѣли и каталогизировали свыше 170 монетъ, большею частью нигдѣ еще неизданныхъ и составляющихъ наслѣдіе такой эпохи нашей исторіи, отъ которой до насъ сохранились лишь скудныя современныя свѣдѣнія и небольшое количество памятниковъ, вслѣдствіе чего разсматриваемыя монеты представляются вдвойнѣ интересными.

При поверхностномъ даже ознакомленіи съ нашимъ трудомъ, каждый легко увидитъ, сколькимъ мы обязаны академику А. А. Кунику [1]. Проф. И. В. Помяловскій, не только взялъ на себя трудъ составить указатели личный и предметный, но и держалъ корректуру всего изданія.

Такая помощь была для насъ, конечно, неоцѣнима и безъ нея едва-ли бы мы съумѣли представить нашъ трудъ въ предлагаемомъ видѣ. Не можемъ не выразить глубокой признательности князю Г. Г. Гагарину, имѣвшему любезность проектировать заглавный листъ.

Считаемъ тоже своею обязанностью поблагодарить г. Скамони, такъ прекрасно исполнившаго фотогіалотипъ.

Университетъ Св. Владиміра имѣлъ любезность прислать, по просьбѣ директора Императорскаго Эрмитажа А. А. Васильчикова, всѣ имѣющіеся въ его Минцъ-Кабинетѣ экземпляры интересующихъ насъ монетъ на нѣкоторое время въ Эрмитажъ, гдѣ мы пользовались ими для нашего труда.

С. В. Бодилевскому мы обязаны особенной благодарностью: онъ не только предоставилъ въ наше распоряженіе экземпляры своего собранія, но, въ ущербъ своимъ интересамъ собирателя, способствовалъ намъ въ пріобрѣтеніи монетъ Вла-

1 А. А. Куникъ приготовилъ къ печати отдѣльную статью, въ которой онъ объяснялъ, что изслѣдованіе грамоты Константинопольскаго Патріарха 1550 года, гдѣ говорится о присылкѣ Св. Владиміру регалій, побудило его пріобрѣсть въ 1871—1881 годахъ нѣсколько монетъ Владиміра, двѣ мѣдныхъ Ярослава и монету съ именемъ Болеслава. (См. ниже стр. 67, 154). Когда мы возымѣли намѣреніе описать наши монеты и разработать вопросъ объ нихъ, А. А. Куникъ самъ предложилъ намъ воспользоваться для нашего труда, какъ экземплярами Эрмитажа и Академіи Наукъ, такъ и его собственными, и содѣйствовалъ доставленію матеріала изъ другихъ мѣстъ.

диміра и простеръ свою любезность до того, что подарилъ намъ драгоцѣнный экземпляръ этихъ монетъ.

Наконецъ, не можемъ не упомянуть объ усердномъ содѣйствіи намъ въ дѣлѣ предлагаемаго изданія Х. Х. Гиля, нашего старѣйшаго руководителя въ нумизматикѣ.

Фактъ чеканки собственныхъ денежныхъ знаковъ въ древней Руси домонгольскаго періода, какъ извѣстно, оспаривается нѣкоторыми даже до сихъ поръ. Рѣшеніе вопроса въ томъ или другомъ смыслѣ не можетъ быть безразлично не только для археолога, но даже и для историка: не говоря уже о томъ, что существованіе или отсутствіе у народа въ данную эпоху собственныхъ денежныхъ знаковъ указываетъ на высшую или низшую степень культуры его въ эту эпоху, по монетамъ можно судить о вліяніи сосѣдей на искусство, объ исторіи искусства (по отдѣлкѣ штемпелей), о монетной системѣ, о распространенности и значительности торговли (по мѣстамъ и количеству находокъ) и т. д.

Если наши монеты суть дѣйствительно то, за что мы ихъ принимаемъ, то онѣ имѣютъ большую важность какъ памятники такой эпохи, которая страдаетъ полнымъ, можно сказать, отсутствіемъ ихъ; интересъ ихъ увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что на нихъ находятся единственныя дошедшія до насъ подлинныя изображенія нашихъ первыхъ христіанскихъ князей — какіе бы они ни были, а все-же это портреты Святаго Владиміра и его сыновей — Святополка и Ярослава!

При изслѣдованіи нашего матеріала мы пришли къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Что описанныя монеты суть несомнѣнно русскія.

2. Что онѣ относятся ко времени княженія Владиміра Святаго, Святополка I и Ярослава I.

3. Что онѣ имѣли значеніе денежныхъ знаковъ.

4. Что замѣтно непосредственное вліяніе на нихъ византійскаго искусства, хотя, вѣроятно, онѣ — дѣло рукъ не византійскихъ, а мѣстныхъ художниковъ (исключеніе составляютъ, можетъ быть, монеты Ярослава, III типа).

Дѣло критики провѣрить вѣрность нашихъ выводовъ. Чтобъ облегчить эту провѣрку, мы раздѣлили весь нашъ трудъ на главы, причемъ въ первой сгруппированъ матеріалъ, а выводы помѣщены во второй и, отчасти, въ четвертой.

Первая глава заключаетъ въ себѣ весь матеріалъ, на основаніи котораго построены всѣ наши дальнѣйшія разсужденія. Мы постарались ограничиться тутъ только подробнымъ описаніемъ самихъ монетъ, разборомъ надписей на нихъ, опредѣленіемъ ихъ вѣса, указаніемъ гдѣ онѣ найдены, гдѣ находятся и гдѣ описаны или изображены, приводя литературу, касающуюся отдѣльныхъ монетъ, но не общихъ вопросовъ. Отступленіе въ этомъ отношеніи сдѣлано нами, можетъ быть, по вопросу объ одномъ разрядѣ монетъ — Ярослава, III-го типа; но дѣло въ томъ, что литература по поводу этихъ монетъ такъ тѣсно связана съ общими вопросами, что отдѣлить послѣдніе отъ вопросовъ спеціально касающихся названныхъ монетъ представлялось совершенно неудобоисполнимымъ. Мы думаемъ даже, что отступленіе это не много повредитъ послѣдовательности нашего труда, такъ какъ, вслѣдствіе того, что монеты Ярослава, III-го типа, случайно пришлось описывать, придерживаясь хронологическаго порядка, послѣдними, то статьи, касающіяся ихъ, заканчиваютъ собою первую главу и являются такимъ образомъ, какъ бы естественнымъ переходомъ ко второй. Эта глава посвящена историческому разбору мнѣній о нашихъ монетахъ и доказательству ихъ русскаго происхожденія.

Здѣсь мы старались соединить всѣ главныя мнѣнія, опуская статьи болѣе мелкія или неважныя, изъ боязни помѣшать наглядности изложенія.

Третья глава имѣетъ предметомъ спеціальный вопросъ: на всѣхъ интересующихъ насъ монетахъ изображена одна и та-же фигура. Къ сожалѣнію до сихъ поръ никому не удалось дать вполнѣ удовлетворительное объясненіе ея; попытокъ объясненія много, но мы, считая вопросъ еще нерѣшеннымъ, сгруппировали ихъ въ этой главѣ, предоставляя каждому взвѣсить большую или меньшую вѣро-

ятность той или другой. Между тѣмъ, намъ кажется почти несомнѣннымъ, что эта фигура есть ничто иное, какъ родъ герба великихъ князей Кіевскихъ и такое ея значеніе увеличиваетъ въ нашихъ глазахъ интересъ, возбуждаемый ея загадочностью.

Четвертая глава представляетъ собою оправданіе классификаціи монетъ, принятой нами въ первой главѣ. Этотъ вопросъ помѣщенъ послѣ объясненія загадочной фигуры, вслѣдствіе того, что нѣкоторыя доказательства въ пользу нашей классификаціи основаны нами на сходствѣ или различіи этой фигуры на нашихъ монетахъ.

Послѣднія двѣ главы — пятая и шестая, составляютъ какъ-бы приложеніе къ нашему труду. Шестой, въ настоящемъ ея видѣ, мы не придаемъ особеннаго значенія, такъ какъ мы, вслѣдствіе особыхъ причинъ, затронули возбуждаемые ею вопросы только слегка; болѣе тщательное изслѣдованіе ихъ принесло бы несомнѣнную пользу.

На пятую мы обращаемъ вниманіе читателя, такъ какъ вопросъ о поддѣлкахъ въ русской нумизматикѣ, которому посвящена эта глава, почти еще незатронутъ, хотя и составляетъ больное мѣсто почти всякаго нумизмата.

Мы должны замѣтить, что главною частью нашего труда мы всетаки считаемъ 1-ю главу и приложенныя къ ней таблицы рисунковъ, такъ какъ главной цѣлью при изданіи его было для насъ — сдѣлать достояніемъ науки возможно большее количество подлинныхъ памятниковъ XI-го вѣка. Поэтому позволяемъ себѣ коснуться нѣкоторыхъ подробностей относительно какъ текста этой главы, такъ и приложенныхъ къ нему рисунковъ.

При каждомъ № мы обозначали число извѣстныхъ намъ экземпляровъ, чеканенныхъ одними штемпелями, ихъ вѣсъ, коллекціи, въ которыхъ они находятся и кладъ, въ которомъ они были найдены; кромѣ того, когда намъ были извѣстны какія либо особыя обстоятельства, связанныя съ находкой или происхожденіемъ монеты, мы помѣщали эти свѣдѣнія (такъ сказать исторію ея) вслѣдъ за ея описаніемъ, а также особыя примѣты, дѣлавшія ее почему нибудь болѣе интересной, какъ-то: двойной чеканъ и т. п. Наконецъ, если монета была описана или изображена гдѣ нибудь раньше, мы приводили и эти свѣдѣнія. Вѣсъ мы

означали въ золотникахъ и доляхъ, какъ единицахъ для русскихъ нумизматовъ болѣе наглядныхъ. Впрочемъ, вѣсу мы не придаемъ особаго значенія въ данномъ случаѣ, такъ какъ интересующія насъ монеты чеканены, повидимому, безъ всякой опредѣленной вѣсовой системы, за немногими, можетъ быть, исключеніями (золотыя монеты Владиміра имѣли, кажется, болѣе или менѣе опредѣленный, нормальный вѣсъ).

Мы считали лишнимъ означать величину поперечника монетъ, такъ какъ большинство ихъ изображено на нашихъ таблицахъ и каждый наглядно можетъ убѣдиться въ ихъ величинѣ. По той-же причинѣ мы сократили, насколько возможно, самое описаніе монетъ, отмѣчая однако наиболѣе характерныя черты, отличающія ихъ отъ схожихъ съ ними.

Мы раздѣлили весь матеріалъ на типы, замѣнивъ этимъ, болѣе употребительнымъ въ нумизматикѣ названіемъ, однозначущій терминъ — классъ, употребленный г. Волошинскимъ.

Вслѣдъ за описаніемъ монетъ каждаго типа, мы помѣстили краткую характеристику его, обращая вниманіе на изображенія, содержаніе надписей, ихъ палеографическія особенности и правописаніе отдѣльныхъ словъ. Помѣщая средній вѣсъ монетъ одного типа, мы слѣдовали обычаю, принятому большинствомъ авторовъ нумизматическихъ сочиненій (какъ извѣстно, средній вѣсъ изъ нѣсколькихъ однородныхъ монетъ, относящихся къ болѣе отдаленнымъ временамъ, когда терпимость въ вѣсѣ была очень велика, считается близко подходящимъ къ нормальному). Какъ сказано выше, мы готовы даже признать вѣсъ нашихъ монетъ вполнѣ произвольнымъ, но, можетъ быть, позже кому нибудь удастся открыть систему вѣса, по которой онѣ чеканены, и мы своими выкладками, надѣемся, облегчимъ его трудъ.

При описаніи отдѣльныхъ монетъ одного и того-же типа, мы не придерживались строго какой либо особой системы, хотя и старались, по возможности, описывать болѣе совершенные по работѣ и по сохранности экземпляры первыми, и сгруппировать схожіе штемпеля вмѣстѣ. Недостатокъ особенно строгой систематизаціи при описаніи монетъ отдѣльнаго типа произошелъ отъ того, что мы не имѣли въ рукахъ всего матеріала одновременно.

Мы постарались составить описанія отдѣльныхъ монетъ, по возможности, точно и ручаемся, что всѣ монеты, показанныя одинаковыми, не разнятся другъ отъ друга ни въ чемъ, кромѣ какъ въ сохранности и вѣсѣ и (мы говоримъ это съ увѣренностью) чеканены одними штемпелями. Если мы и изобразили на нашихъ таблицахъ по нѣскольку экземпляровъ такихъ тождественныхъ монетъ, то сдѣлали это во 1-хъ потому, что нерѣдко одинъ экземпляръ дополняетъ собою другой, а во 2-хъ для того, чтобъ показать насколько различіе въ степени сохранности, двойной чеканъ и т. п. причины могутъ, на первый взглядъ, сдѣлать всякую мысль о томъ, что сравниваемыя монеты чеканены одними штемпелями, почти невѣроятною.

Порядокъ изображенія монетъ на таблицахъ, несоотвѣтствующій порядку ихъ описанія въ первой главѣ, объясняется тѣмъ, что, получая монеты въ наше распоряженіе изъ разныхъ коллекцій въ разное время и на болѣе или менѣе короткій срокъ, мы не имѣли въ рукахъ одновременно всего матеріала и, поэтому, могли заразъ изображать монеты одной, много — двухъ коллекцій.

Поэтому мы приняли систему изображенія монетъ по коллекціямъ, хотя и въ этомъ отношеніи сдѣланы нѣкоторыя отступленія, по независившимъ отъ насъ обстоятельствамъ.

Монеты Болеслава и Владиміра Ольгердовича изображены отдѣльно отъ монетъ коллекцій, въ составъ которыхъ онѣ входятъ, такъ какъ прямаго отношенія къ настоящему труду онѣ, можетъ быть, не имѣютъ и служатъ только приложеніемъ къ нему. При изображеніи монетъ отдѣльныхъ коллекцій мы, по возможности, держались порядка, принятаго въ первой главѣ, помѣщая послѣдовательно монеты I-го, II-го и т. д. типовъ, хотя и въ этомъ отношеніи сдѣланы нами нѣкоторыя, невольныя отступленія.

Монеты нашей коллекціи фотогіалотипированы на четырехъ первыхъ таблицахъ; къ нимъ приложены гравированныя на мѣди надписи, находящіяся на монетахъ, чтобъ не утруждать зрѣнія при ихъ разсматриваніи. Фотогіалотипія, какъ всякій механическій способъ воспроизведенія, имѣетъ несомнѣнное преимущество передъ другими способами въ томъ отношеніи, что исключаетъ всякую возможность недосмотровъ и неточностей. Этотъ способъ былъ непримѣнимъ при изображеніи

экземпляровъ, не составлявшихъ нашей собственности, такъ какъ при его примѣненіи необходимо отдавать предметы на болѣе или менѣе продолжительный срокъ въ распоряженіе художника, что, по недостатку времени, на которое намъ сообщались монеты, часто было невозможно.

Чтобъ облегчить нахожденіе изображенныхъ на таблицахъ монетъ, почему либо особенно интересующихъ разсматривающаго рисунки, мы прибавили къ каждой таблицѣ объяснительный текстъ, въ которомъ обозначено, подъ какимъ №° описана изображенная монета, или на какой страницѣ о ней говорится.

Библіографическій списокъ сочиненій и статей, въ которыхъ говорится о нашихъ монетахъ, въ составъ котораго вошли нѣкоторыя указанія на время болѣе важныхъ находокъ (съ цѣлью нагляднѣйшаго ознакомленія съ исторіей вопроса), равно и алфавитные указатели личный, предметный и легендъ, приложенные къ нашему труду, ясно указываютъ на наше воззрѣніе на него, какъ на сборникъ матеріала и справочную книгу по всему, что касается интересующихъ насъ монетъ.

Еще разъ приносимъ искреннюю благодарность тѣмъ лицамъ, которые своей просвѣщенной помощью сдѣлали вообще возможнымъ появленіе нашего труда въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ онъ предлагается теперь на снисходительное разсмотрѣніе любителей отечественной старины.

За ошибки или неточности въ трудѣ, почти неизбѣжныя, мы просимъ у читателя извиненія. Всякія указанія и исправленія будутъ приняты нами съ величайшею признательностью.

Графъ Ив. Толстой.

С.-Петербургъ.
30 Ноября 1881 года.

ГЛАВА I.

ОПИСАНІЕ МОНЕТЪ.

МОНЕТЫ ВЛАДИМІРА СВЯТАГО.

А. ЗОЛОТЫЯ.

№ 1. *Лицевая сторона.* Изображеніе великаго князя впрямь во весь ростъ, повидимому въ сидячемъ положеніи, судя по согнутымъ ясно обозначеннымъ ногамъ; сѣдалища никакого не видно; на головѣ вѣнецъ съ шестью крупными бусами (жемчугомъ); надъ головнымъ уборомъ три подобныя же бусы, отдѣленныя отъ него, вѣроятно, случайно и составляющія оконечность его (крестъ); отъ головнаго убора по обѣимъ сторонамъ лица висятъ нитки изъ мелкихъ бусъ, оканчивающіяся каждая двумя болѣе крупными; на великомъ князѣ надѣтъ короткій плащъ, застегнутый на груди круглой пряжкой; лѣвая рука покоится на груди, а правая держитъ длинный крестъ, стоящій прямо; оконечности его состоятъ изъ крупныхъ бусъ (на нижнемъ

концѣ — тоже буса). По лѣвую руку великаго князя загадочная фигура — можетъ быть, хоругвь, навершіемъ книзу[1]; круговая надпись:

(В)АⱰМНР ⱵНⱰСТОАЬ+

вмѣсто: ВЛⱰДНМНРЪ НⱰ СТОЛѢ.

Всѣ буквы въ круговой надписи повернуты основаніями къ ободку монеты. Надпись окружена ободкомъ изъ бусъ.

Оборотная сторона. Поясное изображеніе Спасителя впрямь; въ лѣвой рукѣ Евангеліе, края котораго украшены рядомъ крупныхъ бусъ. Голова окружена вѣнчикомъ изъ мелкихъ бусъ. Отъ головы въ видѣ радіусовъ 6 линій изъ бусъ соединяютъ ее съ вѣнчикомъ.

Круговая надпись:

ТСVСЪ ХРНСТНСЪ

Буквы повернуты основаніями къ ободку, надпись окружена ободкомъ изъ бусъ.

2 экземпляра. Оба находятся въ коллекціи Императорскаго Эрмитажа.

Вѣсъ какъ однаго, такъ и другаго 1 зол. 3 доли. Изображены на Таблицѣ 5 №№ 1 и 2.

Оба экземпляра чеканены одними штемпелями; небольшая разница въ внѣшнемъ видѣ (напр. на 1-мъ экземплярѣ ободокъ изъ бусъ вышелъ двойнымъ и вслѣдствіе этого нижняя часть ногъ великаго князя не видна, отчего вся фигура кажется короче) произошла оттого, что при чеканкѣ 1-го экземпляра штемпеля соскользнули и чеканъ вышелъ двойной (double frappe).

№ 2. *Лиц. ст.* Тоже изображеніе, что на Лиц. ст. № 1, но лицо великаго князя короче, головной уборъ составленъ изъ 8 бусъ и верхнія не отдѣлены отъ остальныхъ, образуя довольно ясный крестъ; подолъ одежды украшенъ бахромой, унизанной бусами; лѣвая рука до кисти покрыта складкой плаща (какъ-бы въ широкомъ рукавѣ); на складкѣ у кисти двѣ небольшія бусы.

1 Въ послѣдующихъ описаніяхъ мы называемъ фигуру хоругвей; основанія для такого названія, также различныя объясненія фигуры см. гл. 3.

Круговая надпись:

ⱩВЛАДИМИР ЪНАСТОЛЬ

въ ободкѣ изъ бусъ.

Об. ст. Тоже изображеніе, что на Об. ст. № 1, но голова Спасителя больше и удлиненнѣе, борода гуще; на Евангеліѣ, кромѣ бусъ, которыми украшены его края, одиночная буса по срединѣ между пальцами держащей его руки; круговая надпись:

..... СЪ ХРИСТОС. ✝

въ ободкѣ изъ бусъ.

Буквы нѣсколько мельче, чѣмъ въ надписи Об. ст. предъидущаго №.

3 экземпляра, изъ которыхъ 2 первыхъ находятся въ коллекціи Эрмитажа, а 3-й въ коллекціи Императорской Академіи Наукъ.

Вѣсъ: 1-го экземпляра 1 зол. 1 доля.

„ 2-го „ 90 долей.

„ 3-го „ 1 зол. 3 доли.

Изображены: первые два на Т. 5 №№ 3 и 5, а 3-й на Т. 7 № 1.

Всѣ монеты чеканены одними штемпелями; 2-й экземпляръ чеканенъ двойнымъ ударомъ.

№ 3. *Лиц. ст.* Фигура великаго князя, какъ на № 2.; двухъ бусъ на складкѣ плаща не видно, но подъ лѣвой рукой — три мелкія бусы. Изъ круговой надписи уцѣлѣли буквы:

В.....НР ЪНАСТО.Ь✝

Об. ст. Изображеніе Спасителя; голова меньше, чѣмъ на № 2., волосы на головѣ и борода рѣже; Евангеліе меньше и нѣтъ на немъ одиночной бусы, какъ на № 2.

Въ стертой круговой надписи едва можно разглядѣть буквы:

...... РИС ...... ОЪ.

1 экземпляръ въ коллекціи Эрмитажа. Вѣсъ 92 доли. Изображ. на Т. 5 № 4.

№ 4. *Лиц. ст.* Изображеніе великаго князя, какъ на предъидущей; головной уборъ съ пятью, а можетъ быть, съ шестью крупными бусами (6-я буса видна неясно).

на шеѣ ожерелье изъ трехъ бусъ; лѣвой руки, скрытой складкой плаща не видно; подъ складкой двѣ мелкія бусы. Круговая надпись:

✢ ВЛ◁ННМНР ◁СЄЄЗЛТО

въ ободкѣ изъ бусъ.

Об. ст. Изображеніе Спасителя, подобное предъидущимъ; расположеніе складокъ одежды иное; руки, придерживающей на предъидущихъ №№ Евангеліе, не видно.

Круговая надпись:

✢ ТС. ∩Ъ ШНСТЪЮ

въ ободкѣ изъ бусъ.

Буквы круговыхъ надписей какъ Лиц., такъ и Об. ст. не обращены основаніями къ ободку, какъ на предъидущихъ, а изображены, какъ слѣдуетъ.

1 экземпляръ въ коллекціи С. В. Бодилевскаго въ Кіевѣ.

Вѣсъ 97 долей. Изображеніе на Т. 7 № 8.

Эта интересная монета пріобрѣтена С. В. Бодилевскимъ въ 1878 г. въ Кіевѣ (по словамъ самого г. Бодилевскаго) „отъ мѣнялы, ничего неразумѣющаго въ нумизматикѣ, за 15 р. (за самую высшую цѣну, какая только могла быть назначена по его оцѣнкѣ); ему же, безъ всякаго сомнѣнія, досталась не дороже, какъ на вѣсъ металла, но отъ кого именно — доискаться не могъ, такъ какъ онъ и самъ ничего не помнилъ.“

Этотъ экземпляръ показался намъ нѣсколько подозрительнымъ: на немъ видны мельчайшія выбоины, какія замѣчаются на очень тщательно отлитыхъ монетахъ. Впрочемъ выбоины могли произойти отъ другой причины, нпр. отъ дѣйствія огня на монету; исключая выбоинъ ничто не возбуждаетъ подозрѣнія противъ ея неподдѣльности — она достаточно потерта и очевидно была во многихъ рукахъ, золото старое. Но если она даже литая, тѣмъ не менѣе она очень интересна, такъ какъ, въ этомъ случаѣ, отлита съ несомнѣнно настоящаго оригинала, который намъ неизвѣстенъ.

Замѣчательно, что въ круговыхъ надписяхъ на золотыхъ монетахъ многія буквы замѣнены другими, или даже совсѣмъ пропущены. Нпр. въ надписи Лиц. ст. № 1. Пропущены буквы Λ◁ и Ъ въ словѣ *Владимиръ*; первое Н въ томъ же словѣ замѣнено ◁; въ словѣ *столъ* Λ имѣетъ форму А, а Ѣ форму Ь и т. п.

Вѣсъ самыхъ тяжелыхъ экземпляровъ — 1 зол. 3 доли (оба экземпляра № 1 и 3-й № 2), а самаго легкаго — 90 долей (2-й экземпляръ № 2), средній же вѣсъ изъ 7-ми экземпляровъ — 1 золотникъ; но нормальнымъ вѣсомъ намъ кажется скорѣе 1 зол. 3 доли, который тянутъ три лучшихъ экземпляра, меньшій же вѣсъ въ другихъ объясняется тѣмъ, что они болѣе или менѣе потерты. О происхожденіи 4-хъ экземпляровъ, хранящихся въ Эрмитажѣ, ничего не извѣстно. Кругъ упоминаетъ о нихъ уже въ 1805 г. въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Нѣкоторые въ Императорскомъ собраніи въ Эрмитажѣ находящіеся Греческіе „*Солиды* позднѣйшихъ временъ чистаго золота и содержащіе въ себѣ 70 гранъ аптек. „вѣса (*ок. 1 золотника — какъ разъ средній вѣсъ 4-хъ экземпляровъ*), могли бы даже „заставить думать, находящимися на нихъ буквами, что они дѣланы въ Россіи.“ (Критическія розъисканія о древнихъ русскихъ монетахъ, изданныя Императорскою Академіею Наукъ 1807 г., сочиненіе представлено Академіи въ февралѣ 1805 г.)

Позже Шодуаръ въ Aperçu sur les monnayes russes de 1837 г. слѣдующимъ образомъ описываетъ экземпляръ Эрмитажа: № 2. ВЛДДНМИРЪ НА СТОЛѢ même type (т. е. le grand duc assis de face и т. д.) le tout dans un cercle de grénetis ꝶ НСУСЪ ХРИСТОСЪ ✣ Même type (т. е. buste du Christ и т. д.) 1 zol. 3 dol. (les légendes sont rétrogrades et les lettres sont tournées vers le bord de la monnaie). C. R. — C. H. (т. е. collection de Reichel, collection de l'Hermitage). Вѣроятно это не вполнѣ точное описаніе монетъ, описанныхъ нами подъ № 1. На это указываетъ приведенный Шодуаромъ вѣсъ, а также и то, что онъ опять-таки не вполнѣ точно описываетъ экз. Круга подъ № 3, отличая его отъ описанныхъ подъ № 2.; Экземпляръ же Круга, перешедшій въ коллекцію Академіи Наукъ, изображенъ у насъ на Т. 7 № 1 и вполнѣ тождественъ съ экземплярами Эрмитажа, описанными у насъ подъ № 2.; монета, описанная подъ № 3., вѣситъ всего 92 доли, а потому едва-ли описаніе Шодуара относится къ ней. Впрочемъ, вѣсъ экземпляра Круга тоже невѣренъ у Шодуара (1 зол. 2 доли вмѣсто 1 зол. 3 доли). Экземпляръ Рейхеля, описанный имъ въ каталогѣ его коллекціи въ 9-ой части подъ рубрикой Servien подъ № 159, вѣрнѣе описанъ имъ-же въ Mémoires de la société d'archéologie et de numismatique de St. Pétersbourg. Vol. II, 1848, на стр. 243 въ статьѣ подъ заглавіемъ: Serbiens alte Münzen. Тамъ помѣщено слѣдующее описаніе:

Hs. ЬЛДДМНР — ЪИДСТОЛѢ

Sehr roh gearbeitete Vorstellung des sitzenden Regenten......

ꝶ. ✠ ИСУСЪ ХРИСТУСЪ ✠

Brustbild des Erlösers....

По довольно слабому изображенію на Т. XIII видно, что передъ надписью лиц. ст. пропущенъ въ описаніи крестъ, на об. ст. видны только буквы:

....СУСЪ ХРИСТ.....✠

Общій видъ рисунка чрезвычайно напоминаетъ монеты, описанныя нами подъ № 2. Такъ какъ вся коллекція Рейхеля пріобрѣтена покупкой для Эрмитажа послѣ смерти Рейхеля (въ 1856 г.), то навѣрно одинъ изъ экземпляровъ изображенныхъ нами на Т. 5 подъ №№ 3 и 5 и есть Рейхелевъ, хотя противъ такого предположенія говоритъ вѣсъ, показанный Рейхелемъ въ каталогѣ (1 зол. 4 доли) и надпись Лиц. ст. — именно буква Ꙙ въ словѣ Владимиръ, которой на экземплярѣ Эрмитажа нѣтъ. Съ другой стороны, оба описанія одной и той-же монеты, составленныя Рейхелемъ и рисунокъ на Т. XIII до того не сходятся между собой, что можно съ достаточной вѣроятностью предполагать, что всѣ они не точны. Въ каталогѣ круговая надпись Лиц. ст. имѣетъ еще одну лишнюю букву, противъ надписи въ Mémoires; тутъ она представлена въ слѣд. видѣ: ВЛАꙘІМИРЪ НА СТОЛѢ.

Если Рейхелю ничего не значило прибавить несуществующую букву І въ каталогѣ и выдумать половину круговой надписи Об. ст., онъ также легко могъ незамѣтить лишнюю букву Ꙙ при вторичномъ описаніи и накинуть 3 доли къ истинному вѣсу. Впрочемъ, судя по общему виду изображенія въ Mémoires, мы заключаемъ, что Рейхелевскій экземпляръ есть изображенный у насъ на Т. 5 подъ № 3. Это предположеніе подтвердилъ и А. А. Куникъ. Изобразить рисунокъ Рейхеля на нашихъ таблицахъ мы считали потому излишнимъ, что убѣждены въ его неточности. Этотъ рисунокъ впрочемъ воспроизведенъ еще три раза: 1) въ Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wappen-Kunde. Neue Folge 1859 г., на Табл. VI къ статьѣ барона Кёне: die ältesten Münzen Russland's. Описаніе монеты въ этой статьѣ очевидно составлено по рисунку.

2) въ „Гласникъ друштва Србске словесности Свезка IX у Београду 1857, на Т. II № 15. къ статьѣ Яна Шафарика: „Новацъ Србскогъ краля Владимира.“

3) въ „Opis jugoslavenskih novaca od prof. Sime Ljubića, u Zagrebu 1875.“ на Таб. I № 1: она описана въ этомъ сочиненіи на стр. 1 и 2 подъ рубрикой Bugarski novci по описаніямъ Рейхеля и барона Кёне, но авторъ самъ не знаетъ,

которому отдать предпочтеніе. 3-й экземпляръ монетъ, описанныхъ нами подъ № 2, принадлежавшій Кругу, находится теперь въ коллекціи Академіи Наукъ, куда перешла вся коллекція Круга. Она описана у Шодуара въ названномъ сочиненіи подъ № 3 и изображена у него на Т. I (II) подъ № 1. Изображеніе расходится съ описаніемъ — въ описаніи круговая надпись:

ВЛАДИМИРЪ НА СТОЛѢ

а на изображеніи:

ВЛАМНРЪ НА СТОЛЬ

какъ то, такъ и другое невѣрно. Вѣсъ монеты у Шодуара тоже невѣренъ (1 зол. 2 доли вм. 1 зол. 3 доли).

Сахаровъ въ своей Лѣтописи русской Нумизматики 1842 воспроизвелъ на Т. I рисунокъ Шодуара, но въ текстѣ на стр. 30—31 говоритъ: „монеты находятся въ собраніяхъ Эрмитажномъ и Рейхеля", хотя дальше упоминаетъ объ экземплярѣ Круга.

Чтобъ покончить съ золотыми монетами Владиміра, мы должны упомянуть объ интересномъ экземплярѣ, давно уже извѣстномъ, но пропавшемъ безъ вѣсти.

Первое извѣстіе объ этой монетѣ сообщено изъ Кіева А. Воейковымъ въ Вѣстникѣ Европы за 1816 г. (Ч. LXXXVII на стр. 316). Въ статьѣ: „О найденныхъ древнихъ Русскихъ монетахъ" читаемъ слѣдующее:

„Почтенный М. В. Могилянскій, просвѣщенный любитель и знатокъ отечест-„венныхъ древностей, доставилъ мнѣ счастье видѣть и снять рисунокъ съ двухъ „монетъ, изъ которыхъ на золотой, принадлежащей Коллежскому Ассессору Бунге, „видѣнъ на одной сторонѣ образъ Спасителя съ довольно ясными вокругъ словами: „*Іисусъ Христосъ*; на другой сторонѣ видѣнъ сидящій Владиміръ и имѣющій въ „правой рукѣ жезлъ или посохъ въ видѣ креста, а въ лѣвой свѣтильникъ, и слова „не совсѣмъ ясныя: *Владиміръ, а се его злато*".

Безобразный рисунокъ съ этой монеты приложенъ къ LXXXVIII части журнала. Мы воспроизвели его на Т. 13 № 9.

Надписи на лиц. ст. по рисунку: ВЛЭДИМІРЪ АСЕЕГОЗЛТО

на об. ІСУСЪ ХРИСТѾЪ

очевидно болѣе или менѣе вымышлены, а не строго скопированы съ монеты; особенно бросается въ глаза Э въ словѣ *Владимірѣ*.

А. А. Куникъ имѣлъ любезность сообщить намъ слѣдующія свѣденія о дальнѣйшей судьбѣ этой монеты:

„Могилянскій купилъ золотой экземпляръ Владиміра у Бунге и привезъ его „въ 1817 или 1818 году въ Петербургъ.....

„О потерѣ золотаго экземпляра я получилъ сегодня извѣстіе отъ сына Кеп„пена, Ѳ. П., котораго я попросилъ порыться въ путевыхъ замѣткахъ отца.

„П. И. Кеппенъ былъ въ Кіевѣ въ концѣ 1821 г. проѣздомъ въ Вѣну. Въ „Январѣ 1822 г. онъ занесъ въ свой журналъ слѣдующую замѣтку:

„Здѣсь въ Кіевѣ нельзя было не побывать у М. В. Могилянскаго, которому „принадлежитъ древнѣйшая изъ извѣстныхъ русскихъ монетъ. Другая, золотая мо„нета Владиміра, современная уцѣлѣвшей серебряной[1], затеряна въ Государевомъ „саду. Г. Могилянскій, показывавъ оную многимъ любителямъ, вдругъ привезъ съ „собой домой одну только обертку оной — пустую бумажку, а монета исчезла.....“

Объ утратѣ этой монеты сообщено было печатно уже въ 1822 г. въ составленномъ П. И. Кеппеномъ и изданномъ Калайдовичемъ „спискѣ русскимъ памятникамъ....“ (Москва); предисловіе къ труду помѣчено: „Кіевъ 30 Декабря 1821 г.“ Подъ №№ 1 и 2 „списка“ описаны *золото* и *серебро*, принадлежавшія Могилянскому, причемъ авторъ прибавляетъ: „но къ сожалѣнію, золотая нынѣ случайно за„теряна въ Кіевскомъ Государевомъ саду....“

О томъ же сообщилъ въ 1826 году П. Свиньинъ, хотя по ошибкѣ считаетъ ее потерянной въ 1825 г. (Обозрѣніе путешествія издателя Отечественныхъ Записокъ по Россіи, въ 1825 г., относительно археологіи, читано имъ 16 Октября 1825 г. въ Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ, учрежд. при Московск. Унив. въ Отечественныхъ Запискахъ, издав. Павломъ Свиньинымъ Ч. 27. Пет. 1826 г. стр. 244—245). Сказавъ, что на станціи Борисполь ему показывали мѣсто, гдѣ найдены двѣ серебряныя монеты съ надписью: Владиміръ на столѣ. а се его сребро, онъ говоритъ далѣе:

„Кстати присемъ замѣтить, что г. Могилянскій досталъ отъ аптекаря Бунге „золотую, подобную монету, съ надписью: на одной сторонѣ Владиміръ, а се его

1 У насъ изображена на Т. 10 № 1 въ описаніи подъ № 67.

„злато (причемъ изображеніе его), а съ другой — образъ Спасителя со словами: „Іисусъ Христосъ. Къ сожалѣнію драгоцѣнность сія утратилась *нынѣшнимъ лѣтомъ*".

Когда Могилянскій въ 1817 или 1818 г. былъ въ Петербургѣ, онъ приносилъ монету къ канцлеру Румянцову. Тутъ видѣлъ ее академикъ Кругъ, признавшій ее за несомнѣнно настоящую и опредѣлившій ея вѣсъ въ 42 аптекарскихъ грана ($57^1/_2$ *долей*)[1]. Карамзинъ тоже тогда-же видѣлъ ее (см. Исторія Россійскаго Государства 2-е изд. 1818 г. II примѣч. 56....... „я видѣлъ двѣ, безъ всякаго сомнѣнія древнія монеты или медали, золотую и серебряную, съ изображеніемъ князя Владиміра и съ подписью „князь Владиміръ на столѣ (престолѣ) своемъ"; но не знаемъ, который, Святой, Мономахъ или Владимірко Галицкій. Сіи монеты принадлежатъ одному Малороссійскому Дворянину").

О первоначальномъ происхожденіи монеты мы имѣемъ слѣдующее извѣстіе Кеппена (Списокъ Русскимъ памятникамъ.... Москва 1822 года, стр. 2.):

„Кіевская золотая монета куплена въ Кіевѣ у одного изъ бывшихъ пѣшихъ стрѣл-„ковъ, распущенныхъ въ концѣ 1796 г., а ему досталась отъ матери при разлукѣ „съ нею."

Во второй разъ изображена эта монета въ Трудахъ и Лѣтописяхъ Общества Исторіи и древностей, Москва 1827. ч. III кн. II. на особо приложенной таблицѣ (см. у насъ Т. 13 № 10.), розданной только членамъ Общества. Рисунокъ сдѣланъ по снимку, присланному Калайдовичу Могилянскимъ.

Сахаровъ въ Лѣтописи русской нумизматики воспроизвелъ очень точно этотъ рисунокъ на Т. 1 № 2. Наконецъ Шодуаръ въ Aperçu sur les monnayes russes изобразилъ тотъ-же экземпляръ на Т. I № 1, со снимка, полученнаго имъ отъ митрополита Евгенія. Вотъ, какимъ образомъ онъ описываетъ ее:

„1. ВЛАДНМНРЪ А СЕ ЄГО ЗЛТО Le grand duc assis de face couronné „d'un diadême de perles............ à sa gauche un candelabre en trident, terminé „au bas par une pointe. ℞ НСУСЬ ХРНСТСЬ Buste du Christ, de face, la tête or-„née du nimbe et adossé à la croix, tenant de la gauche le livre des Evangiles „contre la poitrine. Ci-devant chez M. le conseiller Bunge à Kiev; empreinte com-

1 Сообщено А. А. Куникомъ по рукописной замѣткѣ Круга, внесенной имъ въ свой настольный экземпляръ Zur Münzkunde Russland's.

„muniquée par S. E. le Metropolite Eugène. M. S. H. (т. е. Труды общ. исторіи и „древн.) III, 2 p. 136. Pl. 1 fig. 1.“ (у насъ на Т. 13 № 11).

Всѣ три изображенія такъ мало схожи между собой, что легко подумать, что оригиналами служили три различныя монеты. Объ этомъ вопросѣ мы скажемъ далѣе, въ главѣ о поддѣльныхъ монетахъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что экземпляръ С. В. Бодилевскаго, описанный нами подъ № 4, ничего общаго съ экземпляромъ Бунге не имѣетъ, исключая однородной круговой надписи:

ВЛ₰₰НМНР ₰СЄЄ ЗЛТО.

В. СЕРЕБРЯНЫЯ.

I ТИПЪ.

№ 5. *Лиц. ст.* Изображеніе великаго князя въ короткомъ плащѣ, подобное тому, которое находится на золотыхъ монетахъ; на головномъ уборѣ вѣроятно 8 крупныхъ бусъ (8-й, верхней не видно); на шеѣ ожерелье изъ 3-хъ мелкихъ бусъ, подъ которымъ, выше ворота одежды, кружокъ; подолъ одежды украшенъ бахромой; лѣвая рука покрыта складкой плаща; подъ ней 3 мелкія бусы; по лѣвую руку князя хоругвь навершіемъ книзу.

Круговая надпись, читающаяся справа на лѣво:

ВЛ∀НИ Нԁ ⊲ СЄЄОС

въ двойномъ ободкѣ, изъ которыхъ внутренній изображенъ въ видѣ нитки, а внѣшній изъ крупныхъ бусъ.

Об. ст. Изображеніе Спасителя съ Евангеліемъ, подобное находящемуся на золотыхъ монетахъ; края Евангелія украшены бусами; между линіями изъ бусъ, соединяющими вѣнчикъ съ головой Спасителя, три розетки изъ мелкихъ бусъ (верхняя розетка стерта, но ее можно угадать); по бокамъ головы:

І͞С Х͞С

въ такомъ же двойномъ ободкѣ, какъ надпись Лиц. ст.

1 экземпляръ находится въ коллекціи графа С. Г. Строгонова.

Вѣсъ 57 долей. Изображеніе на Т. 6 № 12.

Эта монета найдена Ю. Б. Иверсеньмъ въ 1860 г. въ маленькой коллекціи монетъ, пріобрѣтенной имъ отъ лица, отъѣзжавшаго во внутреннія губерніи (см. Розысканія о славяно-византійскихъ монетахъ Куника (стр. 8), помѣщено въ III томѣ Извѣстій Императорскаго Археологическаго Общества. Ст. Петербургъ 1861 г.). По словамъ Ю. Б. Иверсена монета была привезена изъ Кіева.

№ 6. *Лиц. ст.* Тоже изображеніе, что на Лиц. ст. предъидущей; фигура великаго князя нѣсколько длиннѣе, лицо круглѣе; кромѣ трехъ бусъ подъ лѣвой рукой, видны еще двѣ на складкѣ плаща, прикрывающей ее. Круговая надпись справа на лѣво:

ВΛΔΔΗΙΙΗΡЪ ΔСЄЄLОС

буквы выворочены основаніями наружу и окружены такимъ же двойнымъ ободкомъ, какъ надпись на предъидущемъ №.

Об. ст. Тоже изображеніе, что на Об. ст. предъидущаго №, но складки одежды Спасителя чаще, Евангеліе больше; между двумя пальцами лѣвой руки отдѣльная буса; голова меньше. Надпись и ободки подобны находящимся на Об. ст. предъидущаго №

1 экземпляръ въ коллекціи Кіевской Духовной Академіи.

Вѣсъ 79 долей. Изображеніе на Т. 12 № 1.

Монета эта пожертвована музею Академіи Кіевскимъ городовымъ Архитекторомъ В. Н. Николаевымъ.

С. В. Бодилевскій имѣлъ любезность сообщить намъ слѣдующія свѣдѣнія объ ея находкѣ: „по словамъ г. Николаева, монета эта найдена въ 1877 г. на Старомъ „Кіевѣ (въ Старокіевской части города Кіева) рабочими при окопкѣ фунтамента „въ одной изъ частныхъ усадьбъ. Тогда-же, т. е. въ 1877 г., онъ пріобрѣлъ отъ „рабочихъ найденную монету и въ слѣдующемъ 1878 г. подарилъ ее Археологи-„ческому Музею при Кіевской Духовной Академіи, гдѣ онъ, какъ и самъ археологъ, „состоитъ членомъ. По его мнѣнію пріобрѣтенная имъ *монета Святаго Владиміра „найдена была не въ единичномъ экземплярѣ*, но разыскать больше ему неудалось „вслѣдствіе очень непохвальнаго обычая рабочихъ — скрывать находимые ими клады, „несмотря на всѣ обѣщанія его въ отношеніи приличнаго вознагражденія".

№ 7. Изображенія на обѣихъ сторонахъ схожи съ изображеніями на предъидущихъ №№. На головномъ уборѣ князя, повидимому, только 6 бусъ; ожерелье изъ 5-ти мелкихъ бусъ.

Круговыя надписи:

На Лиц. ст. ✣ВΛ(Δ) ...... ΔСЄЄΓ .....,

На Об. ст. .... ОUГО (ОСЪ)

(остальныя буквы стерлись) въ такомъ-же двойномъ ободкѣ, какъ надписи на предъидущихъ №№ (часть ободка изъ бусъ сохранилась только на Об. ст. надъ головой Спасителя).

1 экземпляръ въ коллекціи Археологическаго Общества въ Москвѣ.

Вѣсъ 48 долей. Изображеніе на Т. 10 № 6.

№ 8. Изображенія, подобныя предъидущимъ; фигура великаго князя какъ-будто потоньше.

Круговыя надписи:

на Лиц. ст.: +В ... ДНМНРЪН ДСТ(О)ЛѢ
на Об. ст.: +ТС .... Ъ Х(Р)НСТ ...

въ двойномъ ободкѣ ниткой и изъ бусъ.

1 экземпляръ въ коллекціи Археологическаго Общества въ Москвѣ.

Вѣсъ 77 долей. Изображеніе на Т. 10 № 4.

Къ этой монетѣ придѣлано ушко.

№ 9. Изображенія, подобныя предъидущимъ; на головномъ уборѣ князя видно 6 бусъ; ожерелья изъ бусъ не видно, но кружокъ на шеѣ есть.

Круговыя надписи:

на Лиц. ст.: +ВЛДДНМН .... СТОЛ
на Об. ст. кажется: НСНС ...... РНС (неразборчиво).

1 экземпляръ въ коллекціи Археологическаго Общества въ Москвѣ.

Вѣсъ 81 доля. Изображеніе на Т. 10 № 5.

№ 10. Монета, подобная предъидущимъ; фигура великаго князя, кажется, больше; на головномъ уборѣ 8 бусъ; на шеѣ ожерелье, кажется, изъ 3 бусъ. Надписи неразборчивы; вѣроятно, на Лиц. ст. ВЛДДНМНРЪ НД СТОЛѢ, а на Об. ст. подобная находящейся на Об. ст. № 7.

1 экземпляръ у г. Турбина. Изображенія на Т. 10 № 7.

4 послѣднихъ экземпляра (№№ 7—10) всѣ найдены графомъ А. С. Уваровымъ при раскопкѣ кургановъ въ Быковскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи. Вмѣстѣ съ ними

найдены разныя бронзовыя серьги, стеклянный браслетъ, желѣзный шейный обручъ и одна монета Армана Рашида. Мы не можемъ ручаться за полную точность нашихъ рисунковъ, такъ какъ граверъ не имѣлъ въ рукахъ подлинныхъ экземпляровъ, а гравировалъ со снимковъ. Впрочемъ всѣ четыре экземпляра, какъ кажется, не особенно хорошо сохранились.

№ 10а. Кусочекъ монеты Владиміра I-го типа, найденный въ кладѣ, отрытомъ въ Псковской губерніи и разобранномъ Ю. Б. Иверсенымъ въ 1880 году. Весь кладъ состоялъ изъ подобныхъ кусочковъ монетъ, между которыми были опредѣлены остатки монетъ: Константина XI (976—1025), Іоанна Цимисхія (969—976), Василія и Константина (976—1025), Оттона III и Адельгейды (983—996), много монетъ Этельреда (978—1016) и ни одной Канута (1016—1035), наконецъ кусокъ монеты Болеслава Чешскаго (999—1002). Кусочекъ вѣситъ 9 долей; изображеніе его см. на Т. 12 № 2. Находится нынѣ въ коллекціи Эрмитажа.

Характеристиченъ въ монетахъ этого типа двойной ободокъ (ниткой и изъ крупныхъ бусъ), а также неправильная форма хоругви; на №№ 5 и 6 буквы въ круговыхъ надписяхъ на Лиц. ст. вывороченъ основаніями наружу (къ ободку монеты) и читаются справа на лѣво; на этихъ-же экземплярахъ на Об. ст. надпись ІС ХС, на остальныхъ полная надпись, вѣроятно, слѣдующая: ІСУ (или Н) СЪ ХРНСТОСЪ причемъ двѣ послѣднія буквы изображены поперегъ надписи. Полная надпись Лиц. ст. №№ 5, 6 и 7:

ВЛАДНМНРЪ А (Є) СЄЄГОС (РЄБРО)

на остальныхъ

ВЛАДНМНРЪ НА СТОЛѢ.

Вѣсъ самаго тяжелаго экземпляра — 81 доля (№ 9.), а самого легкаго — 48 долей (№ 7); средній изъ 5-ти экземпляровъ — 68 долей; замѣтимъ, что мы не имѣемъ ни одного безупречнаго экземпляра монетъ этого типа — у №№ 5 и 6 недостаетъ по кусочку, № 7 — очень плохой сохранности, а къ № 8 придѣлано ушко.

II ТИПЪ.

№ 11. *Лиц. ст.* Изображенiе великаго князя впрямь во весь ростъ, сидящаго на престолѣ, отъ котораго по обѣимъ сторонамъ великаго князя видны круглыя ручки; на головѣ шапка усѣянная бусами; отъ шапки, по обѣимъ сторонамъ лица, ниспадаютъ два снурка изъ мелкихъ бусъ. Вокругъ головы вѣнчикъ изъ болѣе крупныхъ бусъ. Въ правой рукѣ длинный жезлъ, стоящiй прямо; на верхнемъ концѣ его небольшой равноконечный крестъ; на концахъ креста 4 бусы. Лѣвая рука покоится на груди; надъ рукой, на груди отдѣльная буса; одежда и поясъ, которымъ великiй князь опоясанъ, усыпаны бусами. Круговая надпись въ двойномъ ободкѣ изъ бусъ:

ВꙘА Н Н МРꙘСРЛ ✢ (Т. 1а № 1).

Об. ст. Изображенiе хоругви о двухъ откосахъ. Круговая надпись въ двойномъ ободкѣ изъ бусъ:

Ꙙ С ЄЄГ Ꙙ СР ✢ ВР (Т. 2а № 1).

1 экземпляръ находится въ нашей коллекцiи.

Вѣсъ 69 долей. Изображенiе на ТТ. 1 и 2 № 1.

Изъ клада, найденнаго близъ Нѣжина въ Маѣ 1852 г.

№ 12. Подобная предъидущей. Лѣвая рука великаго князя покоится на груди выше; навершiе хоругви иной формы. Надписи сильно потерты.

Плохой экземпляръ въ коллекцiи А. В. Брыксна въ Москвѣ.

Вѣсъ 72 доли. Изображенiе на Т. 10 № 8.

Изъ Нѣжинскаго клада. Наше изображенiе гравировано не съ оригинала, а со снимка.

№ 13. Подобная предъидущимъ; вѣнчикъ вокругъ головы великаго князя ближе прилегаетъ къ ней. Надписи потерты.

1 экземпляръ въ коллекцiи Университета Св. Владимiра.

Вѣсъ 89 долей. Изображенiе на Т. 8 № 7. Нѣжинскiй кладъ.

Описана и изображена у Волошинскаго (Описаніе древнихъ русскихъ монетъ.... въ Трудахъ Коммисіи для описанія губерній Кіевскаго учебнаго округа. Кіевъ, 1853) подъ № 18.

№ 14. Подобная предъидущей; изъ надписей уцѣлѣло:

На Лиц. ст. ......ᴴМРᐊСРΛ,

На Об. ст. ....ЄСΓ ᐊС......

1 экземпляръ въ коллекціи Университета Св. Владиміра.

Вѣсъ 68 долей. Изображеніе на Т. 8 № 6. Нѣжинскій кладъ.

Описана и изображена у Волошинскаго подъ № 17. У этой монеты недостаетъ значительнаго куска.

№ 15. Подобная предъидущимъ, но болѣе грубой работы. Буквы въ надписяхъ искажены (ТТ. 1а и 2а № 2).

1 экземпляръ въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 81 доля. Изображеніе на ТТ. 1 и 2 № 2. Нѣжинскій кладъ.

№ 16. Подобная предъидущимъ, грубой работы; изображеніе хоругви на Об. ст. меньше. Въ круговой надписи Лиц. ст. буква A имѣетъ форму Λ, буква M форму T; надпись Об. ст.: (ᐊС)ССΓ ᐅСР ✣ БРО

1 экземпляръ въ коллекціи Румянцовскаго Музея въ Москвѣ.

Вѣсъ 61 доля. Изображеніе на Т. 10 № 2.

№ 17. Подобная предъидущей, но еще болѣе грубой работы; поясъ на великомъ князѣ шире и бусы на немъ расположены по краямъ и 6 паралельными другъ другу рядами, соединяющими края; вѣнчикъ вокругъ головы не составленъ изъ бусъ, а изображенъ ниткой; крестъ на жезлѣ больше и грубой работы. Надпись на Лиц. ст. читается справа на лѣво; уцѣлѣли только буквы: М (?) РᐊС; на Об. ст. видна буква ᐊ и нѣсколько буквъ, значеніе которыхъ опредѣлить трудно вслѣдствіе совершеннаго искаженія ихъ первоначальной формы. Ободковъ не видно.

1 экземпляръ въ коллекціи графа С. Г. Строгонова.

Вѣсъ 63 доли. Изображеніе на Т. 6 № 3.

№ 18. Подобная предъидущимъ, грубой работы. Одежда великаго князя усыпана бусами, поясъ узкій, вѣнчикъ изъ бусъ; круговыя надписи окружены двойнымъ ободкомъ изъ бусъ (ТТ. 1а и 2а №° 3); буквы въ нихъ искажены.

1 экземпляръ въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 60 долей. Изображеніе на ТТ. 1 и 2 №° 3. Нѣжинскій кладъ.

№ 19. Подобная предъидущимъ, грубой работы. Несмотря на дурную сохранность, видно, что монета чеканена двойнымъ ударомъ (double frappe).

1 экземпляръ въ коллекціи Эрмитажа.

Вѣсъ 54 доли. Изображеніе на Т. 11 №° 1. Нѣжинскій кладъ.

№ 20. Подобная №°№° 11—14; надъ лѣвой рукой бусы нѣтъ; платье не унизано рядами бусъ, но на великомъ князѣ широкій поясъ съ двумя рядами бусъ, раздѣленными линіей. Надписи:

Лиц. ст.: Б◁......◁СРΛ ✢
Об. ст.: СТСС (вм. ЄЄ) Г ◁СР БРТО

въ двойномъ ободкѣ изъ бусъ.

1 экземпляръ въ коллекціи Университета Св. Владиміра.

Вѣсъ 62 доли. Изображеніе на Т. 8 №° 4. Нѣжинскій кладъ.

Описана и изображена у Волошинскаго подъ №° 14.

№ 21. Подобная предъидущей, но съ бусой надъ лѣвой рукой. Надписи:

Лиц. ст.: ....МР◁ЄЬ (послѣдняя буква — (Р) перевернута и обращена основаніемъ къ ободку).

Об. ст.: СТЄЄГ ◁..БРТО

1 экземпляръ въ коллекціи графа С. Г. Строгонова.

Вѣсъ 71 доля. Изображеніе на Т. 6 №° 1. Нѣжинскій кладъ.

№ 22. Подобная предъидущей, но безъ бусы надъ рукой. Надписи:

Лиц. ст.: ◁ А Н МР◁ЄР...., при чемъ буква А имѣетъ форму Λ, а М—форму Т.

Об. ст.: (С)ТЄЄГ ◁(?)ЄРБРТО

1 экземпляръ въ коллекціи Университета Св. Владиміра.

Вѣсъ 74 доли. Изображеніе на Т. 8 № 5. Нѣжинскій кладъ.

Изображена и описана у Волошинскаго подъ № 15. Повидимому экземпляръ, изображенный на Т. 10 № 11, находящійся въ коллекціи И. М. Остроглазова и происходящій тоже изъ Нѣжинскаго клада, вполнѣ тождественъ съ вышеописаннымъ. Не утверждаемъ этого положительно, такъ какъ мы не имѣли экземпляра г-на Остроглазова въ рукахъ, а судимъ по снимку съ него.

№ 23. Подобная предъидущей; буса надъ лѣвой рукой великаго князя; надписи:

Лиц. ст.: ....Н МР⊲ЄР∧ (Т. 1а № 5) М имѣетъ форму Т, ∧ — форму А

Об. ст.: СТЄЄГСР.....О (Т. 2а № 5).

1 экземпляръ въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 67 долей. Изображеніе на ТТ. 1 и 2 № 5. Нѣжинскій кладъ.

№ 24. Подобная предъидущей, но грубой работы. Повидимому, круговыя надписи совершенно тѣже, что на предъидущей.

1 экземпляръ (плохой) въ коллекціи Эрмитажа.

Вѣсъ 51 доля. Изображеніе на Т. 11 № 2. Нѣжинскій кладъ.

№ 25. Подобная предъидущимъ; бусы, изъ которыхъ составлены нитки по обѣ стороны лица, крупнѣе, бусы надъ лѣвой рукой не видно; надписи:

Лиц. ст.: ......Н МР⊲ЄРА буква М имѣетъ форму Т

Об. ст.: СТЄЄГ ⊲СР......ТО

1 экземпляръ въ коллекціи графа С. Г. Строгонова.

Вѣсъ 68 долей. Изображеніе на Т. 6 № 2. Нѣжинскій кладъ.

№ 26. Подобная предъидущей; на шеѣ у великаго князя — двѣ крупныя бусы; надписи:

Лиц. ст. ...... ᴴ ᴴ МР◁СРΛ М имѣетъ форму Т

На Об. ст., какъ на предъидущей.

1 экземпляръ въ коллекціи Университета Св. Владиміра.

Вѣсъ 60 долей. Изображеніе на Т. 8 № 3. Нѣжинскій кладъ. У Волошинскаго подъ № 13.

№ 27. Подобная предъидущимъ; но фигура великаго князя меньше, навершіе хоругви соединено съ древкомъ; надписи:

Лиц. ст. ......МР◁СРΛ (Т. 1а № 6).

Об. ст. ЄСЄГ ОС...... (Т. 2а № 6).

Чеканена двойнымъ ударомъ.

1 экземпляръ въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 53 доли. Изображеніе на ТТ. 1 и 2 № 6. Нѣжинскій кладъ.

№ 28. Подобная предъидущимъ; правая рука, держащая крестъ, едва обозначена; надписи:

Лиц. ст. .◁А ᴴ .....◁СРΛ

Об. ст. (◁).ЄЄ....РЄ (или С) ....

2 экземпляра въ коллекціи Эрмитажа.

Вѣсъ 1-го — 65 долей, а 2-го — 72 доли. Первый изъ нихъ (лучшій) изображенный на Т. 5 № 6, входилъ въ составъ коллекціи Я. Я. Рейхеля, и въ 1856 г. уступленъ вмѣстѣ съ нею Эрмитажу.

Оба изъ Нѣжинскаго клада. Экземпляръ, находящійся въ коллекціи О. И. Горнунга въ Москвѣ, кажется намъ чеканеннымъ тѣми-же штемпелями, какъ и описанные выше (судимъ по снимку). Онъ изображенъ на Т. 10 № 12.

№ 29. Подобная предъидущимъ, но болѣе грубой работы.

1 экземпляръ въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 52 доли. Изображеніе на ТТ. 1 и 2 № 7. Нѣжинскій кладъ.

№ 30. Подобная предъидущимъ, но туловище великаго князя короче, голова шире; бусы на груди — у самой шеи.

2 экземпляра, изъ которыхъ 1-й у А. А. Куника, а 2-й въ коллекціи Эрмитажа (очень плохой сохранности).

Вѣсъ 1-го — 78 долей, 2-го — 69 долей. 1-й экземпляръ изображенъ на Т. 7 N° 3. Оба изъ Нѣжинскаго клада.

№ 31. Подобная предъидущей, но лучшей работы; на великомъ князѣ поясъ съ однимъ рядомъ бусъ; одежда украшена многочисленными бусами, расположенными рядами; ногъ не видно, также какъ и ручекъ отъ сѣдалища; голова маленькая. Надписи:

Лиц. ст. В⊲АНН МР⊲СР∧ ✢ (Т. 1а N° 4) буква А имѣетъ форму ∧, буквы НН одинаковой величины съ остальными и находятся обѣ по правую сторону головы великаго князя.

Об. ст.: ⊲ ЄЄЄП⊲СР ✢ ВРО (Т. 2а N° 4).

6 экземпляровъ, чеканенныхъ одними и тѣми же штемпелями; изъ нихъ: одинъ въ нашей коллекціи. Вѣсъ 53 доли. Изображеніе на ТТ. 1 и 2 N° 4. Одинъ въ коллекціи Университета Св. Владиміра. Вѣсъ 63 доли. Изображеніе на Т. 8 N° 2. Этотъ экземпляръ чеканенъ двойнымъ ударомъ; поэтому надписи и изображенія вышли отчасти вдвойнѣ. Четыре экземпляра въ коллекціи Эрмитажа. Вѣсъ: 57, 57, 39 и 39 долей. 1-й въ 57 долей изображенъ на Т. 5 N° 7. Всѣ 6 экземпляровъ изъ Нѣжинскаго клада; у Волошинскаго подъ N° 12.

№ 32. Подобная описаннымъ подъ предъидущимъ N°; надъ лѣвой рукой буса; надписи совершенно тѣже, что на монетахъ предъидущаго N°, но буквы на Об. ст. расположены относительно хоругви нѣсколько иначе (буква ⊲ съ боку праваго откоса, а не подъ нимъ).

1 экземпляръ въ коллекціи Университета Св. Владиміра.

Вѣсъ 58 долей. Изображеніе на Т. 8 N° 1. Нѣжинскій кладъ. У Волошинскаго подъ N° 11.

№ 33. Подобная описаннымъ подъ N° 31; фигура князя нѣсколько шире въ плечахъ. Надписи тѣже.

1 экземпляръ у А. А. Куника.

Вѣсъ 64 доли. Изображеніе на Т. 7 N° 2.

Объ этой монетѣ академикъ А. А. Куникъ въ 1861 г. сообщилъ слѣдующее извѣстіе (III томъ Извѣстій Императорскаго Археологическаго Общества. Розысканія о Славяно-Византійскихъ монетахъ: 2 извѣстіе о найденномъ въ Польшѣ Владиміровомъ сребрѣ). „Извѣстный польскій нумизматъ Стрончинскій сообщилъ мнѣ „(въ письмѣ отъ 10 мая 1861 г.), что онъ имѣетъ древне-русскую монету, найденную близъ Ленчицы (Łęczyca) вмѣстѣ съ монетами X и XI столѣтій ..... „Въ письмѣ отъ 27 мая, г. Стрончинскій сообщилъ мнѣ, по моей просьбѣ, болѣе „подробныя извѣстія объ этомъ кладѣ....... это Владимірово сребро всего ближе „подходитъ къ № 11, изображенному въ сочиненіи г. Волошинскаго......, какъ „видно по рисунку, полученному мною отъ г. Стрончинскаго. ....Вотъ нѣсколько выписокъ изъ втораго письма г. Стрончинскаго: „Издавая мое сочиненіе „о деньгахъ Пястовъ (1847), я еще не имѣлъ никакого свѣдѣнія о монетѣ, рисунокъ которой я при семъ прилагаю. Она найдена въ кладѣ, вырытомъ подъ Ленчицой. Когда именно этотъ кладъ открытъ, съ точностью опредѣлить не могу. „Вѣрно только то (to tylko pewno), что это было не задолго до изданія моего сочиненія или вскорѣ послѣ того. Этотъ кладъ исключительно состоялъ изъ монетъ „иностранной чеканки, по большей части, какъ обыкновенно бываетъ, изъ нѣмецкихъ, гораздо менѣе изъ англо-саксонскихъ, и всего менѣе изъ чешскихъ и венгерскихъ пѣнязей. Я видѣлъ около 200 штукъ, выпутыхъ изъ этого клада, между „которыми нашелся и мой экземпляръ, но ни одной польской монеты".

„Клады, зарытые у насъ въ XI и XII вѣкахъ, состоятъ преимущественно изъ „монетъ западно-европейскихъ, клады же X вѣка содержатъ въ себѣ чисто восточ„ныя монеты. Въ томъ самомъ краѣ, гдѣ найдено мое русское „сребро", открытъ, „нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и кладъ, состоящій изъ однихъ куфическихъ „монетъ".

№ 34. Подобная предъидущимъ, но грубой работы; надписи неясны.

1 экземпляръ (плохой) въ коллекціи Эрмитажа.

Вѣсъ 46 долей. Изображеніе на Т. 11 № 4. Нѣжинскій кладъ.

№ 35. Подобная предъидущимъ, грубой работы. Надписи:

Лиц. ст. ВРΔ Н М(Р)ЧСРΛ; буква Д имѣетъ форму равнобедреннаго треугольника; въ концѣ надписи четыре бусы, расположенныя крестообразно.

Об. ст. ⊳ ϹЄЄ....... ⁖ Ƃ буква ⊲ сливается основанiемъ съ верхомъ лѣваго откоса, а передней частью — съ навершiемъ; буква С — основанiемъ съ верхней частью праваго откоса; передъ буквой Ƃ крестъ замѣненъ 4-мя бусами.

2 экземпляра въ нашей коллекцiи.

Вѣсъ 66 и 39 долей. Изображенiе на ТТ. 1 и 2 №№ 8 и 10. Нѣжинскiй кладъ.

№ 36. Подобная описаннымъ подъ предъидущимъ №. Надписи:

Лиц. ст. ⊳ᑫ.....ᑫ⊲CPΛ (Т. 1а № 9).

Об. ст. ......ᑫР ✢ РЯ (Т. 2а № 9).

буква Ƃ изображена въ обратномъ видѣ; буква Р имѣетъ форму греческаго ρ.

2 экземпляра, изъ которыхъ одинъ въ нашей коллекцiи.

Вѣсъ 57 долей. Изображенiе на ТТ. 1 и 2 № 9. Второй въ коллекцiи Эрмитажа. Нѣжинскiй кладъ.

Въ коллекцiи Университета Св. Владимiра находится экземпляръ, очень похожiй на описанные (у Волошинскаго подъ № 20), вѣсящiй 47 долей, но по дурной сохранности этого экземпляра, мы не рѣшаемся утверждать, что монета чеканена тѣми-же штемпелями.

№ 37. Подобная описаннымъ въ предъидущемъ №. Надпись на Об. ст. повидимому читается справа на лѣво (сохранились только 3 послѣднихъ буквы — ƂРО).

1 экземпляръ въ коллекцiи Эрмитажа.

Вѣсъ 60 долей. Изображенiе на Т. 11 № 5. Нѣжинскiй кладъ.

№ 38. Подобная предъидущимъ. Надписи:

Лиц. ст. ....Р⊲СР(Λ)

Об. ст. ⊲ СЄЄГ... РС...

1 экземпляръ въ нашей коллекцiи.

Вѣсъ 68 долей. Изображенiе на ТТ. 1 и 2 № 11. Нѣжинскiй кладъ.

Этотъ экземпляръ замѣчателенъ тѣмъ, что чеканенъ на монетѣ нашего I-го типа; вслѣдствіе этого, изображенія на обѣихъ сторонахъ вышли неясно, буквы или совсѣмъ не вышли, или перепутались съ буквами первоначальнаго чекана; тѣмъ не менѣе, не можетъ быть сомнѣнія, что нижній — первоначальный чеканъ принадлежитъ монетѣ нашего I-го типа, а верхній — послѣдующій — монетѣ описываемаго (II-го) типа; въ особенности ясно видна Лиц. ст. монеты I-го типа подъ Об. ст. II-го типа; въ этомъ каждый легко можетъ убѣдиться, повернувъ нашу 2 таблицу такимъ образомъ, чтобъ № 8 приходился подъ № 11, а № 16 — надъ нимъ; тогда видно будетъ изображеніе великаго князя, хоругви по лѣвую руку его и часть круговой надписи — БΛ⊲ΔН(М).......

Изображеніе Спасителя подъ Лиц. ст. нашей монеты видно менѣе ясно, хотя подъ позднѣйшей круговой надписью можно еще отличить: НС ХС. Такимъ образомъ, монета I-го типа, на которой чеканенъ нашъ экземпляръ, не похожа вполнѣ ни на одну изъ описанныхъ нами подъ №№ 5—10. По надписи на Лиц. ст. она скорѣе походитъ на №№ 7—10, а по надписи на Об. ст. — на №№ 5—6.

№ 39. Подобная предъидущимъ, но головной уборъ великаго князя не усыпанъ бусами и обозначенъ просто чертой; по обѣ стороны лица такія-же черты вмѣсто снурковъ изъ бусъ. Надъ лѣвой рукой буса; надписи:

Лиц. ст. .....Λ Н Н МР⊲СРΛ; буква М похожа на Т; Р и Λ перевернуты основаніями къ ободку.

Об. ст. СТЄЄГ ⊲СР БР(Т)О (безъ ✚ передъ Б).

2 экземпляра, изъ которыхъ одинъ въ коллекціи графа С. Г. Строгонова.

Вѣсъ 72 доли. Изображеніе на Т. 6 № 4. Второй въ коллекціи Университета Св. Владиміра.

Вѣсъ 63 доли. Нѣжинскій кладъ. У Волошинскаго подъ № 16.

№ 40. Подобная предъидущимъ. Надписи стерлись; видно только по правую сторону головы великаго князя V вмѣсто Н.

1 экземпляръ въ коллекціи Эрмитажа.

Вѣсъ 54 доли. Изображеніе на Т. 5 № 8.

Объ этомъ экземплярѣ А. А. Куникъ имѣлъ любезность сообщить намъ слѣдующія свѣдѣнія: „Открытъ мною въ маленькой коллекціи греческихъ и другихъ „монетъ, принадлежавшей помѣщику Екатеринославской губ. Александру Николае„вичу Полю; по моей просьбѣ уступленъ просвѣщеннымъ любителемъ старины „въ 1870 г. Императорскому Эрмитажу. Гдѣ найденъ — неизвѣстно". „Меня очень „интересовало пріобрѣсти этотъ экземпляръ, несмотря на его плохую сохранность, „вслѣдствіе того, что у меня было основаніе предполагать, что онъ не происходилъ „изъ Нѣжинскаго клада". (?)

№ 41. Подобная предъидущимъ, но на груди, надъ лѣвой рукой, вмѣсто бусы крестъ, составленный изъ двухъ черточекъ съ 4-мя бусами на концахъ. Надписи неразборчивы: буквы искажены. (ТТ. 1а и 2а № 12).

1 экземпляръ въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 68 долей. Изображеніе на ТТ. 1 и 2 № 12. Нѣжинскій кладъ.

№ 42. Изображенія подобныя находящимся на предъидущихъ. На Об. ст. круговой надписи совсѣмъ нѣтъ, разстояніе между двумя ободками изъ бусъ больше, чѣмъ на предъидущихъ; на Лиц. ст. только 5 буквъ по лѣвую руку великаго князя: Р⊲СРΛ (Т. 1а № 13). Очень грубой работы.

2 экземпляра, изъ которыхъ одинъ въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 57 долей. Изображеніе на ТТ. 1 и 2 № 13. Второй — въ коллекціи Университета Св. Владиміра. Вѣсъ 55 долей.

Оба экземпляра вполнѣ тождественны и прекрасной сохранности, оба изъ Нѣжинскаго клада. У Волошинскаго подъ № 19.

№ 43. Подобная предъидущей, но надписи нѣтъ на Лиц. ст., а на Об. ст. буквы совершенно искажены.

1 экземпляръ въ коллекціи Эрмитажа.

Вѣсъ 76 долей. Изображеніе на Т. 11 № 6. Нѣжинскій кладъ.

№ 44. Подобная предъидущимъ, грубой работы. Надпись на Лиц. ст.: ....Н⊲СРΛ; на Об. ст. неразборчива.

1 экземпляръ въ коллекціи Эрмитажа.

Вѣсъ 66 долей. Изображеніе на Т. 11 № 3. Нѣжинскій кладъ.

Въ коллекціи Эрмитажа находится еще 1 экземпляръ этого типа, но настолько дурно сохранившійся, что на немъ трудно разобрать что либо. (Вѣсъ 60 долей; изъ Нѣжинскаго клада).

Кромѣ описанныхъ нами монетъ, намъ извѣстны, по описаніямъ и изображеніямъ, еще двѣ, этого же типа:

1. Экземпляръ, найденный въ кладѣ, отрытомъ въ 1858 г. близъ города Шваана (Schwaan) въ Мекленбургъ-Шверинѣ. Этотъ кладъ описанъ Лишемъ и Машемъ въ Запискахъ Мекленбургскаго Историко-Археологическаго Общества, Ч. XXVI, 1861 г. Къ описанію приложена таблица, на которой изображена интересующая насъ монета; мы предлагаемъ вѣрнѣйшую копію съ этого изображенія на Т. 12 № 3. (Ту же статью съ таблицей, см. въ Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wappen-Kunde, Neue Folge I, 5, 1861, издававшемся бар. Кёне). Въ III-мъ томѣ Извѣстій Императорскаго Археологическаго Общества 1861 года Академикъ Куникъ сообщилъ важнѣйшія для насъ свѣдѣнія объ этой находкѣ, а потому позволяемъ себѣ привести извлеченіе изъ его сообщенія:

„Въ двухъ миляхъ къ югу отъ Ростока лежитъ при рѣкѣ Варновѣ городокъ „Швaанъ, называемый въ древнихъ актахъ Sivan (Живанъ?). По близости находятся „остатки славянскаго городища, гдѣ въ 1160 году палъ послѣдній языческій князь „Оботритовъ Никлотъ. 18 Октября 1858 г. въ окрестностяхъ Шваана были найдены „въ горшкѣ, обработанномъ и украшенномъ въ чисто вендскомъ вкусѣ, до 1500 монетъ и съ ними обручъ (браслетъ). Горшокъ и обручъ, по свидѣтельству Лиша, „относятся къ языческому времени, которое въ Мекленбургѣ кончается 1160 годомъ. „Обручъ совершенно тождественъ съ другимъ, найденнымъ въ фальзескомъ кладѣ „(относящемся къ эпохѣ около 990 года), такъ что, по мнѣнію Лиша, оба должны „быть работы одного и того же ковача“.

„Подлинность клада положительно дознана, и онъ въ цѣлости перешелъ въ „герцогскій музей въ Шверинѣ. Большее число монетъ состоитъ изъ такъ называемыхъ вендскихъ пенязей (Wendenpfennige съ именами: Bernhardus dux, Otto et „Adelheid, Ethelred). Монеты нѣмецкаго императора Генриха II (1002—1024) находятся въ немъ въ значительномъ количествѣ, тогда какъ монетъ императора „Конрада Салійскаго (1024—1039) въ немъ вовсе не оказывалось. Встрѣчаются „также въ этомъ кладѣ епископскія монеты времени Генриха II, равно какъ и „аугсбургская монета періода отъ 1006—1029 гг., и монета лотарингскаго герцога „Теодориха, чеканенная до 1026 г. Къ тому же періоду времени относятся монеты „скандинавскія и англо-саксонскія. Есть въ этомъ кладѣ и чешскія монеты съ над-

„писью: „Praga“ изъ X и начала XI столѣтій. Позднѣйшія изъ нихъ принадлежатъ „князьямъ Яроміру (1004—1012) и Ульриху (1012—1037). Монетъ болѣе отдаленныхъ странъ не много и онѣ принадлежатъ X вѣку, какъ напр. извѣстный араб„скій диргемъ халифа Мотаки Лилляха (941—944), чеканенный въ Басрѣ, византій„ская монета императоровъ Константина Багрянороднаго и Романа II (948—959). „По образцу византійскому чеканена грузинская монета, встрѣчающаяся также въ „кладѣ и бывшая до того совершенно неизвѣстною. По единогласному отзыву трехъ „знатоковъ грузинской нумизматики (М. И. Броссе, И. А. Бартоломея и В. Лан„глуа), она не можетъ быть приписана ни Давиду I († 881 г.), ни другому Давиду, „умершему въ 966 г., но должна быть приписана Давиду Куропалату, который умеръ „въ 1001 г. и, такимъ образомъ былъ современникомъ Владиміра Великаго....“

„Изъ всѣхъ этихъ данныхъ и особенно изъ того обстоятельства, что въ Швaан„скомъ кладѣ не встрѣчается монетъ ни императора Конрада II, ни современныхъ „ему епископовъ, Лишъ заключаетъ, что кладъ былъ зарытъ около 1030 года. Я „съ намѣреніемъ соблюдалъ въ своей перепискѣ съ нимъ тонъ скептика, но онъ „въ одномъ письмѣ пишетъ мнѣ: *шваанскій кладъ не можетъ быть позднѣе 1030 г., „или же должна рушиться нумизматика, какъ она до сего времени выработалась.* „(Курсивъ въ подлинникѣ)........................“

„Замѣчу еще, что я доставилъ г. Лишу экземпляръ сочиненія Волошинскаго „о монетахъ Нѣжинскаго клада. По сравненіи Шваанскаго экземпляра оказалось, „что онъ болѣе всего подходитъ къ № 14 (№ 20 нашего описанія), менѣе къ „№№ 17 и 18 (у насъ №№ 13 и 14), которыя г. Волошинскій безъ достаточ„ной причины хотѣлъ принять за Ярославле сребро.....“

Въ статьѣ Лиша монета описана слѣдующимъ образомъ:

„96) Grossfürst Wladimir Swjätoslawitsch d. H. 981—1015.

Hs. Б(Λ)A·|··ЄРА

„Eine menschliche Figur, sitzend oder Kniestück, mit einer Krone auf dem „Haupte und mit einem aus Perlen gebildeten Heiligenscheine um das Haupt, mit „der rechten Hand einen Kreuzstab haltend, die linke Hand auf die Brust legend, „welche am Halse mit ·:· verziert ist. Kopf und Oberleib sind sehr gross und gehen „bis an den Rand der Münze. Unten sind Andeutungen von den Knieen oder Füssen „und zu den Seiten der Hüften characteristische Verzierungen von zwei Ringeln ∘∘, „welche wohl die Lehnen eines Sessels andeuten sollen, so dass die Figur sitzend

„dargestellt sein soll. Die Umschrift beginnt unten links unter der rechten Hand und „geht rechts hin weiter bis gegen den linken Ellbogen

℞. ··ЄЄГ | ᐊСР | ЕР·

„in drei Absätzen, oben rechts anfangend, so dass ᐊСР unten von den übrigen Buch-„staben auf beiden Seiten getrennt stehen. Im Felde eine Figur, welche Einige für „einen Kirchenleuchter (?) ausgegeben haben, Köhne aber für die rohe Gestalt eines „Vogels mit ausgebreiteten Flügeln erklärt".

„Die Münze ist nicht ganz vollständig, da links neben dem Kopfe der Figur „auf der Hs. ein Stück, etwa $1/5$ oder $1/6$, mit einem Theile der Umschrift fehlt".

Вѣсъ монеты не обозначенъ. Замѣтимъ отъ себя, что по 4-мъ бусамъ на груди князя она подходитъ къ монетѣ, описанной нами подъ № 41. Объ остальномъ судить не беремся, такъ какъ не довѣряемъ вполнѣ точности изображенія.

2. Въ соч. Сонцова: Нумизматическія изслѣдованія Славянскихъ монетъ, Часть первая, Москва 1865 г. на Т. XV находится очень неудачное литографированное изображеніе монеты II-го типа, а на стр. 25 еще менѣе удачное описаніе ея.

Приводимъ его цѣликомъ, считая лишнимъ опровергать доводы, изложенные въ немъ: оно можетъ служить хорошимъ примѣромъ того, насколько вредны въ археологическихъ изслѣдованіяхъ предвзятыя убѣжденія.

„Передъ нами монета Св. Владиміра: съ одной стороны съ надписью «Λ РУСИ» „(вм. Λ..РᐊСР), а съ другой «Е ОΛ ССⷨ РСИ» (вм. ✠ Е.О..СЄГ ᐊСР) — я читаю „на оборотной сторонѣ: Володиміра, или Володиміръ всея Руси". Нѣкоторые же „нумизматы читаютъ: ΛСЄЄГО СРЄБРО; но они забываютъ благочестивый обычай „чеканщиковъ древней Руси — начинать надпись отъ креста, который обыкновенно „выковывался на монетахъ. Съ такимъ характеромъ подписей — всѣ наши Древне-„Русскія монеты. Такова и Об. ст. монеты Владиміра, гдѣ подпись *Владиміръ* — „начинается отъ выбитаго креста; такимъ же образомъ букву Е можно будетъ вклю-„чить въ надпись СРЄБРО, хотя эта буква дѣйствительно, на монетахъ князей „Кіевскихъ, часто замѣняетъ Б? Слѣдовательно (?), буква Е, послѣ креста, безъ „всякаго сомнѣнія означаетъ слово *Владиміръ;* и выходитъ полная надпись Об. ст.: „*Владиміръ всея Руси*, а на Лиц. ст. — можетъ быть было выбито: *Господарь* „*всея Руси*........"

Монеты этого типа описаны у Волошинскаго подъ №№ 11—20 и составляютъ по его классификаціи III классъ.

Онъ приписываетъ ихъ великому князю Ярославу Владиміровичу.

Вотъ, что онъ говоритъ по этому поводу:

„Надписи на Лиц. ст. читаемъ: *Ярасрллав* (МР◁СРΛΛ◁В), полагая, что „слогъ *вал,* по ошибочному переставленію буквъ, начертанъ вмѣсто — *лав.* Значеніе „знаковъ: IIII и II II или Н Н въ надписяхъ для насъ кажется въ семъ случаѣ загадочнымъ; по крайней мѣрѣ, они, вѣроятно не составляютъ здѣсь продолженія „круговой надписи, ибо тогда мы не встрѣчали бы ихъ столь отдѣленными отъ сей „надписи, какъ напр. въ №№ 13—18 (у насъ изображено на Т. 8 №№ 3—7), гдѣ „они похожи болѣе на буквы, извѣстныя въ нумизматикѣ подъ названіемъ litterae „solitariae, чѣмъ на буквы, входящія въ составъ легенды“.

Итакъ г. Волошинскій предполагаетъ, что надпись

Н МР◁СРΛВ◁Λ Н ошибочно начертана вмѣсто ѦР◁С(РΛ)Λ◁В ;

въ этомъ, предлагаемомъ имъ, способѣ чтенія съ перваго взгляда бросаются въ глаза слѣдующія натяжки:

во 1-хъ, г. Волошинскій вполнѣ произвольно читаетъ круговую надпись, начиная слѣва отъ головы великаго князя;

во 2-хъ, принимаетъ первую букву слѣва отъ головы за Ѧ или Ꙗ, хотя она вездѣ имѣетъ форму или М или Т и ни на одномъ экземплярѣ общаго съ буквами Ѧ или Ꙗ не имѣетъ, въ чемъ каждый легко самъ можетъ убѣдиться, просмотрѣвши наши таблицы;

въ 3-хъ, оставляетъ безъ объясненія буквы Н Н

и въ 4-хъ, переставляетъ произвольно три буквы В◁Λ, принимая конечную букву за Λ, что требуетъ еще доказательства, такъ какъ эта буква встрѣчается почти одинаково часто и въ формѣ Λ, и въ формѣ А.

Но даже допустивъ всѣ предположенія г. Волошинскаго, всетаки получимъ довольно странное правописаніе имени Ярослава — ѦР◁СРΛΛ◁В; оказывается, что изъ 11 буквъ, составляющихъ круговую надпись, 4 совершенно лишни (Н, Н, Р и Λ), а изъ остальныхъ 7-ми — одна имѣетъ фантастическую форму (Ѧ), одна ошибочно поставлена вмѣсто другой (◁ вм. О Яр◁славъ) и три переставлены (В◁Λ)! Повтореніе буквы Λ г. Волошинскій объясняетъ тѣмъ, что оно замѣняетъ нашъ переносный знакъ (-); на иныхъ экземплярахъ, по его словамъ, вмѣсто повторенія буквы употребляется крестикъ, или то и другое вмѣстѣ (см. напр. наши №№ 11

и 20); натяжка очевидна: въ круговой надписи переносить нечего: буква Λ скорѣе могла быть повторена просто по ошибкѣ; что касается крестика, то онъ могъ быть поставленъ или просто, какъ украшеніе, или для обозначенія конца надписи, или же взамѣнъ какой нибудь буквы.

Впрочемъ долгъ справедливости требуетъ сказать, что, предлагая свой способъ чтенія, г. Волошинскій такъ ясно и систематично разобралъ надпись, что, вмѣсто того, чтобъ затемнить вопросъ, онъ облегчилъ задачу послѣдующихъ изслѣдователей, которые, какъ мы, могли бы не быть согласны съ нимъ; кромѣ того, онъ выдаетъ свое объясненіе не болѣе, какъ за гипотезу, требующую еще дальнѣйшихъ доказательствъ.

Предлагаемый нами способъ чтенія кажется намъ единственнымъ возможнымъ.

На монетахъ всѣхъ другихъ типовъ надпись начинается снизу направо отъ фигуры князя [1]; начиная, по аналогіи, точно такъ-же чтеніе надписи на монетахъ II-го типа, мы получимъ на болѣе совершенныхъ экземплярахъ:

ВѦАННМРѦСРΛ(+).

Что мы имѣемъ право включить въ составъ круговой надписи оба Н, ясно доказывается монетами, описанными нами подъ №№ 31, 32 и 33. Не нужно особенной смѣлости, чтобъ предположить, что ВѦАННМР, или, откинувъ даже оба Н, подобно Волошинскому, ВѦАМР есть ничто иное, какъ сокращеніе имени ВΛѦАНМНР(Ъ). Вторую часть надписи: ѦСРΛ(+) нѣсколько труднѣе объяснить.

Если мы обратимся къ монетамъ другихъ типовъ, то найдемъ, что на Лиц. ст. встрѣчается двоякаго рода надпись:

1) ВΛѦАНМНРЪ Ѧ СЄ ЄГО С т. е. СРЄБРО (на нѣкоторыхъ экземплярахъ I-го типа)

и 2) ВΛѦАНМНРЪ НѦ СТОΛѢ (на всѣхъ остальныхъ).

Еслибъ надпись на монетахъ разбираемаго типа была искаженіемъ первой, можно бы было объяснить ее слѣдующимъ образомъ: отнести букву Ѧ къ слову Владимиръ и опустить букву Λ, предполагая, что она лишняя: тогда получимъ:

ВѦАННМРѦ СР т. е. ВΛѦАНМНРѦ СРЄБРО

[1] На иныхъ экземплярахъ (немногихъ) она начинается слѣва, но тогда и вся надпись читается справа налѣво; это произошло просто отъ неопытности рѣзщика, несообразившаго, что правая сторона на штемпелѣ окажется лѣвой на монетѣ и наоборотъ.

Неговоря о странности такого оборота (вм. Владимирово сребро), если принять что онъ возможенъ, всетаки покажется непонятнымъ повтореніе на Об. ст. — а се его сребро.

Поэтому единственно вѣрнымъ объясненіемъ надписи намъ кажется слѣдующее: мы думаемъ, что передъ буквой ⊲ пропущено Н, а Р ошибочно изображено вмѣсто Т; тогда вторая часть надписи будетъ читаться: Н⊲СТΛ(+).

Крестикъ, помѣщенный на нѣкоторыхъ экземплярахъ въ концѣ надписи, можно, кажется, принять, если не за искаженное Ѣ, то за знакъ, замѣняющій пропущенную букву: въ надписи Об. ст., которую мы читаемъ, какъ и г. Волошинскій; (⊲) СЄ ЄГ⊲ СР + ВРО т. е. а се его сребро, мы встрѣчаемся съ подобнымъ-же явленіемъ: тутъ крестикъ замѣняетъ букву Є.

Итакъ, загадочныя надписи, находящіяся на монетахъ II-го типа, оказываются вполнѣ тождественными съ ясными надписями на другихъ типахъ.

В⊲А Н Н МР⊲СРΛ+ и ⊲ СЄ ЄГ⊲ СР+ВРО = ВΛ⊲ДНМНРЪ Н⊲ СТОΛѢ
и ⊲ СЄ ЄГО СРЄВРО.

Самыя характерныя особенности въ надписи Об. ст.:

1) замѣна буквы О въ словѣ ЄГ⊲;

2) почти постоянно невѣрное начертаніе буквы ⊲ (выдающимся угломъ направо);

3) частая замѣна буквы Є буквой С (№№ 14, 16, 19, 24);

4) вставка на нѣкоторыхъ экземплярахъ совершенно лишняго Т (или М, судя по формѣ этой буквы на Лиц. ст. нѣкоторыхъ монетъ, а можетъ быть и титла: ⌐), такъ что круговая надпись получаетъ слѣдующій видъ:

СТЄЄГ⊲СР(+)ВРТО

(№№ 20, 21, 22, 23, 25);

5) буква Р часто имѣетъ туже форму, что буква ⊲ (№№ 11, 18, 20, 21 и др.)

Почти съ тѣми-же особенностями мы встрѣчаемся и въ надписяхъ Лиц. ст. (замѣчательно, что буква М на Лиц. ст. имѣетъ форму Т преимущественно на тѣхъ монетахъ, гдѣ на Об. ст. вставлена буква Т).

Итакъ, характеристика этого типа — грубая работа и невѣрность надписей; посохъ съ крестомъ, стоящій вертикально, отличаетъ его отъ III-го типа; буса на

груди надъ лѣвой рукой не можетъ служить характернымъ признакомъ, такъ какъ встрѣчается не на всѣхъ экземплярахъ; отъ послѣдующихъ типовъ онъ отличается тѣмъ, что отъ сѣдалища видны только ручки; форма и детали хоругви отличаютъ его отъ всѣхъ остальныхъ типовъ. № 39 замѣчателенъ отсутствіемъ бусъ на головномъ уборѣ. На всѣхъ почти экземплярахъ замѣтенъ двойной ободокъ изъ бусъ.

Что касается вѣса, то изъ 44-хъ экземпляровъ монетъ этого типа, вѣсъ которыхъ намъ извѣстенъ, мы получили среднiй вѣсъ — около 54 долей; самая тяжелая (№ 13) вѣситъ 89 долей, а самая легкая (№ 35) — 39 долей.

Достоинство металла въ отдѣльныхъ монетахъ повидимому очень различно; хотя мы не рѣшились пробировать серебро изъ боязни попортить рѣдкую монету, но на глазъ можемъ сказать, что напр. №№ 15, 18, 29, 42 и др. чеканены изъ очень низкопробнаго серебра.

III ТИПЪ.

№ 45. *Лиц. ст.* Изображенiе великаго князя впрямь во весь ростъ, сидящаго на широкомъ сѣдалищѣ съ высокой спинкой; верхняя перекладина спинки находится на уровнѣ шеи великаго князя; сѣдалище все украшено бусами; на головѣ у великаго князя вѣнецъ, украшенный бусами съ спускающимися по обѣ стороны лица нитками изъ мелкихъ бусъ, на концахъ этихъ нитокъ по двѣ бусы, нѣсколько крупнѣе; на плечахъ короткiй плащъ, застегнутый на груди круглой пряжкой съ бусой по срединѣ; на шеѣ ожерелье изъ бусъ, въ рукахъ длинный крестъ, наклоненный на правое плечо; на оконечностяхъ креста по бусѣ; нижняя длинная одежда великаго князя украшена нѣсколькими рядами бусъ. Круговая надпись:

ВЛАДИМИ РЪ НАСТОЛѢ (Т. 1а № 14)

въ двойномъ ободкѣ изъ бусъ.

Об. ст. Изображенiе хоругви. Круговая надпись:

АСЕ ГОСРЕБРО (Т. 2а № 14)

въ двойномъ ободкѣ изъ бусъ.

1 экземпляръ въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 68 долей. Изображеніе на ТТ. 1 и 2 № 14. Нѣжинскій кладъ.

Монета эта чеканена двойнымъ ударомъ (double frappe).

№ 46. Подобная предъидущей, но спинка кресла нѣсколько уже, голова князя раздѣляетъ надпись на Лиц. ст. между буквами Р и Ъ; надпись Об. ст.:

ꓱСЄЄП ОСРЄБ РО (Т. 2а № 15).

1 экземпляръ въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 60 долей. Изображеніе на ТТ. 1 и 2 № 15. Нѣжинскій кладъ.

№ 47. Подобная предъидущимъ, но надпись на Лиц. ст.:

ВЛАДІМ(ІРЪНА)СТОЛ

на Об. ст.: ꓱСЄЄП О СРЄБР О

1 экземпляръ въ коллекціи Эрмитажа.

Вѣсъ 72 доли. Изображеніе на Т. 5 № 9. Нѣжинскій кладъ.

№ 48. Подобная предъидущимъ, но чеканенная другими штемпелями; замѣчательна форма буквы Ъ въ надписи Лиц. ст. въ словѣ Владимиръ. (См. Т. 1а № 16).

1 экземпляръ въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 48 долей. Изображеніе на ТТ. 1 и 2 № 16. Нѣжинскій кладъ.

№ 49. Подобная предъидущимъ. Надписи:

Лиц. ст. ВЛААДІМІ РЪНАСТОЛ+

Об. ст. ꓱСЄЄП ОСАЄБА О

1 экземпляръ въ коллекціи Университета Св. Владиміра.

Вѣсъ 70 долей. Изображеніе на Т. 8 № 8. Нѣжинскій кладъ. У Волошинскаго подъ № 4.

№ 50. Монета, вполнѣ схожая съ предъидущей, но кажется чеканена не одними и тѣми-же штемпелями.

1 экземпляръ въ коллекціи Университета Св. Владиміра.

Вѣсъ 69 долей. Изображеніе на Т. 8 N° 10. Нѣжинскій кладъ. У Волошинскаго подъ N° 6.

№ 51. Подобная описанной подъ предъидущимъ N°; надписи:

Лиц. ст.: ВΛАДИМИР ЪНА.......

Об. ст.: ЬСЕЕ(Г) ОСРЕБРО

1 экземпляръ въ коллекціи Университета Св. Владиміра.

Вѣсъ 58 долей. Изображеніе на Т. 8 N° 9. Нѣжинскій кладъ. У Волошинскаго подъ N° 5.

№ 52. Подобная предъидущимъ, но надпись на Лиц. ст.:

ВАДИМИР Ъ СТОΛ(Ѣ)

буква Р имѣетъ форму греческаго ρ.

1 экземпляръ въ коллекціи С. В. Бодилевскаго.

Вѣсъ 61 доля. Изображеніе на Т. 7 N° 9. Нѣжинскій кладъ.

№ 53. Подобная предъидущимъ; надписи:

Лиц. ст.: ..Λ...МИ НР......

Об. ст., какъ на Об. ст. N° 45.

1 экземпляръ въ коллекціи А. В. Брыкена.

Вѣсъ 73 доли. Изображеніе на Т. 10 N° 9. Нѣжинскій кладъ.

№ 54. Подобная предъидущимъ, но чеканенная иными штемпелями.

Плохой экземпляръ въ коллекціи Эрмитажа.

Вѣсъ 59 долей. Изображеніе на Т. 11 N° 7. Нѣжинскій кладъ.

№ 55. Подобная предъидущимъ, по болѣе грубой работы; нѣкоторыя буквы въ надписяхъ искажены.

1 экземпляръ въ коллекціи Университета Св. Владиміра.

Вѣсъ 73 доли. Изображеніе на Т. 8 № 12. Нѣжинскій кладъ. У Волошинскаго подъ № 9.

№ 56. Подобная предъидущимъ; надписи:

Лиц. ст.: (В)......РІНЪСТОЛѢ

(замѣчательна форма буквы Ѣ: эта буква представлена въ видѣ чего-то средняго между Y и Т)

Об. ст.: ЪС.....О ЛСРЕБРО

8 экземпляровъ, чеканенныхъ одними штемпелями, изъ которыхъ:

4 въ нашей коллекціи.

Вѣсъ: 45, 65, 74 и 48 долей. Изображенія на ТТ. 1 и 2 №№ 17, 18, 19 и 20.

1 экземпляръ въ коллекціи графа С. Г. Строгонова.

Вѣсъ 85 долей. Изображеніе на Т. 6 № 6.

1 экземпляръ въ коллекціи Университета Св. Владиміра.

Вѣсъ 68 долей. У Волошинскаго подъ № 7.

и 2 экземпляра въ коллекціи Эрмитажа.

Вѣсъ 54 и 72 доли.

Всѣ 8 монетъ изъ Нѣжинскаго клада. Одинъ изъ экземпляровъ нашей коллекціи, а именно изображенный на ТТ. 1 и 2 подъ № 17, замѣчателенъ тѣмъ, что чеканенъ на монетѣ II-го типа (surfrappe).

№ 57. Подобная предъидущимъ. Повидимому Лиц. ст. чеканена даже тѣмъ-же штемпелемъ, какъ и описанныя подъ № 56, но Об. ст. отлична.

Плохой, обрѣзанный по краямъ, экземпляръ въ коллекціи Эрмитажа.

Вѣсъ 49 долей. Изображеніе на Т. 11 № 8. Нѣжинскій кладъ.

№ 58. Подобная предъидущимъ; надпись на Об. ст.:

ЛСЕГ ОЭ(РЕ)БРО.

1 экземпляръ въ коллекціи Эрмитажа.

Вѣсъ 65 долей. Изображеніе на Т. 11 № 9. Нѣжинскій кладъ.

№ 59. Монета, очень похожая на описанныя подъ двумя предъидущими №№, но чеканенная иными штемпелями.

1 экземпляръ въ коллекціи Эрмитажа.

Вѣсъ 69 долей. Изображеніе на Т. 11 № 10. Нѣжинскій кладъ.

№ 60. Лиц. ст. Изображеніе великаго князя, подобное находящемуся на Лиц. ст. предъидущихъ, но крестъ наклоненъ на лѣвое плечо; надпись:

ВЛ⊲ДНМ⊣ Н⊲.....

Об. ст. надпись: ....ОСРЄКРО читается справа налѣво; всѣ буквы повернуты налѣво.

2 экземпляра, изъ которыхъ одинъ въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 77 долей. Изображеніе на ТТ. 1 и 2 № 21. Второй въ коллекціи графа С. Г. Строгонова.

Вѣсъ 57 долей. Изображеніе на Т. 6 № 7. Оба изъ Нѣжинскаго клада.

№ 61. Лиц. ст. чеканена тѣмъ-же штемпелемъ, какъ и Лиц. ст. предъидущаго №. Об. ст. похожа на Об. ст. № 49.

1 экземпляръ въ коллекціи графа С. Г. Строгонова.

Вѣсъ 69 долей. Изображеніе на Т. 6 № 5. Нѣжинскій кладъ.

№ 62. Лиц. ст. чеканена тѣмъ-же штемпелемъ, Об. ст. иная; надпись:

ÞЭЄЄП......РО

1 экземпляръ принадлежалъ А. А. Кунику.

Вѣсъ 63 доли. Изображеніе на Т. 7 № 4. Нѣжинскій кладъ.

Обращаемъ вниманіе на послѣдніе четыре экземпляра, при чеканкѣ которыхъ употребленъ для Лиц. ст. одинъ штемпель, а для Об. ст. три различныхъ.

№ 63. Подобная предъидущимъ, но болѣе грубой работы; бусы, которыми усыпаны головной уборъ, одежда, кресло, а также тѣ, изъ которыхъ составленъ двойной ободокъ — всѣ почти одинаковой величины; въ ногахъ у великаго князя какой-то кружокъ; крестъ наклоненъ на лѣвое плечо; буквы въ надписяхъ обѣихъ сторонъ частью перепутаны, частью же замѣнены не имѣющими смысла черточками.

1 экземпляръ въ коллекціи Университета Св. Владиміра.

Вѣсъ 43 доли. Изображеніе на Т. 9 № 1. Нѣжинскій кладъ. У Волошинскаго подъ № 10.

№ 64. Подобная предъидущимъ, но очень грубой работы; голова князя несоразмѣрно большая и почти квадратная; крестъ наклоненъ на правое плечо; надписи до того искажены, что трудно узнать хоть одну букву.

1 экземпляръ въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 54 доли. Изображеніе на ТТ. 1 и 2 № 22. Нѣжинскій кладъ.

№ 65. Тоже грубой работы. Лиц. ст. Короткаго плаща на князѣ нѣтъ, круглая пряжка придвинулась къ самой шеѣ, такъ что имѣетъ скорѣе видъ шейнаго украшенія (гривны?), одежда не украшена бусами; лицо продолговатое; замѣчательна отчетливость изображенія обѣихъ рукъ, держащихъ крестъ, наклоненный на правое плечо; надпись: ....НРНᐊСТОΛ (Т. 1а № 23). Въ надписи Об. ст. буквы искажены.

1 экземпляръ въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 36 долей. Изображеніе на ТТ. 1 и 2 № 23. Нѣжинскій кладъ.

№ 66. Подобная предъидущимъ, хорошей работы; сѣдалище у́же, головной уборъ князя украшенъ 5-ю крупными бусами въ два ряда — въ нижнемъ 3, въ верхнемъ — 2; бусъ на одеждѣ не видно.

Круговыя надписи:

Лиц. ст.: ВΛАНМІ РНᐊСТОΛ.

въ двойномъ ободкѣ; внутренній — ниткой, а внѣшній изъ бусъ (какъ на монетахъ I-го типа). Об. ст.

(ᐊ) СЄЄГ ОС ᐞ ЄБР О

въ такомъ же двойномъ ободкѣ, какъ на Лиц. ст.

1 экземпляръ въ коллекціи Университета Св. Владиміра.

Вѣсъ 74 доли. Изображеніе на Т. 8 № 11. Нѣжинскій кладъ. У Волошинскаго подъ № 8.

№ 67. Подобная предъидущей, но туловище великаго князя гораздо меньше, голова несообразно велика, спинка сѣдалища ниже; головной уборъ украшенъ пятью крупными бусами въ одинъ рядъ; надъ средней бусой крестъ съ тремя крупными бусами на оконечностяхъ; короткій плащъ, застегнутый на груди круглой пряжкой, весь въ складкахъ; на концахъ креста, наклоненнаго на правое плечо, крупныя бусы. Форма хоругви тоже нѣсколько иная, чѣмъ на предъидущихъ.

Надписи:

Лиц. ст.: ВЛАЛН..Р ЪНАСТО..

Об. ст.: АСЄЄП.....БРО

въ двойномъ ободкѣ, ниткой и изъ крупныхъ бусъ.

1 экземпляръ въ коллекціи Московскаго Университета.

Вѣсъ 79 долей. Изображеніе на Т. 10 № 1. Найдена въ Борисполѣ, Черниговской губерніи.

Эта послѣдняя монета есть первый, сдѣлавшійся извѣстнымъ, экземпляръ серебряныхъ монетъ Владиміра. Съ начала нынѣшняго столѣтія, когда она была найдена, она всегда описывалась и изображалась рядомъ съ первымъ извѣстнымъ златникомъ. Такъ, Воейковъ говоритъ о ней въ Вѣстникѣ Европы. 1816. Ч. LXXXVII: „на одной сторонѣ серебряной, принадлежащей здѣшнему купцу Пирожкову монеты, „видѣнъ сидящій князь Владиміръ съ ясными вокругъ словами: *Владиміръ на столѣ*. „На другой сторонѣ — подобіе свѣтильника, съ ясными вокругъ словами: *а се его „сребро*". Рисунокъ съ нея, довольно неудачный, приложенъ къ Ч. LXXXVIII. О ней-же упоминаетъ и Карамзинъ (Исторія II, прим. 56, С.-Петербургъ, 1818 г.). Во второй разъ она была вѣрнѣе изображена въ Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей, Ч. III, кн. II, 1827 г. на стр. 163 этого изданія находимъ о ней слѣдующія свѣдѣнія:

„Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ.

„Отъ Дѣйствительнаго Члена Константина Калайдовича.

„Соревнователь нашего Общества Зарайскій купецъ Козьма Ивановичъ Аве-„ринъ, въ изъявленіе особенной готовности быть полезнымъ отечественной архео-

„логіи, поручилъ мнѣ поднести отъ его имени въ даръ Обществу одну изъ древ-
„нѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ нумизматическихъ рѣдкостей, *серебряную медаль*
„*Владиміра*, которую при краткомъ описаніи имѣю теперь честь представить......
„............Серебряная Владиміровa медаль найдена въ мѣстечкѣ Бориспольѣ,
„въ 35 верстахъ отъ Кіева, однимъ крестьяниномъ, копавшимъ огородъ, и отъ
„прежняго владѣльца оной г. статскаго совѣтника М. В. Могилянскаго пріобрѣ-
„тена г. Авериным цѣною значительной......“

28 Января, 1826.

Сахаровъ воспроизвелъ рисунокъ Калайдовича (Лѣтопись р. нумизм. 1842 г.) на Т. 1 подъ № 3; на стр. 32 своего сочиненія онъ говоритъ, что за монеты Св. Великаго Князя Владиміра, золотую (?) и серебряную, найденныя близъ Борисполя, Кіевскій купецъ Прянишниковъ заплатилъ четвертакъ. Изъ нихъ серебряная, купленная Могилянскимъ за 200 рублей. была продана Аверину за 500 рублей ассигн.

Шодуаръ тоже описалъ подъ № 4 и изобразилъ на Т. 1 II, 2 (Aperçu sur les monnaies russes, 1837) эту монету, но по снимку, доставленному ему митрополитомъ Евгеніемъ (рисунокъ неудачный). Экземпляръ этотъ значительно отличается отъ остальныхъ монетъ III-го типа, хотя въ общемъ подходитъ подъ характеристику этого типа. Болѣе всего сходства онъ имѣетъ съ монетой, описанной подъ № 66, что замѣтилъ уже и г. Волошинскій, (говоря на стр. 5, прим. (b): „Этотъ экземпляръ болѣе всѣхъ другихъ указываетъ, кажется, на рисунокъ, изданный г. Шодуаромъ....“).

Монеты этого типа описаны у Волошинскаго подъ №№ 4—10 и составляютъ II классъ; онъ думалъ, что можно ихъ приписать Владиміру Мономаху. Онѣ отличаются отъ монетъ II-го типа, за немногими исключеніями (№№ 63 и 64), полнотой и ясностью надписей: на Лиц. ст. читаемъ:

ВЛАДИМИРЪ НА СТОЛѢ,

а на Об. ст.

А СЕ ЕГО СРЕБРО

Въ словѣ *Владиміръ* на 4-хъ штемпеляхъ первое Н замѣнено черточкой съ двумя точками по сторонамъ (№№ 47, 49, 50 и 51), а на одномъ (№ 60) второе Н подверглось тому-же измѣненію (не десятиричное ли это і?); въ концѣ того-же слова всегда Ъ (хотя очень различныхъ формъ, срав. напр. №№ 45, 48, 56 и 67), за исключеніемъ №№ 65 и 66; на одномъ штемпелѣ (№ 52) пропущена буква Λ (ВΔДНМНРЪ). Въ словѣ НΔ буква Δ представлена только на одномъ штемпелѣ въ обратномъ положеніи (№ 56). Въ словѣ СТОΛѢ буква Ѣ не имѣетъ установившейся формы: на каждомъ штемпелѣ она изображена различно (сравни напр. №№ 46, 47, 48, 49 и 56).

Въ надписи Об. ст. буква Δ изображена такъ-же часто въ обратномъ положеніи, какъ и правильно (№№ 46, 47, 48, 51, 56 и 62). Въ словѣ *сребро* замѣчательна вставленная на № 56 передъ буквой С лишняя буква Λ, а также неустановившаяся форма буквы Б (сравни напр. №№ 45, 46, 49, 51, 52, 56 и 66); въ томъ-же словѣ оба Р представлены въ обратномъ положеніи на четырехъ штемпеляхъ (№№ 48, 49, 50 и 61), буква С въ словѣ *се* — на двухъ (№№ 58 и 62).

Характерныя особенности, которыми этотъ типъ отличается отъ остальныхъ:

1) крестъ, наклоненный на правое плечо (исключеніе составляетъ одинъ штемпель — № 60, гдѣ крестъ наклоненъ на лѣвое плечо);

2) короткій плащъ, застегнутый на груди круглой пряжкой (исключая № 65);

3) сѣдалище съ высокой и широкой спинкой, подобное представленному на заглавномъ нашемъ листѣ;

4) отсутствіе вѣнчика вокругъ головы великаго князя;

5) особая форма навершія хоругви.

На всѣхъ штемпеляхъ великій князь держитъ крестъ, повидимому, обѣими руками; но руки до того грубо исполнены, что ихъ едва можно различить (исключая № 65).

За исключеніемъ №№ 66 и 67, на обѣихъ сторонахъ монетъ этого типа — двойной ободокъ изъ бусъ.

По грубости работы, этотъ типъ имѣетъ болѣе всего сродства со II-мъ.

Средній вѣсъ изъ 31 экземпляра 63 доли; самая тяжелая монета (№ 56, экземпляръ графа С. Г. Строгонова) вѣситъ 85 долей, а самая легкая (№ 65) — 36 долей.

Что касается достоинства металла, то мы должны сказать о монетахъ этого типа тоже, что сказали о монетахъ II-го: такъ напр. №№ 46, 65 и другіе чеканены изъ очень низкопробнаго серебра.

Кромѣ описанныхъ, въ коллекціи Эрмитажа находятся еще два обломка монетъ этого типа (изъ Нѣжинскаго клада), очень неудовлетворительной сохранности. Вѣсъ ихъ — 14 и 26 долей; первый обломокъ составляетъ около $^1/_4$ цѣльной монеты, а второй — около $^1/_3$.

IV ТИПЪ.

№ 68. *Лиц. ст.* Изображеніе великаго князя, сидящаго на престолѣ; вокругъ головы вѣнчикъ изъ бусъ; на головѣ шапка, украшенная 6-ю бусами; на великомъ князѣ длинная и узкая нижняя одежда — (далматикъ), поверхъ которой накинутъ плащъ; отъ этого плаща видна только верхняя часть, накинутая на плечи и застегнутая на груди, ближе къ правому плечу круглой пряжкой, и одинъ изъ угловъ, перекинутый черезъ лѣвую руку, которая покоится на груди; рукава нижней одежды украшены бусами, подолъ бахромой и бусами, воротъ характерно вырѣзанъ; края плаща тоже украшены бусами; въ правой рукѣ длинный крестъ, стоящій вертикально; на трехъ верхнихъ оконечностяхъ его по бусѣ; престолъ съ низкой вырѣзной спинкой, три видимыя ножки его составлены изъ бусъ; подъ ногами великаго князя какъ-будто табуретъ.

Круговая надпись:

+ВЛ⊲ДН МНРЪН⊲С (Т. 3а № 1)

въ двойномъ ободкѣ изъ бусъ.

Об. ст. Изображеніе хоругви; круговая надпись:

+⊲СЄЄ ПО СРЄБРО (Т. 4а № 1)

въ двойномъ ободкѣ изъ бусъ (2-го ободка не видно, но, судя по остальнымъ монетамъ этого типа, можно думать, что онъ существовалъ и на этомъ штемпелѣ).

1 экземпляръ въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 75 долей. Изображеніе на ТТ. 3 и 4 № 1. Нѣжинскій кладъ.

№ 69. Подобная предъидущей; шапка съ 5-ю бусами, на груди нѣтъ круглой пряжки. Круговая надпись на Лиц. ст.:

+ВЛЬА НМНРЪН

2 экземпляра, изъ которыхъ 1 въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 56 долей. Изображеніе на ТТ. 3 и 4 № 2.

Второй въ коллекціи С. В. Бодилевскаго.

Вѣсъ 73 доли. Изображеніе на Т. 7 № 11. Оба изъ Нѣжинскаго клада.

Нашъ экземпляръ чеканенъ двойнымъ ударомъ (double frappe); экземпляръ г. Бодилевскаго замѣчательно хорошо сохранился.

№ 70. Подобная предъидущимъ; головной уборъ украшенъ 7-ю бусами; на плечахъ плаща не видно; надписи:

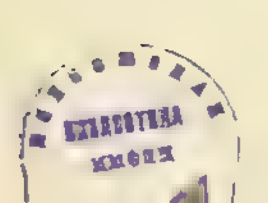
Лиц. ст.: ВЛАДН МНРЪНАС

Об. ст.: +СТОЛѢА СЕ Є ГОСРЕБРО

1 экземпляръ принадлежитъ А. А. Кунику.

Вѣсъ 64 доли. Изображеніе на Т. 7 № 6.

Эта монета изображена въ трудѣ г. Куника: „о русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I Владиміровича". С.-Петербургъ. 1860 г. на Т. С. № 6. Объ ней г. Куникъ сообщилъ намъ слѣдующее: „Прежде Нѣжинской на„ходки въ 1852 году было найдено только небольшое число этихъ монетъ: „именно Бориспольскій, Ленчицкій *(у насъ описаны подъ №№ 67 и 33)* и „предлежащій — Ростовскій экземпляры. Они для насъ представляютъ осо„бый интересъ, потому что навѣрно принадлежатъ къ числу *обращавшихся* „въ XI-мъ столѣтіи. Ростовскій экземпляръ, описанный у Васъ подъ № 70, „былъ найденъ въ 1823 году въ Ростовскомъ уѣздѣ и оттуда присланъ Кёлеру, „который въ 1824 году чрезъ посредство собирателя Попова продалъ его

„Еремѣеву[1]. Въ 1847 г. онъ былъ пріобрѣтенъ А. Ѳ. Бычковымъ, который позже „передалъ его въ мое распоряженіе, а въ 1878 г. и окончательно уступилъ мнѣ. „Вѣроятно тутъ подъ Ростовомъ должно разумѣть Ростовъ на Дону, такъ какъ „Кёлеръ въ 1822 г. совершилъ по порученію Академіи Наукъ вторую поѣздку „въ Крымъ и на Азовское побережье, для изслѣдованія находимыхъ тамъ остатковъ „классической древности“.....

№ 71. Монета чрезвычайно похожая на предъидущую; шапка на князѣ украшена 6-ю бусами; въ началѣ надписи Лиц. ст. — крестикъ; надпись Об. ст.:

.....ТЬ(Д)С ЄЄ ГОСРЄБР(О)

буква ТЬ болѣе похожа на Т.

1 экземпляръ въ коллекціи Университета Св. Владиміра.

Вѣсъ 59 долей. Изображеніе на Т. 9 № 2. Нѣжинскій кладъ. У Волошинскаго подъ № 2.

№ 72. Подобная предъидущимъ, но плащъ застегнутъ у самаго праваго плеча; пряжки нѣтъ, вмѣсто бусъ двѣ прямыя складки почти черезъ всю грудь; подъ крестомъ — въ родѣ подставки, составленной изъ 3-хъ черточекъ; надписи:

Лиц. ст.: БЛДД.....

Об. ст.: ЛТЬД(се его сре)БРО

1 экземпляръ въ коллекціи Университета Св. Владиміра.

Вѣсъ 66 долей. Изображеніе на Т. 9 № 8. Нѣжинскій кладъ. У Волошинскаго подъ № 3.

№ 73. Подобная предъидущей; надписи:

Лиц. ст.: БЛДДНМН........ЛТЬДСЄ

Об. ст.: ..ЄГО.......БР.

1 За 400 рублей асс. (Записки С.-Петерб. Археол.-нумизм. Общ. Т. I Спб. 1849, стр. 428).

1 экземпляръ, принадлежащій А. А. Кунику.

Вѣсъ 79 долей. Изображеніе на Т. 7 № 5. Нѣжинскій кладъ.

№ 74. Подобная предъидущимъ, но плащъ на плечахъ окаймленъ широкимъ позументомъ и застегнутъ на груди круглой пряжкой; шапка низенькая безъ бусъ, но на ней крестъ съ тремя бусами на оконечностяхъ; надписи:

Лиц. ст.: ВЛДА Н МНРЪ.....

Об. ст.: ....СЕЕ ГО СРЕБОРО

1 экземпляръ въ коллекціи графа С. Г. Строгонова.

Вѣсъ 71 доля. Изображеніе на Т. 6 № 8. Нѣжинскій кладъ. Чеканена двойнымъ ударомъ.

№ 75. Подобная предъидущей; голова князя больше; на плащѣ ни позумента, ни бусъ не видно; надписи:

Лиц. ст.: (В)ЛДА Н МНРЪН

Об. ст.: ДСТОЛѢД СЕЕ ГОСРЕБРО

буква Ѣ имѣетъ форму Т.

1 экземпляръ въ коллекціи С. В. Бодилевскаго.

Вѣсъ 73 доли. Изображеніе на Т. 7 № 10. Нѣжинскій кладъ.

№ 76. Подобная предъидущей, но складки плаща, застегнутаго на груди круглой пряжкой, иной формы.

1 экземпляръ въ коллекціи Румянцовскаго Музеума.

Вѣсъ 53 доли. Изображеніе на Т. 10 № 3. Нѣжинскій кладъ.

Рисунокъ этой монеты исполненъ по снимку.

№ 77. Подобная предъидущимъ, безъ подставки подъ крестомъ, голова великаго князя маленькая; надписи:

Лиц. ст.: ✝ВЛАДН........НАС (Т. 3а № 3)

Об. ст.: АСТ(олѣ а се е)ГОСРЕБРО (Т. 4а № 3)

1 экземпляръ въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 58 долей. Изображеніе на ТТ. 3 и 4 № 3. Нѣжинскій кладъ.

№ 78. Подобная предъидущимъ; подъ крестомъ подставка изъ двухъ черточекъ; головной уборъ украшенъ крестомъ съ 3-мя бусами; надписи:

Лиц. ст.: ВЛАДА Н МНРЪНА

Об. ст.: ✝СТОЛѢА СЕЕ ГОСРЕБРО

2 экземпляра, изъ которыхъ 1 въ коллекціи Эрмитажа.

Вѣсъ 50 долей. Изображеніе на Т. 5 № 10.

Второй въ коллекціи Университета Св. Владиміра.

Вѣсъ 61 доля. Изображеніе на Т. 9 № 7. У Волошинскаго подъ № 1. Оба изъ Нѣжинскаго клада.

Обѣ монеты чеканены одними штемпелями и, что интересно, взаимно дополняютъ другъ друга — что стерто на одномъ экземплярѣ, прекрасно видно на другомъ.

Экземпляръ Эрмитажа изображенъ (неточно) въ Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wappen-Kunde. Neue Folge. 1860. 1. Band. 2. Heft. Taf. VI. № 4, къ статьѣ барона Кёне: Die ältesten Münzen Russlands.

№ 79. Подобная предъидущей; надписи:

Лиц. ст.: ВЛАДА НМН....

Об. ст.: ......Е ГО СР......

1 экземпляръ въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 55 долей. Изображеніе на ТТ. 3 и 4 № 4. Нѣжинскій кладъ.

№ 80. Подобная предъидущимъ, но фигура великаго князя поменьше.

1 экземпляръ (плохой) въ коллекціи Эрмитажа.

Вѣсъ 79 долей. Изображеніе на Т. 11 № 11. Нѣжинскій кладъ.

№ 81. Подобная предъидущимъ, но болѣе грубой работы; на великомъ князѣ головной уборъ изъ 10-ти, кажется, бусъ, расположенныхъ въ одинъ рядъ; надъ ними крестъ, составленный изъ 4-хъ бусъ; хоругвь нѣсколько иной формы; надписи:

Лиц. ст.: ВΛ⊲ΔНМНРЪН⊲СТ(О)Λ(Ѣ)

Об. ст.: ✝СЄ (ЄГ) О СРЄБРО

1 экземпляръ въ коллекціи графа Э. К. Гуттенъ-Чапскаго.

Вѣсъ 53 доли. Изображеніе на Т. 12 № 4. Нѣжинскій кладъ.

Эта монета описана и изображена въ каталогѣ коллекціи графа Э. К. Гуттенъ-Чапскаго: „Деньги древней Руси". С.-Петербургъ. 1875. подъ № 9. Графъ Гуттенъ-Чапскій подъ описаніемъ монеты прибавляетъ:

„См. Волошинскаго фиг. 1. Отлично (?) сохраненный экземпляръ, найденный „въ землѣ, въ 1852 г., близъ Нѣжина и данный мнѣ бывшимъ Кіевскимъ Генералъ-„Губернаторомъ Дм. Гавр. Бибиковымъ".

№ 82. Изображеніе князя, какъ на №№ 68 и 69, тщательной работы; надписи:

Лиц. ст.: ✝ВΛ⊲ΔН МНРЪ⊲СЄГ(Р?)Є

Об. ст.: ✝С ЅВΔТ⊲ГО В⊲СНΛΔ

и еще 3 буквы, значеніе которыхъ трудно опредѣлить.

2 экземпляра, изъ которыхъ 1 въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 66 долей. Изображеніе на ТТ. 3 и 4 № 5.

Второй въ коллекціи графа С. Г. Строгонова.

Вѣсъ 69 долей. Изображеніе на Т. 6 № 9. Оба изъ Нѣжинскаго клада.

Обѣ монеты чеканены одними штемпелями; онѣ крайне интересны, какъ единственныя доселѣ извѣстныя съ христіанскимъ именемъ Владиміра — Василій. Что означаетъ буква С передъ словомъ *святаго?* Интересно было бы также опредѣлить значеніе трехъ не разобранныхъ нами буквъ въ надписи Об. ст.

Этотъ типъ отличается отъ предъидущихъ тщательностью отдѣлки и сравнительной правильностью рисунка; три ножки престола (четвертая невидна изъ-за одежды великаго князя) составлены изъ мелкихъ кружковъ или бусъ; спинка широкая и низкая; на князѣ длинный плащъ, конецъ котораго перекинутъ черезъ лѣвую руку, подолъ одежды украшенъ бахромой; въ правой рукѣ длинный крестъ, стоящій вертикально; руки (непропорціонально большія) и ноги ясно очерчены, подъ ногами (на большинствѣ экземпляровъ) какъ-будто скамейка; голова окружена вѣнчикомъ изъ бусъ; головной уборъ на нѣкоторыхъ экземплярахъ украшенъ бусами, на другихъ — низкій, безъ бусъ, но увѣнчанъ крестомъ.

Характерна круглая складка одежды надъ лѣвымъ колѣномъ.

Надписи, за немногими исключеніями (№№ 68 и 69), полныя и форма буквъ, повидимому, установившаяся; во всякомъ случаѣ ихъ отдѣлка болѣе старательная, чѣмъ на монетахъ предъидущихъ типовъ. Только на двухъ штемпеляхъ неправильно изображено по буквѣ — на Лиц. ст. № 69 буква ⊲ въ обратномъ положеніи и на Лиц. ст. № 82 буква ⩜ поставлена поперекъ надписи.

Буквы Г и Р изображаются почти одинаково.

Буква Ѣ часто имѣетъ форму Т (№№ 71, 72 и 75).

Замѣчательно разнообразіе въ способѣ переноски надписей съ Лиц. ст. на Об.: на № 70 надпись Лиц. ст. *Владимиръ нас.* перенесена на Об. ст. съ повтореніемъ послѣдней буквы — *столъ а се его сребро*, на Об. ст. № 77 повторены двѣ послѣднія буквы надписи Лиц. ст. (Лиц. ст. *Владимиръ нас,* Об. ст. *а столъ . . . .*), на №№ 75 и 78 переноска сдѣлана безъ повторенія буквъ (№ 75: Лиц. ст. *Владимиръ н,* Об. ст. *а столъ;* № 78: Лиц. ст. *Владимиръ на,* Об. ст. *+столъ....*).

На № 68 совершенно опущены четыре послѣднія буквы въ словѣ: *столъ,* а на № 69 — все слово *столъ* и буква *а* въ словѣ: *на.*

Средній вѣсъ монетъ изъ 18-ти экземпляровъ — около 64 долей.

Самая легкая (№ 78) вѣсила 50 долей, самая тяжелая (№№ 73 и 80) — 79 долей.

МОНЕТЫ СВЯТОПОЛКА.

СЕРЕБРЯНЫЯ.

№ 83. *Лиц. ст.* Изображеніе великаго князя на престолѣ, въ правой рукѣ длинный крестъ, стоящій вертикально; на трехъ верхнихъ утолщенныхъ оконечностяхъ его по бусѣ; вокругъ средины четыре такихъ-же бусы; лѣвая рука покоится на груди; на головѣ низкая шапка, увѣнчанная крестомъ съ тремя бусами на оконечностяхъ; по обѣ стороны лица — нитки изъ бусъ; воротъ одежды вырѣзанъ. какъ на нѣкоторыхъ монетахъ Владиміра, IV-го типа; на плечи накинутъ плащъ въ складкахъ, застегнутый на груди, ближе къ правому плечу, круглой пряжкой; форма престола таже, что на монетахъ Владиміра, IV-го типа; на платьѣ, надъ лѣвой ногой, три крупныя круглыя складки; круговая надпись:

(СТОПЛЬК)Ъ NЬСТОЛѢ (Т. 3а № 6)

въ двойномъ ободкѣ изъ бусъ.

Об. ст. Изображеніе хоругви, лѣвый (геральдически) откосъ которой имѣетъ форму креста; внизу, между откосами, крестъ, составленный изъ четырехъ кружковъ, соединенныхъ двумя, крестообразно пересѣкающимися, черточками; круговая надпись:

(+4)СЕЕГО СРЕБРО (Т. 4а № 5)

въ двойномъ ободкѣ изъ бусъ.

1 экземпляръ въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 54 доли. Изображеніе на ТТ. 3 и 4 № 6. Нѣжинскій кладъ.

№ 84. Подобная предъидущей, но работа нѣсколько грубѣе; надъ лѣвымъ колѣномъ на платьѣ пять крупныхъ складокъ; надписи:

Лиц. ст.: С⊤ОПΛЪККЪ N◁СТОΛ(Ѣ) (Т. 3а № 7)

буква ◁ имѣетъ форму Ι.

Об. ст.: ✢◁СЄЄГ О СЄРЄБРО (Т. 4а № 7).

1 экземпляръ въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 66 долей. Изображеніе на ТТ. 3 и 4 № 7. Нѣжинскій кладъ.

№ 85. Подобная предъидущей, но фигура князя какъ-будто поменьше.

1 экземпляръ въ коллекціи Эрмитажа.

Вѣсъ 45 долей. Изображеніе на Т. 5 № 11. Нѣжинскій кладъ.

№ 86. Монета, похожая на предъидущую, но чеканенная другими штемпелями.

1 экземпляръ въ коллекціи А. В. Брыкена.

Вѣсъ 60 долей. Изображеніе на Т. 10 № 10. Нѣжинскій кладъ.

№ 87. Подобная предъидущимъ, на одеждѣ у лѣваго колѣна 6 складокъ.

2 экземпляра въ коллекціи Университета Св. Владиміра.

Вѣсъ 35 и 45 долей. Изображеніе на Т. 9 №№ 3 и 4. Нѣжинскій кладъ.

Оба экземпляра чеканены одними штемпелями. У Волошинскаго подъ №№ 21 и 23.

№ 88. Подобная предъидущимъ, но болѣе грубой работы.

2 экземпляра въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 71 и 42 доли. Изображеніе на ТТ. 3 и 4 №№ 8 и 12. Нѣжинскій кладъ.

№ 89. Подобная предъидущимъ; лицо великаго князя къ низу нѣсколько шире.

3 экземпляра, изъ которыхъ 1 въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 1 зол. 9 долей. Изображеніе на ТТ. 3 и 4 № 9.

2 экземпляра въ коллекціи Эрмитажа.

Вѣсъ 40 и 49 долей. 2-й экземпляръ изображенъ на Т. 11 № 12. Всѣ три экземпляра изъ Нѣжинскаго клада.

1-й экземпляръ, изъ находящихся въ коллекціи Эрмитажа, не цѣльная монета, а только, приблизительно, половина; 2-й экземпляръ, вѣсящій 49 долей, чеканенъ на монетѣ Владиміра, II-го типа.

№ 90. Подобная предъидущимъ, но лѣвая рука лежитъ на груди выше.

1 экземпляръ въ коллекціи Эрмитажа.

Вѣсъ 53 доли. Изображеніе на Т. 11 № 13. Нѣжинскій кладъ.

№ 91. Подобная предъидущимъ; голова великаго князя больше, въ круговой надписи Лиц. ст. въ словѣ N⊲ буква ⊲ скорѣе похожа на букву Г.

1 экземпляръ въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 69 долей. Изображеніе на ТТ. 3 и 4 № 10. Нѣжинскій кладъ.

№ 92. Подобная предъидущимъ; надпись на Лиц. ст.:

СТ̄ОШЛЪГЪ NIС ....

буква Ш поставлена вмѣсто П; прибавлена лишняя черта; въ надписи Об. ст. буква Б, въ словѣ *серебро*, скорѣе походитъ на В (*сересро*).

2 экземпляра, изъ которыхъ 1 въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 88 долей. Изображеніе на ТТ. 3 и 4 № 11.

Второй въ коллекціи Эрмитажа. Вѣсъ 1 зол. Оба изъ Нѣжинскаго клада.

№ 93. Подобная предъидущимъ, но лицо великаго князя продолговатѣе; головной уборъ украшенъ 6-ю бусами. Хоругвь на Об. ст. меньше.

1 экземпляръ въ коллекціи графа С. Г. Строгонова.

Вѣсъ 61 доля. Изображеніе на Т. 6 № 10. Нѣжинскій кладъ.

№ 94. Подобная предъидущей; на шапкѣ крестъ; на рукавѣ лѣвой руки двѣ бусы; хоругвь побольше.

3 экземпляра, изъ которыхъ одинъ въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 61 доля. Изображеніе на ТТ. 3 и 4 № 13.

Второй въ коллекціи графа С. Г. Строгонова.

Вѣсъ 72 доли. Изображеніе на Т. 6 № 11.

Третій въ коллекціи Эрмитажа.

Вѣсъ 63 доли. Всѣ изъ Нѣжинскаго клада.

№ 95. Подобная предъидущимъ; голова великаго князя больше и форма ея почти квадратная, одежда къ низу шире; на лѣвомъ рукавѣ двѣ бусы; круговая надпись Лиц. ст.:

СТОПЛЬП N........

буквы П и Λ слились. Надпись Об. ст.:

+СЕЕГ О СЕЯЕБ....

буква Р обращена налѣво, а буква Б имѣетъ форму почти правильнаго квадрата.

3 экземпляра, изъ которыхъ 1 въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 83 доли. Изображеніе на ТТ. 3 и 4 № 14.

Второй въ коллекціи Университета Св. Владиміра.

Вѣсъ 65 долей. Изображеніе на Т. 9 № 5. У Волошинскаго подъ № 26.

Третій въ коллекціи С. В. Бодилевскаго.

Вѣсъ 62 доли. Изображеніе на Т. 7 № 12. Всѣ изъ Нѣжинскаго клада.

Изъ трехъ экземпляровъ лучше всѣхъ сохранился находящійся въ коллекціи С. В. Бодилевскаго; экземпляръ Университета замѣчателенъ тѣмъ, что чеканенъ на другой монетѣ; часть нижняго чекана видна только подъ Об. ст. нашей монеты; по формѣ навершія хоругви, а также уцѣлѣвшихъ буквъ прежней круговой надписи (ЧСЕ), видно, что первоначальный чеканъ принадлежалъ монетѣ Владиміра, II-го типа.

№ 96. Лиц. ст. похожа на Лиц. ст. предъидущаго №, но фигура великаго князя, кажется, поменьше. Об. ст. вполнѣ схожа съ Об. ст. предъидущаго №: надпись та-же; въ словѣ *серебро* видно второе Р, которое тоже обращено налѣво.

1 экземпляръ въ коллекціи Университета Св. Владиміра.

Вѣсъ 61 доля. Изображеніе на Т. 9 № 9. Нѣжинскій кладъ. У Волошинскаго подъ № 22.

№ 97. Подобная предъидущимъ, но очень грубой работы.

1 экземпляръ въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 57 долей. Изображеніе па ТТ. 3 и 4 № 15. Нѣжинскій кладъ.

№ 98. Подобная предъидущимъ, но лицо великаго князя овальное, на шапкѣ крестъ обозначенъ только тремя бусами.

1 экземпляръ принадлежитъ А. А. Кунику.

Вѣсъ 67 долей. Изображеніе на Т. 7 № 7. Нѣжинскій кладъ.

№ 99. Подобная предъидущей, но голова великаго князя больше; шапка безъ креста и бусъ.

3 экземпляра, изъ которыхъ 1 въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 60 долей. Изображеніе на ТТ. 3 и 4 № 16.

2 въ коллекціи Университета Св. Владиміра.

Вѣсъ 82 доли. Изображеніе па Т. 9 № 11. Всѣ 3 экземпляра изъ Нѣжинскаго клада. У Волошинскаго подъ №№ 25 и 27.

Уже Волошинскій замѣтилъ большое сходство между обоими экземплярами Университета (см. примѣч. къ № 27: „экземпляръ этотъ во многомъ похожъ на № 25"); по тщательномъ сличеніи, мы нашли, что они чеканены одними штемпелями.

№ 100. Монета похожая на описанныя подъ предъидущимъ №, но вся фигура великаго князя поменьше.

1 экземпляръ въ коллекціи Университета Св. Владиміра.

Вѣсъ 58 долей. Изображеніе на Т. 9 № 10. Нѣжинскій кладъ. У Волошинскаго подъ № 24.

Этотъ экземпляръ чеканенъ двойнымъ ударомъ.

№ 101. Лиц. ст. похожа на Лиц. ст. предъидущихъ, хотя очень грубой работы; па Об. ст. изображеніе хоругви напоминаетъ монеты Владиміра: правый

откосъ не имѣетъ формы креста и между откосами видно древко; но, съ другой стороны, навершіе почти тоже, что и на остальныхъ монетахъ Святополка.

1 экземпляръ въ коллекціи Университета Св. Владиміра.

Вѣсъ 54 доли. Изображеніе на Т. 9 № 6. Нѣжинскій кладъ. У Волошинскаго подъ № 28.

Изображеніе великаго князя на описанныхъ монетахъ напоминаетъ изъ предъидущихъ типовъ монетъ Владиміра болѣе всего IV-й. Та-же форма престола, тотъ-же плащъ, та-же ясность очертанія рукъ и закругленность складокъ одежды надъ лѣвымъ колѣномъ, (хотя на монетахъ Владиміра видна только одна складка, а на разбираемыхъ ихъ нѣсколько); крестъ на шапкѣ встрѣчается и на монетахъ Владиміра. Крестъ въ правой рукѣ великаго князя тоже болѣе всего походитъ на крестъ IV-го типа — стоитъ только отнять 4 бусы, окружающія средину, и получится крестъ IV-го типа. На №№ 84, 95, 96, 99 и 100 замѣтна подъ ногами великаго князя такая-же скамейка, какъ на №№ 68, 71, 78 и 82.

Монета, описанная нами подъ № 83, особенно напоминаетъ монеты Владиміра. IV-го типа (напр. №№ 78 и 79): на ней даже форма буквъ та-же.

На Об. ст. хоругвь имѣетъ другую форму; впрочемъ, острожекъ или навершіе хоругви, а также двѣ завитушки подъ нимъ положительно напоминаютъ IV-й типъ, но далѣе этого сходства не распространяется.

Въ общемъ, замѣчается грубость работы сравнительно съ монетами IV-го типа (за исключеніемъ № 83).

Обращаясь къ надписямъ на разбираемыхъ монетахъ, мы должны сперва указать на замѣчательное однообразіе — почти ни на одномъ штемпелѣ не пропущено ни одной буквы, находящейся на другомъ, даже расположеніе отдѣльныхъ буквъ относительно изображеній на всѣхъ одинаково.

Мы читаемъ надпись на Лиц. ст., какъ Волошинскій:

СТОПЛЪК(К)Ъ Н⊲ СТОЛѢ,

а на Об. ст.:

+ ⊲ СЄ ЄГО СЄРЄБРО

на одномъ № 83 — .....СРЄБРО т. е. тоже правописаніе, что на монетахъ Владиміра.

Надпись на Об. ст. вездѣ полная и не возбуждаетъ никакого сомнѣнія, но надпись Лиц. ст. требуетъ внимательнаго разсмотрѣнія.

Изъ буквъ надписи Лиц. ст. ясно очерчены слѣдующія:

С ОПЛЪ Ъ Н⊲ СТОЛ(Ѣ),

причемъ буква Н всегда имѣетъ форму греческаго (или латинскаго) прописнаго N, буква ⊲, за исключеніемъ №№ 83 и 91, форму I и, наконецъ, буква Ѣ замѣнена крестикомъ (+).

Остальныя три буквы надписи очевидно невѣрно изображены: ни одна буква славянскаго алфавита не соотвѣтствуетъ ихъ формѣ.

Первая загадочная буква (2-я въ круговой надписи), имѣющая видъ двухъ ломанныхъ черточекъ, расположенныхъ одна надъ другой (ℸ), есть вѣроятно искаженіе буквы Т подъ титломъ (такъ предполагаетъ и г. Волошинскій; на одномъ штемпелѣ (№ 92), повидимому, дѣйствительно вмѣсто двухъ черточекъ изображено Т подъ титломъ). Тогда 2 первыя буквы СТ҃ представятъ обыкновенное сокращеніе слова СВѦТ.

7-я и 8-я буквы въ надписи очевидно тождественны (см. напр. № 84) — обѣ имѣютъ видъ горизонтальной черточки съ двумя перпендикулярными къ ней линіями на концахъ, обращенными внизъ (нѣсколько похоже на букву П); таково обыкновенное ея начертаніе; но на иныхъ штемпеляхъ эта буква имѣетъ почти форму квадрата (№ 87), на другихъ одинъ уголъ закругленъ (№ 99).

Гласная передъ Ъ немыслима, слѣдовательно это согласная, повторенная два раза, очевидно по ошибкѣ, такъ какъ такое повтореніе тоже немыслимо передъ Ъ. Итакъ, получаемъ слѣдующую надпись:

СВѦТОПЛЪ + неизвѣстная согласная + Ъ.

Очевидно, что эта неизвѣстная согласная есть буква К, такъ какъ всякая другая, вставленная вмѣсто нея, отниметъ всякій смыслъ у слова. Жаль, что на № 83 невозможно разобрать имени: судя по тщательной отдѣлкѣ буквъ въ види-

мой части надписи, можно думать, что на этой монетѣ оно было изображено ясно [1].

Въ надписи Об. ст. замѣчательно разнообразіе въ формѣ изображенія буквы Ꙁ (ср. №№ 83, 84, 88, 92, 94, 95 и 96), на №№ 95 и 96 буква Ρ въ обратномъ положеніи. Буква ⊲ на Об. ст. нигдѣ не имѣетъ формы ǀ, какъ на Лиц. ст. Передъ ⊲ всегда крестъ.

Среднiй вѣсъ изъ 28 экземпляровъ — немного болѣе 63½ долей; самый тяжелый вѣситъ 1 зол. 9 долей (№ 89), а самый легкiй — 42 доли (№ 88).

Серебро, повидимому, различнаго достоинства, такъ №№ 88, 98 и другiе очевидно чеканены изъ низкопробнаго металла.

1 Впрочемъ намъ кажется, что можно различить первыя двѣ буквы СТ, хотя столь неясно, что мы не рѣшились обозначить ихъ на Т. 3а.

МОНЕТЫ ЯРОСЛАВА.

СЕРЕБРЯНЫЯ.

I ТИПЪ.

№ 102. *Лиц. ст.* Изображеніе безъусаго человѣка впрямь, завернутаго въ широкій плащъ въ складкахъ; голова, безъ шапки, покрыта длинными вьющимися волосами и окружена вѣнчикомъ изъ бусъ; въ правой рукѣ длинный крестъ, наклоненный на правое плечо; на оконечностяхъ креста 3 бусы; лѣвая рука покоится на груди; надпись по правую руку фигуры сверху внизъ:

Г
Є
ГІ (= Г + І)
О
С (Т. 3а № 17)

т. е. ГЄГІОС вмѣсто ГЄѠРГІОС

знакъ между Є и ГІ можетъ представлять букву Р, но вѣрнѣе — изображаетъ ручку сѣдалища; по лѣвую руку фигуры — та-же надпись, но снизу вверхъ.

По краю монеты двойной ободокъ изъ бусъ.

Об. ст. Изображеніе хоругви вполнѣ тождественное съ находящимся на монетахъ Святополка, но между откосами вмѣсто креста — буква Р и подъ ней черточка (не монограмма-ли это Христа?).

Надпись:

О +
Г (ↄ)
Є О
О (I)
Р (ꟷ) (Т. 4а № 17)

т. е. Ὁ (ἅγιος) ΓЄΟΡΓΙΟϹ (Св. Георгій)

двойной ободокъ изъ бусъ.

1 экземпляръ въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 83 доли. Изображеніе на ТТ. 3 и 4 № 17. Нѣжинскій кладъ.

Единственнымъ представителемъ этого типа является экземпляръ, находящійся въ нашей коллекціи; поэтому, до появленія другихъ подобныхъ монетъ, какія либо обобщенія невозможны. Замѣтимъ только, что имя святаго Γεώργιος повторено на монетѣ три раза и что лицо фигуры соотвѣтствуетъ лику Св. Георгія, принятому византійской церковной живописью. „Старинное руководство къ живописи, находя-„щееся въ рукописи въ одномъ монастырѣ на Аѳонской горѣ, начинаетъ главу о „святыхъ мученикахъ и ихъ признакахъ (οἱ ἅγιοι μάρτυρες καὶ τὰ σχήματα αὐτῶν) „исчисленіемъ *святыхъ воиновъ:*

„Святой Георгій молодъ, безъ бороды
„Дмитрій, у него усы“....

(Куникъ, О русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I Владиміровича.... Спб. 1860. стр. 69).

II ТИПЪ.

№ 103. *Лиц. ст.* Изображеніе великаго князя впрямь въ низкой шапкѣ; одежда покрыта многочисленными складками; въ правой рукѣ длинный крестъ, стоящій вертикально, на оконечностяхъ котораго 4 бусы; лѣвая рука покоится на груди; голова окружена вѣнчикомъ изъ бусъ; надписи: по правую руку великаго князя, сверху внизъ:

І
Г
И
Р,

а по лѣвую, тоже сверху внизъ:

✝ (съ 4-мя бусами на оконечностяхъ)
Г
Є (въ обратномъ положеніи)
Ю (поперекъ надписи)
Р (въ обратномъ положеніи)

въ двойномъ ободкѣ изъ бусъ.

Об. ст. Изображеніе хоругви, отчасти похожее на находящееся па монетѣ І-го типа, но крестъ, которымъ оканчивается лѣвый откосъ, гораздо меньше и иной формы и на обоихъ откосахъ другіе узоры; между откосами — полумѣсяцъ, обращенный рогами внизъ; надпись:

слѣва отъ хоругви: (Г)(Д)?
(Ю)
Р
Г
И
Н,

справа отъ хоругви: И
Д
Р
(И)
и знакъ, состоящій изъ четырехъ черточекъ, положенныхъ накрестъ съ 8-ю бусами на концахъ,

въ двойномъ ободкѣ изъ бусъ.

1 экземпляръ въ коллекціи Университета Св. Владиміра.

Вѣсъ 91 доля. Изображеніе на Т. 9 № 12. Нѣжинскій кладъ. У Волошинскаго подъ № 29.

№ 104. Изображенія и надписи тѣ-же; на лѣвомъ рукавѣ одежды великаго князя замѣтны 4 бусы.

1 экземпляръ въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 68 долей. Изображеніе на ТТ. 3 и 4 № 18. Нѣжинскій кладъ.

Въ коллекціи Университета Св. Владиміра находятся 2 экземпляра, очень похожіе на № 104; вѣсъ ихъ 48 и 69 долей; у Волошинскаго подъ №№ 30 и 31.

№ 105. Подобная предъидущимъ, но надписи Лиц. ст. слѣдующія:

по правую руку великаго князя: ⁘
I
Г
Н
+ (съ 4-мя бусами на оконечностяхъ)
Ь (перевернутое Р?)

по лѣвую руку великаго князя: ⁘
Г
Э
Ѣ
d (какъ на предъидущихъ).

1 экземпляръ въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 52 доли. Изображеніе на ТТ. 3 и 4 № 19. Нѣжинскій кладъ.

№ 106. Подобная предъидущимъ, но чеканенная другими штемпелями.

Плохой экземпляръ въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 78 долей. Изображеніе на ТТ. 3 и 4 № 20. Нѣжинскій кладъ.

№ 107. Подобная предъидущимъ, но чеканенная другими штемпелями.

Плохой экземпляръ въ коллекціи Эрмитажа.

Вѣсъ 91 доля. Изображеніе на Т. 5 № 12. Нѣжинскій кладъ.

Изображенія на монетѣ Ярослава, II-го типа тѣ-же, что на монетахъ предъидущихъ великихъ князей.

На Лиц. ст. — великій князь впрямь, сидящій-ли, или стоящій, трудно разобрать; во всякомъ случаѣ сѣдалища не видно, но округленныя у колѣнъ складки одежды, какъ на монетахъ Святополка, заставляютъ предполагать, что рѣзчикъ хотѣлъ представить великаго князя сидящимъ.

Шапка на головѣ низкая, безъ бусъ и креста, но по сторонамъ лица, кажется, спускаются отъ нея нитки изъ бусъ. На широкой одеждѣ, которая вся въ складкахъ, бусъ не видно, исключая 4-хъ на лѣвомъ рукавѣ (№ 104).

Руки очерчены довольно ясно.

Крестъ, стоящій вертикально, по своей формѣ напоминаетъ болѣе всего крестъ на монетахъ Владиміра, II-го типа.

Работа удовлетворительна, хотя грубѣе работы монетъ Владиміра, IV-го типа и болѣе совершенныхъ монетъ Святополка.

На Об. ст. форма хоругви напоминаетъ монеты Святополка; главныя отличія слѣдующія:

1) крестъ, которымъ заканчивается на тѣхъ и другихъ лѣвый откосъ хоругви, на монетахъ Ярослава значительно меньше и имѣетъ нѣсколько иную форму — тогда какъ на монетахъ Святополка, контуръ креста выведенъ прямыми линіями и образуетъ 9 выдающихся угловъ, на монетахъ Ярослава контуры закруглены;

2) подъ хоругвью вмѣсто креста — полумѣсяцъ рогами внизъ.

Волошинскій описалъ эти монеты подъ №№ 29—31 (V классъ). За описаніемъ слѣдуетъ слѣдующее примѣчаніе:

„Скудость сего класса монетъ, въ связи съ ихъ неясностью, лишаетъ насъ „возможности составить болѣе или менѣе точное понятіе, какъ о порядкѣ буквъ „въ надписяхъ обѣихъ сторонъ, такъ и о надлежащемъ ихъ начертаніи. Читая сіи „надписи въ отвѣсномъ направленіи, и принимая нѣкоторыя изъ буквъ за ошибочно „вставленныя, неправильно начертанныя и переставленныя, можно, кажется, пред-„положить, что на *Лиц. ст.* выражается слово: *Гегорги* или *Гегорьги*, или то же имя „съ окончаніемъ *гій*, а на *Об. ст. Иорги* или *Иорьги*, или то же имя съ окончаніемъ „*гій*. Напротивъ того, читая правую сторону лицевой надписи въ обыкновенномъ „направленіи, выходитъ, кажется, слово: *Геюрги* или *Геюрьги*, или то же имя съ „окончаніемъ *гій*. Должно впрочемъ замѣтить, что это имя (Георгій) въ лѣтописяхъ „нашихъ имѣетъ различныя формы: *Дюрдій*, *Юрьгій*, *Юрій*, *Гюрьгій*, *Гюрги*, „*Геюрги*, *Егорій* и т. п.“

Въ выноскѣ: „Такъ напр. буква Т, можетъ быть, употреблена здѣсь вмѣсто Г, „которое на монетахъ нашихъ имѣетъ три начертанія: Г, Г и Т, буква I или „вставлена ошибочно, или въ связи съ буквой И составляетъ окончаніе *ій;* буква „Р въ лицевой и обратной надписяхъ, на лѣвой сторонѣ кружка, могла означать „или Р (и въ такомъ случаѣ употреблена дважды для означенія, можетъ быть, пе- „ренесенія слова), или же означаетъ Ь и т. п.“

Мы, также какъ г. Волошинскій, думаемъ, что на монетахъ нѣсколько разъ повторено искаженное имя Георгія, но считаемъ преждевременнымъ систематическій разборъ надписей: для этого нужно большее количество удовлетворительныхъ экземпляровъ. Г. Волошинскій приписываетъ ихъ Юрію Владимировичу Долгорукому (1227—1257); наши доводы противъ такого опредѣленія помѣщены нами въ 4-й главѣ.

Среднiй вѣсъ изъ 7 экземпляровъ — 71 доля; самый легкій вѣситъ 48 долей, два самыхъ тяжелыхъ (№№ 103 и 107) по 91 доли.

III ТИПЪ.

№ 108. *Лиц. ст.* Поясное изображеніе Св. Георгія Побѣдоносца впрямь; голова, покрытая вьющимися волосами, окружена вѣнчикомъ изъ бусъ; на плечахъ плащъ въ складкахъ, застегнутый на груди у праваго плеча круглой пряжкой; въ правой рукѣ копье, наклоненное на правое плечо, а лѣвая покрыта круглымъ щитомъ, украшеннымъ по краю бусами, отъ котораго видна только верхняя часть; надпись по правую руку Святаго:

О (съ точкой по серединѣ)
Г
Є

а по лѣвую:

ѾͦͦЃ
Y
Г I
О

т. е. ὁ (ἅγιος) Γεώργιος (Св. Георгій).

Вокругъ изображенія и надписи два ободка изъ бусъ, причемъ между ободками оставлено значительное свободное пространство, въ которомъ помѣщены четыре крестика, составленныхъ каждый изъ четырехъ бусъ ·:·; крестики эти расположены вокругъ изображенія (крестообразно), въ равномъ другъ отъ друга разстояніи такимъ образомъ, что одинъ находится прямо надъ головой Святаго, другой подъ изображеніемъ, а два остальныхъ по бокамъ.

Об. ст. Изображеніе хоругви; древко очень широкое, на нижней оконечности его кружокъ съ бусой по срединѣ, на полотнищѣ такихъ же 5 бусъ; круговая надпись:

+ ꙖРОСЛ◁ВЛ ЄСЪРЄБРО

такихъ же два ободка, какъ на Лиц. ст.; въ свободномъ между ободками пространствѣ 4 буквы, расположенныя, какъ крестики на Лиц. ст. —

◁
М Н
N

и составляющій слово ◁МНN (аминь).

2 экземпляра, изъ которыхъ одинъ въ коллекціи графа С. Г. Строгонова.

Вѣсъ 85 долей. Изображеніе на Т. 13 № 1.

Второй принадлежитъ графу А. А. Мусину-Пушкину.

Вѣсъ 74 доли. Изображеніе на Т. 13 № 2[1].

№ 109. *Лиц. ст.* Изображеніе и надписи тѣ-же, что на Лиц. ст. № 108, хотя есть, кажется, едва замѣтная разница въ формѣ отдѣльныхъ буквъ.

Об. ст. Изображеніе хоругви, какъ на № 108, но значительно меньшихъ размѣровъ; на полотнищѣ всего 3 бусы; круговая надпись:

+ꙖРОСЛ◁В ЛЄСРЄБРО

1 Ради удобства, мы рѣшаемся отступить отъ принятаго нами правила — сообщать все извѣстное о монетѣ подъ ея описаніемъ; дѣло въ томъ, что столько было говорено о монетахъ Ярослава, что слѣдуй мы нашему правилу, описаніе отдѣльныхъ монетъ этого типа было бы раздѣлено цѣлыми страницами извлеченій изъ нумизматическихъ трудовъ, очевидно въ ущербъ наглядности.

въ свободномъ между ободками пространствѣ тѣ-же четыре буквы, что и на № 108, но расположенныя слѣдующимъ образомъ:

ᐊ

Z   Ξ

Н

въ четырехъ промежуткахъ между буквами, въ равномъ отъ каждой разстояніи, по одной бусѣ. Такимъ образомъ, слово *аминь* на этой монетѣ является какъ-бы второй (внѣшней) круговой надписью.

1 экземпляръ серебряный (скорѣе $\frac{1}{4}$ экземпляра).

Изображеніе на Т. 13 № 3.

2 экземпляра мѣдныхъ, изъ которыхъ одинъ пріобрѣтенъ А. А. Куникомъ.

Вѣсъ 1 зол. 16 долей. Изображеніе на Т. 13 № 6.

Другой въ коллекціи Берлинскаго музея. Изображеніе на Т. 13 № 4.

Оба послѣднихъ экземпляра кажутся намъ литыми; объ этомъ будетъ сказано ниже.

№ 110. *Лиц. ст.* Изображеніе тоже, что на предъидущихъ, но грубой работы; кудри на головѣ св. Георгія замѣнены бусами; прямо надъ головой Святаго у самаго вѣнчика — крестикъ и второй такой-же ближе къ концу копья; между ними черточка; надпись:

О   Ш̄

Г   ⁘

Є   ГΥІ

О

въ ободкѣ изъ бусъ (?).

Об. ст. Изображеніе хоругви, подобное находящемуся на № 109, но грубой работы; на навершіи два кружка и между ними буса; около двухъ откосовъ по кресту; круговая надпись:

✢ ꙖRОСЛЪВ ✢ ЛЄСРЄБРО

въ ободкѣ изъ бусъ.

2 экземпляра въ королевскомъ минцъ-кабинетѣ въ Стокгольмѣ.

Вѣсъ 35 долей. Изображеніе на Т. 13 № 5.

Большинство свѣдѣній о монетахъ Ярослава, III-го типа собраны въ сочиненіи А. А. Куника: „о русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I" и т. д. С.-Петербургъ. 1860 г. Вотъ что онъ сообщаетъ о первомъ извѣстномъ экземплярѣ, описанномъ нами подъ № 108 и принадлежащемъ нынѣ графу Александру Алексѣевичу Мусину-Пушкину: „онъ найденъ былъ въ 1792 году, или около этого времени, „въ Кіевѣ, по словамъ самого графа, „при копаніи рва"[1]. (См. Записки для біографіи „его сіятельства графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, въ Вѣстникѣ „Европы, Ч. LXXII, Москва, 1813). Первое извѣстіе объ немъ сообщено печатно „въ 1797 году конференцъ-секретаремъ Академіи Художествъ Фёлькнеромъ. Онъ „самъ видѣлъ монету; увѣривъ, что она „съ незапамятныхъ временъ висѣла на „иконѣ", приписывалъ ее уже Ярославу Владиміровичу, хотя безъ дальнѣйшихъ „доказательствъ; опредѣлилъ ея вѣсъ въ 53 аптекарскихъ грана, но присовокупилъ „къ тому ошибочныя соображенія (Allgemeiner litterarischer Anzeiger, Leipzig 1797, „стр. 764: ....Auf der rechten Seite steht das Brustbild in einem Kniestück „Sancti Georgii, mit seines Namens *Slowäno-russischer* Aufschrift Георги...... „Auf dem Reverse steht um das Wappen die Umschrift: Ярославле сребро Jarossla-„wisches Silber, und in der äussersten Exergue die drei Buchstaben М.А.Н bedeuten „монѣта одной ногатой, Münze einer Nogate)". Въ 1802 году о монетѣ Ярослава упоминаетъ Авг. Шлецеръ:

„Касательно ея онъ ограничился лишь слѣдующимъ замѣчаніемъ: „отъ недав-„няго времени насъ увѣдомляютъ изъ Россіи еще объ одномъ открытіи. Найдена-„дескать серебряная монета, вѣсомъ около квента, съ надписью: Ярославле „сребро, — будто-бы Ярослава I († 1054)". (Несторъ. Russische Annalen. 2. Theil. „Göttingen, 1802, стр. 278; Т. I, русскаго перевода, стр. род. и 384). „.......Прежде нежели былъ изданъ рисунокъ монеты, объ ней отозвался, тогда „уже опытный нумизматъ, академикъ Кругъ, въ своемъ первомъ сочиненіи, „.......„Монета" — писалъ онъ въ 1805 году (Zur Münzkunde Russlands, St.-Pe-„tersburg, 1805, на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Критическія разъисканія о „древнихъ русскихъ монетахъ". С.-Петербургъ. 1807 г., стр. 201—206) — совер-„шенно хорошо сохранилась и не потерпѣла, можетъ быть, никакой или развѣ

[1] Это невѣрно: при копаніи рва былъ найденъ рублевый слитокъ съ надписью: КНѦЗ ВОЛОД: монета висѣла на иконѣ, какъ совершенно вѣрно сообщилъ г. Фёлькнеръ (на это указалъ г. Куникъ, см. Записки Академіи Наукъ, Томъ 35-й, 1879 г. Протоколы стр. 55).

„ужъ весьма малую утрату. Какого она Ярослава, я не знаю. Возбуждено было „сомнѣніе на счетъ ея существованія; но я могу увѣрить, что я видѣлъ ее у графа „въ Москвѣ. Существованіе ея для меня доказано, и я не могу сомнѣваться въ ея „подлинности.....“

„Вслѣдъ за сочиненіемъ Круга явилось подробное разсужденіе Оленина „о тмутараканскомъ камнѣ. Къ нему приложенъ снимокъ монеты, рисованный и „гравированный А. Ермолаевымъ, который самимъ графомъ Мусинымъ-Пушки-„нымъ въ 1812 году признанъ былъ *вѣрнымъ* (письмо графу А. И. Мусину-„Пушкину о Камнѣ Тмутараканскомъ, найденномъ на островѣ Таманѣ въ 1792 г. „въ градѣ Св. Петра, 1806 г., стр. 32; рисунокъ монеты находится на стр. 28). „Изъ этого рисунка видно, 1) что монета не вполнѣ сохранилась и кое-гдѣ по-„истерлась, и 2) что на верхнемъ ея краѣ, вѣроятно, при отнятіи ушка, выломленъ „кусочекъ, который впрочемъ едва-ли составитъ 3 или 4 грана (отъ 4 до 5⅓ до-„лей)......“

.......„Въ 1812 году пожаръ Москвы истребилъ дорогое собраніе рукописей „графа Мусина-Пушкина и съ нимъ, вѣроятно, и монету Ярослава (Chaudoir: „dans le cabinet du comte Moussin-Pouchkin à Moscou, on conservait, avant „l'incendie de 1812, une medaille d'argent d'un Jaroslaff); по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ „поръ нигдѣ не упоминается о ея существованіи......“

„.....Сребро Ярославле, кромѣ Штарка (Cours d'économie politique. T. VI. „St.-Pétersbourg, 1815, p. 47) и Карамзина (Исторія, II-е изданіе, 1818 года, II, „прим. 56), приписывалъ Ярославу Владиміровичу и Калайдовичъ (Біографическія „свѣдѣнія о жизни, ученыхъ трудахъ...... графа А. И. Мусина-Пушкина, „стр. 7—11, см. Записки и труды Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. „Ч. II. Москва. 1824 г.). Бекетовъ (О сребрѣ Ярославлѣ, Записки и труды Обще-„ства Исторіи и Древностей. Ч. II. 1824 г. стр. 124—134) былъ того-же мнѣнія, „но уже выразилъ недоумѣніе, было ли это сребро ходячей монетой. Успенскій „(Опытъ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ, изданіе II-е, Харьковъ, 1818 г., „II, стр. 664) держался мнѣнія Круга.

„Рисунокъ Ермолаева повторили Калайдовичъ (Труды Общества Исторіи и „Древностей Россійскихъ. Ч. III. Кн. II. Москва. 1827 г., стр. 163), Шодуаръ „(Aperçu sur les monnaies russes etc. recueil de planches, II, 1 № 3) и Сахаровъ „(Лѣтопись русской нумизматики, на Т. I рис. 4)“.

О другомъ экземплярѣ, описанномъ нами подъ тѣмъ-же 108 №, г. Куникъ на стр. 43 и слѣд. говоритъ слѣдующее:

„Верстахъ въ 4-хъ отъ Дерпта у деревни Ратсгофъ найдено въ могилѣ — по „словамъ профессора Крузе уже въ 1834 году — нѣсколько монетъ, о древности „которыхъ, кажется, въ литературѣ нумизматическихъ кладовъ ничего не было „сказапо......"

„Въ числѣ этихъ монетъ, найденныхъ въ могилѣ, оказался хорошо сохранив„шійся экземпляръ того-же самаго Ярославля сребра, какое было у графа Мусина„Пушкина (Necrolivonica oder Alterthümer Liv-, Esth- und Kurlands.... von „F. Kruse. Dorpat. 1842. Beilage D. p. 19; Beilage E. p. 17, 18. Первое извѣ„стіе объ этой монетѣ на русскомъ языкѣ въ Журналѣ Министерства Народнаго „Просвѣщенія. Ч. XVIII, 1838 г. стр. 654). Чрезъ посредство профессора Гор„лова эта монета поступила въ кабинетъ графа С. Г. Строгонова, который потомъ „самъ описалъ ее. По изданному имъ рисунку она изображена здѣсь ниже на „Т. В № 2".

„Утверждали, что этотъ экземпляръ Ярославовой монеты *совершенно схожъ*, „*даже въ мельчайшихъ подробностяхъ*, съ монетой графа Мусина-Пушкина....."

Къ извѣстіямъ, сообщеннымъ въ трудѣ г. Куника, намъ остается прибавить лишь нѣсколько словъ.

Съ 1862 года стало извѣстно, что экземпляръ графа Мусина-Пушкина уцѣлѣлъ во время Московскаго пожара. Это видно изъ слѣдующаго письма Калайдовича, отъ 13 Декабря 1813 года къ графу Ал. Ив. Мусину-Пушкину, напечатаннаго П. А. Безсоновымъ:

„Съ удовольствіемъ читалъ я увѣдомленіе о сохранившемся остаткѣ Вашихъ „сокровищъ: сребро Ярославле, первое мѣсто въономъ теперь занимающее, къ „счастію уцѣлѣло, ибо и оно не менѣе важно пѣсни Игоревой и камня Тмутара„канскаго........" (Матеріалы для жизнеописанія К. Ѳ. Калайдовича, П. А. Безсонова, Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей при Московскомъ Университетѣ 1862 года, книга 3-я, стр. 98).

О находкѣ экземпляра, принадлежащаго нынѣ графу С. Г. Строгонову, мы можемъ сообщить нѣкоторыя подробности со словъ первоначальнаго ея владѣльца, профессора И. Я. Горлова, любезно сообщившаго намъ все, что онъ помнилъ объ этой находкѣ.

Въ 1838 году въ Дерптѣ къ покойному В. И. Григоровичу, бывшему въ послѣдствіи профессоромъ славянскихъ нарѣчій, пришелъ однажды гимназистъ, Авг. Трейеръ, и принесъ ему нѣсколько монетъ изъ числа находившихся у золотыхъ дѣлъ мастера; г. Григоровичъ пригласилъ своего товарища И. Я. Горлова

пойти съ нимъ къ золотыхъ дѣлъ мастеру, и тамъ г. Горловъ пріобрѣлъ на вѣсъ серебра нѣсколько монетъ, въ томъ числѣ сребро Ярославле, нѣсколько англосаксонскихъ (Этельреда) и куфическихъ. Г. Горлова заинтересовала монета Ярослава, такъ какъ онъ, еще будучи въ Москвѣ студентомъ, слышалъ о единственномъ тогда экземплярѣ графа Мусина-Пушкина; онъ попросилъ своего товарища навести справки о мѣстѣ и подробностяхъ находки. В. И. Григоровичъ, который былъ знакомъ съ золотыхъ дѣлъ мастеромъ, легко отыскалъ по его указанію русскаго рабочаго — землекопа, нашедшаго монету и продавшаго ее ему. Землекопъ объяснилъ, что нашелъ эту монету въ Ратсгофѣ (верстахъ въ 2-хъ отъ Дерпта) въ землѣ; *другихъ монетъ съ нею никакихъ найдено не было*, но вокругъ нея лежали шарики изъ яшмы; работникъ предложилъ г. Григоровичу нѣсколько такихъ шариковъ даромъ и послѣдній взялъ ихъ, давъ ему незначительное вознагражденіе: онъ передалъ ихъ И. Я. Горлову. Затѣмъ, около 1839 года послѣдній уступилъ сребро графу С. Г. Строгонову. Экземпляръ графа С. Г. Строгонова былъ изображенъ въ первый разъ въ Древностяхъ Россійскаго Государства (изданныхъ по Высочайшему повелѣнію. Отдѣленіе V. Москва. 1853. № 59). Этотъ рисунокъ, довольно неудачный, воспроизведенъ г. Куникомъ на Т. В № 2 его труда: изображенія неточныя и характеръ буквъ вполнѣ искаженъ; болѣе удачный рисунокъ помѣщенъ въ Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wappen-Kunde 1. Bd. 2. Heft. 1859. Berlin, на Т. А № 1; на той-же Таблицѣ подъ № 2 изображенъ экземпляръ графа Мусина-Пушкина.

Благодаря любезности графа А. А. Мусина-Пушкина и графа С. Г. Строгонова, намъ была доставлена возможность внимательно сличить оба экземпляра Ярославля сребра; результатомъ этого сличенія было вынесенное нами убѣжденіе, что оба экземпляра чеканены одними штемпелями и кажущаяся между ними разница произошла единственно отъ различной степени сохранности — тогда какъ монета графа С. Г. Строгонова почти такъ-же свѣжа, какъ когда вышла изъ подъ молотка мастера, другая сильно потерта, съ пробитой сверху дырой и носитъ на себѣ отпечатокъ вѣковъ.

При взглядѣ на наши рисунки, исполненные по оригиналамъ (Т. 13), болѣе всего бросается въ глаза замѣтная разница въ толщинѣ буквъ на двухъ экземплярахъ; мы считаемъ умѣстнымъ объяснить, какимъ образомъ эта разница могла возникнуть: дѣло въ томъ, что рѣзщикъ, при фабрикаціи штемпеля, вырѣзалъ буквы такъ, что на поверхности его онѣ были шире, чѣмъ вглубь штемпеля; вслѣдствіе этого, на монетѣ верхняя часть буквъ вышла тоньше нижней; очевидно, что когда

верхняя часть буквъ стерлась, какъ на экземплярѣ графа Мусина-Пушкина, на поверхности осталась нижняя, и слѣдовательно болѣе широкая часть.

Обращаемся теперь къ монетамъ, описаннымъ подъ № 109. Изъ трехъ извѣстныхъ намъ однородныхъ экземпляровъ, только одинъ не возбуждаетъ никакого сомнѣнія въ своей подлинности — это серебряный кусокъ, найденный въ Познани, два другіе, мѣдные, по нашему твердому убѣжденію — литые.

Серебряный кусочекъ найденъ въ кладѣ, отрытомъ въ 1880 году въ Познани (мѣсто неизвѣстно) и заключавшемъ въ себѣ около 1800 граммовъ (почти 4 фунта 35 зол.) серебра и пріобрѣтенъ для Королевскаго Минцъ-Кабинета въ Берлинѣ. Кладъ состоялъ изъ нѣмецкихъ, англо-саксонскихъ и другихъ монетъ XI-го столѣтія (какъ-то: Оттона, Этельреда, Канута и т. п.).

(См. Zeitschrift für Numismatik, Salet 1880. Berlin, гдѣ кусочекъ и изображенъ на стр. 149).

Изъ двухъ мѣдныхъ экземпляровъ, находящійся въ Берлинскомъ Музеѣ, пріобрѣтенъ, согласно протоколу, въ 1855 году отъ торговца монетами Гуго Гарте въ Кёльнѣ, совмѣстно съ 19-ю византійскими монетами.

Экземпляръ А. А. Куника происходитъ изъ коллекціи Данненберга, пріобрѣтенной барономъ Кёне; этотъ уступилъ ее покойному князю Вадбольскому, а г. Куникъ въ свою очередь пріобрѣлъ ее, послѣ смерти князя Вадбольскаго, у Варшавскаго еврея, съ тѣмъ, чтобы уступить ее вмѣстѣ съ пріобрѣтенными имъ между 1871 и 1878 гг. монетами Владиміра общественному учрежденію, какъ только вопросъ о подлинности ея будетъ рѣшенъ въ томъ или другомъ смыслѣ.

Спрошенный о происхожденіи мѣднаго серебра, г. Данненбергъ могъ только сказать, что оно пріобрѣтено имъ въ Ганноверѣ отъ лица, не возбуждающаго никакого подозрѣнія.

Вотъ все, что извѣстно о происхожденіи этихъ двухъ монетъ, которыя мы считаемъ несомнѣнно литыми (обѣ монеты изъ желтой мѣди).

А. А. Куникъ не убѣжденъ въ ихъ поддѣльности, но замѣчаетъ — и въ этомъ мы съ нимъ согласны — что главнымъ вопросомъ, если предположить, что монеты поддѣльны, является, съ какого оригинала предполагаемые поддѣлыватели сфабриковали эти экземпляры до 1855 года.

На этотъ вопросъ мы отвѣчать еще не можемъ: намъ, кромѣ кусочка, найденнаго въ 1880 году, другой монеты этого штемпеля неизвѣстно.

Если мѣдные экземпляры поддѣльны, то они непремѣнно отлиты съ подлиннаго (но неизвѣстнаго намъ) экземпляра. Мы можемъ даже съ увѣренностью сказать, что оригиналъ былъ чеканенъ одними штемпелями съ кусочкомъ, найденнымъ несравненно позже въ Познани.

Если признать, что мѣдные экземпляры современны серебрянымъ, то въ нихъ должно предположить древнія *„воровскія“* деньги; но это крайне рискованное предположеніе. Чтобъ самъ Ярославъ отливалъ со своихъ сребрениковъ мѣдяшки съ надписью Ярославле *сребро*, невозможно.

Итакъ, вѣроятнѣе всего предположить, что экземпляры эти суть новѣйшія поддѣлки и остается только надѣяться, что неизвѣстный намъ подлинный экземпляръ, съ котораго онѣ сдѣланы, когда нибудь отыщется.

Мало монетъ въ нумизматикѣ вообще (въ русской ни одна) возбудили столько толковъ и удостоились чести вызвать на свѣтъ такую литературу, какъ описанныя подъ № 110. Всесторонній разборъ этого памятника древности, возникшій вслѣдствіе нѣсколько страннаго описанія барономъ Кёне монеты, увидѣнной имъ въ 1858 году въ Стокгольмскомъ Минцъ-Кабинетѣ, настолько подвинулъ весь вопросъ о русскихъ монетахъ домонгольскаго періода, что мы сочли необходимымъ подольше остановиться на этомъ предметѣ.

Въ виду того, что большинство изданій, въ которыхъ помѣщены статьи о монетѣ, описанной нами подъ № 110. составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость, мы помѣщаемъ для интересующихся въ концѣ настоящей главы статьи эти цѣликомъ на томъ языкѣ, на которомъ онѣ были напечатаны, переведя на русскій языкъ только существенное.

Итакъ, баронъ Кёне, какъ мы сказали выше, увидавъ въ 1858 году въ Стокгольмскомъ Минцъ-Кабинетѣ, интересующую насъ монету, найденную директоромъ кабинета г. Гильдебрандомъ между куфическими, англо-саксонскими и древненѣмецкими, опубликовалъ ея описаніе и объясненіе въ слѣдующемъ же году въ издававшемся имъ журналѣ: Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wappen-Kunde (Neue Folge, 1. Band, 2. Heft. Berlin. 1859).

Вотъ почти дословный переводъ этой статьи (помѣщенной въ названномъ журналѣ на стр. 72—76):

№ 1.

„Самый древній и интересный русскій памятникъ есть, безъ сомнѣнія, серебряная „монета Олега, находящаяся въ Стокгольмскомъ Королевскомъ Минцъ-Кабинетѣ. На „Лиц. ст. этой монеты видно изображеніе Олега, имѣющаго вокругъ головы, покры-„той діадемой изъ бусъ, по византійскому обычаю, сіяніе, состоящее также изъ „бусъ. Платье его, имѣющее видъ плаща, застегнуто на правомъ плечѣ кольцомъ. „Въ правой рукѣ великій князь держитъ копье; у лѣвой же видна верхняя часть „щита. По бокамъ находятся слѣдующія, хотя не правильно разставленныя, но разборчивыя буквы:

OLEG REX

„На Об. ст.:

REGPIЄP O +IROGADU

„= Regwigw o Nrogadu; грубое изображеніе птицы съ раскрытыми крыльями, по „бокамъ хвоста которой два небольшихъ косыхъ креста. — Вѣсъ 1,583 грамма“.

„Эта монета очевидно чеканена какимъ нибудь норманскимъ мастеромъ, пріѣ-„хавшимъ съ Олегомъ съ Сѣвера. Да и какъ могъ бы Олегъ найти мастеровъ въ „Россіи, гдѣ монеты въ то время еще не существовало? Норманъ, такъ недавно „пріѣхавшій съ своимъ княземъ, не могъ еще быть знакомымъ съ русской азбукой, „а потому вырѣзалъ надпись латинскими буквами и на латинскомъ языкѣ, который „въ то время и былъ единственнымъ употребительнымъ на сѣверныхъ монетахъ. „Но онъ выгравировалъ имя князя по славянскому произношенію: OLEG, а не „Helge, какъ оно пишется въ сѣверныхъ лѣтописяхъ. Въ употребленіи титула: Rex „вмѣсто: *Великій князь*, нѣтъ ничего страннаго, особенно если мы обратимъ вни-„маніе на то, что въ сѣверныхъ лѣтописяхъ и сагахъ русскіе великіе князья всегда „называются конунгами, а что слово Rex ничто иное, какъ переводъ слова „Konung“.......

„Об. ст. нашей монеты является копіей съ англо-саксонскихъ монетъ: здѣсь „во первыхъ круговая надпись съ именемъ монетчика и названіемъ монетнаго го-„рода. Имена монетчиковъ встрѣчаются уже на монетахъ англо-саксонскихъ королей „съ VIII-го вѣка, слѣдовательно еще за сто лѣтъ до Олега. Названія монетнаго

„города вмѣстѣ съ именемъ монетчика встрѣчаются на англо-саксонскихъ монетахъ „съ начала IX-го столѣтія, слѣдовательно задолго до появленія Олега; итакъ, его „норманскій мастеръ точно подражалъ надписямъ, употреблявшимся на англо-„саксонскихъ монетахъ, обращавшихся тогда всюду и у всѣхъ на сѣверѣ“.

„Намъ не случалось встрѣчать доселѣ имени: Regwigw; а монетный городъ „ИROCAD есть, безъ сомнѣнія, Nrogad, Nowograd — Новгородъ; итакъ, Регвигвъ „былъ монетчикомъ въ Новгородѣ, древнѣйшей русской столицѣ. Знакъ въ концѣ „названія города составляетъ, повидимому, только украшеніе“.

„Птица, изображенная на нашей монетѣ, тоже встрѣчается на англо-саксон-„скихъ штемпеляхъ, напр. на одномъ динарѣ нортумберландскаго короля Анлафа „(914—945), гдѣ она изображаетъ, вѣроятно, древній датскій гербъ — ворона. „Этотъ воронъ былъ изображенъ на главномъ знамени Датчанъ, такъ назы-„ваемомъ вороновомъ прапорѣ (Rafnfan); оно попалось при Губбѣ, въ 878 году, „въ руки къ Англо-саксонцамъ, сражавшимся за Эльфреда. Такая-же птица изоб-„ражена на Об. ст. одной очень рѣдкой монеты Этельреда II, на Лиц. ст. которой „изображенъ Agnus Dei; это совмѣщеніе ясно доказываетъ, что птица на этой мо-„нетѣ представляетъ Духа Святаго въ видѣ голубя. Правда, эта англо-саксонская „монета чеканена лѣтъ черезъ сто послѣ Олега, но, вѣроятно, по какому нибудь „древнему византійскому первообразу, многимъ изъ которыхъ очень вѣрно подра-„жали древнѣйшія произведенія англо-саксонскаго искусства. Отсутствіе Агнца „Божія на нашей монетѣ указываетъ, кажется, на то, что грубое изображеніе птицы „на ней должно быть подражаніемъ ворону, подобному изображенному на упомяну-„тыхъ динаряхъ Анлафа нортумберландскаго. Впрочемъ, Олегъ былъ язычникомъ и, „слѣдовательно, сознательно не допустилъ бы на своей монетѣ христіанской эмблемы. „Два крестика возлѣ хвоста птицы должно считать за остатки ногъ, а крестъ въ „круговой надписи — только за значокъ, служащій для раздѣленія двухъ словъ.

„Когда же чеканена эта замѣчательная монета? Время опредѣлить нетрудно.

„Рюрикъ, основатель монархіи, умеръ въ 879 году, поручивъ великое княжество „своему родственнику Олегу...... На третій годъ по кончинѣ Рюрика, т. е. въ „882 году, Олегъ покинулъ Новгородъ и переселился съ Игоремъ въ Кіевъ, откуда „онъ совершилъ свой знаменитый походъ на Царьградъ; въ Новгородъ онъ болѣе „не возвращался: итакъ, монета должна быть чеканена между 879 и 882 годами“.

„Хотя эта монета, вырытая въ шведской землѣ съ разными арабскими, очень „грубой работы, но она даетъ понятіе объ образѣ героя, прибившаго свой щитъ „къ Галацкимъ воротамъ; онъ представленъ безъ бороды, въ широкомъ плащѣ и

„съ червленнымъ, вверху округленнымъ, а внизу остроконечнымъ, варяжскимъ „щитомъ.

„Совершенно тотъ-же типъ мы находимъ на слѣдующихъ русскихъ монетахъ:

№ 2.

„a) Ярослава I-го, сына Владиміра Равноапостольнаго (1012—1054 г.)...... „(слѣдуетъ описаніе экземпляра графа С. Г. Строгонова № 108).

„Эта монета чеканена Ярославомъ, вѣроятно, между 1012 и 1016 годами, во „время его пребыванія въ Новгородѣ, или еще вѣроятнѣе въ 1015 году, послѣ „кончины Владиміра. Онъ взялъ себѣ за образецъ монеты Олега, еще обращавшіяся „въ Новгородѣ; но времена измѣнились — Ярославъ былъ христіаниномъ, и потому „онъ помѣстилъ на Лиц. ст. своей монеты ликъ своего покровителя — Св. Георгія, „изображеніе котораго рѣшительно напоминаетъ ѳессалоникскія монеты. На Об. ст. „изображена птица, но головой внизъ, вѣроятно означая Св. Духа; но искаженіе „до того грубо, что едва узнаёшь ее; поэтому въ прежнихъ описаніяхъ этой монеты „(именно у Шодуара, Aperçu sur les monnaies russes, II, стр. 2) изображеніе „названо паникадиломъ; слово АМИН на краѣ Об. ст. тоже доказываетъ, что типъ „этотъ христіанскій".

№ 3.

„b) Та-же фигура находится и на Лиц. ст. золотыхъ монетъ, приписываемыхъ „нумизматами то Св. Владиміру, то сербскому Владиміру, царствовавшему съ 1015 „по 1016 годъ..... (Слѣдуетъ описаніе монетъ).

„Подражаніе птицѣ, еще болѣе грубое на этихъ золотыхъ монетахъ, ясно до-„казываетъ, что онѣ не могли быть чеканены прежде монеты Ярослава Владиміро-„вича, а чеканены позже, и что онѣ принадлежатъ не Владиміру Святославовичу „(972—1015), а Владиміру Всеволодовичу Мономаху (род. 1052 года), княжившему „въ Кіевѣ съ 1113 по 1125 годъ".

№ 4.

„c) Тому-же великому князю принадлежатъ, безъ сомнѣнія, монеты съ именемъ „Владиміра, найденныя въ 1852 году близъ города Нѣжина......“

Къ этой статьѣ приложена Таблица (VI, A) съ изображеніемъ слѣдующихъ монетъ:

Стокгольмскій экземпляръ (№ 1), экземпляръ графа С. Г. Строгонова (№ 2), золотой экземпляръ Владиміра коллекціи Рейхеля (№ 3), серебряный экземпляръ Владиміра, IV-го типа (№ 4) и монета Анлафа (№ 5).

Всѣ изображенія не вполнѣ точны.

Вскорѣ послѣ этой статьи, именно весною 1860 года, хранитель русскихъ монетъ при Императорскомъ Эрмитажѣ, Академикъ А. А. Куникъ выступилъ съ возраженіемъ противъ непонятнаго объясненія барономъ Кёне монеты, въ трудѣ подъ заглавіемъ: „О русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I Владиміровича съ изображеніемъ Св. Георгія побѣдоносца“ (съ 4-мя таблицами рисунковъ. С.-Петербургъ. 1860 года).

Въ предувѣдомленіи къ своему труду А. А. Куникъ изложилъ причины, побудившія его печатно опровергнуть мнимое открытіе барона Кёне.

„Г. Кёне“, говоритъ онъ (на стр. V); „бывшій съ 1845 по 1850 годъ хранителемъ при Минцъ-Кабинетѣ I-го отдѣленія Императорскаго Эрмитажа, осенью „1858 года привезъ изъ Стокгольма рисунокъ монеты, найденной имъ, въ тамошнемъ Королевскомъ Минцъ-Кабинетѣ, которую онъ, приписывая великому князю „*Олегу* (879 — 882 г.), объявилъ *древнѣйшимъ* памятникомъ изъ всѣхъ русскихъ „древностей. Этотъ рисунокъ, сдѣланный имъ самимъ и выдаваемый имъ за вѣрный, „онъ представилъ, съ предложеніемъ по этому предмету, въ I-е отдѣленіе Императорскаго Эрмитажа. Начальникъ этого отдѣленія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ф. А. Жиль поручилъ мнѣ составить о томъ донесеніе“.

„При разсмотрѣніи рисунка г-на Кёне самымъ очевиднымъ образомъ оказалось:

„1) что на Лиц. ст. этой монеты изображенъ не языческій князь *Олегъ*, а Св. „Великомученикъ *Георгій* по византійскому типу;

„2) что на Лиц. ст. монеты стоитъ не *латинская* круговая надпись: *Olegrex* „(= князь Олегъ), а отвѣсная *греческая:* Ὁ (ἅγιος) ΓΕѠΡΓΙΟ (= Святой Георгій),— „надпись часто встрѣчающаяся на византійскихъ и русскихъ иконахъ, крестахъ, „печатяхъ, монетахъ и проч.;

„3) что круговая надпись на Об. ст. вовсе не *латинская,* а *церковно-славян-* „*ская,* а потому въ ней читается не *Regwigw o Nrogad* (по мнѣнію г. Кёне: нор-„манскій монетчикъ Регвигвъ въ Новгородѣ), а очень ясно: +Ярославле сребро „(Ярославле сребро, т. е. серебреникъ Ярослава Георгія † 1054 г.);

„4) что эта монета представляетъ не *англо-саксонскій* чеканъ, а новый и „важный въ своемъ родѣ типъ для лучшей классификаціи и оцѣнки всѣхъ *русско-* „*византійскихъ* монетъ".

„На это донесеніе, вовсе чуждое полемики, г. Кёне въ Іюнѣ 1859 года подалъ „новую записку, въ которой онъ выразилъ свое удивленіе по поводу того, какъ „можно такую ясную латинскую надпись приписывать великому князю Ярославу, и „при этомъ позволилъ себѣ слѣдующій отзывъ:

„Я уже писалъ для напечатанія въ Запискахъ Одесскаго Общества „Древностей Россійскихъ и въ Германскомъ журналѣ для Нумизматики „статью о монетѣ Олега; эта статья будетъ поднесена на судъ всѣхъ „знатоковъ, между которыми, къ несчастію, не могу помѣстить гг. Чинов-„никовъ I-го отдѣленія Императорскаго Эрмитажа, такъ какъ никто изъ „нихъ до сихъ поръ не издалъ въ свѣтъ никакого сочиненія по Нумиз-„матикѣ".

„Вслѣдствіе такого и подобныхъ отзывовъ г. начальникъ I-го отдѣленія Эрми-„тажа нашелся вынужденнымъ вызвать сочинителя предлагаемаго разсужденія на „защиту своего мнѣнія въ печати........"

Далѣе въ III-й главѣ (къ остальнымъ частямъ этого сочиненія мы будемъ имѣть случай возвратиться позже) помѣщено слѣдующее подробное описаніе интересующей насъ монеты:

(На стр. 63.) „Величина предлежащаго гальванопластическаго снимка (по фран-„цузскому миллиметру) 21 и, слѣдовательно, онъ занимаетъ средину между 15-ти и „20-тикопѣечникомъ. Относительно вѣса, показанія различны. По словамъ г. Гиль-„дебранда подлинникъ вѣситъ 1,576 французскихъ граммъ, а по увѣренію г. Кёне „1,583 граммъ; а 1,576 граммъ составляетъ 35,468 или короче почти 35½ доли. „Итакъ, надобно предполагать, что монета очень тонка или серебро очень низкаго „достоинства. Еслибы у насъ было нѣсколько хорошо сохраненныхъ экземпляровъ, „чеканенныхъ этимъ штемпелемъ, то любопытно было бы вычислить, сколько такихъ „круглыхъ сребрениковъ приходилось на одинъ византійско-русскій фунтъ (гривна „= λίτρα), или сколько ихъ чеканилось изъ одного византійскаго фунта се-„ребра".

„Что касается до названій, „Лицевая и Оборотная сторона“, то прежніе толко„ватели Ярославовыхъ монетъ въ этомъ не согласны между собою. Одни называютъ „лицевой или главной стороной „сребра“ (avers) то, что у другихъ слыветъ оборот„ною (revers). Если разсматривать Ярославовы монеты сами по себѣ, то Шодуаръ, „Савельевъ и Шубертъ правы, принимая ту сторону, на которой находится „грудное изображеніе, за оборотную; они были бы совершенно правы, еслибъ было „вѣрно, что Ярославле сребро есть древнѣйшая, и вмѣстѣ впервые чеканенная „русская монета. Но какъ это еще не рѣшено, потому что Ярославле сребро нахо„дится въ тѣснѣйшей связи съ разными монетами, снабженными надписью и изоб„раженіемъ какого-то князя Владиміра, котораго мы съ намѣреніемъ не обозначаемъ „здѣсь ближе, то очень возможно, что здѣсь главная или лицевая сторона совсѣмъ „другая. Изъ сравнительнаго разбора всѣхъ византійско-русскихъ монетъ въ самомъ „дѣлѣ оказывается, что или граверъ или самъ Ярославъ по какой либо опредѣлен„ной причинѣ почитали главною стороною монеты именно ту, которая, сама по себѣ „взятая, по правиламъ нумизматики должна быть оборотною. Однимъ словомъ, мы „считаемъ лицевою стороною ту, на которой видно грудное изображеніе.

„Съ перваго взгляда на Лиц. ст. нельзя не узнать воина, по поясъ, лицемъ „къ зрителю (en face), держащаго въ правой рукѣ копье, обращенное кверху, а въ „лѣвой (закрытой) круглый щитъ, котораго однако нижняя половина, по недостатку „мѣста, не могла помѣститься на монетѣ. Г. Кёне знаетъ, что это щитъ норман„скій; однако подобнаго рода щиты, какъ на стокгольмскомъ экземплярѣ, попа„даются между прочимъ и на монетахъ первыхъ византійскихъ императоровъ. На „предлежащей намъ гальванопластической копіи одежда не довольно явственна; „можетъ быть, на подлинникѣ съ помощью увеличительнаго стекла удастся распо„знать слѣды греческо-римскаго плаща, именуемаго хламидою (χλαμύς), или тогу „(toga) или хитонъ (χιτών). Пряжка (fibula), которою прикрѣплялась хламида, „явственно замѣтна“.

„Далѣе съ перваго же взгляда на главной сторонѣ монеты бросаются въ глаза „два креста, которые одни уже дѣлаютъ связь монеты съ *языческимъ* княземъ до„вольно сомнительною. Одинъ изъ этихъ крестовъ, поверхъ копья, г. Кёне безъ „всякаго затрудненія принимаетъ за латинское *x* (Re*x*), а о второмъ онъ умалчи„ваетъ вовсе, равно какъ и о помѣщенныхъ на одной сторонѣ головы шарикахъ. „Эти 4 шарика ничто иное, какъ оконечности или контуры креста: въ подобномъ „видѣ, взамѣнъ крестовъ, они попадаются на византійскихъ и славянско-византій„скихъ монетахъ. Итакъ, главная сторона Ярославля сребра явно представляетъ

„намъ три христіанскихъ креста. Отчего же не больше или не меньше? Очевидно, „граверъ хотѣлъ на обѣихъ сторонахъ монеты помѣстить по 4 креста, какъ дѣй-„ствительно и находимъ ихъ 4 на оборотѣ монеты. На византійскихъ монетахъ „число крестовъ очень различно; но нѣкоторыя изъ нихъ, разныхъ временъ, укра-„шены 3-мя и 4-мя крестами. Въ этомъ отношеніи, размѣщеніе много зависѣло отъ „рисовальщика или гравера".

„На счетъ головнаго убора, судя по гальванопластической копіи, нельзя сказать „ничего вѣрнаго. Волосы, однакожъ, обозначены шариками, какъ и на Владиміро-„вомъ златѣ. Не хотѣлъ ли этимъ монетчикъ дать знать, что у лица, имъ изобра-„жаемаго, были *кудрявые* волосы? Вѣнчикъ (στέφανος) изъ бусъ вокругъ головы — „замѣчательная принадлежность: она невольно напоминаетъ собою типъ византій-„скаго иконописанія и еще рѣшительнѣе говоритъ въ пользу христіанскаго харак-„тера изображенія. Дѣйствительно, этотъ вѣнчикъ истинно византійскій и нерѣдко „является на средне-византійскихъ монетахъ, начиная съ *десятаго* вѣка, сперва на „ликахъ Христа и Пресвятой Дѣвы, а потомъ съ *двѣнадцатаго* и на ликахъ свя-„тыхъ, помѣщаемыхъ особо на оборотной или на главной сторонѣ монетъ, по лѣвую „сторону императоровъ; но сами императоры вообще еще не имѣли такого вѣнца".

„Упрочивъ, такимъ образомъ, византійскій типъ монеты, перейдемъ къ ближай-„шему разсмотрѣнію самого Святаго. Уже изъ приданнаго ему вооруженія: копья и „щита нельзя не заключить, что здѣсь изображенъ Святой православной церкви, „знаменитый воинскими доблестями и призываемый на помощь въ бою какъ отдѣль-„ными лицами, такъ и цѣлыми воинствами. Такихъ Святыхъ, изображаемыхъ въ „воинскомъ вооруженіи ратоборцевъ, было нѣсколько, какъ-то: Св. Георгій, Димит-„рій солунскій, Ѳеодоръ стратилатъ, Евгеній трапезундскій и проч. Котораго изъ „нихъ именно должно разумѣть на стокгольмскомъ экземплярѣ Ярославля сребра — „этого при очевидно грубой отдѣлкѣ портрета, нельзя рѣшить по одной только „физіономіи. Копье, по толкованію нѣкоторыхъ, придавалось многимъ Святымъ по „той причинѣ, что они были имъ пронзены, и о Св. Георгіи въ греческихъ минеяхъ „именно и говорится, что тѣло его было пронзено копьемъ: но въ особенности за-„мѣчательно то, что Святой на монетѣ явно изображенъ *безъ бороды;* а изъ руко-„водствъ по византійской церковной живописи извѣстно, къ какимъ это можетъ „относиться святымъ. Старинное руководство къ живописи, находящееся въ руко-„писи въ одномъ монастырѣ на Аѳонской горѣ (Ἑρμηνεία τῆς ζωγραφικῆς), кажется, „не даромъ начинаетъ главу о Святыхъ мученикахъ и ихъ признакахъ (οἱ ἅγιοι „μάρτυρες καὶ τὰ σχήματα αὐτῶν) исчисленіемъ *святыхъ воиновъ:*

„Святой Георгій, *молодъ, безъ бороды,*
„Дмитрій, у него усы.

„Хотя грудное изображеніе на стокгольмскомъ экземплярѣ Ярославля сребра „не обнаруживаетъ прямо юноши, однако это слѣдуетъ приписать не столько невѣ-„дѣнію, сколько неловкости гравера, потому что типъ Св. Георгія былъ довольно „установленъ и общеизвѣстенъ въ Византіи, Россіи и славянскихъ земляхъ, какъ „о томъ свидѣтельствуютъ ниже указанныя нами изображенія, заимствованныя съ „монетъ, иконъ, крестовъ, коронъ, шлемовъ, рѣзныхъ камней и проч. Было ли „между „крещеною Русью“ съ 865 года до возведенія христіанства въ государствен-„ную религію въ 988 году, распространено поклоненіе Святому Георгію, объ этомъ „мы не знаемъ, но вѣрно то, что его имя уже съ 988 года на долго водворилось „въ великокняжеской фамиліи“.

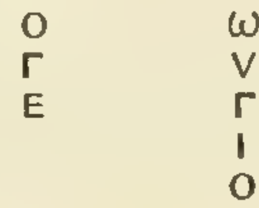
„Помѣщенная же по обѣимъ сторонамъ Святаго надпись вполнѣ убѣждаетъ „насъ въ томъ, что здѣсь на монетѣ представленъ намъ ликъ Св. Георгія. Надпись „эта — греческая; ея буквы слѣдуютъ одна за другой параллельными линіями въ „перпендикулярномъ направленіи. Какъ вообще перпендикулярныя надписи, такъ и „здѣсь обѣ половины слѣдуетъ читать сверху внизъ. По палеографической терми-„нологіи надпись состоитъ болѣе изъ такъ называемыхъ уставныхъ или, по нынѣш-„нему выраженію, прописныхъ буквъ, чѣмъ изъ полууставныхъ. Иныя буквы по „недостатку мѣста вышли помельче; другія изобличаютъ малоопытную руку, отъ „чего и сомнительно, былъ ли граверъ вообще Грекъ, или скорѣе Болгаринъ (о „Русскомъ мы не думаемъ по особой причинѣ) — именно такой Болгаринъ, кото-„рый, какъ понынѣ многіе Болгары, разумѣлъ и по славянски и по гречески. При „такомъ положеніи дѣла трудно опредѣлить столѣтіе, къ которому эти греческія „буквы принадлежатъ, судя по ихъ виду. Вырѣзанныя по правую сторону Святаго „три буквы удались всего лучше“.

„Объяснимъ теперь отдѣльныя буквы. Знакъ O есть сокращеніе, происшедшее „изъ монограммы и стоитъ здѣсь вмѣсто опредѣленнаго члена ὁ и прилагательнаго „ἅγιος = *Святой*. Въ примѣрахъ такого употребленія, какъ этой монограммы, такъ „и болѣе сокращенной ея формы *о*, на византійскихъ монетахъ и въ рукописяхъ „нѣтъ недостатка. Двѣ первыя буквы имени Святаго очевидно ΓΕ. Третья вверху, „съ лѣвой стороны Святаго, правда имѣетъ видъ прямаго Ε, вслѣдствіе чего „г. Кёпе и принялъ ее за *е* въ словѣ Rex; но это навѣрное недостаточно округ-„ленная неловкимъ граверомъ греческая ω (омега), средняя черта которой часто

„удлинняется на монетахъ и рукописяхъ. Оригиналенъ видъ греческаго Ρ, которое „граверъ, желая помѣстить крестъ въ видѣ 4 шариковъ, по недостатку мѣста почти „слилъ воедино съ покоящимся на лѣвомъ плечѣ Γ, такъ что г. Кёне обѣ буквы „произвольно принялъ за латинское R (въ словѣ Rex). На счетъ особенной формы „Ρ въ надписи покамѣстъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Можно догады-„ваться, что здѣсь не обошлось безъ произвола денежника; однако, такъ какъ на „кіевскомъ и дерптскомъ экземплярахъ встрѣчается еще подобная и, вѣроятно, „болѣе вѣрная форма буквы Ρ, то можно спросить: не передана ли здѣсь древнѣй-„шая форма этой буквы, которая находилась на предлежавшемъ граверу перво-„образѣ? Старинныя греко-италійскія надписи, особенно этрусскія, здѣсь едвали „могутъ быть приняты въ соображеніе, хотя на нихъ встрѣчается буква Ρ въ „видѣ ▽.

„Послѣднія двѣ буквы Ι и Ο на монетѣ помѣщены съ боку надъ щитомъ, но „вовсе не связаны между собой такъ тѣсно, какъ на рисункѣ г. Кёне, который „въ обѣихъ этихъ буквахъ вмѣстѣ видитъ латинскій знакъ вмѣсто *g* (въ имени „Oleg). Окончательной буквы имени, т. е. знакъ именительнаго падежа Σ или С, „недостаетъ въ надписи по тѣснотѣ мѣста, какъ и на другихъ памятникахъ, гдѣ „встрѣчается это имя“.

„Итакъ, вся надпись на главной сторонѣ Ярославля сребра читается слѣдую-„щимъ образомъ:

„и означаетъ: Ὁ (ἅγιος) Γεώργιο(ς) т. е. Святой Георгій“.

„Подобно Лицевой сторонѣ, Оборотная также окружена ободкомъ изъ точекъ „(grénetis), которыя однако, судя по гальванопластической копіи, довольно истерты. „Все поле Об. ст. занято фигурой, попадающейся на всѣхъ русско-византійскихъ „монетахъ, хотя въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ.......“ Г. Куникъ старается тутъ доказать, что фигура эта ничто иное, какъ искаженное изображеніе птицы, основывая свое предположеніе на томъ, что два кружка, находящіеся на навершіи предполагаемой хоругви, обозначаютъ глаза птицы. Указывая на крестики, помѣщенные вокругъ фигуры, онъ считаетъ доказаннымъ, что она имѣетъ христіан-

ское символическое значеніе, а поэтому думаетъ, что это изображеніе Св. Духа въ видѣ голубиномъ.

Къ объясненію г. Куника мы возвратимся въ 3-й главѣ, посвященной разбору различныхъ объясненій загадочной фигуры на Об. ст. нашихъ монетъ. Далѣе, на стр. 79 г. Куникъ говоритъ:

„Слѣдуетъ теперь разобрать самую надпись Об. ст. Она *круговая*, какъ бываетъ „на византійскихъ монетахъ IX и X вѣка. Но вся надпись состоитъ изъ церковно-„славянскихъ буквъ, а эти, не смотря на то, что граверъ былъ стѣсненъ на счетъ „мѣста, главнымъ образомъ принадлежатъ къ уставному письму. Не удивительно, „что отдѣльныя буквы напоминаютъ собою греческія и латинскія, потому что ки-„рилловская азбука составилась не прежде IX-го вѣка по образцу греческаго устав-„наго письма, а это въ то время еще очень сходствовало съ латинскимъ уставнымъ „письмомъ, потому что оба они проистекали изъ одного общаго древняго греко-„латинскаго источника; однако за всѣмъ тѣмъ на нашей надписи есть также до-„вольно и славянскихъ особенностей. Нѣтъ ничего удивительнаго, что русско-„византійская монета представляетъ надписи на двухъ разныхъ языкахъ. Должно „полагать, что граверъ по всей вѣроятности имѣлъ передъ собою *русско-греческій* „образецъ Св. Георгія. Далѣе замѣтимъ, что и на нѣкоторыхъ экземплярахъ такъ „называемой черниговской медали также имѣется греческая и славянская надпись. „Довольно разительное сходство представляетъ надпись на печатяхъ, привѣшенныхъ „къ пергаменнымъ грамотамъ 1356 года, великаго князя московскаго Іоанна Іоан-„новича. На Лиц. ст. славянскими буквами вырѣзана греческая надпись: „**АГИѠСЪ ЇѠ** т. е. Св. Іоаннъ, а на Об. ст. надпись: **ПЕЧАТЬ КНѦЗѦ ВЕЛИКОГО ЇВАНА ИВАНОВИЧА**".

„Чтеніе круговой надписи, занимающей собою все пространство монеты, не „затруднительно, даже и въ томъ случаѣ, еслибы кто сначала поколебался откуда „начать чтеніе. Извѣстно, что на грамотахъ, по благочестивому обычаю среднихъ „вѣковъ, передъ первымъ словомъ весьма часто ставится *крестъ*, а въ концѣ гра-„мотъ нерѣдко прибавляется слово: *аминь*. На нѣкоторыхъ монетахъ крестомъ, „ясно, хотѣли обозначить начало чтенія. Надпись Ярославля сребра имѣетъ два „креста: одинъ меньшій, другой большій; послѣдній подъ хвостомъ птицы. Есть „довольно монетъ среднихъ вѣковъ, на которыхъ круговая надпись начинается внизу „слѣва направо. Передаемъ всю надпись, кромѣ 2-й и 7-й буквы, церковно-„славянскими буквами, вырѣзанными по образцу (новгородскаго) Остромирова Еван-„гелія 1056—1057 года:

+ЯROСЛАВ+ЛЕ СРЕБРО.

„или русскими буквами: *Ярославле сребро*".

„Что касается до отдѣльныхъ буквъ, то мы замѣчаемъ въ этой круговой над-„писи два разныхъ знака для звука Р. Это на первый взглядъ возбуждаетъ подо-„зрѣніе на счетъ древности надписи. Уже въ надписи на Лиц. ст. мы нашли осо-„бенный знакъ для греческой буквы Р, которая въ своей славянской формѣ дважды „является въ словѣ: сребро. Напротивъ того въ прилагательномъ *Ярославле* „встрѣчается буква, совершенно похожая на латинское R. Какъ объяснить это? „Всего естественнѣе полагать, что болгарскій граверъ допустилъ византійско-„латинское R, встрѣчающееся еще довольно часто на византійскихъ монетахъ XI-го „вѣка. Иныя буквы въ круговой надписи не хорошо удались граверу, какъ именно „в въ словѣ: Ярославле. Несмотря на то, что эта буква имѣетъ почти видъ четы-„реугольника, она едвали примыкаетъ къ формѣ □ буквы в въ русской скорописи. „Должно полагать, что рѣзчикъ сдѣлалъ промахъ: онъ первоначально хотѣлъ, пови-„димому, вырѣзать слогъ *ле* (Ярослав*ле*) на лѣвой сторонѣ птицы, но ему помѣшалъ „крестъ. Г. Кёне принимаетъ букву в лишь за украшеніе; но это толкованіе про-„исходитъ отъ невѣрнаго рисунка, имъ самимъ сдѣланнаго".

„Занимательна и даже важна форма слова: *сребро*, потому что въ русской над-„писи слѣдовало бы ожидать *серебро*, уже встрѣчающееся и у Нестора. Не указы-„ваетъ ли это, такъ какъ и употребленіе византійско-латинскаго R на то, что де-„нежникъ или серебряныхъ дѣлъ мастеръ (по церковно-славянски *сребросѣчьцъ* = „ἀργυροκόπος) былъ не русскій, а южный Славянинъ, и именно Болгаринъ? Въ пе-„реведенныхъ съ греческаго договорахъ Олега и Игоря 907 и 945 г. встрѣчаются „уже чисто болгарскія формы *злато* и *сребро*, которыя однако едвали были упо-„требительны въ великорусскомъ разговорномъ языкѣ".

„Значеніе *сребра* ясно, какъ скоро мы примемъ это слово за болгарскій нумиз-„матическій терминъ. Сосѣдніе византійцамъ Болгары придавали своему выраженію „*сребро* значеніе серебряныхъ денегъ или денегъ вообще, по аналогіи съ греческимъ „ἀργύριον, которое уже въ древности употреблялось въ смыслѣ серебряныхъ денегъ „и денегъ вообще. Всего соотвѣтственнѣе было бы передать слово *сребро* на мо-„нетѣ Ярослава церковно-славянскимъ сребрьникъ (по русски: серебреникъ, по „польски śrébrnik, по нѣмецки Silberling, по латыни среднихъ временъ moneta „argentea)".

(См. стр. 63—84 названнаго сочиненія.)

Этимъ, перепечатаннымъ нами почти цѣликомъ страницамъ, предшествуетъ въ трудѣ г. Куника: 1) Историческое введеніе, къ которому мы будемъ имѣть случай возвратиться въ главѣ о различныхъ мнѣніяхъ касательно нашихъ монетъ, и 2) Отдѣлъ, озаглавленный: извѣстія о кладахъ съ Ярославлемъ сребромъ и обзоръ ученыхъ мнѣній о немъ съ 1797 по 1859 годъ, съ которымъ мы ближе познакомимъ читателя въ той-же главѣ и извлеченіями изъ котораго мы воспользовались уже выше.

За описаніемъ стокгольмскаго экземпляра слѣдуетъ описаніе Яролавля сребра графа Мусина-Пушкина и графа С. Г. Строгонова (стр. 84—93) и отдѣлъ, озаглавленный: „почему должно приписать Ярославле сребро великому князю Ярославу I Владиміровичу"?

Считая излишнимъ перепечатывать этотъ отдѣлъ здѣсь цѣликомъ, мы только вкратцѣ перечислимъ тѣ соображенія, которыя привели г. Куника къ убѣжденію, что монеты должно приписать Ярославу Владиміровичу. Указавъ, что сребреники Ярослава были произведеніемъ человѣка, знакомаго съ современнымъ искусствомъ, а что вѣкъ чисто византійскаго искусства въ древней Руси продолжался не далѣе конца XI-го столѣтія, г. Куникъ заключаетъ, что монеты вѣроятно чеканены не позже этого столѣтія. Князей съ именемъ Ярослава съ XI до половины XIII-го вѣка извѣстно около 20, но странно было бы предположить, что древнѣйшія русскія деньги происходили только отъ какихъ нибудь удѣльныхъ князей, соименныхъ Ярославу и Владиміру. Только двое изъ этихъ 20 князей кромѣ Ярослава Владиміровича княжили на кіевскомъ престолѣ — Ярославъ Изяславовичъ въ 1173 году и Ярославъ Всеволодовичъ въ 1236 году. Первый княжилъ слишкомъ недолго, второй получилъ при крещеніи имя Ѳеодора, а не Георгія. Самыя серьезныя возраженія противъ приписанія монетъ Ярославу Владиміровичу сводятся къ тому, что если разбираемыя монеты чеканены по византійскимъ образцамъ, то онѣ не могутъ быть древнѣе XII-го вѣка, такъ какъ: 1) лики Святыхъ, особенно Георгія, появляются на монетахъ только со времени Іоанна II Комнина (1118—1143); 2) отвѣсныя надписи параллельными линіями появляются только со времени Алексѣя I Комнина (1081—1118). На это г. Куникъ возражаетъ, что если рѣзчикъ нашихъ монетъ имѣлъ передъ глазами византійскія монеты, то нужно было бы предположить, что онъ съ умысломъ подражалъ невѣрно: сходство между ними только крайне отдаленное. Гораздо проще предположить, что рѣзчикъ скопировалъ Лиц. ст. (Об. ст. во всякомъ случаѣ вполнѣ оригинальна; какъ надпись, такъ и фигура встрѣчаются только на русско-византійскихъ монетахъ) не съ монеты, а съ иконы;

на иконахъ же отвѣсныя надписи употреблялись уже съ VI-го вѣка; Лиц. ст. дѣйствительно напоминаетъ типъ Св. Георгія на иконахъ. Приписать наши монеты Ярославу Галицкому 1152—1187 (которому нѣкоторые приписываютъ ихъ) г. Куникъ находитъ невозможнымъ потому, что до сихъ поръ въ Галиціи и Польшѣ не найдено было подобныхъ монетъ, а перенесеніе ихъ изъ Галиціи въ эстонскую землю и Швецію трудно объяснимо изъ исторіи международныхъ сношеній около 1200 года; кромѣ того, неизвѣстно, имѣлъ ли Ярославъ Владиміровичъ еще христіанское имя Георгія.

Кромѣ поименованныхъ четырехъ отдѣловъ въ трудѣ г. Куника помѣщены 3 приложенія: 1) о византійскихъ и древнерусскихъ изображеніяхъ Св. Георгія побѣдоносца, 2) разсужденіе о томъ, древнѣе ли Ярославле сребро Владимірова злата и сребра и 3) о чешско-византійскихъ монетахъ и варяжско-византійскихъ монетахъ и брактеатахъ.

Къ содержанію этихъ приложеній мы еще будемъ имѣть случай возвратиться въ послѣдующихъ главахъ.

Къ труду г. Куника приложены четыре таблицы рисунковъ монетъ, образковъ и т. п.

Въ томъ-же 1860 году баронъ Кёне опубликовалъ въ своемъ журналѣ письмо графа С. Г. Строгонова на французскомъ языкѣ, написанное однако до появленія труда г. Куника, на которое обѣщалъ отвѣтить въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ.

Вотъ сущность этого письма (ниже мы перепечатали его цѣликомъ для желающихъ ознакомиться ближе съ мнѣніемъ столь извѣстнаго знатока древней русской нумизматики; въ Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wappen-Kunde оно помѣщено въ I ч. 4 тетр. на стр. 204): Опровергнувъ способъ чтенія г. Кёне и указавъ ему, что на Лиц. ст. стокгольмскаго экземпляра очевидно то-же, что на его собственномъ, т. е. ὁ Γεωργιο, авторъ письма говоритъ:

„Вы мнѣ возразите, что стокгольмскій экземпляръ носитъ на себѣ отпечатокъ „грубой (варварской) и первобытной работы, которая указываетъ на эпоху болѣе „раннюю той, въ которую чеканены монеты Ярослава; что работа грубая — я со- „гласенъ, но никакъ не первобытная; еслибъ эта монета была первобытная, она „должна была бы представлять въ своихъ деталяхъ какія нибудь характеристичес- „скія черты, которыя указывали бы на эпоху ея чеканки, т. е. на время между „879 и 912 г.; между тѣмъ голова украшена вѣнчикомъ изъ бусъ; но, какъ Вамъ „извѣстно, вѣнчикъ изъ бусъ впервые появляется на византійскихъ монетахъ только

„при Константинѣ X и Романѣ II (948—959 г.); кромѣ того, я нахожу въ присутствіи двухъ крестовъ на Об. ст. и креста на Лиц. ст. указаніе на то, что рѣзчикъ хотѣлъ придать монетѣ болѣе религіозный характеръ, который казался ему „недостаточно выраженнымъ безъ этого добавленія“.

„Что касается грубой работы, то я признаю, что оригинальная монета, принадлежащая какой нибудь странѣ, должна носить на себѣ отпечатокъ современнаго „ей искусства; но когда нумизматическій памятникъ заимствованъ у народа, у котораго искусство болѣе развито, то обыкновенно произведенія мѣстныхъ художниковъ, будучи подражаніями, носятъ на себѣ отпечатокъ зарождающагося еще искусства. Итакъ, ничего нѣтъ удивительнаго, что стокгольмскій экземпляръ, произведеніе рукъ галичскаго монетчика, представляетъ собою только безобразное подражаніе византійскому прототипу. Требизундскія монеты представляютъ наглядный „примѣръ обезображенія первобытнаго типа (оригинала); съ тѣмъ-же явленіемъ мы „встрѣчаемся на монетахъ славянскихъ государей — Сербскихъ, Болгарскихъ и „другихъ“.

Указавъ затѣмъ, что изображеніе Св. Георгія на монетахъ появилось подъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ, между 1096 и 1149 г., и что обычай помѣщать буквы надписей попарно или поодиночкѣ въ нѣсколько рядовъ впервые вошелъ въ употребленіе при Алексѣѣ Комнинѣ (1081—1118), графъ С. Г. Строгоновъ заключаетъ по Лиц. ст. о томъ, что монету должно отнести къ XII-му, а не къ IX-му вѣку.

На Об. ст. онъ читаетъ надпись по славянски: Ярославле срібро и высказываетъ мнѣніе, что загадочное изображеніе представляетъ не птицу, а ворота, т. е. предметъ аналогичный съ литовскимъ гербомъ — stibey (генуезское janua).

Къ этому объясненію загадочной фигуры, а также къ другимъ предположеніямъ, высказаннымъ въ этомъ письмѣ, мы возвратимся въ другихъ главахъ. Къ письму приложена таблица рисунковъ.

Въ той-же тетради названнаго журнала баронъ Кёне помѣстилъ статью въ видѣ рецензіи труда г. Куника (249—256 подъ № 55 въ отдѣлѣ: Neuste Literatur).

Эта статья не представляетъ научнаго интереса, такъ какъ она носитъ личный характеръ и служитъ только выразительницей затронутаго самолюбія опытнаго нумизмата, не желающаго сознаться въ своей ошибкѣ. Странно встрѣтить въ статьѣ человѣка, пріобрѣвшаго въ теченіи двадцатилѣтней практики неоспоримо большія познанія въ нумизматикѣ, напр. подобныя разсужденія: на стр. 253 г. Кёне го-

воритъ: „когда, почти сто лѣтъ послѣ Олега, явилась потребность чеканить монету, „то постарались разобрать латинскую надпись на монетахъ Олега, которыя тогда „еще были въ обращеніи. Но въ то время никто уже латыни не понималъ: поэтому „приняли начертанія за славянскія и прочли совершенно необыкновенную, никогда „еще (на монетахъ) невиданную надпись: *А се его сребро*".

Г. Кёне считаетъ надпись необыкновенною потому, что, по его мнѣнію, съребро тоже что сърebренникъ, на западѣ — moneta, solidus и т. п., а эти выраженія впервые появляются на западѣ въ XIII-мъ столѣтіи (должно быть непонятно, какъ Русь могла опередить западъ въ употребленіи установившагося термина на своей монетѣ?). Это очевидно относится къ монетамъ Владиміра Святаго; насчетъ Ярославля сребра онъ говоритъ далѣе: „лѣтъ 40 спустя (послѣ Владиміра) чека- „нили, вѣроятно въ Новгородѣ, монету Ярослава по примѣру обращавшихся еще „тамъ монетъ Олега. Отличный византійскій рѣзчикъ, которому была поручена эта „работа и который, конечно (!), не владѣлъ латинскимъ языкомъ, прочелъ (на мо- „нетѣ Олега) надпись: *Ярославле сребро*. Фигуру же на Лиц. ст. онъ принялъ за „изображеніе Св. Георгія, котораго греческая церковь тоже представляла съ копьемъ „и щитомъ; надпись вокругъ изображенія онъ принялъ за: ὁ Γεώργιο!"........ Барону Кёне слѣдовало бы еще прибавить, что черезъ 1000 почти лѣтъ послѣ Олега русскіе нумизматы повторили ошибки искуснаго византійскаго художника, бывшаго незнакомымъ съ латинскими письменами!

Впрочемъ, надо отдать справедливость г. Кёне — онъ не основываетъ своего опредѣленія спорнаго экземпляра на такихъ шаткихъ разсужденіяхъ, а приводитъ доказательство, требующее серьезнаго изслѣдованія. Онъ говоритъ, что при опредѣленіи средне-вѣковыхъ монетъ главную роль играютъ характеръ работы штемпеля и система вѣса, къ которой принадлежитъ данная монета. Характеръ работы — скандинавскій; что касается вѣса, то Олегова монета подходитъ подъ англосаксонскую систему, единственную бывшую въ употребленіи въ IX-мъ вѣкѣ. Вѣсъ ея — 1,576 грамма; вѣсъ монеты Бургреда, короля Мурціи (852—874) — 1,500 грамма; Этельвульфа (837—856), немного обрѣзанной по краямъ — 1,400 грамма; Этельберта (860—866), еще болѣе обрѣзанной — 1,350 грамма; Эльфреда (871—900), хорошей сохранности — 1,550 грамма; другихъ монетъ того-же короля — 1,500 грамма, тогда какъ монеты Канута Великаго, современника Ярослава, вѣсятъ только 1,200 грамма; Ярославле же сребро графа С. Г. Строгонова вѣситъ 3,734 грамма, т. е. чеканено по совершенно другой системѣ (притомъ характеръ работы византійскій).

Въ 1861 году французскій нумизматъ г. В. Ланглуа издалъ по тому-же вопросу брошюру на французскомъ языкѣ, содержаніе которой ясно изъ слѣдующаго предисловія къ ней:

„Насъ поразилъ очень интересный для нумизматики фактъ — опредѣленіе „г. Кёне одной монеты, которую онъ упорно приписываетъ князю Новгородскому „Олегу и увѣряетъ, что надписи на ней нормано-латинскія, тогда какъ всѣ русскіе „и иностранные нумизматы, которые занялись этой монетой, единодушно признаютъ, „что она принадлежитъ Ярославу и что надписи на ней греческія и славянскія. „Споръ, возбужденный этимъ вопросомъ, важенъ потому, что имѣетъ отношеніе „къ началу исторіи Россіи".

„Такъ какъ мы занимаемся научными изслѣдованіями, имѣющими отношеніе къ „исторіи этого государства, то, очень естественно, мы слѣдили за этимъ споромъ и „рѣшились даже принять въ немъ участіе".

„Мы попросили г. Жиля, начальника I-го отдѣленія Императорскаго Эрми„тажа въ Петербургѣ, высказать свое мнѣніе по поводу предполагаемой монеты „Олега, опредѣленіе которой, какъ таковой, отвергаютъ г. Куникъ, консерваторъ „русскихъ монетъ при томъ-же музеѣ, и всѣ русскіе нумизматы, доказывая, что „оно невозможно.

„Г. Жиль былъ настолько любезенъ, что отвѣтилъ на наше письмо, и мы „издаемъ теперь этотъ документъ вмѣстѣ съ другими, имѣющими отношеніе къ „тому-же вопросу, но происходящими изъ другихъ источниковъ".

(Lettre à M. Victor Langlois sur une monnaie attribuée à Oleg, duc de Novgorod, suivie d'observations et de pièces justificatives par MM. le général Bartholomaei, Hildebrand et V. Langlois. Paris. 1861. Avant-propos на стр. 5—6).

Въ напечатанномъ затѣмъ письмѣ г. Жиля подробно разбираются изображенія и надписи на монетѣ.

Г. Жиль приходитъ къ тѣмъ-же результатамъ, какъ и г. Куникъ; онъ несогласенъ съ нимъ только въ одномъ — въ объясненіи загадочной фигуры на Об. ст. (онъ думаетъ, что изображена хоругвь).

Разбирая надпись Об. ст., онъ указываетъ, между прочимъ, что даже, допустивъ на минуту способъ чтенія, предложенный г. Кёне: Regwigw o Nrogad, все-таки получится полнѣйшая безсмыслица, такъ какъ имя Regwigw — вполнѣ фантастично, а города, называвшагося Nrogad нигдѣ не существовало, такъ какъ Новгородъ ни на какомъ языкѣ такъ не назывался.

(По славянски Новградъ, по датски и по шведски: Novgard и Nygard).

На стр. 20—24 брошюры помѣщена замѣтка автора, въ которой онъ, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ г. Жиля, указываетъ на то обстоятельство, что г. Кёне является единственнымъ защитникомъ своего собственнаго мнѣнія, тогда какъ число его противниковъ съ каждымъ днемъ возрастаетъ.

На стр. 25 и 26 помѣщено извлеченіе изъ письма генерала Бартоломея къ г. Кунику (къ которому мы еще будемъ имѣть случай возвратиться), въ которомъ авторъ, основываясь на грузинской нумизматикѣ, признаетъ занимающія насъ монеты чеканенными въ XI-мъ столѣтіи.

Наконецъ, на стр. 27—29 приложено письмо г. Гильдебранда къ г. Кунику отъ 28 Февраля 1861 года.

Авторъ письма разсказываетъ, что нашелъ монету въ числѣ многочисленныхъ средне-вѣковыхъ монетъ, составлявшихъ остатокъ кладовъ, найденныхъ въ Швеціи до 1837 года. Онъ объявляетъ, что признаетъ ее за монету Ярослава I-го и не можетъ согласиться съ мнѣніемъ графа Строгонова, относящаго ее къ XII-му вѣку вслѣдствіе того, что онъ нашелъ ее между англо-саксонскими, византійскими и куфическими монетами, которыя въ Швеціи никогда не заходятъ далѣе конца XI-го вѣка.

Въ концѣ письма г. Гильдебрандъ сообщаетъ, что нашелъ второй экземпляръ той-же самой монеты и что вѣсъ ея — 1,34 грамма. На страницахъ брошюры помѣщены изображенія: стокгольмскаго экземпляра (стр. 11), экземпляра графа С. Г. Строгонова (стр. 18) и экземпляра графа Мусина-Пушкина (стр. 25).

Наконецъ, въ томъ-же 1861 году баронъ Кёне помѣстилъ на страницахъ своего журнала свой отвѣтъ на письмо графа С. Г. Строгонова.

Въ этомъ отвѣтѣ (помѣщенномъ въ I томѣ 5 тетради названнаго журнала на стр. 301—304) г. Кёне, оставаясь при своемъ мнѣніи насчетъ монеты Олега, однакожъ категорически отвергаетъ предположеніе графа С. Г. Строгонова о томъ, что монеты Ярослава — галичскія. Онъ указываетъ на то, что въ сосѣднихъ съ Галичемъ земляхъ въ XII-мъ столѣтіи обращалась монета совершенно иного вѣса и чекана, чѣмъ монеты Ярослава.

Кромѣ всѣхъ этихъ сочиненій и статей, одновременно появилось въ русскихъ и иностранныхъ изданіяхъ значительное число болѣе мелкихъ, трактовавшихъ о томъ-же предметѣ. Большая часть изъ нихъ поименована въ брошюрѣ г. Ланглуа. Мы думаемъ, что достаточно приведенныхъ нами болѣе крупныхъ для составленія яснаго понятія о томъ живомъ обмѣнѣ мыслей, который былъ возбужденъ находкой стокгольмскаго экземпляра; намъ остается высказать свое личное мнѣніе о занимающихъ насъ монетахъ.

Хотя вопросъ о классификаціи нашихъ монетъ отдѣленъ нами въ особенную главу, однако мы сочли необходимымъ и здѣсь сказать два слова объ этомъ предметѣ, въ виду приведенныхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ воззрѣній.

Изъ всего вышеприведеннаго видно, что хотя всѣ согласны между собой въ томъ, что г. Кёне ошибся въ своемъ опредѣленіи, остается неразрѣшеннымъ вопросъ о причинѣ громадной разницы между двумя видами Ярославля сребра. Попытка въ этомъ отношеніи была сдѣлана г. Куникомъ, но она кажется намъ не вполнѣ выдерживающей критику.

Сравнивая между собой штемпеля монетъ, описанныхъ нами подъ №№ 108 и 110, мы легко убѣдимся, что или одинъ изъ нихъ скопированъ съ другой, или оба самостоятельно скопированы различными рѣзчиками съ одного общаго оригинала.

Принявъ первое предположеніе, намъ слѣдуетъ рѣшить, скопированъ ли № 110 съ № 108, или, наоборотъ, № 108 съ № 110.

Но, въ то время, когда писались всѣ приведенныя статьи, не былъ еще извѣстенъ штемпель, описанный нами подъ № 109, который очевидно имѣетъ больше общаго съ № 110, чѣмъ № 108: съ перваго же взгляда бросается въ глаза одинаковое на обоихъ штемпеляхъ правописаніе слова: СРЄБРО (безъ Ѣ), расположеніе бусъ на предполагаемой хоругви тоже болѣе схоже.

Итакъ, мы должны сравнить между собой не №№ 108 и 110, а №№ 109 и 110, что впрочемъ нисколько не измѣняетъ вопроса, такъ какъ № 109 по совершенству работы нисколько не уступаетъ № 108.

Если одинъ штемпель служитъ оригиналомъ для другаго, то во всякомъ случаѣ вѣроятнѣе, что менѣе опытный художникъ скопировалъ работу своего болѣе опытнаго собрата; дѣйствительно, трудно предположить, что такой хорошій для своего времени художникъ, каковымъ несомнѣнно былъ рѣзчикъ № 109, взялъ себѣ за образецъ безобразный штемпель № 110. Помимо этого общаго разсужденія слѣдуетъ замѣтить общеизвѣстный въ нумизматикѣ фактъ, что почти всегда копія грубѣе оригинала. Поэтому, во всякомъ случаѣ, *вѣроятнѣе*, что № 110 скопированъ съ № 109, чѣмъ наоборотъ. Еслибъ № 109 былъ скопированъ съ № 110, это было бы необыкновеннымъ въ нумизматикѣ явленіемъ, которое требовало бы сильныхъ доказательствъ.

Если принять второе предположеніе — что оба штемпеля вырѣзаны независимо другъ отъ друга двумя различными рѣзчиками, только съ общаго оригинала, то разница въ достоинствѣ работы могла произойти отъ разницы въ достоинствѣ худож-

никовъ; примѣромъ такого различія въ работѣ, происшедшей отъ личныхъ качествъ рѣзчиковъ, могутъ служить различные типы монетъ Владиміра.

Судя по работѣ, № 109 вырѣзанъ грекомъ, или, во всякомъ случаѣ, художникомъ близко знакомымъ съ византійскимъ искусствомъ; сходство работы № 110 (просимъ замѣтить — не сходство изображеній, а работы — сходство пріемовъ) съ работой на норманскихъ и англо-саксонскихъ монетахъ обратило уже вниманіе шведскихъ нумизматовъ и барона Кёне, общепризнаннаго знатока средневѣковой нумизматики; поэтому то онъ и говоритъ въ своей статьѣ о норманскомъ монетчикѣ, пришедшемъ съ Олегомъ; хотя никто изъ противниковъ г. Кёне не обратилъ серьезнаго вниманія на его указаніе, что работа штемпеля изобличаетъ норманскаго художника, и никто изъ нихъ не постарался строго доказать невѣрность этого предположенія, мы приводимъ еще фактъ, на который указалъ еще въ 1860 году г. Бартоломей, доказывавшій, что чеканщикъ былъ норманомъ.

Спутанность и отчасти невѣрное начертаніе буквъ на Лиц. ст. (ѠΥΓΙΟ) доказываетъ, что рѣзчикъ не былъ грекомъ, а неумѣлое ихъ изображеніе на Об. ст. (буквы: Ң, ⊲, Ɓ и Λ въ словѣ *Ярославле* и Є въ словѣ *сребро*), что онъ не былъ славяниномъ, форма же буквы Р (R въ словѣ *Ярославле*) повидимому даже прямо указываетъ на норманское его происхожденіе.

Вѣроятно ли, что монета эта чеканена норманомъ на Руси?

Ярославу, имѣвшему въ своемъ распоряженіи не одного искуснаго греческаго художника, незачѣмъ было поручать выдѣлку монеты неискусному варвару.

Поэтому надо предположить, что № 110 ничто иное, какъ грубое подражаніе № 109, сдѣланное внѣ Руси, и именно въ Швеціи; мы находимъ подтвержденіе этой догадки и въ вѣсѣ монеты, соотвѣтствующемъ вѣсу динаріевъ (2-й экземпляръ, найденный г. Гильдебрандомъ, такъ мало разнится въ вѣсѣ отъ нормальныхъ сѣверныхъ монетъ, что объ этой разницѣ не стоитъ говорить), и въ мѣстѣ находки (оба извѣстные экземпляра найдены въ Швеціи); извѣстно, что сѣверные монетчики нерѣдко копировали византійскіе и другіе типы.

Г. Куникъ считалъ №№ 108 и 110 скопированными съ одного оригинала различными рѣзчиками, но призналъ старшинство № 110, основываясь на палеографическихъ соображеніяхъ. Онъ основывалъ свое предположеніе на архаической формѣ Е (вмѣсто Є) на стокгольмскомъ экземплярѣ въ словѣ ΓΕѠVΓΙΟ и отчасти на болѣе древней формѣ R, вмѣсто Р въ словѣ ҢROCΛ⊲ОΛЄ. Какъ мы уже замѣтили выше, г. Бартоломей объяснилъ эти странности несравненно проще — именно въ письмѣ къ г. Кунику онъ, между прочимъ, говоритъ:

„Первообразъ русской монеты Ярослава, по моему мнѣнію, есть изящный „экземпляръ графа С. Г. Строгонова, потомъ Стокгольмскій *(г. Бартоломей не „зналъ еще № 109)*, который рѣзалъ даже не Грекъ, какъ вы весьма основательно „замѣтили; только мнѣ кажется скорѣе *Варягъ,* вставившій въ славянскую надпись „латинскую букву R вмѣсто Р. Будучи незнакомъ съ греческою азбукой, онъ неиз- „бѣжно повторилъ промахъ перваго рѣзчика, Грека, въ буквѣ Y вмѣсто Р и самъ „еще прибавилъ новую ошибку, изобразивъ ω въ видѣ Ш; Чехъ или Болгаринъ „конечно зналъ бы букву ω, которая только въ XIII столѣтіи и позже въ Трапе- „зунтѣ приняла форму Ш; въ XI же столѣтіи вездѣ эта буква закруглена. Если „допустить, что греческій рѣзчикъ, копируя чешскій первообразъ, исправилъ букву „Ш, вырѣзавъ вмѣсто ω, то какъ объяснить, почему онъ бы не исправилъ Y, за- „мѣнивъ его правильнымъ Р? Кромѣ того расположеніе буквъ ΓY / I / O вмѣсто Y / ΓI / O про- „изошло не отъ тѣсноты мѣста, потому что средній кругъ обоихъ экземпляровъ со- „вершенно одинаковъ по величинѣ, а просто отъ неловкости гравера, чуждаго гре- „ческому языку и привыкшему вырѣзывать грубые брактеаты съ прямолинейными и „угловатыми рунами. Мое убѣжденіе, что Стокгольмскій экземпляръ чеканенъ послѣ „Дерптскаго“......

(Письмо И. А. Бартоломея къ А. А. Кунику, помѣщенное во II томѣ Извѣстій Археологическаго Общества).

Не безъинтересно сообщенное намъ г. Куникомъ свѣдѣніе о мнѣніи двухъ извѣстныхъ знатоковъ сѣверной нумизматики, доказывающихъ, что они считали Стокгольмскій экземпляръ чеканеннымъ въ Норвегіи или Швеціи.

Приводимъ извлеченіе изъ письма къ намъ г. Куника:

„Въ 1860 году нѣкоторое время жилъ въ Стокгольмѣ бывшій дерптскій про- „фессоръ Ширренъ (Schirren), занимаясь тамъ архивными разысканіями. Онъ „обратилъ также живѣйшее вниманіе на первый стокгольмскій экземпляръ Ярославля „сребра и обсуждалъ вопросъ объ немъ съ двумя шведскими нумизматами. Отъ „11 Сентября 1860 года онъ между прочимъ писалъ мнѣ:

> „Извѣстно, что монета найдена въ Норвегіи....... Клеммингъ „остается при своемъ мнѣніи, что чеканъ рѣшительно древнѣе XII-го „вѣка, но, судя по вѣсу, какъ онъ, такъ и Гильдебрандъ, также рѣши- „тельно утверждаютъ, что монета *не* можетъ быть отнесена къ IX-му вѣку, „а чеканена не ранѣе конца X-го“.....

Изъ этого отрывка мы ясно видимъ, что Клеммингъ и Гильдебрандъ разсматривали монету, какъ скандинавскую, и такимъ образомъ признали полную возможность отнесенія ея, по работѣ, къ сѣверной нумизматикѣ [1].

Итакъ, основываясь на всѣхъ этихъ данныхъ, мы можемъ съ нѣкоторою увѣренностью заключить, что № 110 не русская монета, а скандинавская копія, обращавшаяся на равнѣ съ англо-саксонскими и вообще сѣверными деньгами.

Возможно еще другое предположеніе, хотя въ пользу его у насъ нѣтъ фактическихъ данныхъ: возможно, что монета, подобная № 110, чеканилась на сѣверѣ Руси, можетъ быть въ Новгородѣ, спеціально для торговли съ Варягами, причемъ старались подражать типу сѣверныхъ монетъ, чтобъ облегчить ея свободное обращеніе у сосѣдей; мы знаемъ, что позже, во время владычества Татаръ, съ тою-же цѣлью русскіе князья старались придать своимъ деньгамъ восточный видъ, помѣщая на нихъ иногда совершенно безсмысленныя арабскія и татарскія надписи.

Какъ мы сказали выше, послѣднее предположеніе требуетъ еще доказательствъ, а потому мы предпочитаемъ первое объясненіе. Во всякомъ случаѣ, интересъ № 110 только можетъ увеличиться отъ новой точки зрѣнія на него, доказывая съ одной стороны оживленность торговыхъ сношеній между Русью и Варягами, а съ другой— очевидное превосходство первой надъ вторыми въ монетномъ дѣлѣ (относительно искусства вырѣзыванія штемпелей).

Приводимъ въ оригиналѣ нѣсколько статей о мнимой Олеговой монетѣ.

1 Гг. Гильдебрандъ и Клеммингъ много лѣтъ занимались въ Стокгольмскомъ кабинетѣ не только скандинавскими монетами, но и очень многочисленными, находимыми въ Швеціи, кладами англо-саксонскихъ. Г. Гильдебрандъ уже въ 1846 году издалъ обширный трудъ объ англо-саксонскихъ монетахъ.

Die ältesten Münzen Russlands.

№ 1.

Das älteste und interessanteste Denkmal Russlands, ist unstreitig die im Königlichen Münzkabinet zu Stockholm befindliche Silbermünze Oleg's. Sie zeigt auf der *Hs.* das Bild Oleg's mit einem Perlendiadem und das Haupt, nach Byzantinischer Art, von einem gleichfalls aus Perlen geformten Nimbus umgeben. Das mantelartige Gewand ist auf der rechten Schulter durch einen Ring befestigt. Mit der Rechten führt der Grossfürst die Lanze, am linken Arme ist der obere Rand des Schildes erkenntlich. Auf den Seiten ist unregelmässig, jedoch deutlich die Inschrift: OLEC REX vertheilt. *Rs.* REGPICP O +ИROGADU (Regwign Nrogadu); die rohe Gestalt eines Vogels mit ausgebreiteten Flügeln; neben dem Schweife zwei kleine Schrägkreuze. — Gewicht: 1,583 Grammen.

Diese Münze ist offenbar von einem Normannischen Münzmeister, der mit Oleg aus dem Norden gekommen, geschlagen. Wie sollte Oleg in Russland, wo man noch keine Münzen hatte, Münzmeister finden? Der so eben mit seinem Fürsten angelangte Normanne konnte der Russischen Schrift nicht mächtig sein, er wandte daher die damals auf den Nordischen Münzen allein übliche Lateinische Schrift und Sprache an, jedoch schrieb er den Namen des Fürsten nach Slavischer Aussprache: OLEG, nicht Helge, wie die Nordischen Chroniken führen. Der Titel Rex statt Великій Князь hat nichts auffallendes, wenn wir bedenken, dass die Nordischen Chroniken und Sagen die Russischen Grossfürsten stets als Konunger bezeichnen, Rex aber die Uebersetzung des Wortes Konung, König, ist. So heisst Wladimir der Apostelgleiche, in der Sage von Olaf Tryggwason: Waldemar Konung von Holmgard, in der Eimunds-Sage wird sein Sohn Jaroslaw als Konung Jarisleif bezeichnet, u. s. w. Wie hätte auch der Münzmeister den Titel seines Fürsten anders ausdrücken können? Denn eine Uebersetzung von Великій Князь durch Magnus Princeps wäre für die damalige Zeit unerhört gewesen. Der Titel Fürst oder gar Grossfürst war in Skandinavien nicht bekannt, Jarl war für einen mächtigen Herrn wie

Oleg ein viel zu geringer Titel, während viele kleine Häuptlinge, z. B. die sogenannten Seekönige, sich des Titels Konung bedienten.

Die Rückseite unserer Münze ist Angelsächsischen Vorbildern entlehnt, Erstens die Umschrift mit dem Namen des Münzmeisters und der Bezeichnung der Münzstätte. Die Namen der Münzmeister finden sich bereits auf Münzen der Könige Ethelberht von Kent, 794—798, Eadwald von Mercia, 716—757, Offa von Mercia, 757—796, Beonna von Ost-Angeln, 750, u. s. w., also schon hundert Jahre vor Oleg. Die Münzstätten neben den Namen der Münzmeister, sind angegeben auf Münzen König Baldred's von Kent, 805—823, Erzbischof Vulfred's von Canterbury, 790—803, König Ecgbeerht's von England, 800—837, u. s. w., also lange Zeit vor dem Auftreten Oleg's, sein Normannischer Münzmeister hat also in der Inschrift genau die auf den damals im Norden überall und allgemein gebräuchlichen Angelsächsischen Münzen üblichen Inschriften nachgeahmt.

Von dem Namen Regwigw ist uns kein zweites Beispiel bekannt. Die Münzstätte ИROGAD ist aber zweifellos Nrogad, Nowograd, Nowgorod; Regwigw war also Münzmeister in Nowgorod, der ältesten Russischen Residenz. Das Zeichen am Schlusse des Stadtnamens scheint nur eine Verzierung zu sein.

Der Vogel auf unserer Münze erscheint nicht minder auf Angelsächsischen Geprägen. Wir sehen ihn auf einem Pfennige des Dänischen Königs Anlaf von Northumberland, 941—945, wo er wahrscheinlich das Altdänische Wappenbild, den Raben, vorstellt. Diesen Raben führten die Dänen auf ihrer Hauptfahne, Ravnfan, Rabenfahne genannt, sie ging im Jahre 878 unter Hubba, an die für Aelfred kämpfenden Angelsachsen verloren. Ein ähnlicher Vogel steht auf der *Rs.* einer sehr seltenen Münze Aethelred's II, deren *Hs.* ein Agnus Dei darstellt; diese Zusammenstellung zeigt deutlich, dass der hier angebrachte Vogel der heilige Geist in Gestalt einer Taube ist. Freilich ist die gedachte Münze über hundert Jahre nach Oleg geschlagen, aber wahrscheinlich nach einem alten Byzantinischen Prototyp, deren so viele in den ältesten Angelsächsischen Kunstwerken mit grosser Treue nachgeahmt sind. Die Abwesenheit des Gotteslammes auf unserer Münze scheint aber dafür zu sprechen, dass auf ihr der roh abgebildete Vogel eine Nachahmung des Raben wie auf den oben erwähnten Pfennigen Anlaf's von Northumberland sein muss. Dazu kommt noch, dass Oleg Heide war, wissentlich also ein christliches Emblem nicht auf seine Münzen gesetzt haben würde. Die beiden kleinen Kreuze neben dem Schweife des Vogels sind als Spuren der Füsse desselben anzusehen und das Kreuz in der Umschrift nur als Theilungszeichen.

Wann ist aber dieser interessante Pfennig geschlagen? Die Zeit ist nicht schwer zu bestimmen.

Rurik, der Gründer der Monarchie, starb im J. 879 und vertraute das Grossfürstenthum seinem Verwandten (Einige sagen seinem Neffen oder Schwager) Oleg an, der auch zum Vormund über den jungen Igor Rurikowitsch ernannt war. Im dritten Jahre nach Rurik's Tode, also 882, verliess Oleg Nowgorod, um mit Igor nach Kiew zu gehen, von wo aus er den berühmten Zug gegen Zargrad (Constantinopel) unternahm. Er sah Nowgorod nie wieder. Die Münze muss also zwischen 879 und 882 geschlagen sein.

So roh dieser in Schwedischer Erde, gemeinschaftlich mit verschiedenen Arabischen Münzen ausgegrabene Pfennig auch ausgeführt ist, giebt er dennoch ein Bild des Helden, der seinen Schild an der Pforte von Galata aufhing. Er ist bartlos, mit weitem Mantel bekleidet und führt den rothen, oben abgerundeten, unten spitzen Normannischen Schild.

Ganz denselben Typus führen die folgenden Russischen Münzen, nämlich:

№ 2.

von Jaroslaw I, Sohne Wladimir's des Apostelgleichen (1012—1054).

Hs. Brustbild ganz wie auf der Münze Oleg's, jedoch neben dem Brustbilde:

ω
OA V
Γ ΓΙ, das heisst ὁ ἅγιος Γεώργιος. Das Brustbild ist hier also für das des hei-
E O

ligen Georg genommen.

Rs. ✢ ЯРОСЛАВЛЄ СЪРЄЬРО Silber des Jaroslaw. Der Vogel, aber mit dem Kopfe nach unten. Im Rande: AMNH. Ein schönes Original dieser Münze befindet sich in der reichen Sammlung Sr. Erlaucht des Grafen Sergei Stroganoff.

Jaroslaw Wladimirowitsch wurde von seinem Vater im J. 1012 nach Nowgorod geschickt, um nach dem Tode seines älteren Bruders Wyscheslaw die Stadt zu verwalten. Die Posadniki (Statthalter) von Nowgorod zahlten jährlich dem Fürsten 2000 Griwen, Jaroslaw aber, auf die Hülfe der Nowgoroder bauend, versagte seinem Vater diesen Tribut. Später, nach dem Tode Wladimir's, im J. 1016, halfen ihm Nowgo-

roder zweimal, den Thron von Kiew einzunehmen. Die obige Münze scheint Jaroslaw geschlagen zu haben zwischen 1012 und 1016, als er zu Nowgorod residirte, wahrscheinlich aber erst 1015, nach dem Tode Wladimir's. Er ahmte die in Nowgorod noch vorhandenen Münzen Oleg's nach. Die Zeiten waren andere geworden, Jaroslaw war Christ, Griechische Priester hatten Griechische Heiligenbilder nach Russland gebracht und so sehen wir die *Hs.* der Münze von dem Schutzpatron der Grossfürsten, dem heiligen Georg, eingenommen, dessen Vorstellung ganz an die der Münzen von Thessalonich erinnert. Auf der *Rs.* erscheint der Vogel, aber gestürzt, vielleicht als heiliger Geist dargestellt, und so roh ausgeführt, dass er kaum zu erkennen ist. In den früheren Beschreibungen dieser Münze, namentlich bei Chaudoir, wird er daher auch für einen Kirchenleuchter angesehen. Das Wort АМИН (Amen) im Rande der *Rs.* macht diesen Typus ebenfalls zu einem christlichen.

№ 3.

Dieselbe Figur erscheint auf der *Hs.* der Goldmünzen, welche theils dem heiligen Wladimir, theils einem Serbischen Wladimir, der von 1015—1016 regierte, zugeschrieben wurden. Das hier abgebildete, früher in der Reichel'schen Sammlung, jetzt in der Kaiserlichen Eremitage befindliche Exemplar, enthält auf der *Hs.* das Brustbild des Grossfürsten, im Perlendiadem, und einem, dem Byzantinischen Kaiser-Ornate ähnlichem Gewande, in der Rechten ein Scepter haltend. Daneben rechts der bis zur Unkenntlichkeit dargestellte Vogel, den Kopf nach unten. Die Umschrift lautet, rückwärts zu lesen: ✠ ВЛАДМИРЪ НА СТОЛѢ, Wladimir auf dem Throne. *Rs.* ИСУСЪ ХРИСТУС ✠ (ebenfalls rückwärts gelesen), Brustbild des Heilandes mit Schein und Buch, wie auf den Byzantinischen Münzen des eilften Jahrhunderts.

Die noch rohere Nachahmung des Vogels auf diesen Goldmünzen zeigt deutlich, dass sie nicht vor den Münzen Jaroslaw's geschlagen sein können, sondern später, daher nicht Wladimir Swätoslawitsch (972—1015), sondern Wladimir Wsewolodowitsch Monomach (geb. 1052), Grossfürst von Kiew 1113 (gest. 1125) zuzuschreiben sind.

№ 4.

Demselben Regenten gehören unstreitig die mit dem Namen Wladimir bezeichneten Münzen an, welche aus dem im J. 1853 bei Näshin ausgegrabenen Funde stammen. Alle diese Münzen sind sehr schlecht geprägt und zum Theil von geringem Gehalte. Eine der deutlichsten ist die folgende:

Hs. ВЛАДИ(МІРЪ НА СТОЛѢ), Wladimir auf dem Throne. Der nach Byzantinischer Art gekleidete Fürst mit Schnurrbart und einer flachen Krone, von der Perlenschnüre herabhangen. Das Haupt ist von einem Heiligenscheine umgeben; Wladimir sitzt auf einem Throne, hält in der Rechten ein Kreuz mit hohem Fusse und legt die Linke auf die Brust.

Rs. ХС...ІЄ ЄГО СЬЄЬРО (а сие его сребро) und dieses ist sein Silber. Der kaum noch als solcher zu erkennende Vogel.

Auf ähnlichen Münzen desselben Fundes, welche einige Münzforscher einem Swätopolk beilegen wollen, erscheint der rechte Flügel des Vogels mit einem Kreuze verziert. Jedoch ist auf keine dieser Münzen ein deutlicher Name zu lesen und sind dieselben ohne Zweifel nichts weiter als rohe Nachahmungen des oben beschriebenen Gepräges von Wladimir Wsewolodowitsch.

Diese goldenen und silbernen Münzen können nicht von Wladimir Jaroslawowitsch ausgegangen sein. Derselbe verwaltete Nowgorod unter der Oberherschaft seines Vaters Jaroslaw Wladimirowitsch, zog im J. 1043 gegen Constantinopel, kehrte 1045 nach Nowgorod zurück, wo er die Kirche der heiligen Sophie gründete, in welcher er nach seinem am 4. Oktober 1051 oder 1052 erfolgten Tode begraben wurde. Da Wladimir Jaroslawitsch mehrere Jahre vor seinem Vater starb, auch nicht unabhängig regierte, so ist es nicht wahrscheinlich, dass er Münzen geschlagen haben sollte. Wladimir Wsewolodowitsch hingegen, wegen seines Grossvaters, des Byzantinischen Kaisers Constantin Monomach, mit demselben Beinamen bezeichnet, und wahrscheinlich als junges Kind kurz vor des Kaisers Tode, durch die von letzterem nach Russland geschickten hohen Geistlichen, den Patriarchen von Antiochia und den Metropoliten von Ephesus, als Nachfolger und Erbe seines Grossvaters gesalbt und gekrönt, hat auf diese Münzen sicheren Anspruch. Er erhielt von seinem Grossvater bei der erwähnten Gelegenheit ein Kreuz an einer goldenen Kette, eine kronenartige Mütze, die sogenannten Barmi, einen mit Heiligenbildern

verzierten kostbaren Halsschmuck und andere Regalien, welche sich immer auf den ältesten Sohn vererbten und bei Zaren-Krönungen von Johann Wassiliewitsch bis auf Feodor Alexeewitsch gebraucht wurden. Auf unseren Münzen ist Wladimir deutlich in Byzantinischer Tracht dargestellt, welche der mit dem Kaiserreiche in Krieg begriffene Wladimir Jaroslawowitsch wohl nicht getragen haben dürfte.

Unter den nordöstlichen Münzen ist die von Oleg die älteste, wie aus beifolgender Uebersicht zu erkennen:

Oleg, Grossfürst von Russland, 879—912.
Olaf, Skötkonung, König von Schweden, 980—1018.
Swend Tveskjaeg, König von Dänemark, 985—1014.
Hakon Jarl, von Norwegen, 989—995.

B. v. Köhne.

(Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wappen-Kunde. Neue Folge. Bd. I, Heft 2. Berlin, 1859, p. 72—76).

Lettre à Monsieur le Conseiller d'Etat B. de Kœhne sur les plus anciennes monnaies russes.

Je fais trop de cas, Monsieur, de votre autorité en fait de numismatique du moyen-âge, pour laisser sans réponse l'article que vous avez imprimé à Berlin, sous le titre de: Die ältesten Münzen Russlands, et qui est consacré à l'explication d'une pièce qui se trouve au Cabinet Royal des médailles à Stockholm, et que vous attribuez à Oleg, Grand-Duc de Novgorod.

Cette pièce, dites vous, Monsieur, porte à l'avers l'effigie du Prince avec l'inscription: Oleg-Rex. — Pour obtenir cette lecture, après la première lettre — O, vous vous efforcez à trouver dans la seconde un L latin renversé, après l'E vous allez chercher de l'autre côté du buste du Prince, dans l'accouplement de l'O. et de l'I, un G. cunéiforme, que vous redressez, et qui complète le nom d'Oleg; vous formez ensuite le mot Rex de trois lettres dont deux — Ш et Г sont distinctement lisibles et voyez un X dans une lettre qui cependant est tracée sur votre dessin comme un V.

Vous attribuez au Grand-Duc Oleg le buste du guerrier armé d'une lance et d'un bouclier, dont la tête est ceinte d'un nimbe en perles, dans le style byzantin, mais vous passez sous silence les deux croix, l'une au dessus du nimbe, l'autre sur le bord de la pièce, au-dessus du fer de la lance. Au revers de la pièce vous lisez:

RECPIEPO x HROCꟽDП — Regwigw o Nrogadп,

qui vous donne le nom du monétaire normand et de la ville où la pièce a été frappée; enfin dans le tracé en forme de trident que porte le revers, vous trouvez l'image barbare d'un oiseau aux ailes déployées, flanqué de deux petites croix.

Comme le dessin qui accompagne votre article est peu arrêté, je joins à cette lettre un tracé fait sur la photographie d'une copie galvanoplastique envoyée de Stockholm, et qui restitue, dans toute leur réalité, les caractères de la légende.

Vous me permettrez, Monsieur, de n'adopter ni la lecture que vous proposez, ni l'attribution que vous donnez au buste et au signe qui se trouvent sur cette pièce.

La seule comparaison de la monnaie du Musée de Stockholm avec les deux pièces connues de Jaroslaw, suffit pour convaincre de l'identité de leur type, et je laisse à tout juge impartial à prononcer si l'on peut lire sur l'avers des trois pièces autre chose que:

O ΓΕωΡΓΙΟ.

Vous donnez au Grand-Duc Oleg un nimbe en perles, dans le style byzantin, et refusez à ce symbole un caractère chrétien, tandis qu'il est surmonté d'une croix, et que sur le champ même de la pièce se trouve encore une autre croix bien distincte. Vous conviendrez, Monsieur, que tous ces signes ne peuvent convenir à un prince payen comme l'était Oleg. Je ne m'arrêterai point au tracé latin de la lettre E, parceque nous avons beaucoup de pièces byzantines de tous les siècles, sur lesquelles, au milieu des lettres grecques, se retrouvent des F, des L, des M, des R, et des S latins; nous connaissons une pièce de Jean V. avec le titre: Despote, ou l'E grec fait place à l'E latin. Si sur les deux pièces de Jaroslaw nous voyons l'E bien semblable à l'ω, la répétition de l'E latin peut être justifiée sur la pièce Nr. 3; ainsi, cette seule lettre latine ne suffit pas pour repousser la lecture grecque O. ΓΕΟΡΓΙΟ.

Vous me ferez l'objection que la pièce de Stockholm porte un caractère barbare et primitif qui lui assigne une époque antérieure aux monnaies de Jaroslaw; — barbare — oui, mais pas primitif; — pour être plus primitif, il aurait fallu qu'elle offrit dans les détails quelques parties qui assignassent à sa fabrication l'époque de sa date: 879—912; or, le buste est orné d'un nimbe perlé; mais comme vous le savez, le nimbe perlé n'apparut sur la pièce byzantine que pendant la régence de Constantin X. et de Romain II. 948—950; de plus, je retrouve — dans la présence des deux croix au revers, et de la croix à l'avers, une indication que l'artiste a voulu ajouter à la pièce un caractère réligieux dont le type, dans sa simplicité primitive, ne lui paraissait pas suffisament doté.

Pour ce qui concerne la fabrication barbare, j'admets qu'une monnaie originale appartenant à une contrée, porte les traces de l'art contemporain; mais quand un monument numismatique est emprunté à un peuple, chez lequel l'art est beaucoup plus avancé, il est plus naturel que les artistes du pays, dans leurs imitations, offrent des produits qui portent le caractère de l'art naissant; rien de surprenant donc que la pièce de Stockholm, exécutée par un monétaire de Galitch, ne soit qu'une reproduction informe du type primitif — byzantin. Les pièces de Trébizonde nous offrent un exemple de l'avilissement de la monnaie primitive, comme nous la retrouvons

plus tard dans l'imitation barbare du type byzantin, dans les pièces des Princes Slaves de la Serve, de Bulgarie etc.

Je passe à présent au buste qui se trouve sur cette pièce et que je reconnais être celui de St. Georges au type byzantin, qu'il faut reporter à l'époque où l'effigie de ce Saint apparut sur la monnaie de Constantinople, entre la première et la seconde croisade, 1096—1149. — Nous le trouvons pour la première fois sur une pièce d'Alexis I. Comnène, 1081—1118, — plus fréquement sur celles de Jean II. Comnène 1118—1143 — sur celles de Manuel 1143—1180, et d'Alexis Comnène 1180—1183; — plus tard, cette effigie est remplacée par celle de St. Dimitri et de St. Théodore. Saulcy remarque que ce type s'introduisit sur les monnaies byzantines sans doute par l'influence des croisades, dont l'esprit chevaleresque mit St. Georges en grande vénération. Mr. Lélével partage aussi cette opinion.

La disposition perpendiculaire des lettres accouplées et sur plusieurs lignes, ne commença à s'introduire sur la monnaie byzantine que depuis Alexis I. Comnène 1081—1118; elle était sourtout en usage pendant le règne de Jean II.; c'est donc vers la moitié du XIIe siècle qu'il faut reporter le monument numismatique que vous placez à la fin du IXe.

Passons au revers. Vous formez de quinze lettres qui composent la légende, le nom d'un monétaire et celui de la ville où la pièce a été frappée, et lisez:

Regwigwonrogadu.

Vous supposez l'existence d'un hôtel monétaire à Novgorod à la fin de l'onzième siècle, d'un hôtel monétaire où l'on frappait monnaie avec des légendes latines, avec des symboles chrétiens, au milieu d'une population payenne qui n'avait pas l'alphabet de sa propre langue. Vous croyez possible qu'un monétaire normand ait présenté l'effigie du Prince en face, quand ni la Suède, ni le Danemarck, ni l'Angleterre ne présentent à cette époque le Prince qu'en profil. Enfin Vous voyez dans le signe en forme de trident — l'imitation barbare d'un oiseau. Quoique j'ai déjà fait beaucoup de recherches pour expliquer ce signe, j'avoue que je n'oserais encore me prononcer: si c'est un oiseau, — peut-être se rapporterait-il au corbeau qui se trouvait sur l'étendard enchanté des Danois dont il est fait mention dans la vie d'Alfred; mais comme nous le trouvons sur les monnaies de Wladimir, frappées indubitablement au midi il faut en chercher l'origine dans une autre source. Voici l'opinion du savant auteur de la Numismatique du Moyen-âge: les deux monnaies de Wladimir et de Jaroslaw — „sont indubitablement de la même époque et du même pays, la preuve en est

„dans le coin qui offre comme objet convenu III; — votre explication donnée à ce signe est très-juste, — est indubitable. Certainement qu'il a la même origine que „celui des armoiries lithuaniennes, — mais il est antérieur et purement monétaire, „tandis-que le lithuanien est héraldique. Il se forme sur le portail ou les tourelles „de la monnaie, et celui des armoiries lithuaniennes résulte de la porte et du murail „des armoiries municipales, et ne se forme qu'au XIVe siècle. Comme la monnaie „en question, ayant dans son type l'image de St. Georges, prend évidemment sa nais-„sance par l'impulsion du type grec et l'imagination des croisades, il faut donc abso-„lument admettre que c'est la monnaie de croisés ou italienne qui servit de modèle „avec son portail. Le portail est varié beaucoup, et une variété quelleconque d'une „monnaie, de la circulation du moment, a pu donner d'une manière inattendue cette „forme qu'on en voit."

Après cette opinion, Monsieur, il ne me reste plus qu'à passer à la lecture que vous donnez à la légende du revers. Sans argumenter contre l'impossibilité d'admettre sur une pièce frappée à la fin du IXe siécle ou au commencement du Xe, à Novgorod, le nom d'un monétaire normand, je me permets d'observer que pour obtenir la lecture latine: — OLEG — Vous cherchez dans la réunion de l'I et de l'O un G cunéïforme que vous redressez, et dans la lecture: ИROGЪDП Vous donnez à un C slavon la valeur d'un C romain; — convenez, Monsieur, qu'une lecture pareille est bien arbitraire. Je place sous la pièce № 3 votre légende et celle que j'ai fait copier à la loupe d'après la copie galvanoplastique de Stockholm, et j'abandonne à l'impartialité des connaisseurs à décider, si ma lecture: — Jaroslavlé sribro — n'est pas la vraie.

Les deux pièces connues jusqu'à présent de Jaroslaw se trouvent donc enrichies d'un troisième exemplaire, portant toutes trois un type qui ne laisse aucun doute sur leur imitation de la monnaie de Constantinople du XIIe siècle; et cette conviction en appelle une autre, c'est qu'elles ne peuvent être attribuées au Grand-Duc de Kiew (1015 — 1054), et doivent être restituées à Jaroslaw de Galitch qui a règné de 1153—1183. Ce Prince était l'ami de Manuel I. Sa tante épousa l'Empereur Alexis; Andronic Comnène trouva un refuge à sa cour en 1165, et en reçut même en apanage, plusieurs villes de la Principauté de Galitch; pendant la première partie de son règne il fut en relations constantes avec l'Empire grec et en recevait des artistes grecs; plus tard il fut en relations avec le Roi de Pologne, avec lequel il conclut un traité en 1173. — Rien de plus naturel que nous ayons des monnaies frappées en son nom, par un monétaire grec, et sur un modéle byzantin, et une monnaie où le type grec se trouve modifié par l'influence de la monnaie polonaise.

Voici ce qu'écrivait Lélewel, il y a quelques années, sur la monnaie polonaise de cette époque: „la monnaie qui offre — d'un côté le buste armé d'une épée et „de l'écusson, de l'autre le buste de l'évèque, est la monnaie de la Pologne „proprement dite, — ou de la Grande-Pologne, — à l'empreinte de St. Adalbert.“ — (Numismatique du Moyen-âge.)

Comme l'exemplaire de Stockholm porte le caractère de la monnaie occidentale, je m'arrête à l'opinion qu'une monnaie courante d'un pays voisin et contemporaine a influencé le monétaire, et qu'il faut reporter cette pièce aux dernières années de Jaroslaw, et chercher cette influence dans les pièces polonaises de l'époque. Les monnaies de Jaroslaw et de Wladimir étant inséparables, la pièce de Stockholm viendrait se placer naturellement entre l'époque du type byzantin pur et la nouvelle monnaie nationale, comme elle apparait dans toute son originalité sur les pièces de Wladimir de Galitch. Le fils de Jaroslaw a déjà quitté sur ses monnaies l'habit grec (sakos) et parait en talard, à l'imitation des Empereurs d'Occident. Vous savez, Monsieur, que, captif à la cour de Bêla, roi de Hongrie, il avait fui en 1189 auprès de Frédéric Barbarousse, et s'engagea à payer un tribut annuel de deux mille pièces d'argent, à condition que l'Empereur lui donnerait les moyens de remonter sur le trône de ses pères, et qu'il reconquit sa principauté à l'aide des troupes de Voyévode de Cracovie. Pendant son règne court mais orageux, 1187—1196, il fut en relations continuelles avec la Pologne; aussi sa monnaie, composée d'imitations, nous donne-t-elle des faits qui sont de l'époque.

Je termine cette lettre, déjà trop longue, par une remarque: c'est que la pièce № 4, sur votre planche, et que vous attribuez à St. Wladimir ne lui appartient pas plus que toutes les pièces du trésor de Néjine trouvées en 1853, et attribuées à des Grands-Ducs de Kiev, ne leur appartiennent, de plus que la plus grande partie de ces pièces ne sont pas des monnaies, mais des jetons, — dont la gravure est tracée sur le métal même, que ces pièces, présentant une variété capricieuse dans le type, qui écarte l'usage d'un coin monétaire, doivent être appréciées avec beaucoup de méfiance.

Agreez, Monsieur, l'assurance de ma considération distinguée.

St. Pétersbourg, le 24. Janvier 1860.

Comte Serge Stroganoff.

(Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wappen-Kunde. Neue Folge. Bd. I. Heft 4, Berlin, 1861. p. 204—207.).

Réponse à son Excellence Monsieur le Comte Serge Stroganoff, Aide-de-Camp général de S. M. l'Empereur, Général de cavalerie etc., sur sa lettre concernant les plus anciennes monnaies russes.

Je dois une réponse, Monsieur le Comte, à la lettre que Votre Excellence a bien voulu m'adresser au sujet des plus anciennes monnaies russes. Permettez-moi de commencer par la dernière pièce de votre planche, la monnaie du cabinet Lissenko que vous attribuez au prince Wladimir de Halicz, de 1187 à 1198. Cette pièce offre tout à fait le type des monnaies composant le trésor de Néjine que vous prenez, en partie, pour des jetons. J'ai eu l'occasion d'examiner la plupart des exemplaires du dépôt de Néjine, dont la majeure partie se trouve dans la collection de S. E. Mr. Youséfowitch et j'ose vous affirmer qu'à mon avis, l'authenticité de ces monnaies n'admet aucun doute. Cependant je ne partage pas entièrement l'opinion de Mr. Wolochinsky sur ces monnaies dans lesquelles outre le nom de Wladimir, il trouve encore ceux de Jaroslaw, de Swätopolk et même de George et qu'il répartit en conséquence parmi les Grands-Ducs de Kiew St. Wladimir, Yaroslaw Wladimirowitch, Swätopolk Isäslawitch, Wladimir Wsewolodowitch Monomaque et George, peut-être Youry Wladimirowitch Dolgorouky. Le règne de ces princes (de 988 à 1157) embrasse une époque de 170 ans à peu près. Peut-on supposer que dans un espace de temps aussi considérable l'art monétaire n'aie pas fait quelques progrès? En outre, quelques unes de ces pièces offrent distinctement le nom de Wladimir, sur d'autres ce même nom apparaît plus ou moins altéré, mais il est entièrement impossible de déchiffrer sur quelques uns de ces exemplaires les noms de Yaroslaw, de Swätopolk et de George. Sans aucun doute toutes ces monnaies appartiennent à la même époque et au même prince Wladimir et cette époque est indiquée clairement par leur poids qui est celui des pièces arabes qu'on rencontre si souvent dans les trésors de monnaies qu'on déterre en Russie. D'après le contenu de ces dépôts, et j'ai eu l'occasion d'en examiner un grand nombre, les dirhems arabes se trouvent encore avec les deniers

d'Aethelred II d'Angleterre et les monnaies allemandes des trois Othons. Dans les dépôts renfermant des deniers de Cnut-le-Grand et des monnaies allemandes de la seconde moitié du XIe siècle on ne rencontre plus des dirhems ou seulement quelques fragments, preuve qu'à cette époque la monnaie arabe avait cessée d'être en circulation en Russie.

Les monnaies trouvées à Néjine et dont quelques exemplaires font partie de la riche collection de Votre Excellence, offrent le même poids que les dirhems et doivent avoir été frappées en conséquence, à une époque où la monnaie arabe était encore en circulation en Russie. Dans ma première notice sur la monnaies d'Oleg j'ai attribué les monnaies de Néjine au Grand Duc Wladimir Wsewolodowitch (1113—1125), les prenant pour des imitations des monnaies de Yaroslaw Wladimirowitch. Une découverte importante que nous devons à Mr. le docteur Lisch, dans sa déscription du trésor de Schwaan, prouve d'une manière indubitable que le Wladimir inscrit sur ces pièces, ne peut-être que St. Wladimir, car le dépôt de Schwaan, enfoui dans la terre vers 1030, ne peut pas renfermer des monnaies d'un prince né en 1052. En conséquence, non seulement les monnaies de Néjine mais aussi les pièces d'or au nom de Wladimir qui représentent sur l'avers, à côté du prince, la figure qui orne le revers des pièces de Néjine, ne peuvent appartenir qu'à St. Wladimir.

Cette attribution constatée, je me permets de revenir sur la monnaie de la collection Lissenko. Elle a un flân très-épais, un bord perlé et un type représenté avec un certain relief qu'on ne rencontre pas sur les médailles sus-mentionnées. En outre son poids est à peu près le double de celui des pièces de Néjine. J'avoue franchement que j'ai de grands doutes sur l'authenticité de cette monnaie; elle me paraît être l'oeuvre d'un faussaire moderne.

Il est généralement reconnu que le type des monnaies de Néjine n'est pas original; il est imité d'un type plus ancien que le graveur inhabile a mal compris. Ce type a sans contredit une grande analogie avec celui des monnaies de Yaroslaw, principalement quant au revers, mais on ne peut pas considérer comme prototype des monnaies de Néjine ces monnaies de Yaroslaw qui évidemment sont postérieures.

Je crois donc qu'il est simple et naturel de trouver le prototype en question dans la monnaie d'Oleg dont j'ai donné une photographie dans ma critique du petit mémoire que Mr. Kounik a publié sur ces monnaies. Depuis, on vient de trouver à Stockholm encore un second exemplaire de la monnaie d'Oleg, qui ne diffère presqu'en rien du premier et offre seulement sur l'avers, une petite variété dans la lettre G). Cette pièce confirme presque tout à fait ma leçon du premier exemplaire et

détruit l'explication slave qu'on a voulu y reconnaître. Sur l'avers, la lettre E qu'on a pris pour un ω grec est aussi distincte que sur le premier exemplaire, le R dans lequel on voit un P et un Γ, est tout à fait clair. Vous reconnaîtrez, Monsieur le Comte que si le graveur par manque d'habilité, a une fois fait un E au lieu d'un ω et une fois un R au lieu des lettres PΓ, il n'aurait pas répété cette faute tout à fait de la même manière, sur un second exemplaire.

Le revers de la seconde monnaie d'Oleg est du même coin que celui de la première pièce, mais quelques lettres de la légende y sont plus claires. J'y trouve avec Mr. Klemming, à la complaisance duquel je dois la communication d'une empreinte galvanoplastique de cette monnaie précieuse, la légende: ΠЄЄPIGΓ OИROGAD. La première lettre n'est pas trop claire, cependant elle est un R ou un N, mais dans aucun cas un Λ slave. Pour mon explication il importe peu que le monétaire d'Oleg se soit nommé REGWIGW ou peut-être REEWIGW, mais dans les lettres ΠЄЄPIGPOИROGAD on ne peut plus lire les mots: ЯROCΛΛBΛЄCPIБPO, même en admettant ce fait tout à fait inoui qu'on trouve sur les anciens monuments russes un P ayant la forme du R latin.

J'ai déjà mentionné dans ma réfutation des idées numismatiques de Mr. Kounik que la croix se trouve souvent sur des monnaies payennes et n'est pas exclusivement un symbole du christianisme. Vous faites observer, Monsieur le Comte, que le nimbe perlé qu'on voit sur la monnaie d'Oleg, ne se rencontre sur les pièces byzantines que sous Constantin X et Roman II (948—959) — mais j'ose vous objecter que des monuments byzantins de beaucoup antérieurs représentent les souverains ornés de nimbes. Tels sont le magnifique médaillon d'or de Justinien I qui a été volé au cabinet royal de Paris en 1832. On y voit sur l'avers, le buste casqué et nimbé de l'empereur et sur le revers, Justinien également nimbé à cheval et précédé d'une Victoire. Puis, la belle mosaïque de l'église de San Vitale de Ravenne, où sont figurés Justinien I et sa femme Théodore, tous les deux nimbés, aussi quelques monnaies rares de Cherronésos frappées sous les empereurs Héraclius et Héraclius Constantin et dont votre riche cabinet byzantin renferme plusieurs exemplaires etc. Tous ces monuments sont antérieurs aux monnaies d'Oleg, il est donc vraisemblable que le graveur de ces pièces eut connaissance des monuments semblables et qu'il comptait le nimbe comme appartenant aux emblêmes de dignité d'un souverain.

Vous trouvez, Monsieur le Comte, dans la croix de l'avers réunie aux croix du revers, l'indice d'un caractère réligieux. Je ne saurais partager cette opinion; la croix

de l'avers est simplement la lettre X du mot REX et les croix du revers indiquent les pieds de l'oiseau qui y est figuré. Pour reconnaître dans ces croix une allusion réligieuse, il me paraît qu'elles devraient être réunies sur un côté de la monnaie et représentées d'une manière plus évidente.

Vous me reprochez ensuite d'avoir pris pour la figure d'Oleg le guerrier de l'avers des monnaies en question, dans lequel vous reconnaissez St. George. Mais le type d'un guerrier armé est extrêmement répandu au moyen-âge. Non seulement St. George, mais aussi St. Théodore, St. Démétrius, St. Mercure, St. Nicias et beaucoup d'autres saints sont représentés de même; vous citez bien à propos deux monnaies polonaises du XIIe siècle offrant un type analogue; je pourrais y ajouter une pièce inédite du roi d'Allemagne Henri IV de ma propre collection, où ce souverain apparaît avec la lance et le bouclir, puis encore d'autres monnaies allemandes, néerlandaises, de Bohème etc., prouvant toutes comment ce type simple et rationel était répandu, car le seigneur se fit représenter sur ses monnaies et sur ses sceaux dans son costume le plus riche, composé de ses armes les plus précieuses.

Enfin, Vous donnez au même Yaroslaw de Halicz (de 1153 à 1138) les monnaies attribuées ordinairement au Grand Duc Yaroslaw de Kiew (de 1012—1054) et les pièces de Stockholm, en expliquant les premières qui sont d'un excellent traivail grec, comme frappées par des monétaires byzantins et les dernières comme modifiées sous l'influence polonaise. Mais il est difficile d'admettre que le même prince aie pu fraire frapper, d'abord, une très-belle monnaie au poids des monnaies arabes, qui de son temps n'étaient plus en circulation et plus tard, une monnaie assez grossière, mais sur laquelle la figure du revers est représentée d'une manière beaucoup plus nette que sur les belles pièces et qui correspond tout à fait dans ses deux exemplaires connus, avec le système anglosaxon du IXe siècle? La monnaie polonaise de l'époque du prince Yaroslaw de Halicz était mesquine et petite; pouvait-elle servir de prototype à la grande et solide pièce de Stockholm?

Le critérium le plus sûr pour déterminer une monnaie, est le système monétaire auquel elle appartient; le type n'a qu'une valeur secondaire, surtout pour les monnaies du moyen-âge, sur lesquelles quelque fois le même type plus ou moins modifié, fut conservé pendant trois siècles et même davantage. La monnaie d'Oleg correspond tout à fait par son poids et par son travail, aux monnaies anglosaxonnes contemporaines; la monnaie de Yaroslaw, appartenant, à mon avis, au Grand Duc de Kiew, indique clairement l'époque de ce grand souverain, protecteur des sciences et des arts, elle est du poids du dirhem arabe qui de son temps, était en circulation

en Russie. Entre ces deux monnaies il faut placer les deniers grossiers de St. Wladimir.

Voici, Monsieur le Comte, ce que je pense sur les monnaies en question; j'espère que tôt ou tard une trouvaille numismatique éclaircira d'une manière évidente l'explication des premiers monuments numismatiques de la Russie.

Agréez, Monsieur le Comte, etc.

B. de Koehne.

(Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wappenkunde. Neue Folge. Bd. I. Heft 5. Berlin, 1861, p. 301—304).

AVANT-PROPOS.

Un fait fort intéressant pour la numismatique nous avait vivement frappé, celui de l'attribution donnée par M. Koehne à une monnaie qu'il prétend plus que jamais être d'Oleg, duc de Novgorod, avec des légendes latine et normano-latine, tandis que tous les numismates russes et étrangers qui en ont parlé, y reconnaissaient unanimement la monnaie d'Yaroslaf, avec légendes grecque et slavonne.

Le débat soulevé par la question est très-important, car il se rattache aux origines de l'histoire de la Russie. Nous occupant de recherches scientifiques qui intéressent l'histoire de cet empire, nons avons été tout naturellement appelé à suivre le débat auquel nous avons pris part.

Nous avons demandé à S. Ex. M. de Gille, qui y était intéressé par sa position, comme chef de la première section du musée de l'Ermitage de Saint-Pétersbourg, son opinion sur la prétendue monnaie d'Oleg, dont M. l'académicien Kunik, conservateur des monnaies russes au même musée, et tous les numismates russes sont d'accord pour repousser l'attribution, en démontrant qu'elle est impossible.

M. de Gille a bien voulu répondre à la lettre que nous lui avons adressée, et nous publions ce document avec ceux provenant d'autres sources, et qui ont trait à la même question.

V. L.

LETTRE A. M. VICTOR LANGLOIS

SUR UNE

MONNAIE ATTRIBUÉE A OLEG

DUC DE NOVGOROD.

Monsieur,

Vous avez désiré connaître où en était chez nous la question d'*Oleg*, car il paraît que ce sera sous ce nom que l'on désignera dorénavant un des faits les plus étranges de la numismatique en Russie, et qui finira par prendre place dans le chapitre des *Curiosités* scientifiques. J'emploie le mot le plus convenable ou le plus poli, si vous voulez.

Vous m'avez aussi fait l'honneur de me demander quelle était mon opinion personnelle dans la question, et si, à mon tour, je ne chercherais point à exposer le fait d'un manière catégorique, au moyen d'une dissertation que vous m'offrez de publier, pour en faire profiter ceux de vos lecteurs en France qui s'intéressent à ce qui se passe chez nous.

Le fait a été établi, comme vous l'avez lu, par le numismate qui a fait la découverte de la monnaie dite d'Oleg, et qui maintient son opinion d'une manière invariable, car il vient tout récemment, dans un Mémoire publié à Berlin, de rap-

peler et l'existence de la monnaie et son attribution à Oleg comme un fait *acquis*, bien que, jusqu'à présent, il soit seul de son opinion.

Sa *conviction* est donc irrévocable. Quant aux savants qui se sont élevés contre cette attribution, et quant à l'opinion que l'on a en Russie et ailleurs de ce débat, je n'ai jusqu'à présent relevé aucun indice que l'on ait l'idée que la monnaie en question puisse être attribuée à Oleg, et que les deux légendes de l'avers et du revers puissent être la première latine et la seconde normano-latine, au lieu d'être l'une grecque et l'autre slavonne. Cette seconde opinion semble aussi irrévocable.

Que résultera-t-il donc de ce débat, si des savants chez vous, familiers avec la numismatique du Nord, venaient à établir formellement la même opinion que les numismates russes et suédois? Car, sans entrer autrement dans une discussion qu'il décline, comme n'étant pas dans le domaine de ses travaux habituels, le digne M. Hildebrand, directeur du Cabinet royal de Stockholm, a positivement déclaré par écrit qu'il repoussait la solidarité que le numismate de la monnaie d'Oleg voulait lui faire partager dans cette question, en disant que M. Hildebrand était de la même opinion que lui?

Le directeur du Cabinet de Stockholm a écrit à ce sujet à Pétersbourg une lettre formelle, avec autorisation de la publier; et je pense, monsieur, que vous devriez, dans l'intérêt de vos lecteurs français, faire usage de vos relations à Pétersbourg pour obtenir une communication de cette lettre.

Mais enfin, pour en revenir à la question du résultat que je viens de poser moi-même, qu'arrivera-t-il si, d'un côté, l'attribution à Oleg est maintenue, ne fût-ce que par son auteur, et si, de l'autre côté, elle est repoussée par tous les savants qui, chez vous, seraient amenés à entrer dans la question?

Ne serait-ce pas l'occasion de rappeler: *Ne Hercules quidem contra duos?*

Je m'aperçois que ce préambule est un peu long, et je me hâte maintenant de vous passer la dissertation que vous m'avez demandée, non point que j'aie la prétention d'éclairer vos lecteurs en France, mais parce qu'il m'a paru qu'il y avait moyen d'exposer le fait d'une manière qui fût palpable aux yeux, même des personnes les moins familières avec la numismatique, par la reproduction en *fac-simile* des lettres qui composent les deux légendes de la monnaie.

Voici donc, Monsieur, mon travail. Je vous autorise à en faire l'usage que vous jugerez convenable, à le publier par conséquent. Si vous prenez ce parti, je crois que vous devriez y joindre, et je vous en adresse même la demande, des explications et des développements qui suppléeront à l'insuffisance de ma plume.

Dans toute cette affaire, je ne tiens qu'à une chose, à la sainte vérité. Toute idée de polémique proprement dite me répugne, et je crois fermement qu'injurier n'est pas argumenter.

J'espère que vos lecteurs le reconnaîtront à la manière même dont je m'exprime dans ma dissertation sur un fait qui est d'une haute importance pour nous, puisqu'il touche aux origines de notre histoire, et qui deviendra, qui est même déjà devenu une des *curiosités*, je maintiens le mot, de la science de notre époque.

J'attendrai avec bien de l'intérêt l'apparition de votre travail joint au mien. Je ne doute nullement que vous ne le fassiez avec la double autorité de votre savoir et du caractére que j'aime à vous reconnaître.

Agréez, monsieur, l'expression de mes sentiments les plus distingués.

F. Gille.

Ce 5 août 1861.

(Lettre à M. Victor Langlois sur une monnaie attribuée à Oleg, Duc de Novgorod. Paris, 1861, p. 5—9).

SUR UNE

MONNAIE ATTRIBUÉE A OLEG

DUC DE NOVGOROD.

Il existe au Cabinet royal, à Stockholm, une monnaie en argent dont nous donnons le dessin exact, calqué d'une photographie prise à Stockholm sur l'original dont elle offre, par conséquent, le *fac-simile* authentique.

Cette monnaie est depuis assez longtemps le sujet d'une polémique très-vive, qui a donné lieu à la publication de divers articles dans les journaux russes et dans quelques journaux étrangers.

Puisque nous prononçons le mot *polémique*, hâtons-nous de dire que nous n'avons nullement l'intention de faire de la polémique. Nous n'en avons jamais fait; elle n'est pas dans nos habitudes, parce qu'elle nous répugne.

Mais autre chose que la polémique est l'exposé d'un fait, et d'un fait très-important, car il se rattache aux origines de l'histoire de Russie.

La question a déjà été traitée par des savants bien autrement versés que nous dans la numismatique.

Ce n'est donc pas pour revenir, au point de vue de la science, sur l'explication de cette monnaie, que nous prenons la plume; mais pour rendre comme *palpable aux yeux*, même des personnes de la société étrangères à ces légendes du moyen âge, que nous allons procéder, d'une manière qui pourra paraître insolite aux savants, et offrir les légendes de cette pièce.

La question si vivement débattue est celle-ci:

Y a-t-il sur la monnaie de Stockholm,

A l'avers (voyez le dessin en tête),

Le buste nimbé de Saint-Georges, avec une légende grecque signifiant: *le* (saint) *Georges?*

Au revers:

Une légende slavonne signifiant: *argent* (sous-entendu monnaie) *de Yaroslaf?*

Ou bien y a-t-il,

A l'avers:

La légende latine: OLEG REX?

Au revers:

Une légende normano-latine signifiant: *Regwigw à Novgorod?*

Entre les deux manières de lire et d'interpréter ces légendes, il y a presque l'épaisseur d'un monde; et jamais peut-être les annales de la science, qui offrent cependant tant d'opinions contradictoires, n'auront produit une pareille divergence d'opinion.

En effet, les légendes de l'avers et du revers de cette monnaie ont été lues en latin et en normano-latin, comme il est dit plus haut, par un numismate qui s'occupe de numismatique depuis de longues années; et elles sont lues et interprétées de la première manière par un membre de l'Académie des sciences de Saint-Pétersbourg, qui y est chargé de la matière importante de l'étude des sources de l'histoire russe.

Essayons d'exposer la question d'une manière qui soit *palpable aux yeux* comme nous venons de le dire.

Sur l'avers de la pièce, la légende est disposée en deux colonnes (voyez le dessin):

1re colonne à dextre de la figure.	2e colonne à senestre de la figure.
O	Ш
Г	Ⲣ
E	ГІ
	O

Ces lettres ne semblent-elles pas devoir signifier:

O ΓΕѠΡΓΙΟ, c'est-à-dire:

Ὁ (ἅγιος sous-entendu) Γεώργιο(ς)

Le (saint) *Georges.*

Nous allons disposer les lettres en ligne horizontale, en les numérotant, et d'après le *fac-simile:*

1 2 3 4 5 6 7

Les N°N° 1, 2, 3 se lisent, sans peine, tout seuls.

Le N° 4 est un ω figuré de la même manière sur des aspres trébizondains de Jean Comnène, où l'on voit les initiales IШ du nom de Jean.

Cette forme de l'ω se trouve presque la même dans l'Évangile d'Ostromir, ш, copié en 1056—1057, monument contemporain de Jaroslaf Wladimirovitch, qui portait le surnom ecclésiastique de *Guéorghi*, mort l'an 1054.

La forme se trouve encore la même sur une monnaie de l'empereur Romain-Argyre, mort en 1034.

Le N° 5 est un P (*r*) byzantin, mal figuré ou estropié par l'artiste ignorant qui a gravé le coin de la monnaie. Cette lettre se rencontre avec cette même forme étrange sur une monnaie analogue à celle de Stockholm, qui se trouve dans le cabinet du comte Serge Stroganoff, et sur la monnaie qui appartenait au comte Pouschkine (elle a été publiée par Olénine et Chaudoir, pl. II, n° 3). Enfin cette forme du P reparaît, de la même manière, sur une monnaie du prince Boris Alexandrovitch de Tver.

Le N° 6 est un Γ très-lisible.

Le N° 7 offre un groupe des deux dernières lettres du mot, IO.

Nous avons donc O ΓΕωΡΓΙΟ (C). Le sigma final, mis entre parenthèses, est sous-entendu, comme cela arrive souvent sur les monnaies de ce temps.

Il faut supposer que le numismate, qui a lu sur cette monnaie: OLEC REX, a dû examiner la pièce en la tournant de manière à avoir la tête de la figure non en haut (voyez le dessin), mais *couchée,* de côté par conséquent. En effet, en la tenant de cette manière, on semble et on peut lire OL, qui sont les deux premières lettres du nom d'OLEC. Il a dû ensuite redresser la pièce, la tête en haut, pour avoir la lettre E.

On peut très-bien admettre que, dans l'ignorance du temps, le monnayeur ait d'abord tracé dans leur sens naturel les deux premières lettres et couché la troisième. OLE est bien près d'OLEC; et l'on conçoit très-bien la joie d'un numismate

qui croit avoir découvert une monnaie inconnue et unique qui offrirait le nom d'Oleg, ayant régné à Novgorod, de 879 à 882, comme le dit ce numismate.

Mais ensuite commencent des difficultés qui semblent tout à fait insurmontables.

En effet, le numismate a dû prendre le groupe N° 7 pour un C et trouver dans les lettres N°N° 5 et 6 le R, en prenant le N° 4 pour un E. Il a dû prendre une des ✛ qui se voient au-dessus et à dextre de la figure pour un X, et supposer que la seconde ✛ doit être considérée comme un ornement que le monnayeur païen a semé dans le champ de la pièce. — Est-ce admissible?

Le revers de la monnaie offre une légende circulaire formée des lettres suivantes que nous allons disposer pareillement en ligne horizontale, la croix en tête, comme elle est placée sur la monnaie au commencement de la légende, ainsi qu'on le remarque généralement dans toutes les légendes chrétiennes de l'époque.

✠ И R ° Ҁ Λ Г Ш˟ Л Є Ҁ Р Є Б Р ⊙
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15

Malgré l'altération par le temps de la lettre N° 6 et la forme bizarre de la lettre N° 7, on lit assez couramment:

†
✛ѦРОСЛАВЛЄ СРЄБРО
Yaroslavle srebro

c'est-à-dire *argent* (sous-entendu monnaie) *de Yaroslaf* (*Iaroslavle* est une forme ancienne, encore usitée aujourd'hui dans le nom de la ville de Yaroslavl'). Inutile de dire que le signe accolé au N° 7 est la seconde des croix de la légende, et que la première est en tête.

Le numismate a lu, au contraire, cette légende de cette manière:

ИROCADU REGPIⵎPO

en admettant ensuite qu'il faut lire, en plaçant en premier le second mot:

REGPIⵎP O✛ NROGADU
Regwigw o Nrogad

c'est-à-dire *Regwigw* (nom d'un monnayeur supposé) *à Novgorod*, comme le numismate l'établit dans sa dissertation.

Novgorod ne peut pas avoir été nommé *Nrogad;* car on devrait dire en slavon *Novgrad;* et si l'on admet le nom sous une forme danoise ou suédoise, ce serait *Novgard* ou *Nygard*, et dans aucun cas Nrogad, forme imaginaire, il semble.

Pour cela, le numismate a dû supposer que la première lettre est un N, que la quatrième est un C, que la cinquième est un A, que la sixième est un D. Il faut croire qu'il prend la septième pour un ornement. Il fait de la huitième une R, de la neuvième un E (ce qui est vrai); de la dixième un C; de la onzième un double W anglo-saxon; de la douzième un I, de la treizième encore un C, il semble; de la quatorzième encore un double W. La quinzième est un O dont il a besoin pour lire *Regwigw o Nrogad*, comme nous venons de le dire, et comme il le dit lui-même.

Disposons en deux colonnes les numéros des lettres qui devraient composer, suivant le numismate, la légende REGWICW O NROCAD.

Numéros.		Numéros.	
1	N	8	R
2	R	9	E
3	O	10	C
4	C	11	W
5	A	12	I
6	D	13	C
7 Un ornement?		14	W

Alignons maintenant les mots:

NROCAD — Premier mot.

REGWICW — Second mot.

Plaçons au milieu O qui est la lettre № 15

En faisant du second mot le premier, comme l'a fait le numismate, nous avons bien

REGWICW O NROCAD

Mais nous demandons aux lecteurs si une telle combinaison est possible; et nous répétons pour cette seconde légende ce que nous avons dit pour la première. — Est-ce admissible?

Nous n'avons en vue dans cette dissertation que d'établir la vérité. Nous venons d'exposer le fait d'une manière qui n'est pas usuelle chez les numismates, mais que nous tâchons de rendre palpable aux personnes les moins familières avec la numismatique.

Nous prions les numismates de nous pardonner la manière dont nous avons dû procéder. Ils feront la part de la nécessité d'une pareille méthode.

Si nous prenons cette question au point de vue iconographique, on arrive, il semble, à la même conclusion.

En effet, avec la moindre habitude de l'iconographie sacrée du rite grec, on réconnait, au premier coup d'œil, dans le buste imberbe qui est sur la monnaie, avec la tête nimbée surmontée de la croix, la main armée de la lance, le bouclier rond couvrant l'épaule gauche, la figure de Saint-Georges le martyr.

Il serait fort difficile d'y voir une représentation d'Oleg; car Oleg, tuteur du jeune Igor, ne pouvait pas être un tout jeune homme; il devait avoir atteint l'âge mûr; et il devrait être représenté, ce nous semble, sur la monnaie avec des moustaches.

En outre, les effigies des souverains byzantins de l'époque ont toutes le bandeau royal, avec de longs pendants d'oreilles ou ornements des deux côtés de la tête. (Voyez Saulcy).

Enfin, le nimbe et la croix indiquent évidemment que la monnaie est d'une époque où la Russie avait embrassé le christianisme comme la religion de l'État, tandis que Oleg (mort en 912—913) était encore païen.

Le numismate qui attribue la monnaie de Stockholm à Oleg a avancé qu'elle s'accordait pour le poids avec des monnaies européennes occidentales du Xe siècle. La rognure du bord de la pièce fait tomber, il semble, cette assertion.

Nous relevons en effet, dans la *Gazette russe de Saint-Pétersbourg* du 11 novembre, l'opinion de M. Sreznievsky, qui a vu la monnaie à Stockholm, et qui dit qu'elle est rognée; ce que l'aspect de cette monnaie dans le dessin reproduit en tête de notre écrit semble bien offrir.

C'est le cas de dire qu'en comparant cette monnaie avec les monnaies presque identiques que nous avons citées, on remarque sur celles-ci un bord assez large, se déroulant au delà du grènetis, et sur lequel devaient se trouver les lettres formant

le mot AMHII qui se voient sur les pièces du comte Serge Stroganoff et du comte Pouschkine.

Il nous reste à avancer une opinion concernant la figure qui est au revers de cette monnaie.

Cette figure se voit presque pareille sur d'autres monnaies du XIe siècle; et elle est généralement considérée par quelques archéologues russes comme offrant la figure de l'oiseau du Saint-Esprit.

Cela est possible.

Mais néanmoins n'est-il pas permis de supposer que cette figure est peut-être celle d'un autre emblème chrétien?

Nous établissons cette supposition sur la différence sensible qui existe entre la manière dont le buste de l'avers de la monnaie est représenté et le dessin de la figure du revers.

Le dessin de l'avers est barbare et conforme à l'ignorance de l'art à cette époque; on y reconnaît cependant bien les traits du visage humain; tandis que la figure de l'oiseau divin est à grande peine reconnaissable.

Ne pourrait-on pas admettre, au lieu de l'oiseau du Saint-Esprit, une autre figure, celle de la tradition du *labarum?*

En ce cas, la pointe de la figure, simulant le bec de l'oiseau, serait la partie inférieure de l'étendard divin, vu par Constantin le Grand.

Les trois pointes supérieures surmontées de la croix sur un globe représenteraient la Trinité.

Mais ceci n'est qu'une supposition.

Il faut ésperer que des découvertes ultérieures de monnaies du même temps détermineront la question, de même que les dissertations des numismates et des archéologues russes sur l'ensemble de la monnaie et sur sa complète interprétation déjà établie par quelques-uns de ces archéologues. Il faut espérer aussi que des archéologues français prendront la peine de traiter la question.

Pour le moment ne semble-t-il pas déjà établi que la monnaie en question présente une légende grecque avec le nom de Saint-Georges, et une légende slavonne avec le nom de Iaroslaf, qu'elle offre les signes de la chrétienté dans le nimbe et les croix; — et peut-on admettre au contraire que c'est une monnaie d'Oleg avec légende latine, et que les croix sont des ornements se rapportant à une époque antérieure en Russie à l'établissement du christianisme comme religion de l'Etat?

Je crois, Monsieur, que vous feriez bien de joindre à vos explications pour vos lecteurs en France la copie du dessin des deux monnaies, très-semblables à celle de Stockholm, que M. le comte Serge Stroganoff a publiées dans sa lettre à M. Koehne pour lui démontrer, avec le ton d'une politesse exquise, mais en même temps de la façon la plus catégorique, que son attribution est *inadmissible*.

Les deux monnaies en question ont ce bord dont nous avons parlé, sur lequel se trouvent d'un côté les lettres du mot AMHN. Ce bord semble avoir été rogné sur la monnaie de Stockholm.

M. le comte de Stroganoff croit que le monument est du XIIe siècle et non du XIe. Cette divergence d'opinion avec M. Kunik est peu importante. Le point essentiel est l'existence d'une légende grecque et d'une légende slavonne au lieu d'une légende latine et d'une légende normano-latine, du nom de *Saint Georges* au lieu d'*Oleg Roi*, de *Argent de Yaroslaf* au lieu de *Regwigw à Novgorod*, enfin d'une monnaie *chrétienne* portant le signe de la croix, au lieu d'une monnaie *païenne*. C'est ce que M. le comte Stroganoff démontre parfaitement, ainsi que tous les autres archéologues qui ont traité la question.

F. Gille.

(Lettre à M. Victor Langlois sur une monnaie attribuée à Oleg, Duc de Novgorod. Paris, 1861, p. 11—19).

OBSERVATIONS

SUR LE MÉMOIRE PRÉCÉDENT.

Le mémoire qu'on vient de lire est écrit dans des termes tellement réservés que, malgré notre intention de répondre aux expressions acerbes contenues dans une lettre publiée récemment dans la *Revue de numismatique belge*, et signée du nom de M. de Koehne, nous préférons laisser au lecteur le soin de juger la conduite de notre adversaire. La modération dont M. de Gille nous donne l'exemple nous oblige à l'imiter, et si notre adversaire croit trouver ici une réponse conçue dans les termes dont il s'est servi à notre égard, il aura le déplaisir de voir qu'il s'est étrangement trompé.

Notre but, en prenant encore parti dans cette discussion, est de résumer en peu de mots la question qui a soulevé dans le monde de la numismatique un débat jusqu'à présent unique dans les fastes de son histoire. Aussi, sans plus de préambule, nous allons entrer en matière. *Incipiam.*

M. de Koehne, ancien conservateur adjoint de la première section du musée de l'Ermitage, publia il y a quelque temps une médaille bien connue d'un prince du nom de Iaroslaf, dont les légendes n'avaient soulevé jusqu'alors aucune objection, et que par un caprice, qu'il ne nous appartient pas de juger, il donna à Oleg, duc de Novgorod. Des que le mémoire de M. de Koehne eut vu le jour, il s'éleva contre son auteur un *tolle* général. On raconte que l'affaire fit même un certain bruit dans les cercles académiques de Pétersbourg, et que l'auteur de l'attribution

nouvelle, pour donner plus de poids à ses assertions, déclara que les savants les plus compétents de l'étranger s'étaient unanimement rangés de son avis. Cependant un académicien russe, M. Kunik, conservateur du cabinet des monnaies russes de l'Ermitage, qui jouit, non-seulement en Russie, mais aussi en Europe, d'une considération justement méritée, publia au printemps de l'année 1860 un ouvrage en russe, de 166 pages in-4° avec 4 planches, dans lequel cet érudit, ne dépassant point les limites d'une polémique purement scientifique et tout en s'en rapportant au jugement des personnes compétentes, avançait positivement que les lectures de M. de Koehne n'étaient point justifiées, et que son attribution renversait toutes les données et toutes les idées acceptées jusqu'alors. D'après les assertions souvent répétées de M. de Koehne, que les numismates vraiment dignes de ce nom s'étaient formellement déclarés pour lui, on s'attendait à voir paraître des articles et des mémoires de savants étrangers en faveur de la thése soutenue par M. de Koehne. Rien ne parut cependant, et au contraire la presse russe, française et allemande protesta en termes énergiques, et nous verrons tout à l'heure qu'en Russie principalement, le journalisme lança de vigoureuses sorties contre l'auteur de l'attribution d'une monnaie à Oleg. En première ligne, M. le comte Stroganoff publia, vers la fin de l'année 1860, dans le tome Ier de la *Zeitschrift für Münzkunde*, une lettre à M. de Koehne, où il lui démontra par une suite d'arguments irréfutables qu'il avait fait fausse route et s'était imprudemment fourvoyé. En second lieu, un noble soldat dont la Russie est fière, et qui jouit en Europe d'une haute réputation scientifique, le général J. de Bartholomaei, a protesté aussi dans une lettre écrite par lui à M. Kunik, et qui a été publiée en langue russe dans le *Bulletin* de la Société impériale d'archéologie de Saint-Pétersbourg. Nous en donnerons un extrait traduit dans les *Pièces justificatives* qui font suite à ces *Observations*. En troisième lieu, nous citerons l'opinion exprimée à deux reprises différentes par M. Sreznievsky, membre de l'Académie des sciences et professeur de littérature slave à l'Université de Saint-Pétersbourg, sur le travail de M. Kunik. M. Sreznievsky, qui est connu comme un des spécialistes les plus accrédités pour les antiquités slaves, n'aurait pas manqué de relever les erreurs qu'aurait pu commettre M. Kunik relativement à la médaille d'Iaroslav, et au contraire il a donné une force nouvelle à l'opinion exprimée par ce savant, en déclarant que la littérature russe a encore besoin de guides comme M. Kunik.

Jusqu'alors la polémique avait été courtoise, et M. de Koehne, qui cependant protestait contre les assertions de ses adversaires et récusait leur compétence, allait

avoir à répondre à des articles bien autrement sévères que ceux qui étaient l'œuvre de savants de profession. Le *Messager Russe*, qui se publie à Moscou, et qui passe pour un des recueils mensuels les plus sérieux de la littérature russe, imprima dans son premier cahier de mai, un article de chronique intitulé: *Scandale savant*, où il stigmatisa en termes énergiques l'auteur de l'attribution de la monnaie d'Iaroslaw à Oleg. Cette attaque ne passa point inaperçue, et l'*Étincelle (Iskra)*, journal satirique, dont la mission est d'infliger de petites corrections anodines, sous forme de calembours, aux personnes qui s'écartent de la ligne droite, châtia en termes sanglants le champion du duc Oleg, au profit de ses adversaires scientifiques. A ces deux derniers articles qui étaient de nature à exciter son indignation, M. de Koehne répondit en termes évasifs..., tandis que, dans le camp opposé, on voyait la presse prêter son concours à ses adversaires. Ainsi les *Annales de la Patrie*, la *Bibliothèque de Lecture*, le *Recueil Maritime*, publièrent des articles en faveur du livre écrit par M. Kunik. Cependant la guerre continuait toujours, et la science, après une trêve de courte durée, reprit l'offensive. M. de Muralt, M. Lerch et l'auteur de ces observations firent paraître différents articles, toujours en vue de combattre et de démontrer la fausseté des lectures proposées et soutenues par M. de Koehne.

Maintenant que nous avons dit les noms des adversaires de M. de Koehne dans la question de la monnaie prétendue d'Oleg, disons ceux de ses défenseurs. Hélas! malgré nos recherches, nous n'en trouvons pas un seul, — si ce n'est M. de Koehne lui-même. — Est-ce le cas de dire avec le poëte:

Que vouliez-vous qu'il fît contre *tous!*

Assurément non; personne ne veut la mort de qui que ce soit. Nous allons au contraire prouver que M. de Koehne, *seul et contre tous*, s'est défendu à outrance et se défend encore. Qu'on en juge par le nombre de ses *factum* sur l'attribution de la monnaie d'Oleg: voir et consulter:

1° *Gazette allemande de Saint-Pétersbourg*, N° 224, 15 octobre, l'article intitulé: *Ueber die älteste Münze Russlands;*

2° *Revue numismatique belge*, 1860, 3° série, t. IV, p. 374—391, *à MM. les directeurs de la Revue numismatique belge;*

3° *Messager russe;* Moscou, septembre, 2° livraison, *Chron. contemporaine*, p. 144—152.

16

4° *Zeitschrift für Münzkunde;* Berlin, 1860. Extrait du 4° cahier. Article de 7 pages sur le livre de M. Kunik;

5° *Sur les sceaux et les armoiries de la Russie;* Berlin, 1861, 1re partie, p. 6, etc., etc.;

6° *Une promesse de réponse à l'article du comte Stroganoff.*

Il ne nous appartient pas de réfuter ici les assertions contenues dans les articles susmentionnés, l'auteur y donne trop facilement prise à la critique, et, à moins de reprendre des discussions qui deviendraient dès lors oiseuses et qui nous entraîneraient beaucoup plus loin que nous n'avons l'intention d'aller, il vaut mieux passer l'éponge sur les dires hasardés de M. de Koehne, sur ses insinuations que nous ne qualifierons pas, pour arriver à lui démontrer par un fait matériel, combien il a eu tort d'invoquer le témoignage des savants étrangers comme lui étant favorable dans la question en litige. Ainsi, selon M. de Koehne lui-même, M. Hildebrand, directeur du musée des médailles de Stockholm, se serait formellement prononcé en faveur de sa lecture pour Oleg. Un savant russe, surpris de voir une autorité aussi compétente que celle de M. Hildebrand se porter caution de l'opinion numismatique exprimée par M. de Koehne, écrivit à cet érudit pour le prier de lui donner des éclaircissements à ce sujet. M. Hildebrand, étonné de se trouver impliqué dans une question à laquelle il était positivement très-opposé, répondit, le 28 février 1861, par une protestation qui nous a été communiquée, et que nous avons obtenu l'autorisation de publier *in extenso.* Cette protestation est la seconde de nos pièces justificatives. Si M. de Koehne révoque en doute son authenticité, il pourra voir l'original de cette pièce, qui est déposé dans les archives de la *Société d'Archéologie russe.*

Victor Langlois.

(Lettre à M. Victor Langlois sur une monnaie attribuée à Oleg, Duc de Novgorod. Paris, 1861. p. 20—24).

PIÈCES JUSTIFICATIVES.

I.

LETTRE DE M. LE GÉNÉRAL DE BARTHOLOMAEI A M. KUNIK.

Tiflis, 27 mai 1860.

Je vous prie, Monsieur, d'agréer mes sincères remercîments pour l'envoi de votre excellent ouvrage sur les monnaies russe-byzantines de Iaroslaw. J'ai lu ce livre avec un véritable intérêt, et je me félicite de l'acquisition que vient de faire la numismatique russe qui, à présent, grâce à vos recherches, a conquis des monuments indubitables du XIe siècle, en échange de monnaies énigmatiques et contestables, attribuées, tantôt à l'une, tantôt à l'autre des nations slaves. Vos démonstrations relatives aux monnaies d'argent de Iaroslaw, tant à l'égard de l'exemplaire de Dorpat qu'à celui de Stockholm ne peuvent soulever le moindre doute, parce que les preuves positives recueillies par vous se corroborent l'une par l'autre et amènent cette conclusion inattaquable que les monnaies en question sont bien certainement de la première moitié du XIe siècle, et qu'elles appartenaient au règne de Iaroslaw Wladimirowitch. Permettez-moi cependant d'ajouter encore une preuve tirée de la numismatique géorgienne. Assurément le fait constaté par vous n'a pas besoin d'une confirmation nouvelle, mais au point de vue de la disposition de la légende grecque de l'avers des monnaies d'Iaroslaw, on peut encore éclaircir la question de détail".

Alors M. de Bartholomaei mentionne quelques particularités qui concernent surtout la légende *perpendiculaire* en lignes parallèles. La disposition perpendiculaire de cette légende saute encore mieux aux yeux sur les exemplaires des collections Pouschkine et Stroganoff. C'est à cause de cette légende perpendiculaire que les numismatistes russes, et particulièrement le comte Stroganoff, étaient disposés à croire que les monnaies de Iaroslaw avaient été frappées au XIIe siècle, parce que les légendes perpendiculaires et la figure de Saint-Georges ne paraissent que sur les monnaies byzantines des Comnènes, à commencer du XIIe siècle.

Pour compléter ces renseignements, nous dirons que M. Kunik, en traitant la question iconographique de saint Georges, dans un supplément de son ouvrage (p. 121—136, cf. p. 108—113), était parvenu à conclure que les graveurs des monnaies de Iaroslaw avaient emprunté la figure de saint Georges aux images grecques, et non à des monnaies byzantines. Il en était de même, comme le prouve M. de Bartholomaei dans sa lettre, des graveurs de Bagrat IV, roi de Géorgie, et contemporain de Iaroslaw Ier. Une médaille de Bagrat IV, publiée par le général de Bartholomaei, et ensuite par moi dans mon *Essai de classification des suites monétaires de la Géorgie*, offre aussi une légende presque horizontale.

V. L.

(Lettre à M. Victor Langlois sur une monnaie attribuée à Oleg, Duc de Novgorod. Paris, 1861. p. 25 et 26).

II.

LETTRE DE M. HILDEBRAND A M. KUNIK.

Stockholm, 28 février 1861.

Monsieur,

Vous m'avez demandé mon opinion sur la monnaie que M. Koehne a attribuée à Oleg, grand-duc de Novgorod. Voilà l'histoire de cette monnaie avec mes observations. J'ai découvert cette pièce parmi une grande quantité de monnaies du moyen âge, qui formaient le reliquat de divers trésors découverts en Suède avant l'année 1837, époque à laquelle je fus appelé au poste de directeur du musée royal des médailles. Comme ces trésors avaient été examinés pour en extraire les monnaies anglo-saxonnes et les médailles coufiques dont on avait commencé à former des séries, j'avais pensé que la prétendue pièce d'Oleg avait été trouvée avec les anglo-saxonnes et les coufiques en question. Cependant malgré l'aspect oriental de l'avers de la pièce, je supposai qu'il serait peut-être possible de lire le nom d'Olof (Olef) dans les lettres latines et grecques mêlées qu'on y remarquait. Et, en effet, nous avons ce nom écrit de différentes manières: ainsi la lettre L renversée se voit sur des monnaies connues du roi Olof Skötkonung († 1024); je connaissais aussi un monétaire du nom de *Hrosa*, inscrit sur une monnaie qu'on a attribuée à un duc *(iarl)* de Norvége ou d'Angleterre. On savait qu'il existe des types purement byzantins sur plusieurs monnaies danoises du roi Magnus le Bon († 1047) et de Sven Estridsson († 1074 ou 1076). De plus, il était connu que l'oiseau paraît sur des monnaies danoises et anglaises de cette époque. Toutes ces indications me permettaient, de prime abord, de supposer ce que j'ai déclaré, et justifiaient, pour ainsi dire, mon classement de la pièce en litige parmi les incertaines du Nord.

Sur ces entrefaîtes, M. Koehne vint voir la collection, et, après avoir examiné la pièce en question, il déclara qu'elle appartenait au grand-duc Oleg. Je n'ai jamais partagé son opinion, comme je vous l'ai déjà dit, à vous, monsieur, en 1859, ainsi qu'au général Schubert et à d'autres connaisseurs, et je ne puis ranger la pièce qui nous occupe à une époque antérieure au XIe siècle. Mais dès que j'ai eu connaissance de votre travail, monsieur, et de celui de M. le comte Stroganoff, j'ai abandonné ma première supposition. Je suis convaincu: 1° que les lettres de l'avers

donnent le nom de saint Georges; 2° que la figure du personnage est l'image de ce saint, et que cette monnaie appartient à l'Orient (de la Suède).

Sur le revers, je vois dans la figure un oiseau; mais le travail est trop barbare pour qu'on puisse affirmer que l'artiste a eu l'intention de figurer un corbeau, une colombe, ou tout autre oiseau. La langue et les lettres de la légende du revers étant slavonnes, d'après votre interprétation, je ne puis ici prendre part au débat.

En résumé, je crois que la pièce en litige est une monnaie de l'Orient (de la Suède), qu'elle porte le nom et l'image de saint Georges, et qu'elle a été frappée dans le XIe siècle. Ainsi je ne me range nullement de l'opinion de M. Koehne, qui reporte la fabrication de cette pièce au IXe siècle, ni à celle du comte Stroganoff, qui a voulu l'attribuer à un prince vivant dans le courant du XIIe siècle. Je ne puis pas non plus admettre, comme le prétend M. Koehne, qu'un type anglo-saxon et chrétien ait été imité à Novgorod par un prince païen cent ans avant qu'un type pareil ait été adopté par les rois de Suède, de Norvége et de Danemark, qui avaient des relations directes avec l'Angleterre, et qui ont reçu de ce pays et des missionnaires et des monétaires. Je n'ose pas non plus accepter l'opinion du comte Stroganoff, qui fixe l'époque du XIIe siècle pour la date de la frappe de cette médaille, parce que je crois qu'elle a été trouvée avec des pièces coufiques, ou avec des monnaies byzantines et anglo-saxonnes, qui chez nous ne dépassent jamais la fin du XIe siècle. (Cf. Monn. anglo-saxonnes du cab. royal de Stockholm, p. VIII—XVI; CVII—CX).

En attendant, la monnaie en question occupe, dès à présent, dans notre cabinet la place que vous lui aviez attribuée, Monsieur, parce que l'époque que vous lui donnez est aussi conforme à mon opinion personnelle.

En terminant, je vous dirai que j'ai encore trouvé dans mes cartons un second exemplaire de la même monnaie dont je vous adresse une empreinte. Le poids de cette dernière pièce est de 1,34 gramme.

Veuillez agréer, etc.

Signé: Hildebrand.

(Lettre à M. Victor Langlois sur une monnaie attribuée à Oleg, Duc de Novgorod. Paris, 1861. p. 27—29).

ДОБАВЛЕНІЯ.

Уже послѣ того, какъ настоящая глава была вполнѣ разработана, наша коллекція обогатилась еще тремя экземплярами описанныхъ монетъ; всѣ онѣ прекрасной сохранности, а одна представляетъ собою интересный и драгоцѣнный вкладъ въ занимающій насъ вопросъ. Кромѣ этихъ монетъ, мы помѣщаемъ здѣсь еще одну (золотую), по недоразумѣнію съ нашей стороны не попавшую въ каталогъ.

При нумераціи этихъ 4-хъ монетъ, мы обозначили N° той монеты въ каталогѣ, съ которой каждая имѣетъ наибольшее сходство, съ прибавкой буквы: *а*, за исключеніемъ золотой, которую обозначаемъ просто N° 1, такъ какъ она *вполнѣ тождественна* съ описанными подъ этимъ N° въ каталогѣ.

№ 1. Монета эта, вполнѣ тождественная съ описанными подъ N° 1, вѣситъ 1 зол. 1 долю и изображена на Т. 14 подъ N° 1. Она принадлежитъ Н. Н. Мурзакевичу, любезно приславшему ее на наше разсмотрѣніе.

Она отличается отъ описанныхъ выше только тѣмъ, что на ней видна ясно буква В въ словѣ *Владимиръ*, которая на первыхъ почти совсѣмъ стерта.

№ 6а. Монета подобная описанной подъ N° 6, но надписи:

На Лиц. ст.: ВЛ<АНМН РН<СТОЛѢ,

начинающаяся справа внизу; буквы первой половины надписи обращены основаніями къ ободку.

На Об. ст. НСҮСЪ ХРЪСТОСЪ,

начинающаяся тоже справа внизу.

1 экземпляръ въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 66 долей. Изображеніе на Т. 14 N° 2.

Эта интересная монета была самымъ любезнымъ образомъ подарена намъ С. В. Бодилевскимъ въ настоящемъ году.

Приводимъ извлеченіе изъ его письма, которое онъ написалъ намъ по ея поводу:

„. . . . . . Посылаю вамъ сребреникъ Владиміра изъ извѣстнаго вамъ Кіевскаго „клада. Это двойникъ экземпляра, находящагося въ Музеѣ при Кіевской Духовной „Академіи и извѣстнаго уже вамъ. Нашелъ я его совершенно случайно у одного „Кіевскаго собирателя, который пріобрѣлъ его у одного изъ рабочихъ, участвовав„шихъ въ раскопкѣ фундамента на старомъ Кіевѣ, причемъ и найдены были Вла„диміровы сребренники. Къ сожалѣнію, этотъ рабочій, фамилія котораго осталась „неизвѣстною, давно ушелъ на родину, и разузнать обстоятельно всѣ подробности „находки этого интереснѣйшаго клада совершенно невозможно.

„. . . . . . Этотъ экземпляръ и академическій являются единственными предста„вителями Кіевскаго клада, хотя со времени открытія послѣдняго протекло довольно „времени“. . . . . .

Итакъ, предположеніе г. Николаева, что въ 1877 г. было найдено нѣсколько монетъ (можетъ быть цѣлый кладъ), вполнѣ оправдалось.

№ 31а. Монета очень похожая на описанныя подъ № 31: надписи и изображенія тѣ-же; но фигура великаго князя нѣсколько уже въ плечахъ; изображеніе хоругви немного больше.

1 экземпляръ въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 84 доли. Изображеніе на Т. 14 № 3. Нѣжинскій кладъ.

№ 46а. *Лиц. ст.* очень похожа на Лиц. ст. № 46, но чеканена другимъ штемпелемъ: фигура великаго князя нѣсколько шире, на шеѣ ожерелье изъ 5-ти бусъ, тогда какъ на № 46 — изъ 4-хъ.

Об. ст. Вокругъ изображенія хоругви надпись:

ᐊСССП ОСРЄИРО.

1 экземпляръ въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 68 долей. Изображеніе на Т. 14 № 4. Нѣжинскій кладъ.

ГЛАВА II.

РАЗЛИЧНЫЯ МНѢНІЯ О НАШИХЪ МОНЕТАХЪ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ВЪ ПОЛЬЗУ ИХЪ РУССКАГО ПРОИСХОЖДЕНІЯ.

Еще не такъ давно наука безапелляціонно рѣшила, что Русь домонгольскаго періода собственныхъ денегъ не имѣла, что она довольствовалась деньгами сосѣднихъ странъ; собственно же русскими денежными знаками были лоскутья шкуръ и кожи. Только въ послѣдніе 25 лѣтъ, сперва не очень увѣренно, но чѣмъ дальше, тѣмъ единогласнѣе, стали доказывать, что и на Руси были чеканенные знаки, но, кажется, до сихъ поръ никто еще не посмѣлъ утверждать, чтобы Русь того времени относительно денежнаго дѣла могла находиться въ одинаковомъ положеніи со своими сосѣдями.

Между тѣмъ Русскія монеты домонгольскаго періода были извѣстны уже съ начала нынѣшняго столѣтія; надписи на этихъ монетахъ русскія, ясныя, съ именами нашихъ первыхъ князей — Владиміра и Ярослава.

Но найдено ихъ было мало, или, по крайней мѣрѣ, опубликовано ихъ было мало, наука не хотѣла отказаться отъ предвзятой мысли; тѣ, которые сами не имѣли этихъ монетъ въ рукахъ, или сомнѣвались въ ихъ подлинности, или даже не вѣрили въ ихъ существованіе; тѣ-же, которые имѣли возможность прослѣдить ихъ происхожденіе, и потому были убѣждены въ ихъ подлинности, будучи въ подавляемомъ меньшинствѣ, должны были дѣлать уступки мнѣнію большинства: одни отказывались признавать монеты русскими, другіе, болѣе смѣлые, не переставая считать ихъ таковыми, соглашались, что это, вѣроятно, не денежные знаки, а родъ медалей, или печатей и т. п.

Но вотъ, въ 1852 году сдѣлана была крупная находка такихъ монетъ — цѣлый кладъ, и теорія существованія русскихъ монетъ въ домонгольскій періодъ получила болѣе твердое основаніе.

Съ тѣхъ поръ находки подобныхъ монетъ учащались, все указывало на ихъ русское происхожденіе; между тѣмъ, такова сила предвзятыхъ теорій, до сихъ поръ не мало знатоковъ старины, упорно оспаривающихъ существованіе чеканныхъ знаковъ на Руси домонгольскаго періода.

Вслѣдствіе этого, изслѣдователь древнѣйшихъ русскихъ монетъ поставленъ въ странное положеніе — ему приходится доказывать, что эти монеты русскія; притомъ ему приходится сражаться, въ нѣкоторомъ родѣ, съ вѣтрянными мельницами, такъ какъ отрицающіе во что бы то ни стало русское ихъ происхожденіе, не согласны между собой, какой именно странѣ приписать ихъ.

Мы надѣемся, можетъ быть слишкомъ самонадѣянно, что нашъ трудъ будетъ способствовать болѣе правильному сужденію о вопросѣ существованія чеканныхъ денежныхъ знаковъ въ древней Руси; но для этого не надо забывать извѣстнаго правила — audiatur et altera pars; поэтому мы въ этой главѣ постарались собрать, по возможности въ хронологическомъ порядкѣ, всѣ главнѣйшія мнѣнія о нашихъ монетахъ съ 1797 года.

Въ этомъ трудѣ много помогли намъ изслѣдованія г. Куника (о русско-византійскихъ монетахъ), передавшаго многое и намъ лично изъ собраннаго имъ матеріала, который онъ намѣревался напечатать при новомъ изданіи Соборной грамоты 1551 года, но предоставившаго его въ наше распоряженіе въ виду возможно полнѣйшаго разслѣдованія всего относящагося къ такимъ важнымъ памятникамъ Русской старины, каковыми являются наши монеты.

Первое извѣстіе о русской монетѣ домонгольскаго періода, именно о Ярославлемъ сребрѣ графа Мусина-Пушкина, было сообщено печатно г. Фелькнеромъ въ статьѣ подъ заглавіемъ: Einleitung zu der Skizze der ersten und zweiten Epoche einer Geschichte der Russen (въ журналѣ: Allgemeiner Litterarischer Anzeiger. Leipzig, 1797, на стр. 764). Какъ извѣстно (см. I глава къ III-му типу монетъ Ярослава), онъ прочелъ на этой монетѣ несуществующую надпись — *монета одной ногатой*, и считалъ ее денежнымъ знакомъ временъ Ярослава I.

Но уже въ 1802 году А. Шлецеръ выразилъ свое сомнѣніе насчетъ ее (Несторъ. Russische Annalen 2. Theil. Göttingen, 1802: „отъ недавняго времени насъ „увѣдомляютъ изъ Россіи еще объ одномъ открытіи. Найдена — *дескать* серебряная монета, вѣсомъ около квента, съ надписью: Ярославле сребро — *будто бы* „Ярослава I † 1054 года)".

Въ 1805 году академикъ Кругъ, по словамъ г. Куника уже тогда бывшій опытнымъ нумизматомъ, издалъ трудъ подъ заглавіемъ: Zur Münz-Kunde Russlands (St.-Petersburg, 1805). Въ сочиненіи этомъ, появившемся въ русскомъ переводѣ въ началѣ 1807 года, онъ, хотя не вполнѣ смѣло, призналъ существованіе монеты на Руси домонгольскаго періода; неувѣренность этого ученаго вполнѣ понятна, если принять въ соображеніе, что онъ построилъ свое предположеніе на одномъ пробномъ вѣсѣ и на единственной тогда извѣстной въ своемъ родѣ монетѣ (экземпляръ графа Мусина-Пушкина). Такъ какъ Кругъ былъ первымъ, серьезно занявшимся вопросомъ, то считаемъ нелишнимъ привести болѣе обширное извлеченіе изъ его труда. Передаемъ безъ измѣненій текстъ русскаго изданія (вышедшаго подъ заглавіемъ: Критическія разъисканія о древнихъ русскихъ монетахъ. С.-Петербургъ, 1807 года).

Замѣтивъ, что греки съ давнихъ временъ уже пользовались пробными вѣсами (exagia) для провѣрки вѣса своихъ солидовъ, Кругъ на стр. 193 говоритъ:

„Если же сами Греки, которые еще до временъ Несторовыхъ у Руссовъ слыли „лукавымъ и обманчивымъ народомъ (....суть бо Греци льстивы и до сего дни), „должны были взять предосторожности, чтобъ ихъ не обманывали легкими златни„ками: то осторожность тѣмъ болѣе была нужна для иностранцевъ. И потому весьма „вѣроятно, что и Русскіе купцы, которые съ Греками столь знатный вели торгъ, „снабжены были такими пробными вѣсами".

„До сихъ поръ, я чаю, легко со мною согласятся; но не легко повѣрятъ мо„жетъ быть тому, что я теперь предложу. *Оно слишкомъ противурѣчитъ обыкновен„ному мнѣнію о состояніи древнѣйшей Россіи.* То бѣдственное положеніе, въ кото„ромъ находилось сіе Государство въ позднѣйшія времена Татарскаго владычества, „служитъ часто примѣромъ къ изображенію его прежняго состоянія. Но при семъ, „какъ мнѣ кажется, мало обращали вниманія на то, что съ какою скоростію упа„даютъ науки и художества, и образованіе нравовъ, столь медленно напротивъ того „они возстановляются; ибо не такъ-то легко промѣнять лѣность на дѣятельность, „разслабленіе на трудолюбіе и привычки на перемѣны. Послѣ того какъ Монголы, „а въ позднѣйшія времена Татары, не могли уже болѣе имѣть вреднаго вліянія на

„Россію, много стоило труда и времени сему Государству, чтобъ только достигнуть „той степени просвѣщенія, на которой оно давно уже прежде находилось; а что „сія степень была не малозначуща, въ томъ удостовѣряютъ насъ многія изъ упомя-„нутыхъ уже обстоятельствъ, между прочимъ также и уничтоженіе права Государя „наслѣдовать на имѣніе чужестранца, умершаго въ его Государствѣ (droit d'Aubaine), „равно какъ и береговаго права (droit de Varech) еще въ Олеговы времена, да и „многія другія черты, которыя доставили намъ Русскіе лѣтописатели отъ XII и XIII „столѣтій".

„Русскіе *гости* увидѣли пользу Греческаго учрежденія, посредствомъ пробныхъ „вѣсовъ тотчасъ опредѣлять настоящую цѣну монетъ: для того старались они ввести „ихъ также у себя, равно какъ и другія вещи, которыя казались имъ достойными „подражанія. Ихъ совѣты у Русскихъ Князей много значили. Вся Исторія свидѣ-„тельствуетъ о ихъ знатности и большомъ ихъ вліяніи на публичныя дѣла. Въ дав-„нѣйшихъ мирныхъ договорахъ всегда особенное обращается на нихъ вниманіе; „всегда упоминаются они при посланникахъ; равно какъ и симъ давались имъ „*печати*, или *грамоты;* даже дѣлались имъ часто отъ Князей препорученія и упо-„требляемы были въ качествѣ пословъ. У Константина (De Cerim. pag. 344—345) „мы находимъ, что они въ Царьградѣ имѣли Аудіенціи, кушали за однимъ столомъ „со сродниками Великой Княгини Ольги и съ Княжескими послами, и что они „такіе-же получили дары, какъ и тѣ. Состояніе *гостей* не въ одной Россіи было „въ такомъ почтеніи, но и въ другихъ земляхъ......

„И такъ по представленію сихъ гостей, такіе пробные вѣсы введены были и „въ Россіи. Одинъ такой вѣсъ, который одинъ только можетъ быть и сохранился „до нашихъ временъ, получилъ я въ подарокъ отъ господина генералъ-инженера „фонъ Сухтелена. Онъ найденъ, лѣтъ нѣсколько тому назадъ, въ одной части „Кіевскихъ пещеръ, когда она обвалилась; не знали что это значило. Онъ мѣдный, „въ двое толще мѣднаго пятикопѣешника, а величиною съ серебренную гривну [1]. „Съ одной стороны вырѣзано въ два ряда имя ГЛѢ, БЪ, а около него двойной „кругъ; съ другой же числительная буква З (7) въ маломъ кругѣ; а во кругъ семь „точекъ, около которыхъ также двойной кругъ. Онъ вѣситъ 369 гранъ (*около* $516\frac{1}{2}$ „*долей*). Слова съ обѣихъ сторонъ находящіяся вырѣзаны, также какъ и на проб-„номъ вѣсу въ Вѣнскомъ кабинетѣ находящемся. Въ его подлинности нельзя сом-

1 У насъ изображенъ на Т. 14 № 6.

„нѣваться; образъ его нахожденія равно и находящіяся на немъ буквы, которыя „совсѣмъ походятъ на видѣнныя мною въ древнѣйшихъ рукописяхъ, и другіе при-„знаки, въ томъ удостовѣряютъ. Онъ довольно хорошо сохранился. Отъ котораго „Князя Глѣба онъ происходитъ, того врядъ ли можно положительно утвердить. „Развѣ не отъ Великаго ли Князя Глѣба Юрьевича, который въ 1170 по 1172 „годъ княжилъ въ Кіевѣ?“

„Какъ числительная буква З, такъ и семь точекъ около ней, доказываютъ, что „это былъ пробный вѣсъ семи монетъ; но какія были тѣ монеты, нельзя бы было „сказать, еслибы не открылъ намъ сего случай. Въ нѣмецкомъ журналѣ: Allgemei-„ner Litterarischer Anzeiger (1797 г. № 74, стр. 763), помѣщено извѣстіе Фельк-„нера: что у графа Мусина-Пушкина въ Москвѣ находится старинная Русская „серебренная монета Великаго Князя Ярослава, которая вѣситъ 53 грана аптекар-„скаго вѣса *(74 доли)*, и съ давнѣйшихъ временъ висѣла на одной Иконѣ въ Кіевѣ“. „Онъ присовокупляетъ: „Вѣроятно, что она вѣсила нѣкогда цѣлую драхму“; но ска-„залъ сіе можетъ быть потому, что слѣдовалъ мнѣнію Татищева: яко бы золот-„никъ былъ равенъ драхмѣ; я же не могу сказать, чтобъ это было вѣроятно. Сія „монета сохранилась въ довольной цѣлости и не могла потерять своего вѣса (?) „либо очень мала. *Котораго она Ярослава, не извѣстно.* Нѣкоторые (напр. Шле-„церъ) сомнѣвались въ ея существованіи, но я видѣлъ ее въ Москвѣ у графа „А. И. Мусина-Пушкина, и увѣренъ въ ея подлинности. Что жъ касается до „послѣдняго, то я въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ имѣлъ случай видѣть множество „старыхъ и новыхъ Россійскихъ монетъ, во многихъ собраніяхъ и въ разныхъ мѣ-„стахъ Россіи; да и собственное мое собраніе чрезъ покупку, мѣняніе и подарки „нарочито увеличилось: такъ что смѣю полагаться на свое сужденіе.

„И такъ *семь* таковыхъ монетъ вѣсили (7 × 53 =) 371 гранъ; а мой пробной „вѣсъ вѣситъ 369. Сіе согласіе весьма достопримѣчательно. Чтожъ касается до „числа 7, то и оно не должно казаться страннымъ: мы находимъ напр. въ Яросла-„вовыхъ законахъ (Правда Русская § 5 стр. 17), что по сему числу опредѣляется „судьѣ все то, что ему слѣдуетъ. Онъ получаетъ: „7 ведеръ солоду, пшена 7 убор-„ковъ, соли 7 голважень, 7 хлѣбовъ“ и т. д. Равнымъ образомъ и во Владимиро-„выхъ законахъ (тамъ же глава XX § 1 стр. 87): „7 кунъ, 7 луконъ овса“ и проч.

„Желалъ бы я удостовѣриться, можно ли принять сіе мнѣніе, которое толико „удаляется отъ обыкновеннаго? (ибо считаютъ уже рѣшеннымъ дѣломъ, что первыя „монеты дѣлались въ Россіи во время Татарскаго владѣнія;) тѣмъ болѣе, что все

„доказательство по сю пору основывается на одномъ только пробномъ вѣсѣ и на „одной только монетѣ, ибо о другихъ, по крайней мѣрѣ мнѣ, еще неизвѣстно....“

Въ другомъ мѣстѣ своего труда (стр. 262 русск. изд.) Кругъ говоритъ: „.....довольно кажется доказательства, что Руссы въ IX и X столѣтіяхъ нарочитое имѣли множество золота и серебра; хотя при всемъ томъ вѣроятно, что сіи „металлы, *если и обращены были въ монету,* употребляли они по большой части „какъ товаръ, и другъ другу платили вѣсомъ, что означаютъ кажется названія „*золотникъ* и *гривна*“ (= фунтъ).

На стр. 264 онъ выставляетъ предположеніе, что *рѣзани*, упоминаемыя въ лѣтописяхъ, были ничто иное, какъ нарѣзанные куски серебра; *щляги* или *стерляги* были по его мнѣнію *серебряной монетой* (стр. 265 и слѣд.).

Странно, что Кругъ, признавая существованіе монеты въ Россіи до Монгольскаго нашествія, не рѣшился признать золотыя монеты Владиміра, находившіяся уже тогда въ Эрмитажѣ, за русскія. На стр. 64 онъ говоритъ только: „Нѣкоторые въ Императорскомъ собраніи, въ Эрмитажѣ находящіеся Греческіе „*Солиды* позднѣйшихъ временъ, чистаго золота, и содержащіе въ себѣ 70 гранъ „аптекарскаго вѣса *(1 зол. 2 доли), могли бы даже заставить думать, находящимися на нихъ буквами, что они дѣланы въ Россіи:* по крайней мѣрѣ то кажется „вѣрнымъ, что сосѣдственные народы уже давно подражали Греческимъ монетамъ.....“

Но уже въ 1818 году или вскорѣ послѣ того, по словамъ А. А. Куника, Кругъ выдѣлилъ эти *солиды* изъ византійской коллекціи и включилъ ихъ въ русскую (онъ былъ тогда консерваторомъ въ Эрмитажѣ); причиной такого явнаго признанія этихъ монетъ русскими послужили видѣнныя имъ монеты Могилянскаго, привезшаго ихъ въ Петербургъ (см. главу I).

Въ рецензіи на сочиненіе Круга Шлецеръ писалъ въ 1806 году (Gelehrte Anzeigen № 163. См. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Ч. LXIV, отд. VI, стр. 34):

„И монета Ярослава также подлинна? Конечно она не поддѣлана какимъ-нибудь „новѣйшимъ обманщикомъ; Шлецеръ этого никогда и не думалъ: но подлинно ли „она монета великаго князя Ярослава I, когда на Руси едвали была и мысль бить „монету? Это конечно задача критики, а не упражненій и опытности въ нумизматикѣ.....“

Около 25-ти лѣтъ послѣ находки Ярославля сребра (бывшаго до тѣхъ поръ единственнымъ представителемъ чеканнаго искусства въ древнѣйшей Руси), именно

въ 1816 году, узнали о существованіи еще двухъ монетъ, относящихся къ той-же эпохѣ, но носящихъ имя другаго князя; мы говоримъ о Владиміровомъ златѣ и серебрѣ, принадлежавшихъ Могилянскому (Воейковъ: О найденныхъ древнихъ русскихъ монетахъ; въ Вѣстникѣ Европы 1816 г. Ч. LXXXVII стр. 316), Карамзинъ въ 1818 году сомнѣвался назвать ли ихъ монетами или медалями и кому приписать ихъ — Владиміру ли Святому, Мономаху или Владимiркѣ Галицкому (Исторія, изд. II-е. С.-Петербургъ, 1818 г. Т. II, примѣч. 56). Не будучи самъ нумизматомъ, Карамзинъ, вѣроятно, узналъ предварительно мнѣніе спеціалистовъ, а потому выраженное имъ сомнѣніе, вѣроятно, раздѣлялось и ими.

Любопытно было бы узнать, какъ смотрѣлъ на наши монеты такой просвѣщенный любитель отечественныхъ древностей, каковымъ былъ Евгеній (умершій Кіевскимъ митрополитомъ 23 февраля 1837 года). Но къ сожалѣнію, ни одно изъ до сихъ поръ обнародованныхъ писемъ его, сколько намъ извѣстно, не содержитъ указаній на этотъ вопросъ. Въ „Словарѣ Русскихъ Свѣтскихъ Писателей (изд. Погодина, Москва, 1845 г., II, стр. 95.)“ въ статьѣ о графѣ А. И. Мусинѣ-Пушкинѣ мы читаемъ только: „.....Между прочимъ изъ Кіева досталъ онъ найденную въ привѣскахъ на иконѣ извѣстную и донынѣ единственную Ярославову монету съ надписью: *сребро Ярославле.....*“ (Эта біографическая статья составлена митрополитомъ Евгеніемъ вскорѣ послѣ 1812 года).

Въ 1824 году Калайдовичъ и Бекетовъ (Труды Общества Исторіи и Древностей. Москва. 1824. Ч. II), хотя приписывали монеты Ярославу I и Владиміру, но называли ихъ медалями и сомнѣвались были ли онѣ ходячими деньгами.

Бекетовъ въ статьѣ „о сребрѣ Ярославлѣ“ (Труды, Москва. 1824 г. Ч. II, стр. 124—134) говоритъ: „.....монета, извѣстная подъ названіемъ: *сребро Ярославле,* остается и доселѣ еще предметомъ для изслѣдованія: *къ которому точно „времени принадлежитъ она и для какого употребленія была сдѣлана?*“

„*Общее мнѣніе приписало ее временамъ Ярослава I-го;* но на чемъ основано сіе „мнѣніе? — На имени? Мы имѣли четверыхъ Великихъ Князей сего имени [1]. На „работѣ? Но по работѣ можно тогда только съ достовѣрностью заключать о вре-

1. Ярославъ Владиміровичъ 1019—1054. Ярославъ Изяславичъ 1173—1176. Ярославъ Всеволодовичъ 1236—1246. Ярославъ Ярославичъ 1263—1272.

„мени, когда есть возможность сравнивать разсматриваемый предметъ съ другими, „уже извѣстными памятниками; но мы ничего подобнаго не имѣемъ".

„*Нѣкоторые думаютъ, что сребро Ярославле могло быть ходячею монетою во* „*времена Ярослава I-го*...... единственнымъ основаніемъ сему предположенію слу- „житъ найденный.......въ Кіевѣ.......пробный вѣсъ....." .....*Обыкновенное* „*мнѣніе о началѣ серебряной монеты въ Россіи* (во время владычества Татаръ) „*основано на лѣтописяхъ,* которыя отъ начала Монархіи до нашествія Татаръ ни- „когда ни при какомъ случаѣ не упоминаютъ о серебряной монетѣ; но всегда всѣ „счеты производятъ и всему означаютъ цѣны или числительною монетою *гривной,* „или ходячими, но условными монетами *кунами;* серебряную же монету начинаютъ „лѣтописцы употреблять въ счетахъ своихъ не прежде, какъ спустя уже около ста „лѣтъ послѣ нашествія Татаръ, а въ нѣкоторыхъ городахъ означаютъ именно годъ, „когда тамъ уничтожена условная монета и замѣнена серебряною"........ я смѣю „утвердительно заключить, что до нашествія Татаръ серебряная монета не была „еще употребляема въ Россіи, слѣдовательно и *сребро Ярославле* не могла быть хо- „дячею монетою временъ Ярослава I. ....На лицевой сторонѣ монеты изоб- „раженъ Св. Георгій. Вотъ первая причина къ заключенію, что основательнѣе при- „писать ее Ярославу I-му, нежели послѣдующимъ; потому что онъ при святомъ „крещеніи нареченъ Георгіемъ, по Русски Юрьемъ....."

Извѣстно, что на экземплярѣ графа Мусина-Пушкина отъ слова ⊲МНN сохранилось всего три первыя буквы — ⊲МН; Бекетовъ принялъ ихъ за числительныя и объяснялъ — 1048; въ этомъ году совершенъ былъ бракъ княжны Анны Ярославны съ королемъ французскимъ Генрихомъ I, а потому Бекетовъ полагалъ возможнымъ, что сребро было вычеканено по случаю этого событія.

Баронъ Шодуаръ въ 1836 году считалъ наши монеты медалями, чеканившимися греческими художниками (жившими въ Кіевѣ) въ честь разныхъ событій. Существованія чеканныхъ денежныхъ знаковъ на Руси домонгольской онъ не допускалъ. (Aperçu 1836. Ч. I, стр. 105). Надо замѣтить, что онъ уже включилъ въ число Русскихъ золотые, находившіеся въ Эрмитажѣ и въ коллекціяхъ Круга и Рейхеля.

Въ 1847 году Фундуклей (Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ. Кіевъ 1847 г.) думалъ даже, что наши монеты были чеканены въ Греціи, въ честь нашихъ великихъ князей.

Въ 1831 году Кругъ уже говорилъ, что „еслибъ одинакія золотыя и серебря- „ныя монеты, приписываемыя Владиміру I и Ярославу I, дѣйствительно были вы-

„биты этими русскими великими князьями, все-же ихъ скорѣе можно считать моне-„тами, выбитыми на случай, по поводу какого нибудь торжества и назначенными „кому-либо въ подарокъ, нежели за настоящую ходячую монету".

Погодинъ и Лелевель колебались признать, что чеканилась монета при Владимірѣ и Ярославѣ.

Намъ слѣдуетъ теперь нѣсколько долѣе остановиться на мнѣніи Я. Я. Рейхеля, такъ какъ, несомнѣнно, оно имѣло большое вліяніе на многихъ изъ его современниковъ, преклонявшихся передъ его нумизматическими познаніями, и потому принимавшихъ его опредѣленія безъ должной критики.

Слѣдующія свѣдѣнія собраны А. А. Куникомъ, намѣревавшимся издать ихъ въ дополненіе къ своимъ изслѣдованіямъ византійско-русскихъ монетъ, но позволившимъ намъ воспользоваться собраннымъ имъ матеріаломъ съ одной стороны въ надеждѣ, что нашъ трудъ представитъ болѣе или менѣе полный сборникъ всего, относящагося къ разбираемымъ нами памятникамъ древности, а съ другой — вслѣдствіе своего убѣжденія, что подробный разборъ мнѣній прежнихъ изслѣдователей всего лучше ознакомитъ будущихъ съ правильными и ненаучными пріемами, т. е. съ такими, которыхъ надо или ненадо придерживаться въ предметѣ, требующемъ величайшей осторожности при разрѣшеніи отдѣльныхъ вопросовъ.

Между 1840 и 1848 годами Я. Я. Рейхель положительно отрицалъ, какъ въ частныхъ бесѣдахъ, такъ и печатно (до 5-ти разъ), что въ Россіи когда-либо чеканилась монета до нашествія Татаръ. Нетрудно понять, что̀ его побудило къ такому рѣшительному отрицанію. Уже давно, какъ видно изъ біографіи Калайдовича, между Русскими нумизматами служила предметомъ изслѣдованія монета болгарскаго царя Святослава († 1323 г.) Въ началѣ не умѣли хорошенько разобрать надписи на этой монетѣ и приписывали ее какому нибудь христіанско-русскому князю Святославу. Шодуаръ еще въ 1836 году изобразилъ ее въ своемъ сочиненіи и причислилъ къ категоріи Ярославля сребра, Владимірова злата и сребра и т. п., приписавъ ее великому князю Святославу Ярославичу (1073—1078).

Хотя Рейхель былъ ревностнымъ собирателемъ всевозможныхъ монетъ, а можетъ быть и именно вслѣдствіе этого, онъ не былъ хорошо знакомъ съ вопросомъ о византійско-русской культурѣ, и потому, какъ ему, такъ и другимъ нумизматамъ было очень удобно относить загадочныя для нихъ монеты къ числу юго-славянскихъ, которыя въ то время были почти совершенно неизвѣстны.

Итакъ, уже въ 1840 году Рейхель писалъ: „основываясь на строгой нумизма-„тической критикѣ, можно съ достовѣрностью отнести начало нашихъ монетъ только

„къ концу XIV столѣтія. Нѣтъ никакихъ *положительныхъ доказательствъ,* чтобы „монеты, извѣстныя у насъ подъ названіемъ: Владиміровой, Ярославовой и Свято-„славовой, были дѣйствительно Русскія..... По всѣмъ историческимъ соображе-„ніямъ (?), гораздо съ большею вѣроятностью должно отнести упомянутыя выше „монеты къ южно-славянскимъ народамъ...... въ Булгаріи находимъ Святослава, „умершаго въ 1322 году, а въ Сербіи — правителя Владиміра въ началѣ XI-го „вѣка“.....

Въ 1842 году онъ въ I-мъ томѣ своего каталога говоритъ почти то-же самое („Früher als unter der Regierung des Grossfürsten Dmitri Joannowitsch Donskoi, welcher von 1363 bis 1389 regierte, sind *wahrscheinlich* in Russland keine Münzen geschlagen, *wenigstens wäre es nicht mit Bestimmtheit nachzuweisen*“).

Между тѣмъ, болгарскій патріотъ Априловъ, жившій въ Одессѣ, въ 1840 и 1841 г. совершенно вѣрно прочелъ надпись на монетѣ Святослава и всѣ должны были убѣдиться, что она болгарская (Денница новоболгарскаго образованія).

Совершенно понятно, что Рейхель, убѣдившись въ вѣрности, ставшаго уже общеизвѣстнымъ, опредѣленія Априлова, въ IX-мъ томѣ своего каталога (1843 г.) выразился гораздо опредѣленнѣе объ интересующихъ насъ монетахъ. Описавъ золотую монету Владиміра, находившуюся въ его коллекціи (см. гл. I, № 2) подъ № 159, онъ называетъ ее: „грубымъ подражаніемъ Византійской золотой монеты, „какого-то славянскаго князя (Владиміра), а не русскаго великаго князя, какъ по-„лагали до сихъ поръ“.....

Въ 1846 году появилась въ журналѣ: „Numismatische Zeitung“ (herausgegeben von J. Leitzmann, Weissensee 1846, pag. 14) рецензія каталога Шуберта, появившагося въ 1843 году, подписанная: „Moskou-S.....“

Уже тогда всѣ въ Петербургѣ знали, что настоящимъ авторомъ рецензіи былъ Рейхель, который былъ въ нѣсколько натянутыхъ отношеніяхъ съ Шубертомъ, какъ дѣятельнымъ соперникомъ его въ собираніи монетъ; Рейхель поручилъ только другому нумизмату редактировать его замѣчанія. Въ этой статьѣ говорится:

„Почему между монетами московскихъ (= русскихъ) великихъ князей приве-„дены монеты нѣкіихъ Владиміра и Ярослава (eines Wladimir und eines Jaroslaw), „о которыхъ давно уже рѣшено, что онѣ совсѣмъ не русскія, происходитъ, можетъ „быть, оттого, что собственникъ ихъ все еще хочетъ выдавать ихъ за экземпляры, „составляющіе красу его коллекціи (als Capitalstücke aufweisen). Но при этомъ онъ „самъ представилъ изображеніе монеты Болгарскаго царя Рачимира для срав-„ненія“.....

(Cp. Die ältesten russischen Münzen. Münzstudien, herausgegeben von H. Grote. 2. Band, Leipzig 1862. pag. 917—924).

Въ 1847 году Рейхель началъ разработку отдѣльной статьи о юго-славянскихъ монетахъ, входившихъ въ составъ его коллекціи. Напрасно старался Куникъ осенью 1847 года убѣдить его, что всѣ, бывшія тогда извѣстными, монеты Владиміра и Ярослава могли быть чеканены только въ Россіи, указывая на то, что ни одного подобнаго экземпляра не найдено было по ту сторону Дуная, что въ юго-славянскихъ земляхъ никогда не существовало князя Ярослава — *Георгія*, что болгарскій государь Владиміръ Борисовичъ (885—893) и сербскій Владиміръ (ок. 1013—1016) играли самую незначительную роль въ исторіи и т. п. — Рейхель остался при своемъ предвзятомъ мнѣніи.

(См. Mémoires de la société d'archéologie et de numismatique de St.-Pétersbourg. Vol. II, 1848. p. 243 — на нѣмецкомъ языкѣ, и Записки С.-Петербургскаго Археологическо-Нумизматическаго Общества. Томъ I. 1849 г. стр. 344)[1].

Мнѣніе Рейхеля повліяло вѣроятно на Круга, навѣрно на Шуберта, барона Кёне и другихъ.

Шубертъ писалъ въ 1843 году:

„Сумнѣнія нѣтъ, что эта монета (Святослава) не Русская, а Болгарская. Академикъ Ф. И. Кругъ подозрѣваетъ, что и монеты Владиміра и Ярослава, не Рус-„скія, а Славянскія — Болгарскія“.....

(Описаніе Русскихъ монетъ и медалей собранія генералъ-лейтенанта Θ. Θ. Шуберта. Ч. I. С.-Петербургъ. 1843 г. стр. 54—55).

Даже когда ему сталъ извѣстенъ Нѣжинскій кладъ, Шубертъ не измѣнилъ своего взгляда (см. Catalogue du cabinet des monnaies..... Carlsruhe 1857. p. 33: „on avait toujours soupçonné que toutes ces monnaies précédentes, soit disant de „Kieff, appartenaient aux Czars de Bulgarie, et n'étaient pas du tout des monnaies „russes; cette dernière (la monnaie de Swiatoslaw) le prouve clairement, car le prince „y est même nommé Czar de Bulgarie“). Несмотря на увѣренія Шуберта, что онъ считалъ наши монеты несомнѣнно южно-славянскими, можно однако заключить,

[1] Насколько твердо Рейхель убѣжденъ былъ въ южно-славянскомъ происхожденіи нашихъ монетъ, указываетъ то обстоятельство, что онъ въ своемъ настольномъ экземплярѣ каталога, хранящемся въ Эрмитажѣ, карандашемъ прибавилъ къ описанію золотаго Владиміра описаніе позже пріобрѣтеннаго серебрянаго (описанъ у насъ подъ № 28), признавая его тоже за южно-славянскую монету.

что онъ не былъ вполнѣ убѣжденъ въ этомъ, иначе онъ не включилъ бы ихъ два раза въ свои каталоги русскихъ монетъ.

Баронъ Кёне писалъ въ 1850 году до открытія Нѣжинскаго клада:

„Предположеніе, высказанное покойнымъ академикомъ Кругомъ по поводу якобы „Русскаго пробнаго вѣса, найденнаго въ Кіевѣ при обвалѣ пещеры, уничтожается „вмѣстѣ съ измѣненіемъ взгляда на тѣ монеты, для опредѣленія цѣнности которыхъ „онъ, по его мнѣнію, предназначался. *По общему убѣжденію* всѣхъ тѣхъ, кто „въ послѣднее время касался этого вопроса, всѣ монеты, которыя прежде считали „древнѣйшими русскими, приписываются теперь юго-славянскимъ народамъ". (Mémoires de la société Impériale d'Archéologie, publiés par le Dr B. de Köhne. Vol. IV. St.-Pétersbourg. 1850. p. 237).

Послѣднее увѣреніе барона Кёне не вполнѣ однако вѣрно. Въ русскомъ изданіи тѣхъ-же Записокъ С.-Петербургскаго Археологическо-Нумизматическаго Общества за предшествующій 1849 годъ (I томъ) была напечатана статья извѣстнаго знатока восточной нумизматики П. С. Савельева подъ заглавіемъ: „примѣчаніе о славянскихъ монетахъ съ именами Владиміра, Святослава и Ярослава".

„Двѣ славянскія монеты", писалъ Савельевъ, „съ именами Владиміра и Святослава, приписываемыя г. Рейхелемъ сербскому кралю и болгарскому царю этихъ „именъ, невольно наводятъ на мысль — какъ же ихъ до сихъ поръ принимали за „русскія и относили къ великимъ князьямъ Кіева?.... Происходило ли это отъ „невѣжества, или предубѣжденія въ пользу отечественнаго?.... Вопросъ о томъ, „били ли монету первые Кіевскіе князья, не можетъ не занимать всякаго, кому не „чужда отечественная древность. Если несомнѣнно, что монеты эти сербскія и болгарскія, то нечего останавливаться долѣе: вопросъ рѣшается отрицательно. Но „въ томъ-то и дѣло, чтобы *доказать* дѣйствительную принадлежность Владиміровой „монеты сербскому кралю этого имени, а Святославовой царю болгарскому, сыну „Тертеря. Да и рѣшивъ это, вы не покончите дѣла: все еще останется монета „съ именемъ Ярослава, которую, покуда, некуда отнести кромѣ Кіева, потому что „нѣтъ другаго знаменитаго славянскаго князя съ именемъ Ярослава, кромѣ нашего „Владиміровича".

Затѣмъ авторъ указываетъ на то, что всѣ извѣстные ему экземпляры найдены въ предѣлахъ Россіи, за исключеніемъ монеты Святослава, открытой въ Болгаріи, и на то, что характеръ изображеній и надписей на нашихъ монетахъ вполнѣ своеобразенъ. Сдѣлавъ краткій очеркъ ученыхъ мнѣній о монетахъ, нелишенный нѣкоторой ироніи, и указавъ на то, что археологи слишкомъ поспѣшно пришли къ за-

ключенію, что онѣ нерусскія, П. С. Савельевъ въ слѣдующихъ словахъ заканчиваетъ свою статью:

„Какимъ же князьямъ принадлежатъ эти монеты — русскимъ, сербскимъ или „болгарскимъ? Въ настоящее время, имѣя подъ рукою только эти четыре монеты и „никакихъ подобныхъ имъ для сравненія, отвѣчать утвердительно нельзя на этотъ „вопросъ. Можно ли строить систему, опираясь только на двѣ пары монетъ и два „собственныхъ имени безъ отчества? Завтра же открытіе новой монеты рушитъ „въ прахъ заложенную такъ шатко систему. Остается ждать рѣшенія вопроса отъ „времени и открытія неизвѣстныхъ еще славянскихъ монетъ. До тѣхъ поръ, опираясь на имена Святослава, Владиміра и Ярослава, можете безъ упрека приписы-„вать эти монеты Сербіи, Болгаріи или Кіеву; *въ пользу Руси даже болѣе доводовъ,* „чѣмъ въ пользу другихъ странъ. Монетное искусство вовсе не предполагаетъ вы-„сокой степени просвѣщенія..... Съ принятіемъ христіанства, нахлынули греческіе „мастера въ Кіевъ, и князьямъ стоило только захотѣть имѣть свое злато и сребро „наподобіе византійскихъ. Настояло ли въ томъ требованіе, это другое дѣло“.

„Изъ мнѣній, принятыхъ учеными съ самаго начала касательно русскаго про-„исхожденія этихъ монетъ опровергнуто, слѣдовательно, только одно — приписаніе „монеты Святослава нашему Святославу II Ярославичу, которому нейдетъ титулъ „царя болгарскаго. Но ее могутъ, пожалуй, приписать великому Святославу, — „Святославу I Игоревичу, который владѣлъ Болгаріею и во имя котораго могли „тамъ чеканить монету, не заботясь о томъ, что онъ язычникъ“ (?).

„Я, съ своей стороны, не видя еще свѣтлаго исхода занимающему насъ во-„просу, нахожу лишь одинъ *палеографическій* доводъ въ пользу приписанія этихъ „монетъ (кромѣ Святославовой) нашимъ князьямъ: это — форма буквъ на золотыхъ „Владиміра, значительно удаляющаяся отъ письма сербскаго и болгарскаго, и при-„ближающаяся, особенно въ словѣ *Владимиръ*, къ русскому полууставу, и наконецъ „самое правописаніе этого слова, не болгарское и не сербское, а скорѣе русское“. (Записки С.-Петербургскаго Археологическо-Нумизматическаго Общества, Т. I, стр. 386—398).

Находка втораго экземпляра Ярославля сребра въ 1838 году не имѣла особеннаго вліянія на вопросъ о происхожденіи нашихъ монетъ. Только въ 1853 году И. М. Снегиревъ опубликовалъ мнѣніе графа С. Г. Строгонова, владѣльца этой монеты.

Г. Снегиревъ говоритъ:

„Достовѣрнѣйшее объясненіе этого памятника, по сіе время заключается въ „мнѣніи самого владѣтеля лучшаго экземпляра монеты“.

„Монета съ надписью „*Ярославле сребро*“ была въ первый разъ подробно описана, 1824 года, Калайдовичемъ.....

„Карамзинъ, какъ и другіе современные писатели, приписывая это серебро „Великому Князю Ярославу I, не усумнились заключить, что въ XI вѣкѣ древняя „Россія пользовалась не только чужестранными драгоцѣнными монетами, но имѣла „и собственныя.....

„При всемъ успѣхѣ Русской Нумизматики въ послѣднюю четверть вѣка, этотъ „любопытный памятникъ остался необъясненнымъ, тогда какъ монеты Святослава и „Владимира, также при появленіи ихъ, приписываемыя Русскимъ Великимъ Князьямъ, „*ученою критикою давно уже отнесены къ ряду, принадлежащему Царямъ Болгарскимъ*. Неизвѣстно, долго ли сохранитъ Ярославъ свое право гражданства въ Русской Нумизматикѣ, но можно уже теперь утвердительно сказать, что монета эта, „чеканенная по образцу Византійскому, современному Іоанну II (1118—1143), или „Мануилу Комнену (1143—1180), слѣдовательно, болѣе ста лѣтъ послѣ Ярослава „Кіевскаго, не можетъ относиться къ нему“.

„Не зная ни Болгарскаго, ни Сербскаго Царя Ярослава, невольно останавливаемся на Ярославѣ Владимировичѣ Галицкомъ Осмосмыслѣ, 1153—1183. Какъ „союзникъ Мануила, сестра котораго вышла за Императора Греческаго Алексѣя, „онъ имѣлъ близкое сношеніе съ Византіею, и чеканка Греческихъ монетъ того „времени могла служить образцомъ для Галицкихъ. *Однако же*, согласно съ мнѣніемъ Лелевеля, *вопросъ можетъ рѣшиться окончательно только послѣ открытія „другаго подобнаго памятника*, поясняющаго серебро Ярославле“.

(Древности Россійскаго Государства, изд. по Высочайшему повелѣнію. Отд. V. Москва. 1853. стр. 89—90).

Другіе памятники, поясняющіе Ярославле и Владимірово сребро и злато, которыхъ такъ желали Савельевъ и Снегиревъ, были открыты въ 1852 году близъ Нѣжина. Со времени открытія Нѣжинскаго клада убѣжденіе нумизматовъ рѣзко мѣняется; число сторонниковъ русскаго происхожденія нашихъ монетъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ.

Первый описалъ часть этого клада (31 экземпляръ) г. Волошинскій. (Описаніе древнихъ русскихъ монетъ и т. д. Я. Волошинскаго въ Трудахъ комиссіи для описанія губерній Кіевскаго учебнаго округа. Кіевъ. 1853 года).

Добросовѣстно составленному имъ каталогу монетъ, находящихся въ числѣ 31 экземпляра въ коллекціи Университета Св. Владиміра, предпослано нѣсколько общихъ замѣчаній.

Въ числѣ побудительныхъ причинъ къ признанію монетъ русскими г. Волошинскій выставляетъ:

I. Отличіе нашихъ монетъ, какъ отъ Сербскихъ и Болгарскихъ, такъ и отъ всѣхъ вообще извѣстныхъ донынѣ Южно-Славянскихъ, не только по типу, но и по величинѣ, вѣсу и качеству отдѣлки.

II. Мѣсто находки — въ предѣлахъ Россіи, и именно вблизи Кіева.

III. Надписи на монетахъ, заключающія въ себѣ имена, соотвѣтствующія именамъ Великихъ Князей Кіевскихъ (именно: Владиміръ. Ярославъ, Святославъ и Георгій).

IV. Нѣкоторыя мѣста въ лѣтописяхъ, намекающія на существованіе *сребрениковъ* въ смыслѣ монеты, въ древнѣйшей Россіи.

V. Соображеніе, что обращеніе шкурокъ звѣрей въ видѣ ходячей монеты не исключаетъ возможности существованія въ то-же время звонкой монеты.

Надо замѣтить, что Волошинскій разбиралъ исключительно монеты Нѣжинскаго клада; Ярославля сребра онъ не касался, а золотыя монеты Владиміра онъ не рѣшился признать Русскими, но былъ скорѣе склоненъ думать, что онѣ дѣйствительно Южно-Славянскія.

Впрочемъ только спустя 8 лѣтъ значеніе Нѣжинской находки было полнѣе оцѣнено въ трудѣ г. Куника.

Въ 1857 году Янъ Шафарикъ, племянникъ знаменитаго Шафарика, въ 9-мъ томѣ сербскаго „Гласника“ напечаталъ въ видѣ прибавленія къ описанію сербскихъ монетъ, статью подъ заглавіемъ: „Новацъ Србскаго краля Владимира“.

„.....Эту знаменитую монету“ говоритъ онъ: „я нашелъ также въ сочиненіи: „Reichel, Serbiens älteste Münzen. St. Petersburg, 1848..... Г. Рейхель, бывшій „однимъ изъ лучшихъ (найвећи) въ Петербургѣ знатоковъ нумизматики, приписываетъ ее сербскому кралю Владимиру. Мы тѣмъ охотнѣе вѣримъ въ его авторитетъ, а въ данномъ случаѣ принимаемъ его мнѣніе, что, по нашему разумѣнію, „если дѣйствительно эту монету нельзя приписать никакому другому, даже и какому-„нибудь русскому Владимиру (что Рейхель, какъ Руссъ, непремѣнно сдѣлалъ бы, „еслибы у него были вѣскія доказательства противъ его мнѣнія), то кромѣ нашего „сербскаго краля Владимира (который вслѣдствіе измѣны болгарскаго краля Владислава былъ убитъ 22 Марта 1016 года) можно ее приписать развѣ еще одному

„болгарскому царю Владимиру Борисовичу, правившему съ 885 по 888 годъ; только „относительно этихъ двухъ Владимировъ и можетъ быть сомнѣніе“.

(Гласникъ друштва Србска словесности. Свезка IX. У Београду 1857. стр. 280—281).

Въ этой статьѣ интереснѣе всего наименованіе Рейхеля Руссомъ. Шафарикъ былъ убѣжденъ, въ простотѣ душевной, что если ужь Русскій нумизматъ не призналъ монету Русской, то онъ сдѣлалъ это скрѣпя-сердце, истощивъ всѣ доводы въ пользу ея русскаго происхожденія и не найдя ни одного, выдерживающаго критику. Поэтому онъ и не думалъ обсуждать возможность ея русскаго происхожденія, а просто принялся искать государей, носившихъ имя Владиміра, въ другихъ славянскихъ земляхъ.

Еще въ 1860 году многіе придерживались насчетъ нашихъ монетъ мнѣнія Бекетова, Калайдовича и Шодуара (см. напр. Русскія былины Д. Д. Ханыкова. Москва. 1860, на стр. 80: „Хотя нѣкоторые наши ученые увѣряютъ, что „были у насъ монеты современныя княгинѣ Ольгѣ и приводятъ въ примѣръ найденныя будто-бы монеты Ольги и Владиміра, но я полагаю, что то было ничто „иное, какъ медали, выбитыя въ память какого нибудь событія“).

Въ 1860 году появился трудъ г. Куника, поставившій вопросъ на правильную почву. Онъ первый указалъ на тѣсную связь между собой всѣхъ описанныхъ нами монетъ и обратилъ вниманіе на такія частности, которыя совершенно были упущены изъ виду всѣми его предшественниками, но которыя имѣли рѣшающее значеніе въ дѣлѣ опредѣленія времени чеканки нашихъ монетъ.

Въ виду важности этого труда для занимающаго насъ вопроса, мы позволимъ себѣ нѣсколько дольше остановиться на немъ.

(О русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I Владиміровича..... С.-Петербургъ. 1860).

Причина, побудившая г. Куника издать свое сочиненіе, изложена нами уже въ I главѣ; и такъ займемся первымъ отдѣломъ труда — историческимъ введеніемъ.

„Больше полустолѣтія“, говоритъ г. Куникъ, „продолжается споръ о томъ, „были ль въ Россіи до нашествія Татаръ металлическія деньги и, въ частности, „была ли чеканена монета, или до этого дошли только въ XIV вѣкѣ, когда владычество Татаръ стояло уже на высшей своей степени? Дѣйствительно, историкамъ „и нумизматамъ прежняго времени вопросъ этотъ нелегко было рѣшить, когда древности разсматривались порознь и составляли только предметъ празднаго любопытства. Успѣхи науки и у насъ, какъ въ другихъ странахъ Европы, измѣнили это

„положеніе: теперь древности признаются и служатъ источниками не только для „исторіи международныхъ сношеній, но, еще ближе, разсматриваются въ связи „съ исторіей всей образованности народовъ. Благодаря этому расширенію взгляда, „и столько-же счастливому *случаю* — именно находкѣ Нѣжинскаго клада въ 1852 „году, — спеціалисты стали тверже въ своемъ убѣжденіи, что монета въ Россіи „чеканилась еще до Татаръ. Между тѣми изъ нихъ, которые строже вдумывались „въ этотъ вопросъ, донынѣ господствуетъ еще разногласіе о томъ, *какими изъ со- „именныхъ князей, по какимъ образцамъ и часто ли и для какой цѣли чеканилась „монета?*.....

„Извѣстно, что большая часть европейскихъ народовъ, а равно и нѣкоторые „азіатскіе, лишь тогда достаточно были подготовлены къ мысли обзавестись моне- „той собственнаго чекана, когда христіанская, либо магометанская религія не только „возведена была въ государственную религію, но потомъ мало по малу утвердилась „въ народѣ. Положеніе древней Руси было въ этомъ отношеніи гораздо благопріят- „нѣе, чѣмъ многихъ другихъ народовъ. Этому способствовало три современныхъ „обстоятельства".

„1) *Основаніе Россійскаго государства* около 860 года, отъ чего въ странахъ „отъ Балтійскаго моря до устьевъ Днѣпра въ короткое время возникло живое тор- „говое сообщеніе, распространявшееся на югъ, востокъ и сѣверо-западъ и вслѣд- „ствіе чего здѣсь болѣе и болѣе получала извѣстность византійская вѣсовая и мо- „нетная система еще до Владиміра Великаго".

„2) *Возведеніе христіанства въ государственную религію въ Болгаріи въ 861 году* „и, въ связи съ тѣмъ, *изобрѣтеніе славянскаго письма въ 862 году или около того „для болгарскихъ славянъ*, вслѣдствіе чего они стали способны быть посредниками „между Византіей и своими восточными единоплеменниками, когда у нихъ — по „меньшей мѣрѣ уже съ начала X вѣка — становилась все ощутительнѣе надобность „письма для мірскихъ цѣлей и потомъ для духовныхъ".

„3) Первое введеніе христіанства въ Кіевѣ въ 865 году, чѣмъ насаждены были „первыя сѣмена высшаго образованія, облегчены сношенія съ Византіей и заимство- „ваніе техническихъ познаній, за долго до возведенія христіанства въ государствен- „ную религію".

Далѣе, указавъ на обширность торговыхъ сношеній древней Руси съ сосѣдними народами, въ особенности съ Византіей, тюркскими Болгарами и Норманнами, г. Куникъ продолжаетъ:

„Такую дѣятельную торговлю съ югомъ, востокомъ и сѣверомъ Европы и съ „разными азіатскими народами невозможно было вести посредствомъ одного обмѣна. „Правда долго вертѣлись на мысли, что звѣриныя шкуры и нарѣзанныя части ихъ, „какъ-то куничьи, бѣличьи и т. д., а также и кожаныя деньги служили въ древней „Руси знаками цѣнности и замѣняли металлическія деньги. Но кожаныя деньги по „высшей мѣрѣ годились только для мелочныхъ покупокъ, а звѣриныя шкуры или „ихъ части никакъ не могли служить достаточнымъ средствомъ для оптовой тор-„говли даже такой, какая была раньше XI столѣтія. Въ подтвержденіе этихъ со-„ображеній многія мѣста въ лѣтописяхъ и грамотахъ рѣшительно доказываютъ, что „старинныя названія: *скотъ, куны* (а не куна и куница = guna) давно получили „значеніе *денегъ* вообще, такъ что выраженія: *кунолюбіе* употреблялось въ значеніи „сребролюбія, *скотница* — казнохранилища, какъ у Римлянъ и другихъ народовъ „названіе денегъ произошло отъ имени скота. Правда, въ Россіи съ IX до XII вѣка „было еще иное металлическое средство для обмѣна и, притомъ, въ огромномъ ко-„личествѣ, именно: иностранныя деньги, особенно мугаммеданскія, меньше — визан-„тійскаго, англо-саксонскаго и нѣмецкаго чекана. Извѣстно, что клады такого рода „отъ времени до времени находятся постоянно, и притомъ въ большомъ количествѣ, „по берегамъ Балтійскаго моря, а внутри Россіи особенно близъ рѣкъ, и мугамме-„данскія монеты оказываются битыми по большей части раньше начала XI вѣка. „Но монеты столь разной величины, разныхъ пробъ, разнаго происхожденія, съ не-„понятными надписями, могли только изрѣдка и то по одиночкѣ служить мѣриломъ „цѣнности, а въ большихъ массахъ могли быть средствомъ для разсчета только „*на вѣсъ*. А взвѣшиваніе денежныхъ массъ требуетъ хотя не прямо очень развитой, „все-же, однако, достаточно опредѣленной системы вѣса“.

Тутъ г. Куникъ объясняетъ, что уже очень рано (вѣроятно въ IX вѣкѣ) въ Кіевѣ употреблялся Византійскій фунтъ (λίτρα) въ 72 золотника на нашъ вѣсъ; изъ такого фунта золота чеканилось въ Византіи 72 монеты, которыя уже въ договорѣ Игоря 945 года называются, съ греческаго χρύσινος, *златниками;* церковно-славянское слово *златникъ* тоже, что русское *золотникъ*, отъ котораго и произошло названіе вѣсовой единицы.

Вмѣсто греческаго названія фунта употребительнѣе было народное — *гривна*.

Слово *гривна* не есть искаженіе нѣмецкаго Griff, а представляетъ старинную форму прилагательнаго, происшедшаго отъ существительнаго *грива*. Это слово встрѣчается на санскритскомъ въ значеніи: *затылка, шеи* (у насъ еще загривокъ и грива лошадиная).

Слѣдовательно, *гривна* означало то, что принадлежало шеѣ, украшеніе ея, то, что на шеѣ.

Извѣстно, что золотыя и серебряныя шейныя кольца были въ употребленіи у разныхъ первобытныхъ народовъ. Извѣстно также, что эти кольца играли часто роль денегъ и, какъ теперь почти съ увѣренностью можно сказать, нерѣдко имѣли опредѣленный вѣсъ.

Итакъ первоначальная гривна была — *шейная;* отъ оцѣнки шейной произошла *вѣсовая* и ужъ отъ вѣсовой — *денежная*, въ смыслѣ монетной единицы. Находимыя, такъ называемыя, Кіевскія *гривенки* въ 36—38 золотниковъ, составляютъ какъ-разъ половину византійской гривны (въ 72 зол.), а Новгородскія въ 43—49 зол. — половину большой, тяжелой гривны (въ 96 зол.). Кромѣ того намъ извѣстны еще отрубки въ 22—24 золотника, т. е. въ $\frac{1}{4}$ тяжелой гривны (фунта), называемые *рублями*.

Продолжаемъ словами г. Куника:

„Эти-то „гривенки“ и „рубли“, которые отливались, по приказанію князей, изъ „болѣе или менѣе чистаго серебра, были въ Россіи въ теченіи вѣковъ несомнѣнно „съ древнѣйшихъ временъ, а въ высшей степени вѣроятно, даже съ самаго осно-„ванія государства или вскорѣ послѣ того, настоящею *ходячею* монетой, посред-„ствомъ которой производились всѣ сколько-нибудь значительныя уплаты въ тор-„говлѣ или въ житейскомъ быту, взносы въ казну и т. д. Между тѣмъ, недостатокъ „мелкой металлической монеты съ опредѣленнымъ знакомъ цѣнности, безъ сомнѣнія, „долженъ былъ становиться все чувствительнѣе по мѣрѣ того, какъ умножалось „народонаселеніе и внутреннія сношенія усиливались..... А какъ скоро уже были „металлическія куны или деньги опредѣленнаго вѣса и цѣнности, то перейти къ че-„канной монетѣ было уже не очень трудно. Желаніе *должно* было возникнуть, „когда въ ходу было столько иностранной чеканной монеты. Нужны были, конечно, „знаніе и навыкъ въ извѣстныхъ техническихъ пріемахъ; но ковачи золота и же-„лѣза, хотя бы и не великіе мастера, были и во времена до Владиміра великаго: „они воздвигали статуи боговъ съ серебряными головами и золотыми усами, ковали „короткіе мечи съ нарѣзными украшеньями..... По Игореву договору съ Гре-„ками, 945 года, мы знаемъ, что дипломатическіе агенты Игоря имѣли печати: „послы — золотыя, а гости — серебряныя, и что они, отправляясь въ Византію, „должны были даже запасаться чѣмъ-то въ родѣ пропускной грамоты. Къ мирному „договору языческаго князя Святослава Игоревича съ византійскимъ Императоромъ, „971 года, приложены были, для скрѣпы, и печати его уполномоченныхъ. А при

„Владимірѣ Святославичѣ возможность битья монеты, какъ увидимъ ниже, была „достаточно подготовлена еще вліяніемъ христіанства, начиная съ 865 года".

Сдѣлавъ краткій обзоръ быстраго хода развитія въ древней Руси и возникновенія лучшаго знакомства съ Византіей отъ Игоря до принятія христіанства Владиміромъ, г. Куникъ говоритъ:

„Вслѣдъ за принятіемъ христіанства, прибылъ греческій митрополитъ, чтобы „основать свой престолъ въ Кіевѣ; за нимъ слѣдовали другіе греческіе и болгар„скіе духовные и мастера. Брачный союзъ Владиміра съ болгарско-византійской „княжной Анной, его знакомство съ роскошью цвѣтущаго Херсона и другіе подоб„ные факты были многознаменательны. Теперь пошли въ ходъ всякаго рода худо„жества, чего требовало уже одно построеніе великолѣпной десятинной церкви въ „Кіевѣ. Какъ легко теперь было Владиміру попасть на мысль чеканить монету, по„добно византійскимъ императорамъ, золотыя и серебряныя монеты которыхъ давно „ходили въ Россіи съ опредѣленною цѣнностью! Въ металлѣ не было недостатка. „Держаться строго византійскаго вѣса, система котораго была извѣстна Русскимъ, „объ этомъ въ Кіевѣ, какъ и въ другихъ новообращенныхъ странахъ, не было „нужды думать, точно также какъ и заботиться объ изящной выдѣлкѣ чекана. Могло „быть, что сами Византійцы, или поселившіеся въ Кіевѣ іерархи подали Владиміру „мысль чеканить свою монету, и одинъ родъ медалей — именно особый видъ изъ „такъ называемыхъ черниговскихъ медалей съ греческою и церковно-славянскою „надписью — повидимому дѣйствительно указываетъ содержаніемъ надписей и сим„волами на истребленіе язычества „рабомъ" Божіимъ „Василіемъ" — Владиміромъ".

„И почему Россія, послѣ того какъ въ ней постепенно пробуждено и воспитано „было расположеніе къ высшему образованію, почему она одна оставалась бы не„способною завести послѣ 988 года свой монетный чеканъ?

„Если взвѣсимъ всѣ вышеизложенныя обстоятельства, меньше ли она была „къ тому подготовлена, чѣмъ Польша, Швеція и даже волжская Болгарія въ Х-мъ „столѣтіи? Ужъ никакъ не меньше, скажетъ всякій знакомый съ исторіей образова„нія тѣхъ странъ. Второму христіанскому королю въ Польшѣ, Болеславу храброму „(† 1025 г.), завоевателю Кіева не очень затрудняются приписывать нѣсколько мо„нетъ грубой работы, и даже одну монету съ церковно-славянской надписью на „обѣихъ сторонахъ. Шведскія монеты начинаются съ Олафа Скэткопунга (980— „1018 г.), тестя Ярослава Владиміровича. И почему христіанская Русь, при своей „тѣсной связи съ Константинополемъ, послѣ 988 года не могла бы сдѣлать того, „что дѣлали въ X вѣкѣ волжскіе Болгары?.....

„Конечно, въ XI вѣкѣ были страны, гдѣ обходились безъ домашней монеты, „какъ напр. дунайскіе Болгары и Сербы, у которыхъ долго ходили византійскія и „латинскія монеты, прежде нежели начали чеканить болгарскую и сербскую. „Но положеніе и потребности южныхъ Славянъ во многихъ отношеніяхъ были „неодинаковы съ потребностями и состояніемъ древней Руси. Во всякомъ случаѣ „ошибаются, когда думаютъ, что болгарскіе и сербскіе князья X и XI столѣтій „имѣли больше поводовъ чеканить монету, чѣмъ Владиміръ, Ярославъ и ближайшіе „ихъ пріемники. *Вовсе лишено историческаго основанія лѣтъ 20 назадъ пущенное „въ ходъ мнѣніе, будто монеты съ именами Владиміра и Ярослава принадлежатъ „Сербіи и Болгаріи.* Рядъ князей въ этихъ странахъ теперь довольно извѣстенъ, „и между ними рѣшительно нѣтъ ни одного Ярослава. Хотя въ Болгаріи съ IX „вѣка процвѣтала богатая письменность, которая вошла въ Россію подъ именемъ „церковно-славянской и много содѣйствовала къ утвержденію христіанскаго духа и „образованія вообще, но внутреннее состояніе перваго болгарскаго царства было „таково, что вовсе не удивительно, если въ немъ не было въ то время своей соб- „ственной монеты. Отъ 1018 до 1186 года Болгарія была даже только провинціей „византійской имперіи. Со вторымъ болгарскимъ царствомъ съ 1186 года начинается „небольшой рядъ монетъ князей Іоанна Стратиміра, Святослава и т. д.; но эти „*болгарско-византійскія монеты столь-же неосновательно относить къ Россіи, какъ „и, наоборотъ, золотыя и серебряныя монеты Владиміра и Ярослава пріурочивать „къ Болгаріи.* Сербія лишь много спустя послѣ Владиміра и Ярослава сдѣлалась „сильнымъ государствомъ и потому всѣ извѣстныя сербскія монеты съ латинскими „и славянскими надписями — а ихъ немало — происходятъ лишь изъ первой поло- „вины XIII и изъ слѣдующихъ столѣтій. Между извѣстными донынѣ болгарскими „и сербскими монетами съ славянскою надписью нѣтъ ни одной, которая обнару- „живала бы ближайшее сходство типа съ русско-византійскими монетами“.

(См. названное сочиненіе, стр. 1—23).

Убѣдительнѣе этого, кажется, нельзя доказать *возможность* существованія чеканной монеты въ древней Руси.

О содержаніи остальныхъ отдѣловъ труда г. Куника мы говорили уже въ первой главѣ по поводу спора о воображаемой монетѣ Олега. Здѣсь мы подробнѣе остановимся на тѣхъ частяхъ сочиненія, гдѣ доказывается русское происхожденіе монетъ. Такъ на стр. 57 мы читаемъ:

„Прежде нежели приступимъ къ описанію и историческому опредѣленію трехъ „экземпляровъ Ярославля сребра, необходимо принять въ соображеніе *мѣстонахож-*

„*денiе* ихъ, равно и родственныхъ имъ, золотыхъ и серебряныхъ монетъ Владимiра. „*Ни одна изъ нихъ не открыта въ южно-славянскихъ странахъ*..... а всѣ онѣ, „за исключенiемъ стокгольмскаго экземпляра, *найдены въ предѣлахъ древней Руси*. „О большей части изъ нихъ даже извѣстно, что онѣ отысканы въ мѣстахъ, бывшихъ поприщемъ дѣятельности тѣхъ самыхъ князей, имена коихъ, по всей вѣроятности, означены въ ихъ надписяхъ".

„.....Стокгольмскiй экземпляръ, по самому его мѣстонахожденiю, мы можемъ „считать вывезеннымъ прямо изъ Россiи (бывшей въ X и XI вѣкахъ въ живыхъ „сношенiяхъ съ Швецiей, Норвегiей и Данiей). Мѣстонахожденiе Ярославля сребра, „нынѣ принадлежащаго графу С. Г. Строгонову, уже само собою указываетъ на „построителя твердыни Юрьева-Георгiева (Дерпта). Экземпляръ графа Мусина-„Пушкина найденъ былъ въ Кiевѣ,..... матери городовъ русскихъ, соревнователѣ „Царьграда, какъ называетъ его Адамъ бременскiй, современникъ Ярослава Владимiровича. Въ его-же столицѣ явился, около 1816 года, и первый златникъ Владимiра. О двухъ серебряныхъ монетахъ съ именемъ Владимiра достовѣрно извѣстно, „что онѣ найдены, около 1810 года, въ Борисполѣ. Одинъ экземпляръ сребра Владимiра происходитъ изъ Ростовскаго уѣзда. Находка, подобная нѣжинской, служитъ только подтвержденiемъ мнѣнiя, что монеты съ именами Ярослава и Владимiра преимущественно обращались въ странѣ, составлявшей самое ядро древней „Руси. Въ червонной Руси или нынѣшней Галицiи, гдѣ давно знаютъ цѣну древностямъ и собираютъ ихъ, до сихъ поръ не открыто ни одного экземпляра русско-„византiйскихъ монетъ"......

Мы уже познакомили читателя въ I-й главѣ съ доказательствами г. Куника въ пользу того, что монеты съ именемъ Ярослава не могутъ быть приписаны никому другому изъ русскихъ князей, какъ Ярославу I Владимiровичу.

Признавая тѣсную связь остальныхъ описанныхъ нами монетъ съ Ярославовыми, онъ приходитъ къ заключенiю, что экземпляры съ именемъ Владимiра должны быть чеканены очень недолго до или послѣ Ярослава. Если онѣ чеканены до Ярослава, то должны быть отнесены къ отцу его, Владимiру Святому; если позже — то къ внуку его, Владимiру Мономаху. Г. Куникъ не рѣшаетъ вопроса положительно, но склоняется скорѣе ко второму предположенiю. Почему это не вѣрно и почему надо отнести ихъ къ Владимiру Святому, мы скажемъ ниже; впрочемъ, и г. Куникъ уже почти тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ своего сочиненiя, призналъ, что онѣ принадлежатъ Владимiру Святому (см. ниже).

Изъ I главы уже извѣстно, что еще до появленія труда г. Куника, баронъ Кёне рѣшительно высказался за русское происхожденіе нашихъ монетъ.

Насколько показались убѣдительными лучшимъ знатокамъ старины доводы г. Куника, видно изъ слѣдующихъ словъ письма И. А. Бартоломея:

„Прошу васъ принять искреннюю благодарность за присланный мнѣ экземп-„ляръ вашего превосходнаго сочиненія „о русско-византійскихъ монетахъ". Книгу „эту я прочиталъ съ особеннымъ удовольствіемъ и порадовался за пріобрѣтеніе для „Русской нумизматики, *которая теперь, благодаря вашимъ розысканіямъ, получаетъ „несомнѣнные памятники XI-го столѣтія,* взамѣнъ гадательныхъ и спорныхъ „монетъ, приписываемыхъ то тому, то другому народу, какъ было до сихъ „поръ".

„*Ваши доводы относительно Ярославля сребра какъ Дерптскаго, такъ и Сток-„гольмскаго экземпляровъ не могутъ быть подвержены никакому сомнѣнію,* потому „что собранныя Вами фактическія доказательства взаимно подтверждаются одно „другимъ и приводятъ къ непремѣнному заключенію, что *монеты эти положительно „Ярослава Владиміровича* первой половины XI столѣтія. Позвольте мнѣ еще пред-„ставить новое доказательство *этой несомнѣнной истины* съ точки зрѣнія грузин-„ской нумизматики"....

Тутъ г. Бартоломей подтверждаетъ догадку г. Куника, что оригиналомъ для Лиц. ст. Ярославля сребра служила не монета, а икона, посредствомъ грузинской нумизматики: именно, имъ открыта была монета Баграта IV (1028—1054), современника Ярослава, на которой изображена Богородица, а по сторонамъ ея отвѣсно расположенная надпись:

Н	А
А	Θ
ГІ	КО

между тѣмъ извѣстно, что такія надписи вошли въ употребленіе на византійскихъ монетахъ не ранѣе начала XII-го столѣтія, а потому и не могли служить оригиналомъ для рѣзчика штемпеля.

(Письмо это отъ 27 Мая 1860 года помѣщено во II томѣ Извѣстій Императорскаго Археологическаго Общества на стр. 338—342).

Графъ А. С. Уваровъ тоже рѣшительно высказался за русское происхожденіе нашихъ монетъ, что видно изъ письма къ г. Куннку, къ которому мы возвратимся въ III главѣ.

Графъ С. Г. Строгоновъ и послѣ появленія труда г. Куника, какъ извѣстно (изъ I главы), не измѣнилъ своего взгляда на монеты Ярослава, но не коснулся вопроса о монетахъ Владиміра.

Интересно было бы изслѣдовать надписи на нашихъ монетахъ съ палеографической точки зрѣнія, хотя при скудости дошедшихъ до насъ памятниковъ письменности XI столѣтія, и при существованіи неопровержимыхъ доказательствъ, что наши монеты чеканены въ XI, а частью, можетъ быть, и въ концѣ X вѣка, добытые такимъ изслѣдованіемъ результаты послужили бы скорѣе для провѣрки эпохи составленія письменъ, чѣмъ для опредѣленія времени чеканки монетъ.

Нашъ извѣстный палеографъ покойный проф. Срезневскій только вскользь коснулся этого вопроса, видимо даже внимательно не занявшись имъ.

Именно въ своемъ трудѣ: Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XIV вѣковъ, Общее повременное обозрѣніе. С.-Петербургъ, 1863 года) онъ приводитъ на стр. 137 — Ярославле сребро до 1054 года.

На стр. 40 (перепечатка изъ извѣстій II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, томъ X, стр. 166):

„*Сребро князей Русскихъ:* монеты съ особеннымъ знакомъ, на одной сторонѣ „повторяющимся, хоть и разнообразно, но постоянно..... Самый обильный кладъ „ихъ найденъ близъ Нѣжина въ 1852 году (см. Труды и т. д. Я. Волошинскаго). „Изслѣдованія ученыхъ еще не пришли къ окончательному выводу о тѣхъ изъ этихъ „монетъ, которыя носятъ имя Владиміра, а тѣмъ менѣе о другихъ (см. Извѣстія „Археологическаго Общества II: 338; III: 69, 74, 105 и 337); тѣмъ не менѣе, если „нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыя изъ этихъ монетъ вмѣстѣ съ Ярославлемъ сребромъ „принадлежатъ къ XI вѣку, то можно не сомнѣваться, что другія относятся къ „XII вѣку“.

И далѣе на стр. 73 (перепечатка изъ извѣстій II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, томъ X, стр. 224) Срезневскій, приводя въ статьѣ: „до 1288 г.“ извѣстіе Волынской лѣтописи о гривнахъ, отлитыхъ княземъ Владиміромъ Васильковичемъ Волынскимъ, прибавляетъ:

„Позволительно предполагать, что эти Волынскія гривны были съ надписями, „какъ..... Черниговская гривна (до 1100 года) и какъ то сребро, которое находятъ съ именами Ярослава, Владиміра и другихъ князей (до 1054 года и до „1200 года)“.

Впрочемъ, нужно прибавить, что надписи вырѣзанныя въ металлѣ рѣдко вполнѣ сходны съ современными имъ рукописями.

Весь ходъ вопроса о нашихъ монетахъ остался неизвѣстнымъ кроатскому нумизмату Любичу. Со словъ Рейхеля и Шафарика онъ включилъ, въ своемъ сочиненіи, появившемся въ 1875 году, золотую монету Владиміра въ число юго-славянскихъ, приписавъ ее болгарскому царю Владиміру (885—893).

Впрочемъ въ томъ-же самомъ году ему указалъ на его промахъ проф. Ягичъ, находившійся тогда въ Берлинѣ, и опубликовавшій свое возраженіе въ № 54 кроатской газеты „Obzor", въ которомъ онъ ссылается на трудъ г. Куника.

Добросовѣстно составленное сочиненіе Любича (Opis Jugoslavenskih novaca od prof. Sime Liubića; u Zagrebu 1875) важно для насъ въ томъ отношеніи, что, доставляя намъ возможность познакомиться по недурно исполненнымъ рисункамъ почти со всѣми доселѣ извѣстными юго-славянскими монетами, убѣждаетъ насъ въ совершенной невозможности найти черты сходства между ними и нашими монетами.

Замѣчательно, впрочемъ, что такое-же незнаніе современнаго положенія вопроса обнаружилъ и нѣмецкій нумизматъ Данненбергъ, написавшій короткую рецензію на трудъ Любича въ Zeitschrift für Numismatik (Band 3, Berlin 1876 подъ рубрикой Literatur, p. 170): „.....auch ein Goldstück ist vorhanden (von Wladimir), dasselbe „das man *früher* für russisch hielt und das Reichel (Mémoires St.-Pétersbourg, II, „243) dem serbischen Könige Wladimir († 1016) zugeeignet hat".

Изъ составленнаго нами краткаго обзора мнѣній о нашихъ монетахъ можно видѣть, что собственно сторонниковъ ихъ русскаго происхожденія было больше, чѣмъ доказывавшихъ ихъ принадлежность западу. Сторонники нерусскаго ихъ происхожденія могутъ быть раздѣлены на двѣ группы — 1) приписывавшихъ ихъ юго-славянскимъ государямъ и 2) — галичскимъ.

Единственнымъ представителемъ въ литературѣ 2-й группы является графъ С. Г. Строгоновъ. Онъ занялся опредѣленіемъ времени чеканки исключительно Ярославовыхъ монетъ, не касаясь Владиміровыхъ, путемъ сравненія ихъ съ Византійскими. Извѣстно, что его опредѣленіе не подтвердилось фактами, а потому мы долго на немъ останавливаться не будемъ. Мы не можемъ, однако, не обратить вниманія на одну небольшую непослѣдовательность въ его доказательствахъ. Дока-

зывая въ своемъ письмѣ къ барону Кёне (см. I главу) старшинство своего экземпляра передъ Стокгольмскимъ, онъ основывается на общеизвѣстномъ въ нумизматикѣ фактѣ, что копія почти всегда бываетъ грубѣе оригинала, въ особенности, если копія принадлежитъ народу, находящемуся на низшей степени развитія чѣмъ тотъ, которому принадлежитъ оригиналъ. Но это, само по себѣ совершенно вѣрное, положеніе онъ далѣе не распространилъ. Чтобы быть послѣдовательнымъ, слѣдовало сравнить болѣе совершенный типъ Ярославля сребра съ предполагаемыми оригиналами его — византійскими монетами. Но тогда получился бы совершенно неожиданный результатъ — пришлось бы признать, что греки подражали галичскимъ монетамъ и стояли на низшей степени развитія, чѣмъ Галичане, потому что Ярославле сребро несравненно лучшей работы, чѣмъ монеты императоровъ византійскихъ XII-го вѣка.

Основателемъ 2-й группы по всей справедливости можно считать Рейхеля. Всѣ остальные нумизматы этой группы основывали свое мнѣніе единственно на признанномъ авторитетѣ Рейхеля и не приводили никакихъ другихъ доказательствъ въ подтвержденіе своего опредѣленія. Поэтому будетъ достаточно, если мы изслѣдуемъ тѣ соображенія, которыя привели Рейхеля къ его заключенію.

Рейхель не былъ ученымъ, онъ не былъ даже нумизматомъ-изслѣдователемъ въ строгомъ смыслѣ, а былъ нумизматомъ-практикомъ и всѣ его труды носятъ описательный характеръ. Поэтому, въ научныхъ вопросахъ онъ, естественно, придерживался господствующаго въ наукѣ мнѣнія. Извѣстно, что въ первой четверти нашего столѣтія наука рѣшила, основываясь на изслѣдованіи лѣтописей, что чеканная монета появилась на Руси только во время владычества Татаръ; большинство даже тѣхъ ученыхъ, которые признавали русское происхожденіе нашихъ монетъ, не посмѣли всетаки признать ихъ ходячими деньгами, а выставляли въ видѣ предположенія, что это медали.

Рейхель, какъ опытный практикъ-нумизматъ, уже по внѣшнему виду не могъ признать ихъ медалями, считая же ихъ ходячими монетами и принявъ за аксіому, что на Руси не чеканилось монеты до татарскаго ига, онъ ждалъ только, чтобъ счастливый случай раскрылъ ихъ національность.

Извѣстно, что въ числѣ предполагаемыхъ русскихъ медалей уже очень рано явилась монета царя болгарскаго Святослава, хотя она ни внѣшнимъ своимъ видомъ, ни вѣсомъ, ни даже мѣстомъ находки (насколько извѣстно, нѣсколько экземпляровъ найдено въ Болгаріи) чего либо общаго съ Ярославлемъ и Владиміровымъ сребромъ

и златомъ не имѣла. Общаго между монетами было развѣ только то, что надписи на всѣхъ были изображены кириллицей и что имя Святослава носили русскіе князья, какъ и имена Владиміра и Ярослава. Но вотъ, Априловъ вѣрно читаетъ надпись на этой монетѣ, и оказывается, что монета, считавшаяся до тѣхъ поръ русскою, несомнѣнно болгарская.

Мы думаемъ, что Рейхель принялъ это открытіе Априлова именно за тотъ счастливый случай, который разрѣшалъ вопросъ о національности и остальныхъ монетъ, которыхъ онъ не признавалъ русскими. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ тверже въ своемъ убѣжденіи, что монеты эти южно-славянскія. Несходство нашихъ монетъ съ немногими извѣстными тогда южно-славянскими, не могло его особенно удивлять, такъ какъ онъ зналъ, что это поле совершенно еще неизслѣдованное и думалъ, что со временемъ, можетъ быть, и найдутся еще сербскія или болгарскія монеты, болѣе схожія съ нашими.

Авторитетъ Рейхеля въ дѣлѣ нумизматики до того былъ силенъ, что многіе, если не большинство, современныхъ ему нумизматовъ признали его опредѣленіе, не требуя никакихъ доказательствъ. Замѣчательно, что даже такой ученый изслѣдователь, какъ Кругъ, подчинился повидимому тому-же вліянію Рейхеля, какъ и всѣ прочіе безъ всякаго критическаго анализа.

Между тѣмъ, сторонники южно-славянскаго происхожденія нашихъ монетъ едвали даже знали хорошенько тѣхъ государей, которымъ они ихъ приписывали. Не говоря уже о томъ, что южно-славянскаго Ярослава совсѣмъ неизвѣстно, они не знали кому изъ двухъ, малоизвѣстныхъ и неигравшихъ важной роли въ исторіи государей, приписать монеты съ именемъ Владиміра — сербскому, или болгарскому. О какихъ-либо доказательствахъ тутъ не было и рѣчи, хотя о существованіи собственной монеты у южныхъ славянъ до конца XII столѣтія было, если возможно, еще меньше извѣстій, чѣмъ о существованіи таковой въ домонгольской Руси.

Теперь болѣе или менѣе всѣми признано, что наши монеты *можно* считать русскими; мы постараемся доказать, что ихъ *должно* считать русскими; впрочемъ намъ при этомъ прійдется только вершить зданіе, основаніе которому положено прежними изслѣдователями, и въ особенности г. Куникомъ.

Въ ряду доказательствъ русскаго происхожденія нашихъ монетъ на первомъ планѣ стоитъ замѣчательное совпаденіе дознаннаго времени чеканки ихъ и времени княженія на Руси тѣхъ государей, имена которыхъ находятся на монетахъ.

Извѣстно, что въ нумизматикѣ выработался испытанный способъ съ точностью опредѣлять время закопки кладовъ по имѣющимся въ нихъ уже извѣстнымъ монетамъ. Объ этомъ времени судятъ по самымъ позднимъ монетамъ въ кладѣ, который бываетъ зарытъ всегда вскорѣ послѣ ихъ чеканки.

Пояснимъ это правило примѣромъ. Положимъ, найденъ кладъ, заключающій въ себѣ нѣсколько сотенъ опредѣленныхъ уже монетъ X-го и XI-го столѣтій и нѣсколько неизвѣстныхъ еще, требующихъ опредѣленія. Для опредѣленія времени чеканки послѣднихъ приступаютъ сперва къ опредѣленію времени закопки клада по извѣстнымъ уже экземплярамъ. Такъ какъ въ кладѣ монеты XI-го вѣка, очевидно онъ не могъ быть зарытъ раньше этого времени. Почти во всѣхъ кладахъ замѣчаются слѣдующія неизмѣнныя явленія:

1) Разстояніе времени между годомъ чеканки древнѣйшей монеты въ кладѣ и новѣйшей бываетъ сравнительно невелико (рѣдко болѣе 60, 70 лѣтъ).

2) Число новѣйшихъ монетъ больше и онѣ принадлежатъ или той странѣ, гдѣ зарытъ кладъ, или ближайшимъ съ ней, тогда какъ болѣе древнія монеты принадлежатъ странамъ болѣе отдаленнымъ; конечно отдѣльныя монеты въ кладѣ будутъ всегда составлять исключеніе изъ этого общаго правила, но, тѣмъ не менѣе, для всей массы оно окажется вѣрнымъ.

Эти явленія указываютъ на то, что кладъ былъ зарытъ въ то время, когда обращались въ данной странѣ всѣ найденныя въ немъ монеты, т. е. почти непосредственно послѣ чеканки новѣйшихъ (туземныхъ) монетъ въ кладѣ.

Поэтому въ данномъ случаѣ всѣ неопредѣленныя монеты въ кладѣ будутъ относиться къ концу X-го или къ началу XI-го вѣка [1].

Обращаясь къ нашимъ монетамъ, мы находимъ, что такимъ способомъ опредѣлено приблизительно время чеканки трехъ монетъ — двухъ Владиміра и одной Ярослава. Двѣ монеты Владиміра (кусочекъ, описанный подъ № 10а и Владимірово сребро II типа, найденное въ Швеанѣ) указываютъ на конецъ X-го или начало XI-го столѣтія, а монета Ярослава (см. подъ № 109 кусочекъ, найденный въ Познани) на XI-е столѣтіе.

1 Къ этому вопросу мы будемъ имѣть случай возвратиться въ 4-й главѣ.

Но есть еще четвертая монета, если не прямымъ, то косвеннымъ образомъ подтверждающая, что монеты Ярослава чеканены именно въ XI столѣтіи — это Стокгольмскій экземпляръ (№ 110); по свидѣтельству знатоковъ сѣверныхъ монетъ эта норманская поддѣлка русской монеты носитъ отпечатокъ работы XI-го столѣтія; слѣдственно оригиналъ ея (Ярославле сребро) не можетъ относиться къ позднѣйшему времени.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ монеты какого-то Владиміра, княжившаго въ концѣ X-го или въ началѣ XI-го вѣка и какого-то Ярослава, княжившаго въ XI-мъ. Если заглянемъ въ исторію, то найдемъ, что другаго Ярослава въ XI-мъ вѣкѣ нигдѣ не было, кромѣ великаго князя Кіевскаго Ярослава Владиміровича, а въ началѣ XI-го, хотя и былъ другой Владиміръ, кромѣ Кіевскаго, именно сербскій († 1016 г.), но по сходству его монетъ съ монетами русскаго Ярослава (изображеніе на Об. ст. и характерная надпись: *а се его сребро*) слѣдуетъ заключить, что онѣ принадлежатъ русскому князю, а не сербскому кралю.

На этомъ доказательствѣ можно было бы даже и остановиться — настолько оно кажется намъ рѣшающимъ, еслибъ у насъ не было другихъ и, отчасти, столь-же вѣскихъ.

1) Мѣсто находки. Всѣ наши монеты найдены или въ предѣлахъ самой Россіи, или въ странахъ, смежныхъ съ нею, какъ замѣтилъ уже г. Куникъ. Со времени появленія труда г. Куника сдѣланы были новыя находки, и всѣ безъ исключенія подтверждаютъ это положеніе.

1. Шванская находка въ странѣ оботритскихъ Венедовъ въ 1858 году.
2. Находка монетъ Владиміра въ Могилевской губерніи (№№ 7—10).
3. Находка такихъ-же монетъ въ Кіевѣ въ 1877 году (№ 6).
4. Находка Ярославля сребра въ Познани (№ 109).
5. Находка кусочка монеты Владиміра въ Псковской губерніи (№ 10а).
6. Экземпляръ, найденный въ Ленчицѣ ранѣе 1850 года (№ 33) тоже не былъ извѣстенъ г. Кунику до 1860 года.

Г. Волошинскій совершенно справедливо замѣчаетъ, что „не маловажную роль „играетъ въ нумизматикѣ мѣсто находки нумизма, въ особенности, когда происхож-„деніе его сомнительно“ и что многія древнія греческія монеты нашли свое опредѣленное отечество въ нумизматикѣ только потому, что онѣ чаще попадались въ томъ, а не въ другомъ мѣстѣ.

2) Находящіяся на монетахъ имена: Владиміръ, Святополкъ, Ярославъ, Юрій (Георгій) вполнѣ соотвѣтствуютъ именамъ Кіевскихъ государей XI-го столѣтія,

причемъ на одной монетѣ рядомъ съ именемъ Владиміра находимъ и христіанское имя этого князя — Василій (№ 82), а на монетахъ Ярослава изображеніе его Ангела — св. Георгія. Это соединеніе и сочетанія именъ, вполнѣ соотвѣтствующее извѣстіямъ лѣтописцевъ, до того замѣчательно, что, какъ доказательство русскаго происхожденія нашихъ монетъ, не уступаетъ въ вѣскости двумъ первымъ.

3) Кромѣ совершенно обособленнаго характера нашихъ монетъ, свойственныя имъ однимъ надписи, рѣзко отличаютъ ихъ отъ монетъ всѣхъ другихъ народовъ: *Владимиръ* (Святополкъ) *на столѣ, а се его сребро* (серебро); *Владиміръ а се его серебро* (злато); *Ярославле съребро* (сребро).

Выраженіе *а се* (чисто народное, разговорное) съ прибавленіемъ названія монеты встрѣтилось намъ еще только въ надписи Об. ст. Псковской деньги XV-го столѣтія, на которой читаемъ: ⊲ СЄ АЄНГА ПСКОВСКАА вмѣсто обыкновенной на этихъ монетахъ надписи: АЄНГА ПСКОВСКАА. (изображеніе на Т. 12 № 14).

Этотъ еще неописанный и единственный до сихъ поръ въ своемъ родѣ экземпляръ пожертвованъ въ нашу коллекцію Д. Н. Чудовскимъ, разставшимся съ нимъ въ виду того интереса, который онъ возбуждалъ въ связи съ занимающимъ насъ предметомъ.

Кромѣ надписей характеристична неразгаданная еще фигура, названная нами изображеніемъ хоругви, неизмѣнно изображенная на всѣхъ разбираемыхъ монетахъ. Этой фигурѣ мы посвятимъ отдѣльную главу (III), здѣсь же мы только замѣтимъ, что все приводитъ къ убѣжденію, что это было знамя (въ смыслѣ отличительнаго знака герба) великихъ князей Кіевскихъ. На это указываетъ, между прочимъ, возобновленіе этой фигуры на монетахъ Кіевскаго князя XIV-го столѣтія Владиміра Ольгердовича, которыя будутъ описаны нами позже.

Итакъ, основываясь на всѣхъ вышеизложенныхъ фактахъ, мы считаемъ себя въ правѣ сказать, что русское происхожденіе, и, въ частности, принадлежность тремъ Кіевскимъ великимъ князьямъ XI-го столѣтія, разбираемыхъ нами чеканныхъ знаковъ внѣ всякаго сомнѣнія. Остается рѣшить, служили ли они дѣйствительно ходячей монетой или имѣли какое нибудь другое значеніе, напр. медалей, выбитыхъ въ ознаменованіе событій или для награжденія приближенныхъ къ князю лицъ.

Тотъ или другой отвѣтъ на этотъ вопросъ имѣетъ капитальную важность для сужденія о степени развитія домонгольской Руси. Не говоря уже о томъ, что существованіе или отсутствіе чеканныхъ денежныхъ знаковъ указываетъ на большую или меньшую

зрѣлость народа, рѣшеніе вопроса были ли наши памятники монетами или медалями укажетъ на большую или меньшую степень развитія искусства въ древней Руси. Дѣйствительно, если изслѣдуемые нами чеканные знаки были медалями, то въ нихъ слѣдуетъ видѣть памятники искусства, исполненные со всѣмъ тѣмъ совершенствомъ, которое доступно было тогдашнимъ мастерамъ; если-же, наоборотъ, это ходячая монета, работа легко могла быть, въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ, исполнена болѣе небрежно, и тогда не можетъ служить мѣриломъ высшей степени процвѣтанія искусства въ странѣ.

Извѣстно, что при самомъ появленіи нашихъ монетъ не посмѣли признать ихъ ходячими, а предположили, что это медали; извѣстна также и причина такой нерѣшительности. Даже въ 1860 году г. Куникъ не рѣшился высказаться категорично. Теперь мы можемъ рѣшительно утверждать, что разбираемые нами чеканные знаки были дѣйствительно ходячей монетой. Въ пользу этого вывода говорятъ слѣдующіе факты:

1) *Значительное количество найденныхъ монетъ.* Медали всегда чеканятся и чеканились въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Нашихъ же монетъ найдено до сихъ поръ свыше 200, можетъ быть и 300, и большая часть изъ нихъ происходитъ *изъ одного* только (Нѣжинскаго) клада. Но, очевидно, со временемъ найдутъ еще не одинъ подобный кладъ, а сколько, можетъ быть, осталось неизвѣстными по невѣжеству находчиковъ! Еще не такъ давно экземпляры Кіевскаго клада 1877 года пропали почти безслѣдно (см. гл. I, I типъ серебра Владиміра). Но возможно ли предположить, что всѣ существовавшіе въ XI-мъ столѣтіи экземпляры были зарыты въ землю и, такимъ образомъ, когда нибудь случайно станутъ намъ извѣстны? Каждый съ нами, думаемъ, согласится, что едва ли сотая часть могла подвергнуться этой участи. Въ такомъ случаѣ число существовавшихъ въ XI столѣтіи должно было достигать почтенной цифры, не допускающей мысли, что то были медали.

2) *Стертость большинства экземпляровъ*, указывающая на то, что наши монеты много ходили по рукамъ, прежде чѣмъ попали въ землю и тамъ схоронились до нашихъ дней. Неравномѣрность сохранности экземпляровъ напр. Нѣжинскаго клада указываетъ на то, что капиталистъ зарывшій его, не собралъ его разомъ, а копилъ по немногу и по мѣрѣ того, какъ выручалъ деньги, присоединялъ ихъ къ своему капиталу.

3) Находка отдѣльныхъ монетъ въ такихъ мѣстахъ, куда едва ли могли попасть приближенные къ князю, могшіе получать отъ него *медали.* Но эти мѣста

вполнѣ соотвѣтствуютъ мѣстамъ торговли русскихъ купцовъ, и потому *легко могли быть занесены путемъ торговли.*

4) Находка отдѣльныхъ экземпляровъ между иностранной *ходячей* монетой, что прямо указываетъ на то, что назначеніе ихъ было одинаково.

5) *Самый наружный видъ и надписи.* Назначеніе медалей — быть носимыми на шеѣ, а потому еслибъ наши монеты имѣли это значеніе, то большинство изъ нихъ встрѣчалось бы или съ отверстіями или съ придѣланными ушками, тогда какъ такіе экземпляры въ числѣ нашихъ монетъ составляютъ исключенія, а не общее правило. Но кромѣ того, еще можно понять, что дарились золотыя монеты Владиміра, такъ какъ, хотя онѣ и не велики, но все же представляли довольно цѣнный по тогдашнему предметъ; но допустить, чтобъ раздавались безобразные и низкопробные сребренники, было бы нѣсколько несообразно.

Еслибъ наши монеты чеканились по поводу событія, или для раздачи, въ видѣ награды, странно было бы, что мы не встрѣчаемъ въ надписяхъ, находящихся на нихъ, никакого указанія на это. Какое значеніе имѣли бы надписи: а се его сребро, злато, Ярославле сребро?

6) Находка значительнаго числа монетъ въ одномъ кладѣ (Нѣжинскомъ). Мыслимое ли дѣло, чтобъ одинъ человѣкъ собралъ столько *медалей?*

Могутъ возразить, что зарылъ этотъ кладъ не одинъ человѣкъ, а цѣлое общество. Но тогда это было бы сдѣлано тщательнѣе, кладъ былъ бы зарытъ глубже. Да и закапывать нечего было бы, еслибы монеты клада принадлежали нѣсколькимъ лицамъ — каждый легко могъ бы носить (или скрыть) принадлежащую ему часть на себѣ.

Главнымъ аргументомъ противъ признанія описанныхъ нами монетъ денежными знаками служитъ молчаніе лѣтописей о существованіи ихъ въ домонгольской Руси. Но мало ли о чемъ умалчиваютъ немногіе дошедшіе до насъ изъ этой эпохи памятники письменности? Да и правда ли, что они совсѣмъ умалчиваютъ о деньгахъ? Такъ, г. Волошинскій указываетъ на нѣкоторыя мѣста въ памятникахъ древней письменности, повидимому указывающія на существованіе монеты.

Такъ, въ Ипатьевскомъ спискѣ Нестора, подъ 1115 годомъ говорится: „6623 г. индикта 8, совокупишася братья Русціи Князи Володимеръ, зовемый Мономахъ, сынъ Всеволожь, и Давидъ Святославичъ и Олегъ братъ его, и сдумаша перенести мощи Бориса и Глѣба.... и взяша раку Борисову, и вставиша и́ на возила и поволокоша.... и не бѣ льзѣ везти отъ множества народа; ....и повелѣ Володимеръ, рѣжючи паволоки, орницы, бѣль разметати народу, овоже *сребреники* метати людемъ сильно налегшимъ, а быша легко внесли въ церковь". Г. Волошинскій думаетъ, что *сребренники*, можетъ быть, были ходячей монетой подобной нашимъ, на которыхъ читаемъ: а се его *сребро*.

Подобнымъ образомъ, по мнѣнію г. Волошинскаго, и въ посланіи Еп. Симона къ Поликарпу (въ Патерикѣ) выраженіе: „....аще бы и тысяща *сребра* истратити", указываетъ, вѣроятно, на *сребро* не какъ на металлъ (ибо въ такомъ случаѣ здѣсь не было-бъ смысла), но какъ на ходячую монету, которая тоже могла заимствовать свое названіе отъ надписи оборотной стороны нашихъ монетъ.

„Не менѣе того", говоритъ далѣе г. Волошинскій; „встрѣчаемое во многихъ „мѣстахъ пашихъ лѣтописей выраженіе *гривна*, въ смыслѣ неопредѣленномъ (т. е. „безъ прибавленій *злата* или *сребра*), означая въ такомъ случаѣ извѣстный счетъ, „могло столько-же означать извѣстное количество шкурокъ, сколько и извѣстное „количество чеканнаго серебра или *сребрениковъ*".

Уже извѣстно, что г. Куникъ указываетъ въ своемъ трудѣ на то, что выраженія *куны* и *скотъ*, встрѣчающіяся въ лѣтописяхъ, употреблялись въ смыслѣ денегъ вообще и потому легко могли означать и чеканные знаки.

Рѣзани очень вѣроятно были или куски металла, или куски монетъ, а можетъ быть и цѣльныя монеты.

Итакъ, *не подлежитъ никакому сомнѣнію, что описанныя нами монеты суть древнѣйшія русскія чеканныя деньги.* Мы не говоримъ: древнѣйшія *доселѣ* извѣстныя потому, что не думаемъ, чтобы можно было допустить, что существовали монеты и ранѣе Владиміра. О причинахъ не будемъ тутъ распространяться, потому что это повело бы насъ слишкомъ далеко, да и еще ни одинъ серьезный изслѣдователь, исключая барона Кёне, не выставлялъ даже предположенія о существованіи монетъ до Владиміра.

Правда, были неудавшіеся нумизматы, увѣрявшіе, что видѣли или даже имѣли въ рукахъ монеты Игоря и Ольги, но извѣстно, что это всегда оказывалось грубой ошибкой, обусловленной невѣжествомъ въ нумизматикѣ.

Но если можно предполагать, что не было монеты до Владиміра, является и другой вопросъ — чеканили ли деньги въ промежутокъ времени послѣ Ярослава до Ивана II (1353 — 1359), монеты котораго считались до сихъ поръ одними изъ древнѣйшихъ, доселѣ извѣстныхъ, русскихъ монетъ? А если перестали чеканить послѣ Ярослава, то почему?

На первый вопросъ отвѣчаемъ: незнаемъ, но думаемъ, что не чеканились, потому что не имѣемъ вещественнаго доказательства противнаго.

На второй вопросъ отвѣтить, въ нумизматическомъ сочиненіи, труднѣе, потому что для этого нужно было бы заняться подробнымъ изслѣдованіемъ историческихъ причинъ, что потребовало бы много времени и обширнаго знакомства съ исторіей эпохи, на которое мы не можемъ претендовать. Да и предметъ нумизматики, какъ вспомогательной науки для исторіи, изслѣдовать и опредѣлить *существующіе* памятники древности и тѣмъ доставить матеріалъ для бытовой исторіи извѣстной эпохи. Тѣмъ не менѣе, мы укажемъ не вдаваясь въ подробности, на одну причину, могшую, по нашему мнѣнію, прервать чеканку монеты послѣ Ярослава почти вплоть до Московскаго періода нашей исторіи.

Причиной не могло быть нашествіе Татаръ, которые мало вмѣшивались во внутренній строй русской жизни, и потому могли бы задержать лишь на короткое время монетное дѣло; да и отъ смерти Ярослава до монгольскаго ига прошло не мало времени, отъ котораго не сохранилось до насъ ни одной монеты. Но такой причиной могла быть безпорядочная эпоха нашей исторіи, коснувшаяся всѣхъ сторонъ народной и политической жизни Руси. Мы говоримъ о томъ періодѣ смутъ и неурядицы, которому присвоено названіе удѣльно-вѣчеваго, во время котораго каждый князь былъ вполнѣ поглощенъ интригами и борьбой противъ своихъ близкихъ и отдаленныхъ родичей, причемъ такая политика облегчила до крайности задачу Татаръ. Извѣстно, что этотъ періодъ начался вслѣдъ за смертью Ярослава и продолжался, и подъ игомъ Татаръ, вплоть до торжества московскаго монархическаго принципа. Въ это смутное время часто смѣщаемые князья, можетъ быть, и не заботились о чеканки собственной монеты.....

Единственнымъ вещественнымъ доказательствомъ противъ этого вывода могъ бы служить пробный вѣсъ, открытый Кругомъ, еслибъ можно было доказать, что онъ былъ именно тѣмъ, за что принималъ его этотъ ученый. Но доказать этого мы пока не можемъ, и напротивъ, доступные нашему изслѣдованію факты не говорятъ въ пользу предположенія Круга.

Доказавъ, что наши монеты русскія и принадлежатъ опредѣленной эпохѣ, интересно было бы изслѣдовать какой или какіе народы имѣли непосредственное вліяніе на монетное дѣло въ Руси. Византійское вліяніе было уже указано г. Куникомъ. Но извѣстно, что до исхода XI-го столѣтія въ Россіи въ большомъ количествѣ обращались куфическія монеты; поэтому естественно изслѣдовать не имѣли ли и онѣ вліянія на наши монеты. Первый, обратившій вниманіе на такое вліяніе, былъ, кажется, И. А. Бартоломей (въ письмѣ къ г. Кунику отъ 12 Января 1861 года въ III томѣ Извѣстій Археологическаго Общества). Приводимъ собственныя слова извѣстнаго нумизмата: „Въ Россію начали привозить куфическіе диргемы въ VIII-мъ „столѣтіи; этотъ привозъ усиливался въ IX-мъ, еще болѣе усилился въ первой по„ловинѣ X-го столѣтія, потомъ вдругъ уменьшился во 2-й половинѣ того-же сто„лѣтія, и внезапно прекратился въ XI-мъ. Причиною тому было вторженіе въ Хо„расанъ и въ Персію огромныхъ массъ кочующихъ племенъ тюркскихъ, прекратив„шихъ торговлю въ завоеванныхъ ими странахъ съ сѣверной Европой и черезъ „Россію. Съ прекращеніемъ торговли перестали ввозить и деньги“.

„Слѣдовательно, при св. Владимірѣ большіе тонкіе самманидскіе диргемы, ко„торые такъ часто находятся въ русскихъ кладахъ, были еще въ значительномъ „обращеніи...... При Владимірѣ I-мъ, въ концѣ X-го и началѣ XI-го столѣтія, „естественно предпочли, для собственнаго серебра, сообразжаться въ отношеніи раз„мѣровъ съ ходячими тогда у насъ большими тонкими диргемами разныхъ династій „мусульманскихъ, а наиболѣе Самангизовъ.....“

Глубже изслѣдовать этотъ вопросъ мы не можемъ, не будучи знакомы съ восточной нумизматикой; но обращаемъ на него вниманіе спеціалистовъ, такъ какъ рѣшеніе его можетъ повести къ интереснымъ открытіямъ.

Мы не можемъ заключить настоящую главу, не указавъ, что недавно не только возможность существованія собственной монеты въ домонгольской Руси, но и фактическое существованіе ея получило признаніе отъ исторической науки въ лицѣ одного изъ ея представителей — г. Иловайскаго. Въ изданной имъ въ 1880 году II части Исторіи Россіи онъ на стр. 327—328 говоритъ:

„Чеканка мелкой монеты, золотой и серебряной, началась по образцу визан-„тійскому, послѣ принятія христіанства. Хотя она и не была многочисленна, но „въ ея существованіи удостовѣряютъ находки нѣкотораго количества такихъ монетъ „(особенно Нѣжинскій кладъ, найденный въ 1852 году и заключавшій до двухсотъ „„сребренниковъ", какъ ихъ называетъ лѣтопись). На лицевой ихъ сторонѣ обык-„новенно выбивалось изображеніе государя, сидящаго на престолѣ въ полномъ „нарядѣ, съ надписью „Владиміръ", или „Ярославъ", или „Святополкъ" и проч.; „на оборотной же находимъ какой-то знакъ (вѣроятно верхушка скипетра) съ над-„писью вокругъ: „а се его сребро" или „злато".

ГЛАВА III.

РАЗНЫЯ ОБЪЯСНЕНІЯ ЗАГАДОЧНОЙ ФИГУРЫ НА МОНЕТАХЪ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ КІЕВСКИХЪ.

Фигура, изображенная по лѣвую руку великаго князя на золотыхъ и I типѣ серебряныхъ монетъ Владиміра, и на Об. ст. всѣхъ остальныхъ описанныхъ нами монетъ великаго княжества Кіевскаго, всегда возбуждала недоумѣніе изслѣдователей, и чуть ли не каждый, занимавшійся этими памятниками, старался дать свое объясненіе. Но замѣчательно, что каждый выдавалъ свое объясненіе только за болѣе или менѣе вѣроятное съ своей стороны предположеніе; доказать вѣрность его никто еще не съумѣлъ.

Къ сожалѣнію, мы сами, несмотря на всѣ наши старанія, не могли добиться удовлетворительнаго разрѣшенія загадки, но не отчаяваемся въ томъ, что, если не намъ, то другому, удастся когда нибудь разрѣшить ее.

Мы постарались соединить въ этой главѣ всѣ извѣстныя доселѣ попытки въ этомъ направленіи, долѣе останавливаясь на болѣе удачныхъ или подробно мотивированныхъ. Мы думаемъ, что такимъ сопостановленіемъ мы поможемъ дѣлу разъясненія: каждый, такимъ образомъ, будетъ въ состояніи самостоятельно судить о большей или меньшей правдоподобности того или другаго объясненія фигуры.

Карамзинъ въ своей исторіи (Томъ II прим. 56) назвалъ фигуру трезубцемъ; Воейковъ (о найденныхъ древнихъ русскихъ монетахъ. Вѣстникъ Европы. 1816 г.)— свѣтильникомъ; баронъ Шодуаръ (Aperçu sur les monnaies russes 1836 г.), Сахаровъ (Лѣтопись русской нумизматики 1842 г.), Рейхель (Каталогъ 1843 въ 9-й ч.) и Шубертъ (описаніе русскихъ монетъ и медалей 1843 г. и monnaies et medailles

russes 1858) тоже считали ее изображеніемъ свѣтильника (трикирія) или *паникадила*. Всѣ эти авторы не старались доказывать своего опредѣленія и выдавали его только за возможное предположеніе. Г. Волошинскій (въ 1853 году), Жиль (письмо къ В. Ланглуа 1861 г.) и г. Тилезіусъ фонъ Тиленау (отдѣльная брошюра въ видѣ письма къ академику Кунику 1864 г.) думали видѣть въ ней изображеніе *хоругви*, графъ Строгоновъ (письмо къ барону Кёне, помѣщенное въ Zeitschrift 1860 г.) — *церковнаго портала*, Бартоломей (въ письмѣ къ г. Кунику, помѣщенномъ въ Извѣстіяхъ Археологическаго Общества III. 111) — *якоря*, баронъ Кёне и г. Куникъ (о русско-византійскихъ монетахъ 1860 года) — *птицы* (Св. Духа). Графъ Уваровъ (письмо къ г. Кунику, помѣщенное въ Извѣстіяхъ Археологическаго Общества 1862 года, IV, 141) думаетъ, что это ничто иное, какъ искаженное изображеніе *верхней части особаго византійскаго скипетра*, называвшагося δικανίκιον.

Послѣднія пять объясненій болѣе или менѣе подробно обоснованы ихъ авторами, а потому мы и разберемъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ ихъ возникновенія.

Волошинскій выразился о занимающей насъ фигурѣ въ своемъ трудѣ (1853 года) слѣдующимъ образомъ:

„Баронъ Шодуаръ называетъ этотъ штемпель трикиріемъ; но мнѣніе это, „основанное на нѣкоторомъ сходствѣ трикирія съ штемпелемъ Владимірова экземп-„ляра, приводимаго имъ въ рисункѣ, не оправдывается отчасти монетами другихъ „княженій, и въ особенности монетами, приписываемыми нами Святополку и Геор-„гію. Между тѣмъ, ежели всмотримся ближе въ штемпеля сихъ монетъ, то увидимъ, „что они, какъ-бы передѣланы изъ штемпелей монетъ Владиміровыхъ, такимъ обра-„зомъ, что въ нихъ недостаетъ средней линіи и одну ихъ сторону образуетъ крестъ; „все же прочее осталось безъ перемѣны: тѣ же самыя сплетенія, связывающія какъ-„бы рамена первоначальнаго штемпеля — та же самая конусообразная фигура. Не „будетъ ли это подражаніе Византійскому лабару (labarum), такъ какъ говоря во-„обще, предлагаемыя здѣсь монеты видимо составляютъ подражаніе монетамъ Ви-„зантійскимъ". Въ дальнѣйшія поясненія своей мысли г. Волошинскій не вдается.

Уже изъ I главы извѣстно, какимъ образомъ баронъ Кёне дошелъ до вывода, что на нашихъ монетахъ изображена птица. На монетѣ, мнимо принадлежащей языческому князю Олегу, невозможно было допустить помѣщеніе христіанской эмблемы, каковы трикирій или церковная хоругвь. Поэтому пришлось искать между типами дохристіанскими, а такъ какъ г. Кёне призналъ монету чеканенной сѣвернымъ мо-

нетчикомъ, то, въ частности, между типами сѣверныхъ монетъ. Тутъ онъ остановился на изображеніи птицы (ворона) на монетахъ Анлафа (см. гл. I), такъ какъ фигура на мнимой Олеговой монетѣ дѣйствительно могла, съ нѣкоторой натяжкой, быть принята за грубое очертаніе птицы [1]. Но такъ какъ фигура, находящаяся на монетахъ Владиміра и Ярослава, очевидно вполнѣ аналогична съ находящеюся на такъ неудачно опредѣленной барономъ Кёне, то пришлось и ее признать за искаженное донельзя изображеніе птицы (на монетахъ христіанскихъ князей уже въ символическомъ значеніи Св. Духа).

Г. Кёне объяснилъ этимъ способомъ фигуру только вслѣдствіе невѣрнаго предположенія, что мнимая Олегова монета древнѣе всѣхъ остальныхъ древне-русскихъ монетъ и того довольно вѣрнаго умозаключенія, что на штемпелѣ языческаго князя не могъ быть изображенъ предметъ, относящійся къ христіанскому культу.

Г. Куникъ, несмотря на то, что успѣлъ съ очевидностью доказать невѣрность опредѣленія монеты барономъ Кёне, остановился однако на его объясненіи фигуры, какъ на наиболѣе вѣроятномъ изъ предложенныхъ до 1860 года. Онъ нашелъ даже новыя подтвержденія догадки г. Кёне, что видно изъ слѣдующаго извлеченія изъ его труда (о русско-византійскихъ монетахъ и т. д. стр. 73):

„Все поле Об. ст.", говоритъ г. Куникъ, „занято фигурой, попадающеюся на „всѣхъ русско-византійскихъ монетахъ, хотя въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ. „Здѣсь (т. е. на мнимой монетѣ Олега) она во всякомъ случаѣ сохранила болѣе „первобытный видъ, представляя намъ одинъ важный признакъ, котораго мы не „видимъ на другихъ экземплярахъ. *О прежнихъ толкованіяхъ этой фигуры,* какъ „трезубца, трезубчатаго свѣтильника или паникадила, хоругви и проч., *нынѣ уже „не можетъ быть болѣе рѣчи.* Фигура на стокгольмскомъ экземплярѣ Ярославля „сребра снабжена *глазами;* потому что вырѣзанныя вверху два углубленія, явно „отличаясь отъ трехъ, находящихся въ серединѣ, рельефно выдѣланныхъ шариковъ, „какъ по своему положенію, такъ и по формѣ совершенно сходствуютъ съ двумя „углубленіями на ликѣ Св. Георгія. Но если фигура изображаетъ *живое* существо, „то нельзя не признать въ немъ символическаго значенія".

Изъ того факта, что фигура на монетѣ окружена 4-мя крестами, г. Куникъ заключаетъ, что „нельзя не признать въ ней *церковнаго* символа. *Самая фигура*",

1 Мы должны впрочемъ замѣтить, что изображеніе птицы на монетѣ Анлафа, какъ оно ни грубо, не имѣетъ ни малѣйшаго, даже самаго отдаленнаго, сходства съ разбираемой нами фигурой.

продолжаетъ онъ, *„не можетъ быть ничьмъ инымъ, какъ птицей,* что само по себѣ „ясно всякому (?). Какъ на этой и на другихъ монетахъ были вырѣзываемы только „контуры крестовъ, такъ и здѣсь неопытный граверъ, или для облегченія себѣ „труда, или по какому либо предлежавшему подлиннику такой-же формы, сдѣлалъ, „такъ сказать, только очеркъ *птицы.* Насчетъ клюва, глазъ и хвоста (?) нельзя „обознаться, а относительно крыльевъ слѣдуетъ замѣтить, что они на другихъ „экземплярахъ Ярославовыхъ монетъ съ внутренней стороны нѣсколько округлены, „и слѣдовательно, естественнѣе". Затѣмъ г. Куникъ объясняетъ, что птица на нашей монетѣ изображаетъ голубя, бывшаго символомъ Св. Духа, приведя притомъ рядъ примѣровъ изображенія голубя въ томъ-же значеніи на монетахъ разныхъ странъ.

Мы не займемся тутъ опроверженіемъ объясненія г. Кёне и г. Куника, такъ какъ оно опровергалось всѣми авторами, писавшими послѣ нихъ объ этомъ предметѣ, съ мнѣніями которыхъ намъ приходится теперь познакомить читателя; замѣтимъ только, что ошибка какъ г. Кёне, такъ и г. Куника произошла отъ того, что оба они, хотя и приписывали стокгольмскій экземпляръ двумъ различнымъ князьямъ, были однако согласны въ томъ, что онъ старше всѣхъ остальныхъ извѣстныхъ русскихъ монетъ и что поэтому рѣзчикъ его могъ лучше знать первоначальное значеніе фигуры, чѣмъ рѣзчики остальныхъ, позднѣйшихъ экземпляровъ. Какъ теперь извѣстно, предположеніе это оказалось невѣрнымъ и стокгольмскій экземпляръ слѣдуетъ считать не старшимъ, а скорѣе самымъ младшимъ изъ извѣстныхъ доселѣ, такъ называемыхъ, русско-византійскихъ монетъ (см. гл. I и II). И. А. Бартоломеи, ознакомившись съ трудомъ г. Куника, въ 1860 году еще не составилъ самостоятельнаго мнѣнія о значеніи фигуры и принялъ объясненіе г. Куника за доказанное (см. письмо къ г. Кунику отъ 27 Мая 1860 г. во II томѣ Извѣстій Археологическаго Общества, стр. 338—342), но уже въ началѣ 1861 года онъ предложилъ свое объясненіе. Узнавъ, что вслѣдствіе точнаго опредѣленія времени чеканки монетъ Владиміра находкой экземпляра въ Шваанскомъ кладѣ (см. гл. I) приходилось признать старшинство Нѣжинскихъ экземпляровъ передъ Ярославлемъ сребромъ, онъ писалъ, между прочимъ, въ письмѣ къ г. Кунику отъ 12 Января 1861 года (Извѣстія Археологическаго Общества III, стр. 105—113):

„. . . . . Теперь уже нельзя считать первообразомъ тѣ изображенія (на Об. ст.), „которыя находятся на Ярославлѣ сребрѣ, а они конечно скопированы съ монетъ „Владиміра и потому съ большимъ вниманіемъ слѣдуетъ разобрать, что такое значитъ фигура на стокгольмскомъ, кіевскомъ и дерптскомъ экземплярахъ. . . . . Поло-

„женіе этой фигуры опредѣляется, безъ сомнѣнія, златниками, гдѣ древко или стер-„жень обращенъ вверхъ, а острый уголъ внизъ. Точно также на Об. ст. Ярославля „сребра это положеніе опредѣляется буквами ѦМИН, размѣщенными на поляхъ мо-„неты и которыхъ конечно нельзя оборотить верхомъ внизъ...... Признаюсь, „съ тѣхъ поръ, какъ изображеніе это имѣетъ свой первообразъ на монетахъ Влади-„міра, а не Ярослава, мнѣ уже рѣшительно становится невозможно признать въ „немъ форму голубя, т. е. Св. Духа. Невозможно предполагать, чтобы рѣзчикъ, ко-„торый обладалъ искусствомъ настолько, что могъ представить изображеніе человѣ-„ческое довольно ясно, ликъ Спасителя и надписи довольно четко и отчетливо, „какъ видно на златникѣ Владиміровомъ, не съумѣлъ представить голубя вѣрнѣе. „А на сребреникѣ Ярослава изображеніе даже довольно замысловато, но вовсе не „похоже на птицу. Что значитъ кольцо, которымъ оканчивается предполагаемый „хвостъ предполагаемой птицы на сребрѣ Ярослава? Все это привело меня къ рѣ-„шительному заключенію, что какъ на монетахъ Владиміра, такъ и на Ярославлѣ „сребрѣ представленъ не голубь, не птица, а что нибудь другое.

„Первообраза этого изображенія я не могъ найти ни на византійскихъ, ни на „европейскихъ монетахъ и можно полагать, что именно это изображеніе исключи-„тельно принадлежитъ русскимъ серебрянымъ деньгамъ XI столѣтія, которыя чека-„нены при Владимірѣ не Греками, а вѣроятно собственными рѣзчиками, весьма не „искусными въ дѣлѣ, для нихъ новомъ; златники же Владиміра, а потомъ и сребро „Ярослава чеканены Греками, но загадочное изображеніе вездѣ повторяется, и хотя „съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, однако же нигдѣ нельзя признать въ немъ птицу: „*оно скорѣе похоже на какой нибудь доспѣхъ или оружіе.* Но и это объясненіе „остается загадочнымъ. Мнѣ кажется, что здѣсь можетъ быть изображенъ *якорь*, „сдѣланный изъ крѣпкаго тяжелаго дерева и окованный желѣзнымъ листомъ. „Въ такомъ случаѣ точки могли бы обозначать гвозди этой оковки, а кольцо сдѣ-„лано для продѣванія каната: это мнѣ кажется самымъ простымъ и естественнымъ „объясненіемъ. Предлагая на обсужденіе Общества это *мнѣніе, которое однакожъ „меня самого не вполнѣ удовлетворяетъ,* буду очень счастливъ, если кому либо изъ „знатоковъ русскихъ древностей представится возможность лучше разрѣшить эту „загадку.

„Изображеніе, о которомъ идетъ дѣло, *кажется мнѣ во всякомъ случаѣ не ре-„лигіознымъ,* потому что оно нигдѣ не представлено вмѣстѣ съ ликомъ Спасителя „или св. Георгія, но всегда отдѣльно или возлѣ великаго князя, и если предпола-„гать въ немъ фигуру якоря, то это можетъ быть объяснено современными обстоя-

„тельствами русскаго государства въ норманскій періодъ его исторіи, когда и война „и торговля зависѣли отъ рѣчнаго судоходства: это послѣднее доставляло въ Россію „тотъ самый металлъ, изъ котораго чеканились деньги; вотъ почему мнѣ не кажется „страннымъ, чтобы на русскихъ монетахъ того времени изображался якорь, необхо-„димая принадлежность судоходства".

Къ этому объясненію Бартоломея г. Куникъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе:

„Равно какъ и прежде, я надѣюсь и теперь, что при помощи византійскихъ „древностей объяснится и эта загадочная фигура. Если вѣрно то, что впервые она „встрѣчается на Владиміровыхъ златникахъ, чеканенныхъ прямо съ византійскихъ „образцовъ, то *позволено предполагать, что она занимаетъ мѣсто византійскаго „символа*, какъ напр. шара, символа владычества. Во всякомъ случаѣ она относится „къ лицамъ двухъ христіанскихъ князей. Но, былъ ли это наслѣдственный въ домѣ „Рюриковомъ знакъ? — Едва-ли. — И какая была его первоначальная форма?...."

Еще въ 1860 году графъ С. Г. Строгоновъ выразилъ предположеніе, что загадочное изображеніе нѣчто иное, какъ порталъ, геральдическая фигура, часто встрѣчающаяся на средневѣковыхъ монетахъ всѣхъ странъ и называемая по польски: Kolumny, по литовски — stibey (столбы); фигура эта произошла, какъ теперь признано, отъ говорящаго герба Генуи — Janua, что значитъ ворота, дверь. Графъ С. Г. Строгоновъ не старается доказать свое предположеніе, а ссылается только на мнѣніе Лелевеля, заявившаго, что это объясненіе очень правдоподобно (см. письмо графа С. Г. Строгонова къ барону Кёне въ Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wappen-Kunde I, 2, p. 206, 1861 года). Въ 1861 году г. Куникъ сообщилъ печатно еще новое объясненіе фигуры, отъ котораго, впрочемъ, его авторъ очень скоро отказался; въ 4-й статьѣ розысканій о славяно-византійскихъ монетахъ (въ III томѣ Извѣстій Археологическаго Общества стр. 337—359) между прочимъ читаемъ:

„Не вижу пока никакой причины одобрять новое предположеніе, по которому „загадочная фигура Ярославля сребра принимается за оружіе. Это мнѣніе выска-„залъ знатокъ западной геральдики, г. Тилезіусъ фонъ-Тиленау. Прочитавъ мое „сочиненіе, онъ сообщилъ мнѣ въ письмѣ отъ 21 Апрѣля 1861 года слѣдующее:

„„Фигура на Ярославлѣ сребрѣ кажется мнѣ чѣмъ-то среднимъ между сѣкирой „„и копьемъ, но представляетъ все-таки характеристическія части *франциски*, кото-„„рая должна была пройти нѣсколько фазъ до своего послѣдняго преобразованія „„въ геральдическую лилію. Это положеніе можно, я надѣюсь, развить по достовѣр-„„нымъ рисункамъ средневѣковыхъ печатей"".

Къ этому сообщенію г. Куникъ прибавляетъ слѣдующія совершенно вѣрныя замѣчанія, истина которыхъ была признана впослѣдствіи самимъ г. Тилезіусомъ:

„Правда францизка (francisc, francisque или pertuisane françoise, т. е. бердышъ „франкскій, bipennis) была національнымъ оружіемъ нижне-нѣмецкихъ Франковъ и, „какъ извѣстно, была также въ употребленіи у Варяго-Руссовъ и Варанговъ въ Византіи. Но, сколько я могу судить о происхожденіи бурбонскихъ лилій, мнѣ ка-„жется сомнительнымъ мнѣніе, по которому этотъ геральдическій символъ произво-„дится изъ фигуры францизки. Растенія, подобныя лиліямъ, уже въ древнемъ Египтѣ „и Ассиріи являются символами, и происхожденія бурбонскихъ лилій должно, по „моему мнѣнію, искать въ царствѣ растеній, а не въ оружіи языческихъ Франковъ. „Впрочемъ въ средніе вѣка лиліи, какъ символъ, встрѣчаются и въ другихъ стра-„нахъ, напримѣръ на сербскихъ монетахъ по сторонамъ Спасителя....“

Въ 1862 году появилось подробное объясненіе фигуры, предложенное графомъ А. С. Уваровымъ. Приводимъ это остроумное объясненіе почти цѣликомъ (оно помѣщено въ 5 статьѣ „розысканій о русско-византійскихъ монетахъ“ въ IV томѣ Извѣстій Археологическаго Общества, стр. 127—144). Въ письмѣ къ А. А. Кунику графъ Уваровъ пишетъ:

„......Перехожу къ изслѣдованію того загадочнаго изображенія, которое по-„мѣщено на полѣ монеты, надъ лѣвымъ плечомъ великаго князя Владиміра *(на зо-„лотыхъ)*“.

„Положеніе его на Владиміровомъ златѣ неоспоримо опредѣляетъ то положеніе, „въ какомъ оно должно было всегда находиться и на послѣдующихъ монетахъ, „т. е. концемъ или головою внизъ. Вы принимаете эту фигуру *за голубя съ опу-„щенной внизъ головой*, и ссылаетесь на Iconographie chrétienne Дидрона. Но ни „точки на стокгольмскомъ экземплярѣ, ни примѣры, приводимые Дидрономъ, не „убѣдили меня. Сознаюсь также, что не могу согласиться и съ остроумною догад-„кою нашего друга И. А. Бартоломея, потому что мнѣ кажется страннымъ, ка-„кимъ образомъ рѣчное судоходство или торговля, въ особенности начиная со вре-„менъ Владиміра, могли занять на Руси такое важное мѣсто, и дать въ эмблему „всей страны — якорь. Я скорѣе согласился бы съ предложеніемъ г. Тилезіуса „фонъ-Тиленау, еслибы не нашелъ и здѣсь почти того-же самаго затрудненія. „Ужели война можетъ до такой степени слиться съ внутреннею жизнью народа, до „того сдѣлаться его главной потребностью, что онъ возьметъ за эмблему сѣкиру, „франциску или какое бы то ни было оружіе? Потомъ еще, я не понимаю, отчего „именно сѣкиру, а не мечъ, не копье, не лукъ со стрѣлами, которые всѣ безъ раз-

„личія употреблялись норманскими воинами. Но положимъ, что мы согласны съ „этими догадками: какимъ же однако образомъ объяснить себѣ значеніе крестовъ, „которые всегда приставляются рѣзчиками къ этой загадочной фигурѣ? Какъ объ„яснить, что эта фигура на монетахъ Ярослава (см. Нѣжинскій кладъ) всегда укра„шена то однимъ, то нѣсколькими крестами?“

„Предположеніе, что эта фигура представляетъ Духа Святаго въ символиче„скомъ изображеніи голубя, парящаго головою внизъ, затрудняетъ меня уже и при „первомъ памятникѣ — при Владиміровомъ златѣ: примѣры, приводимые Дидро„номъ изъ западной иконографіи, никоимъ образомъ не могутъ оправдать ошибки, „сдѣланной монетчикомъ при первой чеканенной имъ монетѣ. Онъ долженъ былъ бы „помѣстить голубя, какъ Духа Святаго, не иначе, какъ на единственномъ прилич„номъ ему мѣстѣ, *надъ головою князя, а не надъ лѣвымъ его плечомъ:* Духъ Святой „не можетъ осѣнять плеча великаго князя. Но, не останавливаясь на одномъ этомъ „замѣчаніи, я постараюсь привести и другія доказательства, что эта загадочная фи„гура не можетъ представлять голубя, какъ символа Духа Святаго“.

„Монеты Владиміра и Ярослава, по общему виду, по чеканкѣ носятъ отпеча„токъ подражанія византійскому типу. Хотя доселѣ этотъ первообразъ, этотъ прото„типъ еще не нашелся, но вліяніе византійскаго искусства неоспоримо, и оно ярко „выразилось во всемъ характерѣ этихъ монетъ. Никто не приметъ ихъ за произве„денія Запада. Изъ этого выходитъ, что если въ самой чеканкѣ и въ изображеніяхъ „такъ строго выдержаны всѣ особенности этого искусства, то столь же строго были „соблюдены и всѣ остальныя отличительныя правила византійской древности, и „въ особенности правила византійской иконографіи“.

Тутъ графъ А. С. Уваровъ указавъ на то, что иконографія, ставшая въ Византіи почти полубогословской наукой, выработала свои твердыя основанія, отъ которыхъ она никогда не отступала, довольно подробно разбираетъ установившійся въ Греціи способъ изображенія голубя, какъ символа Св. Духа. Цѣлымъ рядомъ примѣровъ онъ доказываетъ, что *въ Византіи до начала XIII вѣка голубь постоянно изображался летящимъ или парящимъ головою вверхъ.* Если же принять фигуру на золотыхъ Владиміра за голубя, то придется признать, что рѣзчикъ представилъ его головою внизъ, а слѣдовательно несогласно съ правилами византійской иконографіи.

Продолжаемъ словами графа А. С. Уварова:

„Я хотѣлъ доказать“, говоритъ онъ, „отчего не считаю возможнымъ принять „загадочную фигуру на монетахъ Владиміра и Ярослава за изображеніе голубя;

„теперь мнѣ остается предложить вамъ свое объясненіе и постараться подтвердить „его основательными доводами".

„Неоспоримо извѣстно, что эта фигура въ правильномъ положеніи должна изоб-„ражаться остріемъ внизъ, а двумя рогами кверху. Сравнивъ ее съ изображеніями „въ рукописи XI вѣка (Парижская Bibl. Coisliana № 79 выбранныя мѣста изъ „твореній Іоанна Златоустаго), мы на рисункѣ, представляющемъ Никифора Вото-„ніата и супругу его Марію, вѣнчаемыхъ Спасителемъ, видимъ въ рукахъ императ-„рицы скипетръ (δικανίκιον), оканчивающійся верхушкой, почти совершенно тожде-„ственной съ общею формою нашей фигуры".

„Къ длинному посоху прикрѣпленъ золотой верхъ (κορφή, κορυφή), осыпанный „жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. На самомъ концѣ онъ завершается крестомъ, „подъ которымъ находятся два рога, можетъ быть первоначально означавшіе полу-„мѣсяцъ, но тутъ они кончаются тупыми концами, и болѣе походятъ на рога или „крюки, чѣмъ на полумѣсяцъ. Эта форма скипетра вѣроятно та, которую Византійцы „называли δικανίκιον или δεκανίκιον. Кодинъ (De Offic. cap. XVII, num. 24) гово-„ритъ, что диканикіонъ имѣлъ отъ вершины (κορφή, κορυφή) до низу длины одну „пядень и былъ кругомъ осыпанъ жемчугами и драгоцѣнными камнями. Кромѣ импе-„ратрицы, его носили императоръ и главнѣйшіе сановники, но съ различными под-„раздѣленьями, обозначаемыми узлами или цвѣтомъ перьевъ, къ нему прикрѣпляе-„мыхъ (Ducange, Glossarium m. et inf. graecitatis). Диканикіонъ не былъ, какъ „σταυρός, отличительнымъ скипетромъ одного императора".

„Если сравнить вершину диканикіона съ фигурою изображенною на экземплярѣ „дерптскаго Ярославля серебра и представить себѣ эту фигуру прикрѣпленною „къ длинному посоху или, кромѣ того, придать ей внизу какое-нибудь круглое „украшеніе для болѣе удобнаго прикрѣпленія къ посоху, то сходство ея со скипет-„ромъ Маріи сдѣлается еще разительнѣе. Согласившись съ моей догадкой, ясно „становится, отчего монетчикъ дерптскаго экземпляра помѣстилъ крестъ надъ шари-„комъ. Точки, правильно разставленныя по всей фигурѣ, представляютъ жемчуги: „шарикъ или кругъ подъ крестомъ означаетъ украшеніе съ жемчугомъ на срединѣ".

„На стокгольмскомъ экземплярѣ изображеніе, кромѣ средняго креста, имѣетъ „еще кресты на концахъ обоихъ роговъ. Можно допустить и эту форму дикани-„кіона, хотя нѣтъ такихъ крестовъ на скипетрѣ Маріи. Послѣ того легко объяснить „значеніе крестовъ на монетахъ Ярослава первоначальной (?) чеканки, и стремленіе „диканикіона, на монетахъ нѣжинскаго клада, переходить въ фигуру съ однимъ или „нѣсколькими крестами. Такимъ образомъ, взявъ рисунокъ 13 у г. Волошинскаго

„*(у насъ см. № 26)*, изобразивъ его на посохѣ, и придѣлавъ къ срединѣ крестъ, „пропущенный рѣзчикомъ по недостатку мѣста, мы получимъ первоначальную форму „скипетра Маріи (?). На рисункахъ №№ 21, 27 *(у насъ см. № 99)* и многихъ дру- „гихъ у г. Волошинскаго, одинъ изъ роговъ оканчивается крестомъ; кромѣ того „на срединѣ сдѣланъ еще крестъ, такъ что весь видъ скипетра приближается къ „фигурѣ на оборотѣ стокгольмской монеты“ (?).

„Теперь изъ сходства между фигурой на оборотѣ нашихъ монетъ съ дикани- „кіономъ императрицы Маріи, можно заключить, что наши великіе князья ставили „на своихъ монетахъ одну вершину за недостаткомъ мѣста (?) для помѣщенія всего „скипетра. Подобныя изображенія были весьма распространены и въ особенности „часто встрѣчаются на печатяхъ; впослѣдствіи на Западѣ замѣнили скипетръ жез- „ломъ правосудія (main de justice). Весьма вѣроятно, что и наши князья помѣстили „на своихъ монетахъ вершину диканикіона, какъ символа власти, владычества, „общепринятое значеніе и искони уже приписываемое скипетру: in virga potestatem „intelligi convenit: insigne enim potestatis est (S. Hilarius in Psalm. 124. Du- „cange)“.

„Надо предполагать, что этотъ скипетръ, византійской формы, присланъ былъ „Владиміру изъ Царьграда и привезенъ княжною Анною вмѣстѣ съ прочими ве- „щами. Можетъ быть, императоры византійскіе придавали ему значеніе инвеституры, „данной ими Владиміру или, по крайней мѣрѣ, признанія ими Владиміра владѣтель- „нымъ княземъ. Выборъ именно этого скипетра, δικανίκιον, соотвѣтствуетъ выше- „приведенному замѣчанію, что ни на монетахъ Владиміра, ни на монетахъ Ярослава „не встрѣчается тѣхъ отличительныхъ регалій, которыя по праву принадлежали „одному восточному императору, какъ-то: σάκκος (далматика) λῶρος или διάδημα „(императорская нарамница), σταυρός (императорскій скиптръ). Отсутствіе этихъ „регалій на монетахъ нашихъ князей не могло быть случайно, и навѣрно опредѣ- „ляло степень значенія великаго князя, въ сравненіи съ императоромъ византій- „скимъ. Владиміръ и Ярославъ, быть можетъ, соблюдали эти оттѣнки съ намѣре- „ніемъ, находясь въ родственныхъ и дружескихъ отношеніяхъ къ Царьграду. По „этой причинѣ легко объяснить присутствіе вершины диканикіона на лицевой сто- „ронѣ Владимірова злата. Великій князь сидитъ на престолѣ съ обыкновеннымъ „жезломъ въ рукахъ, а надъ лѣвымъ плечомъ его, на полѣ, изображена вершина „византійскаго скипетра, какъ символъ власти, признанной восточнымъ императо- „ромъ. На рисункѣ монеты не видно средняго креста, но мѣсто его обозначено „чертою (—)“.

Въ 1864 году г. Тилезіусъ фонъ-Тиленау издалъ отдѣльную брошюру, цѣликомъ посвященную объясненію загадочной фигуры (въ формѣ письма къ академику Кунику, на французскомъ языкѣ: Explication de la figure problématique représentée sur les monnaies de Wladimir Ier et de Jaroslaw Ier. St. Pétersbourg. 1864. съ таблицей рисунковъ). Въ этой брошюрѣ онъ опровергаетъ объясненіе фигуры птицей (голубь) и диканикіономъ и возвращается къ мнѣнію Волошинскаго, видя въ ней изображеніе лабара или хоругви. Подобно графу А. С. Уварову, онъ доказываетъ полнѣйшую невозможность принять фигуру за изображеніе птицы, но не основываясь, какъ графъ, на правилахъ иконографіи, а разсматривая ее съ артистической точки зрѣнія. Онъ говоритъ, что такой безобразной птицы — съ прямолинейными контурами, образующими прямые и острые углы — никто никогда не изображалъ — ни самый грубый дикарь, ни ребенокъ, въ первый разъ держащій карандашъ въ рукахъ; тѣмъ болѣе довольно искусный рѣзчикъ (напр. Ярославля сребра), съумѣвшій вполнѣ удовлетворительно изобразить человѣческую фигуру на лицевой сторонѣ, не вырѣзалъ бы на оборотной нѣчто въ родѣ геометрической фигуры, желая представить птицу.

Объясненіе графа А. С. Уварова онъ находитъ неудовлетворительнымъ, хотя и согласенъ съ нимъ въ томъ, что „загадочная фигура не можетъ представлять ничего инаго, какъ эмблему самодержавія и царской власти, принятую русскими „великими князьями, согласно обычаю, установившемуся у византійскихъ императоровъ....“ Тѣмъ не менѣе г. Тилезіусъ отказывается признать фигуру диканикіономъ, находя, что общаго между нею и этимъ родомъ византійскаго скипетра ничего нѣтъ, исключая креста, находящагося на концѣ средней черты на нѣкоторыхъ только монетахъ. Между тѣмъ крестъ, по его мнѣнію, не является на нашихъ монетахъ частью фигуры, а входитъ на большинствѣ штемпелей въ составъ круговой надписи; на другихъ, какъ напр. на № 110 (Стокгольмское сребро), кресты являются случайнымъ украшеніемъ и вырѣзаны только для того, чтобъ наполнить пустое мѣсто на штемпелѣ. Если же признать, что загадочная фигура, въ нормальной своей формѣ, изображалась безъ креста, то она утрачиваетъ *всякое* сходство съ диканикіономъ.

Отъ своего прежняго объясненія фигуры геральдической лиліей г. Тилезіусъ отказывается, но не потому, чтобъ считалъ его невѣроятнымъ, а потому, что находитъ новое свое объясненіе болѣе простымъ и вполнѣ соотвѣтствующимъ всѣмъ разновидностямъ загадочнаго изображенія на нашихъ монетахъ.

Указавъ на важное значеніе, придававшееся лабару въ Византіи, сплошь и рядомъ изображавшемуся на монетныхъ штемпеляхъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ [1], авторъ статьи говоритъ:

„Что касается сходства византійскихъ оригиналовъ *(на монетахъ)* съ русскими „копіями, то ясно изъ предъидущаго *(т. е. изъ того, что форма хоругви крайне „измѣнчива на самихъ византійскихъ монетахъ),* что это сходство можетъ быть „только относительнымъ. Такъ какъ всѣ черты сходства нигдѣ не соединены вмѣстѣ „на одномъ экземплярѣ, то сходство это на всѣхъ является только частичнымъ, „неполнымъ. Несмотря на это неудобство, легко замѣтить отличительныя черты „labarum'а на всѣхъ четырехъ разновидностяхъ загадочной фигуры“..... (на нашихъ монетахъ).

Далѣе г. Тилезіусъ старается объяснить, почему хоругвь на нашихъ монетахъ представлена о двухъ откосахъ, тогда какъ на византійскихъ она имѣетъ обыкновенно четыреугольное полотнище.

Онъ предлагаетъ два объясненія этого явленія — или, что византійскіе императоры были настолько щепетильны къ своимъ прерогативамъ, что русскіе великіе князья, бывшіе съ ними въ дружбѣ, не желали оскорбить ихъ, выставляя на своей монетѣ тѣ-же эмблемы власти, какъ они; или же (что ему кажется еще вѣроятнѣе) что Владиміръ, принявъ христіанство, далъ своему знамени форму церковной хоругви, которая съ давнихъ временъ была снабжена двумя и даже тремя откосами.

Г. Тилезіусъ, объясняя фигуру хоругвей, исходитъ изъ того положенія, что она на золотыхъ Владиміра изображена неправильно, въ обратномъ видѣ. Принявъ это положеніе, хотя онъ не старается доказать его допустимости, сходство нашей фигуры съ хоругвей не подлежитъ никакому сомнѣнію. Менѣе понятно объясненіе Жиля, еще въ 1861 году высказавшагося въ пользу того мнѣнія, что на нашихъ монетахъ изображена хоругвь, но полагавшаго приэтомъ, что положеніе ея на золотыхъ правильно. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу въ письмѣ къ В. Ланглуа, съ которымъ мы уже познакомили читателя въ I главѣ:

„Нельзя ли допустить, что (на Об. ст. Ярославля сребра) представлена не птица, „какъ символъ Св. Духа, а другая фигура, имѣющая связь съ сказаніемъ о лабарѣ?“

1 Разнообразность эта, по мнѣнію г. Тилезіуса, произошла отъ незнанія рѣзчиками дѣйствительной формы лабара, хранившагося, какъ императорская регалія, а потому не бывшаго доступнымъ каждому.

„Въ такомъ случаѣ, конецъ фигуры, принимавшійся за клювъ птицы, представлялъ бы собою нижнюю часть небеснаго знамени, видѣннаго Константиномъ „Великимъ?"

„Три верхнихъ зубца, увѣнчанные крестомъ, помѣщеннымъ надъ кругомъ (державой — globe), могли бы служить символомъ Св. Троицы"....

Почти вслѣдъ за появленіемъ брошюры г. Тилезіуса — въ 1865 году было указано барономъ Кёне на слабую сторону аргументаціи г. Тилезіуса, на которую и мы указали выше (см. Berliner Blätter für Münz-Kunde VI Heft (2. Band 3 Heft) Berlin 1865. p. 382—383).

Вотъ, что онъ говоритъ по этому поводу:

„Это мнѣніе (т. е. что фигура — изображаетъ хоругвь) не ново: оно было „высказано уже покойнымъ Рейхелемъ и, если не ошибаемся, г. Сахаровымъ, но „не могло выдержать критики, такъ какъ фигура на монетахъ является то остріемъ „кверху, то книзу; между тѣмъ немыслимо, чтобъ хоругвь изображалась то прямо, „то перевернутой вершиной внизъ. По той-же причинѣ невозможно думать о скипетрѣ или трикиріѣ...." Затѣмъ баронъ Кёне впадаетъ въ свою первоначальную ошибку, считая стокгольмскій экземпляръ Ярославля сребра (по его мнѣнію монету Олега) прототипомъ всѣхъ остальныхъ, а потому фигуру вѣрнѣе всего изображенной именно на немъ. Такимъ образомъ, онъ возвращается къ своему первоначальному объясненію фигуры — птицей.

Итакъ, съ начала нашего столѣтія, т. е. почти съ тѣхъ поръ, какъ стали извѣстны наши монеты, было предложено не менѣе 8 объясненій фигуры, неизмѣнно изображенной на всѣхъ категоріяхъ ихъ и составляющей характерную черту, нераздѣльно соединяющую ихъ въ одно цѣлое.

Предполагали, что фигура представляетъ:

1. Трезубецъ.
2. Трикирій или паникадило.
3. Хоругвь (labarum).
4. Птицу (голубя, какъ символъ Св. Духа и ворона, какъ гербъ Нормана).
5. Якорь.
6. Франциску.
7. Верхушку скипетра (δικανίκιον).
8. Порталъ.

Говорятъ, что изъ спора раждается истина; но въ данномъ вопросѣ эта пословица непримѣнима, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ: почти каждое мнѣніе одно за

другимъ опровергалось, но до положительнаго результата никто не доходилъ, каждый ограничивался шаткими предположеніями, которыя въ свою очередь не выдерживали критики. Изслѣдователи не согласны между собой не только насчетъ вида изображеннаго предмета, но даже рода его: одни думали, что онъ, будучи заимствованъ Владиміромъ изъ Византіи, служилъ какъ-бы знакомъ степени власти русскаго великаго князя, или даже номинальной зависимости (инвеституры) отъ императоровъ; такъ понимали эту фигуру графъ А. С. Уваровъ, говоря, что она представляетъ верхушку скипетра низшаго разряда, и отчасти г. Тилезіусъ, допуская, что, можетъ быть, русскіе великіе князья измѣнили первоначальную форму лабара, боясь оскорбить императоровъ. Другіе видѣли въ томъ же предметѣ символъ тѣхъ интересовъ, которые занимали наиболѣе страну въ данную эпоху — какъ-то торговли и судоходства (якорь), религіи (трикирій, церковная хоругвь, голубь, какъ символъ Св. Духа). Третьи, наконецъ, видимо подозрѣвали въ немъ геральдическій смыслъ (воронъ, франциска, порталъ).

Всѣ три предположенія вполнѣ допустимы, но всѣ объясненія, представленныя до сихъ поръ, повидимому несостоятельны. Которое же изъ трехъ предположеній вѣроятнѣе?

Если наша фигура представляла предметъ, заимствованный отъ Византіи, въ видѣ аттрибута власти князя, то наши первые христіанскіе государи очевидно гордились имъ, выставляя его на видномъ мѣстѣ на всѣхъ своихъ монетахъ; но такой предметъ гордости долженъ былъ быть изображенъ ясно, чтобъ не подавать повода къ сомнѣніямъ; онъ не подвергался бы такимъ крупнымъ измѣненіямъ, какъ на нашихъ монетахъ, по крайней мѣрѣ завѣдомо; а что рѣзчики сознательно измѣняли очертанія фигуры — это намъ кажется внѣ всякаго сомнѣнія, о чемъ будетъ сказано ниже. Между тѣмъ оба предмета, предложенные до сихъ поръ для объясненія изображеннаго, имѣя сами по себѣ довольно опредѣленную форму, мало соотвѣтствуютъ ему.

Правда, наша фигура въ общемъ напоминаетъ хоругвь о двухъ откосахъ, но почему же она изображена тогда вершиной внизъ? Это, для насъ по крайней мѣрѣ, вполнѣ необъяснимо. На диканикіонъ, какъ замѣтилъ уже г. Тилезіусъ, она очень мало похожа, трудно даже найти что-нибудь общаго, если мы обратимся не къ изображеніямъ на отдѣльныхъ экземплярахъ, гдѣ случайное напр. присутствіе креста можетъ ввести въ заблужденіе, а ко всей совокупности разнообразныхъ типовъ, отбросивъ всѣ случайныя измѣненія и придатки и выдѣливъ всѣ существенныя, неизмѣнныя черты.

Но предположивши даже, что фигура наша дѣйствительно представляетъ вершину диканикіона, является невольно вопросъ: почему же рѣзчики не помѣстили этотъ жезлъ въ руки князя, а предпочли изобразить его съ другимъ тоже новымъ скипетромъ, помѣстивъ диканикіонъ одни рядомъ съ княземъ, а другіе на оборотѣ? Въ первомъ случаѣ онъ даже является такъ сказать совершенно лишнею тавтологіей.

При разборѣ втораго предположенія, т. е. что на монетахъ изображена эмблема интересовъ страны, мы встрѣчаемся съ возраженіемъ, аналогичнымъ тому, которое встрѣтили при разборѣ перваго. При изображеніи предмета, относящагося къ христіанскому культу, рѣзчикъ былъ бы особенно внимателенъ къ тщательной и вѣрной отдѣлкѣ изображаемаго, въ особенности при такихъ ревнителяхъ христіанства, каковыми были Владиміръ и Ярославъ. Священные предметы, употреблявшіеся въ православной церкви при богослуженіи, намъ всѣ хорошо извѣстны, и наша фигура имѣетъ нѣкоторое сходство развѣ только съ хоругвью. Но для чего рѣзчику было необходимо изобразить ее верхнимъ концомъ внизъ? Если бы это былъ священный предметъ, то такой способъ изображенія его былъ бы даже непозволительнымъ. Символическое объясненіе фигуры, какъ голубя, какъ извѣстно, не удалось, да и было основано на недоразумѣніи.

Если рѣзчикъ хотѣлъ символически указать на преобладающіе мірскіе интересы, онъ очевидно изобразилъ общеизвѣстный и распространенный предметъ; изъ такихъ предметовъ фигура наша напоминаетъ только якорь, и то только на немногихъ экземплярахъ. Но на большинствѣ нашихъ монетъ она съ якоремъ ничего общаго не имѣетъ; неужели хоть одинъ рѣзчикъ могъ не имѣть никакого понятія о якорѣ? или, имѣя о немъ понятіе, могъ исказить его изображеніе до полной неузнаваемости, повторяемъ, вполнѣ завѣдомо?

Намъ остается разобрать третье предположеніе.

Если принять, что наша фигура имѣетъ геральдическій смыслъ, то всѣ измѣненія ея становятся тотчасъ допустимыми. Дѣйствительно, геральдическая фигура имѣла всегда свойство измѣняться, служа отличительнымъ знакомъ рода, при переходѣ изъ одного поколѣнія въ другое, или изъ линіи въ линію.

Всѣ три объясненія ея, въ этомъ смыслѣ, кажутся намъ, однако, несостоятельными. Объясненіе птицей (ворономъ) единогласно отвергнуто; если принять фигуру за франциску, пришлось бы признать, что она изображена остріемъ книзу, что едва-ли допустимо; на церковный порталъ она положительно не похожа. Что въ дѣйствительности она представляетъ — не знаемъ, но думаемъ, что первообразъ

ея, можетъ быть, удастся найти въ сѣверной геральдикѣ. Во всякомъ случаѣ, это должно быть знамя (печать, знакъ) Кіевскихъ великихъ князей, а потому опредѣлить его настоящее значеніе было бы, въ археологическомъ отношеніи, очень важно.

Мы назвали фигуру въ каталогѣ хоругвью не потому, чтобъ считали это опредѣленіе наиболѣе вѣроятнымъ, но руководствовались при этомъ чисто утилитарными соображеніями, что, надѣемся, въ виду нашего чистосердечнаго сознанія, намъ не поставятъ въ вину. Не имѣя предложить никакого объясненія, болѣе вѣроятнаго уже предложенныхъ, мы выбрали изъ послѣднихъ то, которое болѣе всего соотвѣтствовало внѣшней формѣ изображенія, такъ какъ называть его загадочной фигурой или гербомъ и т. п. было бы непрактично. Дѣйствительно, употребивъ такое неопредѣленное названіе, пришлось бы при описаніи фигуры вдаваться въ мельчайшія подробности, совершенно ненужныя и при полномъ отсутствіи терминологіи неизбѣжно запутанныя. Назвавъ фигуру хоругвью, мы избѣгаемъ этого неудобства: хоругвь имѣетъ вполнѣ установившіяся названія для всѣхъ отдѣльныхъ своихъ частей.

Въ заключеніе обращаемъ вниманіе всякаго, могущаго пожелать подробно изслѣдовать нашу фигуру, на нѣкоторыя, подмѣченныя нами особенности, которыя ему придется имѣть въ виду:

I. Каждый легко замѣтитъ, что въ формѣ изображенія фигуры (которую для краткости будемъ называть хоругвью) на нашихъ монетахъ являются четыре крупныя разновидности:

1. На всѣхъ монетахъ Владиміра хоругвь о двухъ равныхъ откосахъ съ обозначеннымъ по срединѣ между ними древкомъ. Откосы и навершія на разныхъ типахъ нѣсколько различны по формѣ, сравнительной величинѣ отдѣльныхъ частей и украшеніямъ; различія эти впрочемъ довольно детальны.

2. На монетахъ Святополка одинъ изъ откосовъ имѣетъ форму креста, древко не обозначено, внизу, между откосами, на линіи предполагаемаго древка — крестъ.

3. На монетахъ Ярослава, II-го типа, какъ на предъидущихъ, одинъ изъ откосовъ имѣетъ форму креста, но крестъ этотъ иной; онъ меньше и контуры его составлены изъ кривыхъ линій; внизу вмѣсто креста — полумѣсяцъ.

4. На его-же монетахъ, III-го типа, форма хоругви приближается къ первоначальной, хотя отступленія отъ изображенной на монетахъ Владиміра значительны. Тутъ обозначенъ только контуръ, безъ внутреннихъ украшеній, исключая нѣсколь-

кихъ бусъ; древко представлено почти такимъ же широкимъ, какъ откосы и на концѣ его помѣщенъ кружокъ.

II. Такое измѣненіе формы изображенія кажется намъ не случайнымъ; мы думаемъ, что оно не было послѣдствіемъ незнанія рѣзчиками первоначальной, простой формы, но что, напротивъ, оно было вполнѣ сознательнымъ (можетъ быть для обозначенія новаго княженія), а потому вполнѣ возможнымъ для того предмета, каковъ бы онъ ни былъ, который хотѣли изобразить. Къ этому убѣжденію привели насъ монеты, описанныя нами подъ №№ 83, 101 и 102.

№ 83 или чеканенъ мастеромъ, чеканившимъ монеты Владиміра, или работавшій его взялъ себѣ за образецъ монету IV-го типа Владиміра, что мы постараемся доказать въ слѣдующей главѣ. Рѣзчикъ, бывшій, слѣдовательно, очевидно знакомымъ съ формой хоругви на монетахъ Владиміра, измѣнилъ ее, придавъ ей очертанія, свойственныя всѣмъ монетамъ Святополка.

На монетѣ, описанной подъ № 101, принадлежащей Святополку, хоругвь имѣетъ почти ту же форму, что на монетахъ Владиміра.

№ 102 принадлежитъ Ярославу, но хоругвь вполнѣ тождественна съ находящейся на монетахъ Святополка.

Можно было бы предположить, что атавизмъ на двухъ послѣднихъ монетахъ произошелъ отъ того, что онѣ чеканены болѣе знающими мастерами, которые одни сохранили болѣе древнюю, а потому правильную форму фигуры, еслибъ этому прямо не противорѣчила работа № 101, своей грубостью доказывающая, что рѣзчикъ даже для того времени былъ изъ самыхъ посредственныхъ. Эта монета скорѣе указываетъ на то, что неловкій чеканщикъ по ошибкѣ впалъ въ анахронизмъ и придалъ изображаемому предмету форму уже не соотвѣтствовавшую его эпохѣ.

Несомнѣнно искусные и, вѣроятно, знающіе рѣзчики III-го типа монетъ Ярослава въ общемъ придали фигурѣ форму, встрѣчающуюся на монетахъ Владиміра, но считали себя въ правѣ измѣнить частности.

III. Обращаемъ вниманіе на точку или бусу, замѣненную иногда простымъ утолщеніемъ, на древкѣ стяга на *всѣхъ* монетахъ Владиміра; не соотвѣтствуетъ ли она кружку съ бусой по серединѣ, придѣланному къ концу утолщеннаго древка на Ярославлѣ сребрѣ?

Г. Тилезіусъ въ упомянутой нами брошюрѣ думалъ, что этотъ кружокъ соотвѣтствуетъ тѣмъ кольцамъ и медальонамъ, которые обыкновенно привѣшивались къ древку римскихъ и византійскихъ знаменъ.

Вотъ все, что мы пока имѣемъ сказать о загадочномъ знамени великихъ князей Кіевскихъ; надѣемся, что счастливый случай или серьезныя изысканія дадутъ ключъ къ этой археологической загадкѣ.....

Въ заключеніе не можемъ не упомянуть о намекѣ, данномъ намъ А. В. Толстымъ, по поводу загадочной фигуры.

Онъ сообщилъ намъ, что въ „*Краткомъ Историческомъ Извѣстіи о Кіевѣ*", напечатанномъ въ Кіево-Печерской лаврѣ въ 1795 году, на стр. 4 находится слѣдующая замѣтка: „Касательно города Подола *(часть Кіева)*, гдѣ по большой части „жительствуютъ мѣщане, была прежде печать, съ изображеніемъ древней стрѣльбы „оружія, на подобіе лука съ тетивой, называемаго *куша*. Но нынѣ оная не упо„требляется"......

А. В. Толстой думалъ, что можно было бы найти какое нибудь соотношеніе между этой печатью и фигурой на нашихъ монетахъ. Несмотря на наши старанія, мы нигдѣ описанія или изображенія таинственной *куши* найти не могли, а потому и воздерживаемся отъ сужденія о немъ......

(Ср. Описаніе Кіева Н. Закревскаго, т. I, стр. 148).

Передъ тѣмъ, чтобъ отдать настоящую главу въ типографію, мы дали ее въ рукописи для прочтенія А. А. Кунику съ просьбой сообщить намъ, какого онъ теперь держится мнѣнія о загадочной фигурѣ. На нашу просьбу онъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ, любезно позволивъ намъ напечатать его въ нашемъ трудѣ:

„Я не выпускалъ изъ вида мнѣнія (см. ниже), высказаннаго мною въ примѣча„ніяхъ ко второму письму ко мнѣ покойнаго Бартоломея (см. Извѣстія Археоло„гическаго Общества, III, столб. 111), но не успѣлъ подробнѣе разобрать этотъ „вопросъ со всѣхъ сторонъ. Долженъ замѣтить, что я теперь болѣе, чѣмъ въ 1861 „году, склоненъ думать, что фигура можетъ быть норманскаго происхожденія. Я

„постараюсь вкратцѣ изложить 1) то, что говоритъ въ пользу византійскаго ея про-„исхожденія и 2) то, что говоритъ въ пользу норманскаго“.

„(Мысль о томъ, что фигура изображаетъ птицу, я давно покинулъ; но и объ-„ясненіе ея хоругвью казалось мнѣ всегда невѣроятнымъ)“.

„Въ первоначальной своей формѣ фигура является на золотыхъ, и на нѣкото-„рыхъ серебряныхъ монетахъ Владиміра (Табл. 6, ф. 12, Т. 10, ф. 4—7). Золотыя „монеты по величинѣ, по вѣсу и по типу указываютъ на нѣкоторыя византійскія, „какъ на прототипы. По лѣвую сторону императоровъ X-го столѣтія мы часто „видимъ изображеніе державы (которую они держатъ въ лѣвой рукѣ), какъ символъ „унаслѣдованной отъ староримскихъ императоровъ власти надъ вселенной (orbis) „или „imperium'a mundi“. Заимствовать этотъ символъ не имѣло бы смысла для „Кіевскаго великаго князя; да и Византія навѣрно протестовала бы противъ этого, „такъ какъ она еще въ X-мъ столѣтіи отказывалась признавать за потомками Карла „Великаго право пользованія титуломъ βασιλεύς. Естественно предположить, что „Владиміръ, или самостоятельно или по совѣту братьевъ своей жены, помѣстилъ „на мѣсто державы другой символъ, который, сообразно съ данными условіями, „долженъ былъ выражать ту же политическую идею по отношенію къ государямъ „Руси, какую имѣла держава по отношенію къ императорамъ Новаго Рима (Νέα „Ῥώμη). Во всякомъ случаѣ, фигура имѣла ближайшее отношеніе къ великому „князю, такъ какъ она первоначально является рядомъ съ его изображеніемъ. Этому „не противорѣчитъ и то обстоятельство, что на послѣдующихъ типахъ серебряныхъ „монетъ Владиміра фигура помѣщена вмѣсто лика Спасителя. Напротивъ, надпись: „*а се его сребро* болѣе соотвѣтствовала *знамени* великаго князя, но не изображенію „Спасителя или св. Георгія“.

„Что загадочная фигура на монетахъ замѣняетъ собой державу, я нашелъ под-„твержденіе въ изготовленной въ 1560 году такъ называемой *Соборной грамотѣ*, „заняться которой меня оффиціально пригласили вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ моего „сочиненія о Ярославлѣ сребрѣ. Эта грамота была подписана восточно-православ-„нымъ духовенствомъ въ Декабрѣ 1560 года (не въ 1561 году, какъ сказано въ не „вполнѣ точномъ изданіи князя Оболенскаго, Москва. 1850 г. in 4°), чтобъ та-„кимъ образомъ торжественно признать за Иваномъ Грознымъ право ношенія Цар-„скаго титула. Какое историческое значеніе для насъ имѣетъ этотъ документъ для „уясненія исторіи крещенія Владиміра и его отношеній къ Византіи, тутъ изслѣдо-„вать не мѣсто, такъ какъ этотъ вопросъ окончательно можетъ быть разрѣшенъ „только съ помощью другихъ недавно открытыхъ новыхъ источниковъ. Факти-

„чески вѣрно то, что, повидимому еще въ XVI столѣтіи, измѣнили смыслъ греческаго оригинала грамоты въ одномъ мѣстѣ въ Москвѣ, подскобливъ его, но притомъ вслѣдствіе безхитростнаго убѣжденія, что регаліи были посланы изъ Византіи „не Владиміру Святому, какъ было сказано въ грамотѣ, а его правнуку Владиміру „Мономаху. Но эта оффиціальная поддѣлка была совершена такъ неловко, что первоначальный текстъ легко можетъ быть возстановленъ. Для нашей цѣли особенно „интересно одно мѣсто, которое не было передѣлано, но гдѣ два слова пропали „вслѣдствіе того, что пергаментъ протерся; но не трудно угадать эти два слова „съ помощью двухъ русскихъ переводовъ, составленныхъ до Петра Великаго.

„Въ грамотѣ сказано, что императоры Василій и Константинъ совмѣстно съ „патріархомъ..... ἀποστείλαντες τὸν τότε ἱερώτατον μητροπολίτην Ἐφέσου καὶ τὸν „τῆς Ἀντιοχ(είας ἔπαρχον) ἔστεψαν εἰς βασιλέα τὸν εὐσεβέστατον Βελὶκ Κνὲς Βολοντίμοιρον καὶ ἐδωρήσαντο αὐτῷ τότε βασιλικὸν στέμμα ἐπὶ τῆς κεφαλῆς καὶ τὸ μετὰ „(μαργαριτῶν διάδημα, καὶ τἄλλα βασιλικὰ σημεῖα καὶ ἄμφια.....

„Оригиналъ хранится теперь въ Государственномъ Древлехранилищѣ, помѣщенномъ въ комнатахъ Теремнаго Дворца.

„Въ двухъ экземплярахъ перевода, это мѣсто передано слѣдующимъ образомъ:

„По современному переводу XVI столѣтія (см. у Оболенскаго стр. 23 и „49): .....послаша тогда пресщенного (sic) митрополита ефесскаго и антіохійскаго изрядноначальнейшего епарха и венчаша благочестиваго великого „князя Владимера на царство и дароваша его тогда царскимъ венцемъ на главу „его и діядимою украшенною бисеромъ „и инымъ царьскимъ знаменіемъ и дары".

„По переводу, сдѣланному въ концѣ „XVII столѣтія (см. у Оболенскаго стр. „17 и 48): .....пославша митрополита „ефескаго и антіохіскаго патріарха и „вѣнчаша во царя благочестивѣйшаго и „великаго князя Владиміра и дароваша „тому царскій венецъ на главу его и съ „каменіемъ честнымъ діадимою и иная „царская знаменія и одежды".

„Теперь остается рѣшить вопросъ, подтверждается ли содержаніе соборной „грамоты и вообще сказаніе о пожалованіи регалій Владиміру его монетами и „въ частности можно ли согласовать загадочную фигуру, изображенную на нихъ, „съ содержаніемъ приведеннаго документа? Если отвѣтъ на этотъ вопросъ окажется „отрицательнымъ, то слѣдуетъ искать происхожденія фигуры въ другомъ мѣстѣ".

„Такъ какъ фигура эта находится не только на монетахъ Владиміра, но по-„является и на монетахъ его двухъ сыновей, Святополка и Ярослава, то нужно „было бы изслѣдовать, не представляетъ ли она собой семейное знамя, фамильный „знакъ. Не впускаясь тутъ въ подробности, замѣчу только, что такія родовыя зна-„мена нерѣдко возникали изъ знаковъ собственности, которые у языческихъ госу-„дарей одновременно замѣняли печати. Когда Гамбургскій архіепископъ Ансгаръ „готовился въ 852 году къ своему второму миссіонерскому путешествію въ Швецію, „то дружественный ему языческій князь Горикъ Ютландскій прислалъ ему своего „посла въ Швецію со своимъ хирографомъ (руко-пись). (Vita S. Ansgar: regis Ho-„rici missum pariterque *signum* secum habuit, что Адамъ Бременскій передаетъ „слѣдующими словами: Horici regis missum rogavit atque *sigillum*). Объ этихъ хиро-„графахъ нерѣдко упоминается въ исландскихъ сагахъ. Именно, послы получали „ихъ для удостовѣренія ихъ личности передъ государемъ, къ которому они были „посланы. Нѣтъ сомнѣнія, что именно объ нихъ упоминается въ договорѣ Игоря „944 года (Ношаху сли *печати* злати, а гостье сребрени.....); послѣ 944 года „ихъ замѣнили писанныя вѣрительныя грамоты. По всѣмъ вѣроятіямъ, упоминаемыя „императоромъ Константиномъ (de adm. imp. cap. XXXI. p. 149) ἰδιόχειρα пересе-„лившихся въ Далматію хорватскихъ князей тоже были такими *signa* = *sigilla* = „*печати*".

„Въ пользу объясненія фигуры родовымъ знаменемъ Владиміра говоритъ мо-„жетъ быть форма ея. Знаки собственности были во всеобщемъ употребленіи пре-„имущественно у народовъ, которые не имѣли еще азбуки, или у которыхъ не была „еще распространена грамотность. Для того, чтобъ обладатель такого знака могъ „пользоваться имъ, т. е. вырѣзывать его на деревѣ и т. п., онъ долженъ былъ быть „несложнымъ. Поэтому, какъ думаютъ, эти знаки у европейскихъ народовъ были „первоначально составлены изъ прямыхъ, большею частью вертикальныхъ, линій, и „только съ теченіемъ времени отдѣльныя линіи закруглились и вся фигура стано-„вилась вычурнѣе, или же искажалась ея первоначальная форма".

„Унаслѣдованъ ли знакъ Владиміромъ — предположивъ вѣрность послѣдняго „объясненія — или онъ выдуманъ послѣ его крещенія, пока трудно рѣшить. „Въ пользу перваго предположенія говоритъ то обстоятельство, что онъ употреб-„лялся и двумя его сыновьями. Можно предполагать, что Владиміръ, будучи не-„грамотенъ, изображалъ его на договорныхъ грамотахъ съ Византіей. При его „сыновьяхъ и внукахъ этотъ хирографъ постепенно забывался: отчасти они научи-

„лись писать свои имена, отчасти къ оффиціальнымъ документамъ стали привѣши-
„ваться печати съ изображеніемъ Святаго [1] . . . . .“

[1] Послѣднее объясненіе г. Куника фигуры знакомъ собственности заслуживаетъ серьезнаго вниманія и, кажется, пща именно въ этомъ направленіи, можно будетъ со временемъ найти разгадку загадочной фигуры. Для удовлетворительнаго разрѣшенія вопроса нужны однако два условія: во 1-хъ подробная разработка вопроса о знакахъ собственности вообще и во 2-хъ находка какихъ-нибудь новыхъ памятниковъ старины, на которыхъ находилось бы изображеніе аналогичное нашей фигурѣ. Говоря о разработкѣ вопроса, мы понимаемъ разработку его относительно Россіи; на Западѣ онъ имѣетъ, хотя не обширную, но серьезную литературу. Особенно замѣчательны образцовыя сочиненія по этому предмету извѣстнаго историка-юриста Гомайера: „Ueber die Heimath nach altdeutschem Recht, insbesondere über das Hantgemal, помѣщенное въ Philologische und historische Abhandlungen der Königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin; aus dem Jahre 1852. Berlin 1853. стр. 17—104 и Die Haus- und Hofmarken. Berlin 1870. съ 44-мя таблицами рисунковъ“.

Мы считаемъ лишнимъ для преслѣдуемой нами цѣли подробный разборъ открытій этого ученаго, но думаемъ, что слѣдующіе два факта, приводимые имъ во второмъ сочиненіи, могутъ доставить матеріалъ для размышленія изслѣдователямъ нашей фигуры. Первый фактъ состоитъ въ томъ, что многіе знаки собственности, особенно сѣверные, первоначально произошли изъ такъ называемыхъ связанныхъ рунъ (Binderunen), т. е. фигура была составлена изъ всѣхъ буквъ руническаго алфавита, входившихъ въ имя первоначальнаго владѣтеля знака, причемъ буквы эти были связаны между собой на подобіе монограммы.

Въ предполагаемомъ знакѣ собственности кіевскихъ князей нѣкоторыя части могутъ быть дѣйствительно, хотя и съ нѣкоторою натяжкою, приняты за руны. Такъ средняя линія, на нѣкоторыхъ монетахъ, могла бы быть принята за *р*, имѣющее въ руническомъ алфавитѣ форму ᛣ; та же черта могла бы быть принята за *и* (ᛁ), или *а* (ᛆ); часть, названная нами откосомъ хоругви, невольно напоминаетъ руну ᚢ (*у*); половина части, названной навершіемъ *к* или *г* (ᚴ) . . . .

Второй фактъ состоитъ въ томъ, что первоначальная форма знаковъ собственности постоянно измѣняется при переходѣ по наслѣдству отъ одного лица къ другому. Измѣненія эти состоятъ или въ урѣзкѣ какой нибудь части основной фигуры, или же въ прибавкѣ какихъ нибудь украшеній; особенно часто замѣчается прибавка крестовъ къ какой нибудь части фигуры, причемъ кресты бываютъ самой разнообразной формы. Тоже явленіе мы замѣчаемъ и въ нашей загадочной фигурѣ. Повторяемъ, все это требуетъ еще серьезнаго изученія и строить какія-либо предположенія на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ казалось намъ преждевременнымъ.

ГЛАВА IV.

КЛАССИФИКАЦІЯ НАШИХЪ МОНЕТЪ.

Вопросъ о классификаціи еще неопредѣленныхъ монетъ всегда является труднымъ, составляя въ то-же время цѣль всякаго нумизматическаго труда. Въ данномъ случаѣ онъ являлся тѣмъ труднѣе разрѣшимымъ, что до насъ уже были двѣ подобныя попытки, оказавшіяся несостоятельными. Несостоятельными онѣ оказались съ одной стороны оттого, что обѣ были построены не на совокупномъ разсмотрѣніи всѣхъ русскихъ монетъ XI-го столѣтія, а только на части ихъ, съ другой — оттого, что обѣ классификаціи были основаны не на фактахъ, а на теоритическихъ умозаключеніяхъ авторовъ. Стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ спасло насъ отъ этой двойной ошибки: благодаря любезности русскихъ археологовъ, мы получили возможность располагать такой массой матеріала, на какую мы никогда не смѣли надѣяться; а вслѣдствіе большаго количества разобранныхъ монетъ открылись и положительные факты, на которыхъ мы всецѣло и построили нашу классификацію. Прежде чѣмъ приступимъ къ ея изложенію, мы должны сказать нѣсколько словъ объ одной изъ упомянутыхъ выше попытокъ; о другой — барона Кёне, мы говорили уже въ первой главѣ и мы знаемъ, что она была основана на грубой нумизматической ошибкѣ, а потому считаемъ лишнимъ распространяться о ней здѣсь.

Г. Волошинскій на стр. VII своего труда (описаніе древнихъ русскихъ монетъ, см. гл. I) говоритъ:

„Уцѣлѣвшія на нашихъ монетахъ надписи (ежели только наше чтеніе справед-„ливо), заключаютъ въ себѣ имена, соотвѣтствующія именамъ великихъ князей

„Кіевскихъ (имена: Владиміръ, Ярославъ, Святополкъ и Георгій), и такимъ обра-„зомъ обнимаютъ собою промежутокъ времени, который могъ содержаться въ Нѣ-„жинскомъ кладѣ (?). Классификація сихъ монетъ, въ частности, проистекаетъ нѣ-„которымъ образомъ изъ точнѣйшаго сравненія ихъ фабрикъ и способа отдѣлки. „Мы думаемъ при этомъ случаѣ, что экземпляры, помѣщенные нами въ I и во II „классѣ нашего изложенія *(у насъ III и IV типы Владиміра)*, вѣроятно принад-„лежатъ двумъ Владимірамъ, и что экземпляры, принимаемые доселѣ за монеты „Владиміра Святаго, скорѣе должно относить къ Владиміру Мономаху, чѣмъ къ Вла-„диміру Святому; и напротивъ того, неизвѣстныя доселѣ монеты, помѣщенныя нами „въ I классѣ *(у насъ IV типъ)*, должно приписать Владиміру Святому. Сравнивая „между собою означенные два класса монетъ, съ перваго взгляда замѣчаемъ рѣзкое „между ними различіе. Стиль рисунка монетъ I класса превосходнѣе; очертаніе „частей изображенія правильнѣе; позы сихъ частей болѣе свободны; надпись почти „безошибочна; форма буквъ болѣе правильна и величина соразмѣрна; словомъ, ра-„бота и отдѣлка болѣе совершенны. Это обстоятельство, при взглядѣ на грубую „отдѣлку монетъ, приписываемыхъ нами Ярославу, хотя и противурѣчитъ, на пер-„вый разъ, общему правилу постепеннаго развитія искусства; но мы объясняемъ „себѣ его тою догадкою, что первоначальные мастера наши были мастера грече-„скіе, и если не лучшіе (къ вызванью которыхъ изъ Греціи Владиміръ Святой „имѣлъ, конечно, всякую возможность), то по крайней мѣрѣ изъ числа такихъ, для „которыхъ чеканенье монетъ было исключительнымъ занятіемъ въ ихъ отечествѣ. „Конечно, они могли и не знать нашего языка: тѣмъ не менѣе, проводя всю жизнь „въ одномъ занятіи, имъ легко было выполнять свое дѣло, хотя бы-то и на незна-„комомъ языкѣ, если данъ былъ къ тому (въ чемъ и сомнѣваться нельзя) хорошій „образецъ надписи. Напротивъ того, монеты II-го *(у насъ III-й типъ Владиміра)*, „III-го *(у насъ I-й типъ Владиміра)* и прочихъ классовъ составляютъ, можетъ быть, „большею частью, опыты нашихъ отечественныхъ мастеровъ или денежниковъ, хотя „и не непосредственные и выполняемые по образцамъ Византійскимъ, или предше-„ствовавшихъ имъ монетъ, или, можетъ быть, даже и подъ руководствомъ масте-„ровъ греческихъ; но, тѣмъ не менѣе опыты собственные, выполняемые по мѣрѣ „собственныхъ силъ и въ зависимости отъ обстоятельствъ, сопровождающихъ во-„обще первоначальное развитіе искусства. Намъ кажется, такимъ образомъ, что едва „ли не въ этомъ источникѣ предположеній мы должны искать причины тѣмъ явле-„ніямъ, что въ надписяхъ монетъ II, III и прочихъ классовъ встрѣчаемъ столько „ошибокъ (замѣну однѣхъ буквъ другими, пропуски необходимыхъ буквъ и, вслѣдъ

„затѣмъ, вставки лишнихъ буквъ), и напротивъ того, въ монетахъ I-го класса не „встрѣчаемъ ничего подобнаго; и что подобнымъ же образомъ монеты I-го класса, „по отдѣлкѣ своей, совершеннѣе монетъ II, III и прочихъ классовъ".

„Предположеніе это повѣряется отчасти и сличеніемъ сихъ монетъ съ совре-„менными Византійскими монетами. Мы замѣчаемъ: что а) начиная со временъ Ва-„силія II (975—1025) до Алексѣя I Комнина (1081—1116) чаще всего употребляется „на монетахъ форма престола, изображенная на экземплярахъ II класса; b) крестъ, „лабаръ и скипетръ чаще всего видимъ наклоненными на правое плечо фигуръ въ „монетахъ Алексѣя I Комнина и смежныхъ съ нимъ царствованій: между тѣмъ какъ „до того времени эти предметы изображаются большею частію въ рукахъ фигуръ „въ отвѣсномъ направленіи; с) одежду фигуръ на монетахъ, относящихся къ цар-„ствованію Алексѣя I Комнина и смежныхъ съ нимъ царствованій, чаще всего со-„ставляетъ плащъ (pallium), замѣчаемый на монетахъ II класса, въ то время, когда „длинная мантія, изображенная на экземплярахъ I класса, свойственна болѣе фигу-„рамъ, встрѣчающимся на монетахъ близкихъ къ царствованію Василія II. Всѣ эти „обстоятельства можно бы назвать на первый разъ случайностью, если бы не при-„водила насъ въ то же время къ подобнаго рода догадкамъ самая форма буквъ. „Въ самомъ дѣлѣ, всматриваясь ближе въ надписи монетъ I класса, мы ясно ви-„димъ въ нихъ сходство отдѣлки буквъ съ современною отдѣлкою буквъ въ надпи-„сяхъ монетъ Византійскихъ. Ихъ круглость и соразмѣрность, въ связи съ извѣст-„ною вѣрностью начертанія, невольно напоминаютъ намъ времена Василія II; но „съ другой стороны, эта же самая круглость и соразмѣрность недоступны были для „неопытнаго еще рѣзца русскаго мастера, и потому догадываемся, что ихъ рѣзалъ „Грекъ, современный царствованію Василія II, или, что тоже, Владиміру Святому".

„Если такимъ образомъ, чтеніе наше и изложенныя здѣсь замѣчанія справед-„ливы, то содержащіяся въ надписяхъ нашихъ монетъ имена (Владиміръ, Ярославъ, „Святополкъ, Георгій) въ связи съ различіемъ фабрикъ самыхъ монетъ и способовъ „отдѣлки, составляя пять отдѣльныхъ классовъ, относятся къ пяти Великимъ Кня-„зьямъ нашимъ: Владиміру Святому, Ярославу Владиміровичу, Святополку Изясла-„вичу, Владиміру Всеволодовичу Мономаху и Георгію (можетъ быть Юрію Влади-„міровичу Долгорукому), или, что тоже, къ промежутку времени отъ 988 по 1157 „годъ"... ..

Что съ перваго взгляда поражаетъ въ этой классификаціи, составленной впрочемъ безъ всякихъ претензій на непогрѣшимость и откровенно выдаваемой только за попытку, это основаніе ея на чисто субъективномъ убѣжденіи автора, что IV типъ

монетъ Владиміра чеканенъ греками, а III-й — русскими, причемъ сравненіе монетъ съ византійскими, являющееся болѣе реальнымъ доводомъ, употреблено только въ видѣ подтвержденія предвзятой мысли.

Не останавливаясь здѣсь на опроверженіи классификаціи г. Волошинскаго, мы познакомимъ читателя съ своей, основываясь по возможности на археологически неопровержимыхъ фактахъ. Такимъ образомъ ясно будетъ видно, въ чемъ ошибался г. Волошинскій.

Неоспоримо, что способъ опредѣленія сравнительной древности штемпелей по перечеканеннымъ монетамъ (surfrappées) одинъ изъ самыхъ положительныхъ и надежныхъ въ нумизматикѣ. Когда нумизматъ сомнѣвается въ обоюдномъ старшинствѣ двухъ лежащихъ передъ нимъ чекановъ, онъ привѣтствуетъ, какъ откровеніе, находку экземпляра, гдѣ одинъ чеканъ нанесенъ на другой — тутъ всякое сомнѣніе исчезаетъ — нижній чеканъ не можетъ быть моложе верхняго.

Мы были настолько счастливы, что нашли между разобранными нами монетами такіе перечеканенные экземпляры, рѣшающіе сравнительное старшинство, по крайней мѣрѣ части типовъ — это монеты, описанныя подъ №№ 38, 56, 89 и 95 (изображеніе на ТТ. 1 и 2 №№ 11 и 17, на Т. 9 № 5 и на Т. 11 № 12).

По этимъ экземплярамъ мы можемъ вывести слѣдующія заключенія:

По № 38. Штемпель нашего 2-го типа монетъ Владиміра чеканенъ на монетѣ 1-го типа, слѣдовательно

нашъ 1-й типъ старше 2-го;

По № 56. Штемпель нашего 3-го типа монетъ Владиміра чеканенъ на монетѣ 2-го, слѣдовательно

2-й типъ старше 3-го;

По №№ 89 и 95. Монеты Святополка передѣланы изъ монетъ 2-го типа Владиміра, слѣдовательно

2-й типъ Владиміра старше монетъ Святополка.

Итакъ, основываясь на перечеканенныхъ экземплярахъ, мы можемъ съ увѣренностью опредѣлить сравнительную древность болѣе половины нашихъ монетъ: приведя въ хронологическій порядокъ эту часть, мы получимъ слѣдующую наглядную табличку:

1) I типъ Владиміра.

2) II типъ его-же.

3) III типъ его-же и монеты Святополка.

Для опредѣленія сравнительной древности остальныхъ монетъ мы, не имѣя тѣхъ-же данныхъ, какъ для разобранныхъ типовъ, должны обратиться къ другому способу.

Какъ уже извѣстно изъ I-й и II-й главъ, случай помогъ съ достаточной точностью опредѣлить абсолютную древность нѣкоторыхъ типовъ.

Такъ время чеканки II-го типа было твердо опредѣлено Шваанской находкой (см. II типъ въ I главѣ). Оно совпадаетъ съ временемъ княженія Владиміра Святаго, относясь скорѣе къ послѣднимъ годамъ его. Монеты, съ которыми найденъ былъ кусочекъ монеты I-го типа (№ 10а), тоже указываютъ на эпоху Владиміра Святаго, а кусокъ монеты Ярослава, III-го типа (№ 109), судя по найденнымъ съ нимъ англо-саксонскимъ, нѣмецкимъ и чешскимъ, подтвердилъ существовавшее уже предположеніе, что монеты этого типа принадлежатъ никому иному, какъ Ярославу I Владиміровичу.

Итакъ извѣстна абсолютная древность двухъ типовъ серебряныхъ монетъ, которыхъ въ Нѣжинскомъ кладѣ не было, и только одного типа изъ числа 7-ми разрядовъ, найденныхъ въ немъ.

Но имѣя и одну эту точку отправленія, мы можемъ вывести нѣкоторыя заключенія объ остальныхъ монетахъ этого клада, припомнивъ нѣкоторыя общія правила, которыя выработала археологическая практика относительно кладовъ. Извѣстно, что промежутокъ времени между годомъ чеканки старѣйшей монеты и годомъ чеканки новѣйшей изъ находимыхъ въ одномъ кладѣ рѣдко превышаетъ среднюю продолжительность жизни одного человѣка, т. е. 40, 50 лѣтъ, иногда же этотъ промежутокъ не превышаетъ нѣсколькихъ лѣтъ, не обнимая собою даже одного десятилѣтія.

Второе общее правило, выработанное археологической практикой, незнающее почти исключеній, состоитъ въ томъ, что во времени чеканки отдѣльныхъ монетъ одного клада не бываетъ крупныхъ скачковъ; такъ, если археологъ слышитъ, что въ одномъ кладѣ найдены монеты двухъ государей, отдѣленныхъ другъ отъ друга однимъ, а тѣмъ болѣе нѣсколькими другими, царствовавшими послѣ перваго и раньше втораго, и что въ немъ не найдено ни одной монеты этихъ промежуточныхъ государей, у него неизбѣжно возникаетъ убѣжденіе, что кладъ былъ расхищенъ прежде, чѣмъ сдѣлался достояніемъ науки.

Для опредѣленія времени закопки клада обращаютъ обыкновенно вниманіе на новѣйшія изъ зарытыхъ въ немъ монетъ. Если кладъ зарытъ въ самомъ началѣ царствованія какого-нибудь государя, обыкновенно находятъ только небольшое число его монетъ сравнительно со всѣмъ количествомъ; если-же онъ зарытъ ближе къ концу долговременнаго или счастливаго царствованія государя, монеты послѣдняго часто составляютъ почти всю массу клада.

На основаніи этихъ правилъ, составляющихъ для нумизмата почти аксіомы, разсмотримъ монеты Нѣжинскаго клада.

Изъ монетъ этого клада намъ извѣстно время чеканки только одного разряда — соединенныхъ нами подъ названіемъ II-го типа Владиміра Святаго. Мы знаемъ, что онѣ дѣйствительно принадлежатъ этому князю.

Ни одна изъ монетъ, найденныхъ въ Нѣжинскомъ кладѣ не можетъ принадлежать князю предшествовавшему Владиміру Святому, такъ какъ всѣ онѣ очевидно относятся къ христіанской эпохѣ нашей исторіи, такъ какъ на нихъ изображены христіанскія эмблемы, какъ-то кресты, вѣнчики и т. п. Поэтому древнѣйшія монеты въ немъ чеканены не ранѣе 988 года и не позже 1015. Основываясь на замѣчаніяхъ, которыя мы сдѣлали о кладахъ вообще, мы въ разбираемомъ можемъ ожидать находки монетъ Святополка (княжилъ въ 1016 и 1018 годахъ), Ярослава (княжилъ въ 1017 и 1018—1054 г.), можетъ быть Изяслава (1058—1073 и 1077—1078) или Всеволода (1074 и 1078—1093), или Святослава Ярославича (но крайне сомнительно Владиміра Мономаха, сѣвшаго на Кіевскій престолъ въ 1113 г. и умершаго въ 1125 году).

Разбирая монеты Нѣжинскаго клада, мы находимъ на нихъ имена: *Владиміра, Святополка* и *Юрія или Георгія;* другихъ именъ мы на нихъ не находимъ.

Монеты съ именемъ Владиміра видимъ въ трехъ довольно отличныхъ другъ отъ друга чеканахъ, что и навело г. Волошинскаго на мысль отнести одинъ изъ нихъ ко времени Владиміра Мономаха. Такое предположеніе прямо противорѣчило бы второму, изложенному нами, правилу — въ кладѣ не найдено монетъ съ именами Изяслава, Всеволода и Святослава. Итакъ, *всѣ* монеты съ именемъ Владиміра, найденныя близъ Нѣжина, должно приписать Владиміру Святому.

Не можетъ быть сомнѣнія, какому Святополку приписать монеты, на которыхъ вычеканено это имя; остается слѣдовательно только опредѣлить, какому князю принадлежатъ экземпляры съ именами *Юрій* и *Георгій*.

Ближайшій къ Владиміру Святому Кіевскій князь этого имени — Юрій, прозванный Долгорукимъ, княжилъ съ 1144 по 1155 годъ, слѣдовательно объ немъ не можетъ быть и рѣчи; поэтому эти монеты могутъ принадлежать только сыну Святаго Владиміра — великому Ярославу-Георгію. Ихъ въ кладѣ найдено было очень мало, а потому, слѣдуя приведенному нами правилу, для опредѣленія времени закопки кладовъ, мы почти съ полной увѣренностью можемъ сказать, что Нѣжинскій зарытъ въ началѣ княженія Ярослава. Это подтверждается и тѣмъ, что въ немъ не найдено позднѣйшихъ по нашему убѣжденію монетъ этого князя — именно 3-й ихъ классъ. Обратившись къ исторіи, мы вспомнимъ, что послѣ смерти Владиміра въ 1015 году Святополкъ княжилъ недолго и въ 1016 году былъ свергнутъ Ярославомъ, котораго въ свою очередь прогналъ съ помощью своего зятя короля польскаго Болеслава, но который въ 1018 году окончательно занялъ Кіевскій столъ и счастливо прокняжилъ до своей смерти въ 1054 году. Судя по историческимъ фактамъ, Святополкъ могъ чеканить монету только въ первый годъ своего княженія, такъ какъ въ 1018 году онъ только съ трудомъ отдѣлался отъ своего могущественнаго покровителя, захватившаго всю власть въ свои руки; выживъ же его, онъ подвергся расправѣ своего брата.

Монеты Ярослава, найденныя въ Нѣжинскомъ кладѣ, вѣроятно чеканены въ 1016, 1017 году, вполнѣ подходя подъ общій характеръ остальныхъ монетъ и можетъ быть штемпеля были вырѣзаны тѣми мастерами, которые работали на его отца и брата. Монеты его III-го типа, изобличающія значительное развитіе искусства, были вѣроятно чеканены во время установившагося правленія Ярослава, при которомъ, какъ извѣстно, искусство процвѣтало.

Обращаясь къ Нѣжинскому кладу, мы имѣемъ слѣдовательно право предположить, что онъ зарытъ около 1017 года, передъ нашествіемъ грабителей поляковъ.

Возвращаемся теперь къ классификаціи монетъ Владиміра. Мы уже знаемъ, что I, II и III типъ слѣдовали одинъ за другимъ; намъ остается, слѣдовательно, опредѣлить отношеніе къ этимъ типамъ IV-го и монетъ золотыхъ.

Золотыя монеты, по полному сходству типа съ I-мъ типомъ серебряныхъ, мы имѣемъ полное право считать одновременно чеканенными съ послѣдними, и относимъ ихъ поэтому къ числу старѣйшихъ монетъ Владиміра.

Мѣсто IV-го типа опредѣлилось счастливымъ случаемъ. Изъ числа монетъ Святополка, найденныхъ близъ Нѣжина, въ нашу коллекцію попала монета, по формѣ буквъ надписи Лиц. ст. и по изображенію великаго князя до того похожая на монеты IV-го типа Владиміра, что невольно раждается предположеніе, что одна

рука рѣзала штемпель этой монеты и нѣкоторые штемпеля IV-го типа. Мы говоримъ о монетѣ, описанной нами подъ № 83.

Если наше предположеніе нѣсколько рисковано, то во всякомъ случаѣ непосредственное вліяніе IV-го типа на рѣзчика № 83 не подлежитъ сомнѣнію.

Основываясь на этой монетѣ, мы ставимъ IV-й типъ послѣднимъ въ ряду монетъ Владиміра Святаго.

Такимъ же связующимъ звѣномъ, но между чеканами Святополка и Ярослава, служитъ монета, описанная подъ № 102, хотя по другой причинѣ — тутъ изображеніе хоругви на Об. ст. вполнѣ тождественно съ изображеніемъ на монетахъ Святополка.

Наглядно изобразивъ результаты нашего изысканія, мы получимъ слѣдующую табличку сравнительной древности нашихъ монетъ:

1) Золотыя и I типъ серебряныхъ	Владиміра Святаго, чеканены между 988—1015 г.
2) II „ „	
3) III „ „	
4) IV „ „	

5) Серебряныя монеты Святополка, чеканенныя въ 1016 году.

6) I и II типъ Ярослава Владиміровича, чеканенныя въ 1016, 1017 г.

7) III „ „ „ „ послѣ 1018 года.

Вотъ, по нашему убѣжденію, единственно возможная классификація на основаніи существующихъ данныхъ. Мы не столь самонадѣянны, чтобъ думать, что она абсолютно вѣрна: новыя находки могутъ значительно измѣнить, если не всю, то значительную часть ея, но наше опредѣленіе старшинства нѣкоторыхъ типовъ по перечеканкамъ всегда сохранитъ свою силу; опредѣленіе времени чеканки другихъ типовъ, основанное на болѣе шаткихъ данныхъ, вполнѣ доступно критикѣ. Мы постарались, по возможности, упростить ея дѣло, приведя доводы въ пользу нашей классификаціи въ возможно сжатой формѣ.

ГЛАВА V.

ПОДДѢЛЬНЫЯ МОНЕТЫ.

Каждому, хоть немного занимавшемуся археологіей вообще и въ частности нумизматикой, извѣстно, что онъ окруженъ обманомъ. Болѣе рѣдкія или интересныя монеты уже съиздавна поддѣлывались болѣе или менѣе искусно и поддѣлываются еще и теперь. Описаніе такихъ монетъ положительно необходимо, какъ въ интересахъ науки, такъ и для огражденія собирателей. Не говоря уже о томъ, что на какой нибудь поддѣльной монетѣ строилась иногда цѣлая теорія, важно въ научномъ отношеніи сравненіе новыхъ копій съ оригиналами: при такомъ сравненіи рельефнѣе выступаютъ многія мелочи на подлинныхъ штемпеляхъ, которыя безъ него остались бы незамѣченными, хотя и могутъ имѣть серьезное значеніе. Въ виду послѣдняго соображенія далеко нелишнимъ представляется описаніе самыхъ грубыхъ, иногда даже нелѣпыхъ подражаній, которыя могли бы обмануть развѣ новичка. Къ такимъ поддѣлкамъ стоитъ только критически отнестись, чтобъ тотчасъ увидать обманъ, но есть и такія, для распознанія которыхъ недостаточно критики, такъ какъ, будучи сдѣланы людьми знающими или очень искусными, онѣ почти вполнѣ носятъ на себѣ отпечатокъ старины; поддѣльность такой монеты очень и очень часто невозможно *доказать*, хотя опытный нумизматъ-практикъ вполнѣ ее сознаетъ какъ-бы чутьемъ.

Замѣчательно, что это нумизматическое чутье часто является прирожденнымъ, такъ что сравнительно недавній собиратель безошибочно узнаетъ неподлинность поддѣлокъ, и наоборотъ, давнишніе собиратели до самой своей смерти не могутъ

сознать той иногда трудно уловимой разницы, которая существуетъ между древнимъ оригиналомъ и позднѣйшей копіей. Помочь этому можно только описаніемъ возможно большаго числа поддѣльныхъ монетъ. Но признавая чутье, чисто субъективное качество, лучшимъ судьею подлинности, слѣдуетъ избѣгать чрезмѣрной подозрительности: отрицать подлинность монеты, особенно древней, обыкновенно легче, чѣмъ подтвердить ее основательными доводами. Въ нашей коллекціи находится нѣсколько сотенъ разнородныхъ поддѣлокъ русскихъ монетъ, описаніе которыхъ мы намѣрены вскорѣ издать, и въ числѣ ихъ три, относящіяся къ разобраннымъ въ настоящемъ изданіи монетамъ. Кромѣ этихъ трехъ разнородныхъ поддѣлокъ нашихъ монетъ, намъ извѣстна еще четвертая, хранящаяся въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Всѣ четыре разновидности изображены у насъ на Т. 12 подъ №№ 5, 6, 7 и 8. Переходимъ къ ихъ описанію.

А. ПОДДѢЛКИ ЗОЛОТЫХЪ МОНЕТЪ ВЛАДИМІРА СВЯТАГО.

№ I. *Лиц. ст.* Изображеніе великаго князя впрямь во весь ростъ, какъ на подлинныхъ золотыхъ; въ правой рукѣ длинный крестъ, поставленный вертикально; на груди, надъ покоящейся на ней лѣвой рукой, мелкая буса. Голова окружена бусами. Великому князю кромѣ усовъ, въ отличіе отъ подлинныхъ штемпелей, придана борода, правда, короткая и едва замѣтная. По лѣвую руку великаго князя та же загадочная фигура, что и на подлинныхъ, но нѣсколько отличной формы. Назвавъ ее для удобства описанія изображеніемъ хоругви, обращенной верхушкой внизъ, мы увидимъ, что оба откоса имѣютъ форму почти правильныхъ и равномѣрныхъ другъ другу прямоугольниковъ; верхней части полотнища совсѣмъ не существуетъ; навершіе представлено въ формѣ почти равнобедреннаго треугольника, причемъ бока его покоятся на самыхъ концахъ поперечной перекладины; на древкѣ небольшая черточка, замѣняющая бусу и утолщеніе подлинныхъ. Круговая надпись:

+ВЛ⊲DNМИРЪ ѴСЄ ЄГО ЗЛТО

въ ободкѣ изъ бусъ, причемъ горизонтальная перекладина крестика значительно длиннѣе вертикальной; буквы Λ и ⊲ слиты вмѣстѣ; Д замѣнено латинскимъ D; первое Н имѣетъ форму N, а второе И (въ словѣ: *Владимиръ*); буква ⊲ (*а* се его)

замѣнена греческимъ или латинскимъ прописнымъ А, обращеннымъ основаніемъ къ ободку. Остальныя буквы довольно удовлетворительно вырѣзаны, за исключеніемъ З (*злато*), которое слишкомъ закруглено.

Об. ст. Грудное изображеніе Спасителя впрямь. Главныя отличія его отъ изображенія на подлинныхъ состоятъ въ слѣдующемъ.

Скулы лица слишкомъ выдающіяся; борода короткая и только слегка обозначена; все лицо слишкомъ кругло; складки одежды слишкомъ однообразны и ни одна не пересѣкаетъ другой. На груди у шеи буса. Евангеліе, придерживаемое лѣвой рукой, украшено всего четырьмя бусами. Круговая надпись:

НСУСЪ ХРNСТЭЪ

въ ободкѣ изъ бусъ, причемъ въ словѣ *Исусъ* Н имѣетъ почти форму перевернутаго латинскаго h; Y похоже на ижицу; Ъ очень характерно: нижній кружокъ этой буквы находится налѣво отъ средней линіи, а не направо. Въ словѣ *Христъ* буква Н имѣетъ форму N, второе С повернуто налѣво, буквы Р и Ъ слишкомъ новы.

Монеты, чеканенныя описанными штемпелями, не особенно рѣдки: намъ лично пришлось видѣть ихъ отъ 6-ти до 7-ми экземпляровъ, принадлежащихъ разнымъ коллекціямъ.

Вѣсъ нашего экземпляра, изображеннаго на Т. 12 подъ № 5, 84 доли.

№ II. *Лиц. ст.* Изображеніе великаго князя поддѣлано нѣсколько удачнѣе, чѣмъ на № I: лицо больше, бороды невидно, усы длинные; головной уборъ украшенъ крестикомъ; на шеѣ ожерелье изъ трехъ бусъ. На одеждѣ только двѣ складки и на груди у шеи круглая пряжка съ бусой посрединѣ. Изображеніе хоругви въ общемъ похоже на находящееся на предъидущемъ штемпелѣ, съ тою разницей, что откосы обозначены только широкимъ штрихомъ, также какъ и древко.

Круговая надпись та же, что на предъидущемъ №, съ тою разницей, что буква ⊲ въ словѣ *Владимиръ* замѣнена какимъ-то небольшимъ закругленнымъ знакомъ, соединеннымъ съ буквой Λ. Впрочемъ форма отдѣльныхъ буквъ нѣсколько иная, при сравненіи съ предъидущимъ №.

Об. ст., кажется, съ умысломъ, сильно стерта; можно однако догадаться, что на ней было изображеніе Спасителя; изъ буквъ круговой надписи сохранились только: .СУ.ЪХ почти той-же формы, что и на предъидущемъ штемпелѣ.

Единственный, извѣстный намъ, экземпляръ, чеканенный этимъ штемпелемъ, находится въ рукахъ А. А. Куника, которому онъ былъ предложенъ, какъ поддѣльный и который пріобрѣлъ его въ 1874 году, какъ таковой. Онъ изображенъ у насъ на Т. 12 подъ № 6 и вѣситъ 43 доли.

В. ПОДДѢЛКИ СЕРЕБРЯНЫХЪ МОНЕТЪ ВЛАДИМІРА СВЯТАГО.

№ III. *Лиц. ст.* Довольно грубое подражаніе монетъ нашего III-го типа и въ частности экземпляра, описаннаго подъ № 67. Лицо великаго князя очень удлиннено, крестъ на головномъ уборѣ слишкомъ великъ.

Круговая надпись:

ВΛ◁Λ(sic)НМИР ЪН◁СТОΛЄ(sic)

вышла довольно неудачно: форма буквъ неискусно поддѣлана.

Об. ст. Подражаніе Об. ст. той-же монеты; вмѣсто древка между откосами какія-то три подвѣски. Круговая надпись:

◁СЄЄГѢСРЄБРО

вышла также неудачно, какъ и надпись Лиц. ст.

Обѣ стороны окружены двумя ободками, изъ которыхъ первый (внутренній) ниткой, а второй изъ бусъ. Намъ пришлось видѣть до 3-хъ экземпляровъ, чеканенныхъ этими штемпелями. Одинъ, находящійся въ нашей коллекціи и изображенный на Т. 12 подъ № 7, вѣситъ 1 зол. 24 доли.

№ IV. Описанныя подъ тремя предшествующими №№, хотя и поддѣльныя, по всеже чеканенныя монеты; описываемая здѣсь — литая, и не съ оригинала, а въ грубо сфабрикованныхъ формахъ. Лицо великаго князя гораздо больше, чѣмъ на предъидущемъ № и очень выпукло; крестъ на головномъ уборѣ еще больше. Надпись та же, что на предъидущемъ №, но въ словѣ *Владиміръ* пропущено второе Н. *Об. ст.* подобна Об. ст. № III, но буквы надписи больше; хоругвь меньше, но выпуклѣе.

Единственный видѣнный нами экземпляръ описанной монеты находится въ нашей коллекціи. Онъ изображенъ на Т. 12 подъ № 8. Вѣсъ 4 зол. 40 долей.

Одинъ почтенный собиратель сообщилъ намъ, что видѣлъ нѣкогда и второй подобный.

Всѣ четыре описанныя поддѣлки недостаточно искусно исполнены, чтобъ въ случаѣ хорошей сохранности обмануть опытнаго нумизмата, знакомаго съ подлинными монетами: довольно взглянуть на изображенія на обѣихъ сторонахъ, обличающія неопытнаго поддѣлывателя. Другое дѣло, когда наши поддѣлки потерты: не имѣя возможности подвергнуть строгому сравненію изображенія, изслѣдователю остается или положиться на свое чутье, или, оставивъ въ сторонѣ общій видъ монеты, обратиться къ частностямъ. Въ послѣднемъ случаѣ главное вниманіе нужно обратить на надписи, относясь критически къ формѣ отдѣльныхъ буквъ, а если это возможно, то и ко всей надписи въ цѣломъ, взвѣшивая возможность замѣны одной буквы другою, полноты или неполноты надписи, употребленія отдѣльныхъ словъ въ той формѣ, въ которой они встрѣчаются на данной монетѣ.

Слѣдуетъ замѣтить, что вообще для фальсификатора всегда была и будетъ камнемъ преткновенія удачная поддѣлка характера буквъ: изображенія людей, животныхъ и разныхъ предметовъ допускаютъ уклоненія даже довольно крупныя отъ прототиповъ, причемъ такія уклоненія или не бросаются въ глаза, или же не могутъ служить доказательствомъ неподлинности. Это само по себѣ ясно, если мы примемъ въ соображеніе во 1-хъ то, что видъ такихъ изображеній всегда зависитъ отъ степени искусства рѣзчика, которая рѣдко бываетъ одинакова даже у двухъ современниковъ, а часто и отъ его произвола или отъ степени знакомства его съ изображаемымъ предметомъ, такъ что очень нерѣдко на нѣсколькихъ монетахъ, несомнѣнно подлинныхъ и современныхъ другъ другу, одинъ и тотъ же предметъ облекается въ самыя разнообразныя формы; во 2-хъ то, что изображенія, будучи чаще выпуклѣе буквъ, легче стираются и, такимъ образомъ, является невозможность подробно разсмотрѣть ихъ на поддѣльныхъ экземплярахъ, а слѣдовательно даже чутьемъ, единственнымъ способомъ распознать неподлинность по изображеніямъ, убѣдиться въ поддѣльности. Несравненно легче доказать поддѣльность монеты по надписямъ: во 1-хъ форма буквъ довольно устойчива и мало зависитъ отъ степени искусства, а еще менѣе отъ произвола рѣзчика, во 2-хъ трудно предположить, чтобъ на монетѣ, какой бы она плохой сохранности ни была, не сохранилось хотя бы нѣсколькихъ буквъ; если же буквы даже и сильно стерты, все-же останутся контуры, и этого совершенно достаточно, чтобъ судить объ ихъ формѣ.

Тутъ слѣдуетъ отмѣтить еще одну особенность поддѣльныхъ монетъ, по крайней мѣрѣ большинства русскихъ — это слишкомъ большая, сравнительно съ подлинными, полнота надписей. Источникъ такой ошибки понятенъ: цѣлью большинства поддѣлокъ является такъ или иначе обманъ, желаніе придать предлагаемой монетѣ возможно большую цѣнность; монета неопредѣлимая всегда цѣнилась ниже рѣдкой, но опредѣлимой; но, чѣмъ полнѣе надпись, тѣмъ она легче можетъ быть опредѣлена, тѣмъ большая является возможность построить на ней какую нибудь теорію. Изъ этого ясно, что̀ побуждаетъ нашихъ фальсификаторовъ нерѣдко доводить полноту и ясность надписей до крайности.

Переходя затѣмъ къ сравненію характера буквъ на поддѣльныхъ и подлинныхъ, мы должны замѣтить, что этотъ вопросъ требуетъ еще въ русской нумизматикѣ разработки. Считая лишнимъ тутъ вдаваться въ подробный его разборъ, мы замѣтимъ только, что на поддѣльныхъ монетахъ почти постоянно замѣчается нѣкоторая неувѣренность поддѣлывателя при изображеніи буквъ, вслѣдствіе чего въ нихъ видна нѣкоторая натянутость, которую распознать также легко для человѣка, обладающаго нумизматическимъ чутьемъ, какъ трудно для нумизмата, не обладающаго этимъ даромъ.

Менѣе въ зависимости отъ индивидуальныхъ качествъ изслѣдователя находится распознаніе поддѣльности монеты по палеографическимъ ошибкамъ, почти постоянно встрѣчающимся на неподлинныхъ штемпеляхъ. Легкость распознаванія такихъ ошибокъ находится въ прямой зависимости отъ количества матеріала, состоящаго изъ подлинныхъ экземпляровъ, по которому можно было бы составить себѣ ясное понятіе о *монетной* палеографіи данной эпохи.

Обыкновенная ошибка поддѣлывателя состоитъ въ томъ, что онъ придаетъ отдѣльнымъ буквамъ слишкомъ новую форму; встрѣчается, хотя и рѣже, и обратное явленіе. Причины такихъ ошибокъ, какъ само по себѣ ясно, слѣдуетъ искать въ недостаткѣ свѣдѣній у поддѣлывателя. Обыкновенно ему служитъ оригиналомъ при рѣзьбѣ штемпелей или подлинный экземпляръ, или рисунокъ съ него. Въ первомъ случаѣ нерѣдко приходится возстановлять отдѣльныя буквы, или даже цѣлыя слова, такъ какъ старинная монета только въ исключительныхъ случаяхъ бываетъ вполнѣ безупречной сохранности; но поддѣлыватели часто идутъ еще далѣе, и считаютъ возможнымъ исправлять ошибки оригинала. Вотъ при такихъ-то манипуляціяхъ палеографическія ошибки почти неминуемы. Когда оригиналомъ поддѣлывателю служитъ не подлинная монета, а рисунокъ съ нея, онъ еще чаще впадаетъ въ эти ошибки. Рисунокъ самъ по себѣ рѣдко бываетъ вполнѣ точенъ, а въ прежнія времена осо-

бенной точности даже и не требовалось; тѣмъ болѣе копія съ такого рисунка неминуемо должна была имѣть очень мало общаго со своимъ прототипомъ.

Мы не касаемся тутъ другаго рода фальсификаціи — сочиненія несуществующихъ монетъ, хотя онъ очень распространенъ въ русской нумизматикѣ, такъ какъ мы не ставили себѣ цѣлью писать здѣсь полный трактатъ о русскихъ поддѣлкахъ; если мы и останавливаемся на отдѣльныхъ явленіяхъ, то только потому, что этотъ вопросъ совершенно не обработанъ въ нашей литературѣ, хотя въ практическихъ интересахъ онъ является вопросомъ первостепенной важности.

Неразработанностью вопроса можно объяснить то, что такіе опытные нумизматы, какъ Шубертъ, Сахаровъ, Чертковъ и др. включали въ свои сочиненія описанія очевидно фальшивыхъ монетъ безъ всякихъ оговорокъ. Нѣкоторую, впрочемъ, роль играло въ этомъ случаѣ самолюбіе, или скорѣе тщеславіе собирателей, которое уже не разъ сослуживало плохую службу наукѣ. Особенно подверженъ былъ этой слабости Ѳ. Ѳ. Шубертъ; достаточно указать на то, что онъ выдавалъ даже такую грубую поддѣлку, какъ литая монета, описанная нами въ настоящей главѣ подъ № IV, за подлинную. Она попала въ наше собраніе въ 1878 году, въ составѣ коллекціи Ѳ. Ѳ. Шуберта, пріобрѣтенной нами въ этомъ году цѣликомъ. Прочитавъ описаніе ея въ каталогѣ Шуберта 1843 года, невозможно сомнѣваться, что онъ подразумѣвалъ именно занимающій насъ экземпляръ. На стр. 53 подъ № 199, находимъ слѣдующее описаніе: „А. Князь (по поясъ) сидящій „на престолѣ впрямь; въ правой рукѣ держитъ скипетръ; *надъ головой большой крестъ;* круговая надпись, за коей тонкая черта, а потомъ ободокъ изъ точекъ:

ВЛАДИМР ЪНАСТОЛЄ

„R. Изображеніе похоже на паникадило; круговая надпись, за которой тонкая „черта; а потомъ ободокъ изъ точекъ:

АСЕЕГЬСРЕБРО

Вѣсъ 4 зол. 41 доля.

„Ch (т. е. Chaudoir) 4 (1. 2.)“.

Къ этому описанію Ѳ. Ѳ. Шубертъ прибавилъ слѣдующее характерное примѣчаніе:

„Монету эту получилъ я изъ Кіева; если это та самая (какъ сіе весьма вѣро-„ятно), съ которой слѣпокъ былъ въ рукахъ г. Шодуара, то вѣсъ у него „невѣрно означенъ; равномѣрно и надпись неточно показана, хотя изображеніе „вѣрно".

Нѣсколько выше, подъ № 197, приведена золотая монета, описанная нами въ настоящей главѣ подъ № I безъ всякихъ оговорокъ. Какъ извѣстно (см. II гл.), Рейхель упрекалъ Шуберта за то, что онъ помѣстилъ завѣдомо, по его мнѣнію, южно-славянскія монеты въ каталогѣ Русской коллекціи, но не выразилъ никакого сомнѣнія насчетъ ихъ подлинности.

Описанная нами подъ № III поддѣлка уступлена намъ въ 1878 году графомъ Э. К. Гуттенъ-Чапскимъ.

Золотая монета, описанная подъ № II, находится въ коллекціи Эрмитажа уже съ давняго времени.

Итакъ, мы видимъ, что наши монеты поддѣлывались еще до 1843 года.

Этотъ выводъ имѣетъ извѣстное значеніе при *доказательствѣ* поддѣльности монетъ.

Какъ мы говорили уже выше, *доказать* поддѣлку всегда очень трудно, иногда, можно даже сказать, обыкновенно — невозможно. Единственнымъ неоспоримымъ доказательствомъ въ этомъ случаѣ, кажется, можетъ служить только указаніе на поддѣлывателя и на время поддѣлки. Каждый съ нами согласится, что указаніе перваго въ большинствѣ случаевъ невозможно по той простой причинѣ, что въ интересѣ каждаго поддѣлывателя возможно тщательнѣе скрыть свое участіе. Указать на время поддѣлки можно съ увѣренностью только зная, кто поддѣлыватель. Кромѣ этого способа, есть еще двѣ возможности по крайней мѣрѣ косвенно доказать поддѣльность [1].

Во 1-хъ доказать время появленія (не изготовленія, которое не всегда совпадаетъ съ первымъ) поддѣльныхъ монетъ, и одновременно съ этимъ, что крайне сомнительно доказать, чтобъ тогда найдены были подлинныя.

Объ этомъ косвенномъ доказательствѣ мы подробнѣе скажемъ ниже.

Во 2-хъ, указать на оригиналъ, съ котораго копирована поддѣлка.

1 Мы не упоминаемъ здѣсь о рѣшительномъ доказательствѣ поддѣльности — находкѣ фальшивыхъ штемпелей, такъ какъ такое доказательство каждому само по себѣ понятно.

Мы уже выше упомянули, что встрѣчаются фальшивыя монеты съ фантастическимъ штемпелемъ, для изготовленія которыхъ поддѣлыватель не заботился объ оригиналѣ; очевидно, для такихъ монетъ это доказательство непримѣнимо.

Тамъ-же мы сказали, что оригиналами для фальшивыхъ штемпелей могутъ служить или сами подлинныя монеты, или рисунки съ нихъ. Когда возможно доказать, что оригиналомъ служитъ рисунокъ, понятно, что это можетъ служить рѣшительнымъ доказательствомъ поддѣльности. Другое дѣло, когда оригиналомъ служила подлинная монета; подлинная монета можетъ служить оригиналомъ не только позднѣйшей поддѣлкѣ, но и современной себѣ, подлинной же; какъ отличить въ такомъ случаѣ древнюю, подлинную копію отъ новой, *воровской?*

Мы уже указывали, что лучшимъ судьей подлинности всегда является нумизматическое чутье, но есть въ этомъ случаѣ замѣтная разница въ двухъ родахъ копій, на которую слѣдуетъ указать. Разница состоитъ именно въ томъ, что древняя копія схожа съ оригиналомъ въ общемъ, но частности, детали рѣдко вполнѣ схожи; новѣйшая копія, какъ кажется, всегда представляетъ обратное явленіе — тутъ частности являются почти рабски скопированными съ оригинала, общій же видъ монеты мало напоминаетъ оригиналъ.

Хотя мы вполнѣ сознаемъ, что вопросъ о поддѣльныхъ монетахъ даже приблизительно не исчерпанъ этими общими замѣчаніями, однако мы думаемъ, что сказаннаго достаточно, чтобъ дать начинающимъ нумизматамъ понятіе о трудности *доказать* поддѣльность подозрительной монеты; кромѣ этой главной цѣли, нами руководило желаніе указать, что рѣшеніе тѣхъ трехъ вопросовъ относительно поддѣлокъ Владимірова злата и сребра, которыми мы теперь намѣреваемся заняться, не является безцѣльнымъ, а можетъ служить болѣе или менѣе твердымъ основаніемъ для доказательства ихъ поддѣльности. Вопросы эти заключаются въ слѣдующемъ:

1) Съ какихъ оригиналовъ скопированы наши поддѣлки?

2) Когда, хотя приблизительно, изготовлены наши поддѣлки?

3) Насколько близко онѣ скопированы со своихъ оригиналовъ, и если есть отличія отъ нихъ, то какія, т. е. иными словами, каковы характерныя черты нашихъ поддѣлокъ?

Итакъ,

Съ какихъ оригиналовъ скопированы наши поддѣлки?

Побудительной причиной для фабрикаціи поддѣльныхъ штемпелей является почти всегда особенный интересъ, возбужденный почему-либо какой-нибудь монетой. Такой всеобщій интересъ несомнѣнно возбудили въ археологическомъ мірѣ при самомъ своемъ появленіи двѣ монеты съ именемъ Владиміра — одна золотая, ставшая извѣстной съ конца прошлаго столѣтія, пріобрѣтенная аптекаремъ Бунге у кіевскаго стрѣлка и уступленная имъ Могилянскому, который затерялъ ее въ Кіевѣ (см. I гл. А. золотыя монеты Владиміра); вторая серебряная, найденная въ началѣ настоящаго столѣтія (около 1810 года) близъ Борисполя и пріобрѣтенная тѣмъ-же Могилянскимъ, перепродавшимъ ее купцу Аверину (при посредничествѣ Калайдовича), который и пожертвовалъ ее Обществу Исторіи и Древностей въ Москвѣ (см. гл. I № 67). Поэтому даже до сравненія поддѣльныхъ штемпелей съ этими двумя монетами или рисунками съ нихъ естественно должно родиться предположеніе, что они скопированы именно съ послѣднихъ. Сравненіе уничтожаетъ всякое сомнѣніе на этотъ счетъ. Но если мы и можемъ съ увѣренностью сказать, что разбираемые нами новые штемпеля являются ничѣмъ инымъ, какъ поддѣлкой *злата* Бунге и *Бориспольскаго сребра*, то этимъ мы не рѣшаемъ другаго вопроса — что служило непосредственными оригиналами для нихъ: сами ли монеты, или какое нибудь изображеніе съ нихъ?

Этотъ вопросъ труднѣе рѣшить по отношенію къ золотымъ, чѣмъ по отношенію къ серебрянымъ по той простой причинѣ, что золотой оригиналъ давно утерянъ, серебряный же существуетъ. Поэтому мы постараемся рѣшить сперва вопросъ о монетахъ серебряныхъ.

Намъ извѣстно три различныхъ изображенія Бориспольскаго экземпляра:

1) Въ Вѣстникѣ Европы 1816 года (къ статьѣ Воейкова).

2) Въ Трудахъ Общества Исторіи и Древностей 1827 года (къ статьѣ Калайдовича).

3) Въ трудѣ Шодуара 1836 года.

Изображенія его у Сахарова (Лѣтопись русской нумизматики), а также въ „Альманахѣ историческомъ“, изданномъ Кнцгм. (Москва 1832 г.) суть ничто иное, какъ точнѣйшее воспроизведеніе рисунка Калайдовича.

Изъ всѣхъ этихъ изображенiй самое неудовлетворительное первое, самое же похожее на оригиналъ второе.

Третье очень схоже со вторымъ, хотя и замѣтна нѣкоторая разница, уменьшающая сходство съ оригиналомъ.

Сравнивая второе изображенiе (см. у насъ на Т. 13 № 12) съ оригиналомъ (см. у насъ Т. 10 № 1), мы находимъ слѣдующiя отступленiя, или неточности въ рисункѣ:

1) На Лиц. ст. Бусы, находящiяся на 4-хъ оконечностяхъ креста, который держитъ великiй князь, слишкомъ малы; особенно четвертая буса, находящаяся на нижнемъ концѣ.

2) Изъ буквъ круговой надписи той-же стороны особенно неудачно вышли оба ⊲ въ словахъ: Вл*а*димiръ и н*а*.

3) На Об. ст. Изображенiе хоругви мало схоже съ изображенiемъ на оригиналѣ; особенно плохо вышло навершiе, слишкомъ длинное и острое.

4) Изъ буквъ круговой надписи этой-же стороны особенно неудачно вышли: С и Є (въ словѣ *се*), Є и О (въ словѣ *єго*); послѣдняя буква замѣнена чѣмъ-то въ родѣ латинскаго h. Оба Є совсѣмъ угловаты.

Сравнивая теперь поддѣльное сребро (см. Т. 12 № 7) съ Бориспольскимъ экземпляромъ, находимъ совершенно тѣже ошибки, но съ прибавкой новыхъ. Добавочныя ошибки произошли отчасти оттого, что рѣзчикъ поддѣльнаго штемпеля не съумѣлъ вполнѣ точно скопировать, отчасти же оттого, что онъ долженъ былъ, чтобъ сдѣлать надписи полными, добавить буквы, несуществующiя на подлинномъ экземплярѣ и слѣдственно и на рисункѣ съ него; таковы буквы ΛЄ (въ словѣ сто*лє*) на Лиц. ст. и буквы СРЄ (въ словѣ *срє*бро) на Об. ст. Всѣ эти буквы имѣютъ, за исключенiемъ Λ, довольно фантастическую форму; особенно неудачно вышло Є на обѣихъ сторонахъ и Р на Об. ст.

Итакъ, мы сказали, что всѣ четыре ошибки, допущенныя въ изображенiи Калайдовича, повторены рѣзчикомъ поддѣльныхъ штемпелей. Этого факта, мы думаемъ, достаточно, чтобъ убѣдить, что оригиналами для поддѣльныхъ штемпелей служило изображенiе, а не сама монета, тѣмъ болѣе, что, какъ мы указали, уклоненiя отъ перваго объясняются сами собой очень просто.

Рѣшить, который изъ двухъ схожихъ между собой рисунковъ послужилъ оригиналомъ — изображенiе ли, представленное Калайдовичемъ, или Шодуаромъ, трудно. Мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ, что послужилъ первый, но возможно, что и оба рисунка, отчасти дополняя другъ друга, одновременно сослужили службу поддѣлыва-

телю. Замѣтимъ здѣсь кстати, что рисунокъ Калайдовича — библіографическая рѣдкость, но его вполнѣ могла замѣнить копія съ него, помѣщенная въ трудѣ Сахарова.

Литой экземпляръ, описанный нами подъ N IV, какъ кажется тоже скопированъ съ рисунка. Работа грубая, да и литыя поддѣлки не представляютъ особаго интереса, если для нихъ была сдѣлана особая форма, а онѣ не отлиты прямо съ оригинала; поэтому не стоитъ и останавливаться на этомъ экземплярѣ.

Итакъ, переходимъ къ разсмотрѣнію вопроса, съ чего копированы штемпеля золотыхъ поддѣлокъ — съ подлиннаго ли экземпляра Бунге, или съ рисунка съ него?

Главная трудность при разрѣшеніи этого вопроса заключается въ томъ, что экземпляръ Бунге утерянъ уже давно (въ 1821 году) и намъ приходится рѣшать вопросъ по тремъ существующимъ изображеніямъ (соотвѣтствующимъ 3-мъ рисункамъ Бориспольскаго экземпляра). Всѣ три изображенія довольно отличны другъ отъ друга, хотя по словамъ авторовъ (Калайдовича и Шодуара) они исполнены по снимкамъ съ оригинала (см. Т. 13 №№ 9, 10 и 11). Если они дѣйствительно изображены по одному оригиналу, то отличія должны были произойти по ошибкѣ или по неумѣлости гравера. Напротивъ того, если между рисунками есть общія черты, онѣ никоимъ образомъ не могутъ быть признаны случайными и должны были существовать и на оригиналѣ. Вотъ эти-то общія черты помогутъ намъ, слѣдовательно, составить себѣ нѣкоторое понятіе о дѣйствительномъ видѣ экземпляра, уже несуществующаго.

Но, чтобъ имѣть право сдѣлать такое обобщеніе изображеній, составить изъ нихъ одно вѣрное, нормальное, необходимо еще доказать, что всѣ три рисунка сняты съ одного общаго оригинала. Сомнѣніе на этотъ счетъ легко можетъ возникнуть, если вспомнить, что рисунки Калайдовича и Шодуара появились уже послѣ потери оригинала (см. гл. I стр. 7—9) и исполнены по снимкамъ. Единственное изображеніе, срисованное съ оригинала (Воейкова), не внушаетъ довѣрія, такъ какъ изображеніе Бориспольскаго экземпляра, находящееся на той-же таблицѣ поражаетъ своей неточностью. Какъ извѣстно, рисунки Калайдовича и Шодуара исполнены по двумъ различнымъ снимкамъ: первый со снимка, присланнаго Могилянскимъ, второй — съ доставленнаго митрополитомъ Евгеніемъ. Важно рѣшить, когда они получили снимки — при существованіи ли еще экземпляра Бунге, или уже послѣ потери его? Въ первомъ случаѣ мы смѣло могли бы предположить, что они сдѣланы съ оригинала; но если снимки получены послѣ потери оригинала, можно было бы допустить, что уже тогда существовали поддѣлки и снимки сдѣланы

съ послѣднихъ. О полученіи Калайдовичемъ снимка мы узнаемъ изъ слѣдующаго письма его отъ 14 Іюля 1823 года, напечатаннаго Безсоновымъ (матеріалы для жизнеописанія К. Ѳ. Калайдовича..... Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей при Московскомъ Университетѣ. 1862. Книга 3):

„.....имѣлъ честь получить монету Владимірову *(Бориспольскій экземпляръ)*, „описаніе обѣихъ монетъ, вѣрнѣйшій рисунокъ г. Флиге съ золотой утрачен-„ной....."

Изъ этого письма еще не видно, когда именно онъ получилъ рисунокъ. Можетъ быть это можно узнать изъ письма Могилянскаго 1816 или 1817 года, не помѣщеннаго у Безсонова, но на существованіе котораго указываетъ слѣдующее письмо О. Снигирева къ Калайдовичу отъ 12 Декабря 1817 года:

„Я не отвѣчалъ Вамъ на Ваше письмо касательно древнихъ монетъ Русскихъ. „Владѣтель сихъ монетъ, М. В. Могилянскій, говоритъ мнѣ, что онъ доставилъ „уже Вамъ всѣ подробности относительно сего предмета....." (тамъ-же стр. 120).

Мы не имѣли возможности воспользоваться этимъ первымъ письмомъ Могилянскаго, хранящимся, кажется въ Румянцовскомъ Музеѣ, но обращаемъ на него вниманіе спеціально интересующихся этимъ вопросомъ.

Что касается рисунка Шодуара, онъ самъ говоритъ, что онъ исполненъ по снимку, доставленному митрополитомъ Евгеніемъ. Евгеній былъ архіепископомъ Псковскимъ съ 1816 по 1822 годъ. 24 Января 1822 года онъ былъ переведенъ въ Кіевъ, т. е. когда экземпляръ Бунге былъ уже затерянъ (въ 1821 г. см. гл. I стр. 7). Изъ этого свѣдѣнія мы заключить ничего не можемъ. Евгенію, какъ извѣстному знатоку русскихъ древностей, можетъ быть, снимокъ еще былъ присланъ въ Псковъ, а можетъ быть у Могилянскаго въ 1822 году еще сохранился снимокъ съ потерянной въ 1821 году монеты, который онъ и уступилъ митрополиту.

Такимъ образомъ, изъ всего сказаннаго мы не можемъ вывести вѣрнаго заключенія о томъ, служилъ ли оригиналомъ для трехъ изображеній одинъ экземпляръ Бунге. Этотъ вопросъ, по нашему убѣжденію, рѣшается утвердительно изъ сравненія между собой самихъ рисунковъ. Въ этомъ отношеніи важную роль играютъ контуры рисунковъ, совершенно соотвѣтствующіе другъ другу; особенно характерна небольшая выбоина подъ рукой Спасителя и соотвѣтствующая ей надъ головой великаго князя; эта выбоина замѣтна на всѣхъ трехъ рисункахъ и убѣждаетъ насъ, что прототипомъ служилъ одинъ экземпляръ.

Итакъ, переходимъ къ вопросу о томъ, какія общія черты можно вывести изъ трехъ изображеній одной монеты, различіе которыхъ произошло или отъ неопытности гравера, или отъ неудовлетворительности снимковъ.

Лиц. ст. представляетъ на трехъ рисункахъ слѣдующія общія черты: головной уборъ украшенъ 8-ю болѣе крупными бусами, причемъ три верхнія составляютъ крестъ; короткій плащъ на великомъ князѣ застегнутъ на груди круглой пряжкой; на лѣвой рукѣ, покоющейся на груди, запястье изъ мелкихъ бусъ; ноги ясно очерчены; подолъ одежды украшенъ бахрамой. Круговая надпись:

+ВΛ??НМНРЪ ⊲СЄЄГОЗΛТО

3-я и 4-я буквы имѣютъ на трехъ рисункахъ различную форму — на первомъ: ЭΔ; на второмъ: 3-я буква имѣетъ форму какого-то крючка, соединеннаго съ предъидущей буквой Λ, 4-я похожа на латинское D, но значительно меньше остальныхъ буквъ круговой надписи; наконецъ, на 3-мъ рисункѣ 3-я буква, хотя и похожа на изображенную на 2-мъ, но отдѣлена отъ Λ и нѣсколько напоминаетъ лежачее греческое ρ; 4-я буква составляетъ нѣчто среднее между О и латинскимъ D, но одинаковой величины съ остальными буквами.

Круговая надпись окружена ободкомъ изъ бусъ.

Об. ст. сходится въ слѣдующихъ чертахъ: у ворота одежды Спасителя круглая пряжка; края Евангелія украшены рядомъ бусъ, причемъ на верхнемъ краѣ ихъ четыре; круговая надпись въ ободкѣ изъ бусъ:

+НСΥСЪ ΧРНСТ∪Ъ ,

причемъ буква Н въ словѣ *Исусъ* не вполнѣ вышла — именно нижняя половина второй вертикальной черты этой буквы совсѣмъ не видна, такъ что она имѣетъ видъ перевернутаго Ч; на первомъ рисункѣ она имѣетъ форму правильнаго Ч, но это произошло вѣроятно по ошибкѣ.

Буква Ъ въ томъ-же словѣ вездѣ изображена одинаково — нижнимъ кружкомъ налѣво. Лежачее С замѣнено на первомъ рисункѣ ω, кажется, просто по ошибкѣ. На 3-мъ рисункѣ буква Ъ въ словѣ *Христосъ* несоразмѣрно велика.

Переходя теперь къ разсмотрѣнію поддѣльной монеты, описанной нами подъ № I, мы находимъ отсутствіе большинства этихъ общихъ чертъ, которыя были

присущи навѣрное и экземпляру Бунге. Изъ этого мы заключаемъ, что не онъ служилъ поддѣлывателю непосредственнымъ оригиналомъ.

Напротивъ того, сравнивая поддѣльный экземпляръ поочередно съ тремя рисунками, мы находимъ, что есть довольно много общаго между нимъ и рисункомъ Калайдовича. Особенно схожи оборотныя стороны. Эта сторона, по нашему мнѣнію, ясно указываетъ на то, съ чего скопированы поддѣльные штемпели. Хотя поддѣлыватель видимо и считалъ излишнимъ воспроизводить всѣ детали своего оригинала, однако онъ невольно перевелъ на свой штемпель такія мелочи, которыя составляютъ отличительныя черты рисунка Калайдовича. Достаточно въ этомъ отношеніи указать на вертикальную линію, изображенную на лѣвой сторонѣ шеи Спасителя и на форму и расположенія складокъ Его одежды.

Изображеніе великаго князя тоже указываетъ на то, что и штемпель лицевой стороны скопированъ съ рисунка Калайдовича: такъ на поддѣльномъ штемпелѣ подолъ одежды великаго князя не украшенъ бахромой; но бахрома слабѣе всего обозначена на рисункѣ Калайдовича и т. п. Надписи на поддѣльныхъ штемпеляхъ слѣдующія:

На Лиц. ст.: +ВΛ⊲DNMИPЪ VСЄ ЄΓОЗΛТО

На Об. ст.: ꟷСYСЪ ХPNСТЭЪ.

Буквы Λ и ⊲ въ словѣ *Владиміръ* слиты, какъ на рисункѣ Калайдовича, Λ соединено съ слѣдующей буквой, форму которой рѣзчикъ поддѣльнаго штемпеля счелъ однако нужнымъ исправить. Буква D въ томъ-же словѣ увеличена до размѣра остальныхъ буквъ. Первому Н придана та же форма, какъ и на рисункѣ, т. е. латинскаго N. Далѣе, буквѣ ⊲ придана форма новаго русскаго А, обращеннаго основаніемъ къ ободку монеты; на рисункѣ Калайдовича эта буква имѣетъ почти ту же форму.

Въ надписи Об. ст. обращаетъ на себя вниманіе второе С въ словѣ *Христосъ*, повернутое налѣво; на рисункѣ Калайдовича съ такимъ-же правомъ можно принять, что буква эта изображена такимъ образомъ: Ͻ, какъ и слѣдующимъ ∪.

Монету, описанную подъ № II, мы считаемъ скопированной съ того-же рисунка.

Признать этотъ выводъ за достовѣрный трудно только потому, что рисунокъ Калайдовича всегда составлялъ рѣдкость, будучи въ свое время розданъ въ огра-

ниченномъ числѣ экземпляровъ только членамъ Общества Исторіи и Древностей. Но это затрудненіе само собой устраняется, если принять, что наши монеты скопированы съ точнаго воспроизведенія этого рисунка, представленнаго въ трудѣ Сахарова. Какъ увидимъ ниже, разрѣшеніе слѣдующаго вопроса, т. е. когда появились поддѣлки, приведетъ насъ къ убѣжденію, что такое предположеніе вполнѣ возможно.

Итакъ,

Когда появились наши поддѣлки?

Первое извѣстіе о поддѣльной золотой монетѣ появилось въ 1843 году. Именно въ этомъ году Ѳ. Ѳ. Шубертъ издалъ въ своемъ „Описаніи русскихъ монетъ“ описаніе находящагося въ настоящее время въ нашей коллекціи золотаго экземпляра, хотя и не выдавалъ его за поддѣльный. Слѣдовательно, фабрикація поддѣльныхъ штемпелей относится ко времени не позднѣе 1843 года. Мы выше указали, что они скопированы или съ рисунка Калайдовича, появившагося въ 1824 году, или съ рисунка Сахарова 1842 года.

Въ первомъ случаѣ точно опредѣлить время поддѣлки трудно, такъ какъ періодъ времени, въ продолженіи котораго могла быть совершена поддѣлка, обнимаетъ собой 19 лѣтъ, во второмъ — этотъ періодъ сокращается до одного года, много до двухъ, и годъ поддѣлки является, такимъ образомъ, вполнѣ опредѣленнымъ. Мы уже указали на то, что сравнительная распространенность сочиненія Сахарова и рѣдкость рисунка Калайдовича заставляютъ думать, что оригиналомъ для поддѣлывателя послужилъ рисунокъ Сахарова; но есть еще два факта, которые подтверждаютъ это предположеніе, указывая на то, что поддѣлки были сфабрикованы въ 1842 или 1843 году.

Первый фактъ состоитъ въ томъ, что экземпляръ Шуберта, находящійся въ нашей коллекціи, имѣетъ столь исключительно хорошую сохранность, что можно смѣло предположить, что Шубертъ получилъ его изъ первыхъ рукъ, отъ самого поддѣлывателя, или, во всякомъ случаѣ, что экземпляръ этотъ не успѣлъ еще побывать во многихъ рукахъ.

Второй фактъ тотъ, что до труда Шуберта 1843 года ни въ одномъ нумизматическомъ сочиненіи или статьѣ не упоминалось о существованіи такой монеты.

Даже такіе выходящіе изъ ряда собиратели, какъ Шодуаръ и Рейхель (1837 и 1843 г.), не обладали поддѣлками, извѣстными намъ теперь въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Сахаровъ, собравшій очень добросовѣстно массу свѣдѣній о всѣхъ существовавшихъ въ его время древнихъ русскихъ монетахъ, тоже упоминаетъ только объ одной монетѣ Владиміра съ надписью: *а се его злто* — о затерянномъ экземплярѣ Бунге.

Позже мы напротивъ встрѣчаемъ упоминанія о нашихъ поддѣлкахъ — такъ А. А. Куникъ упоминаетъ о нихъ въ своихъ Розысканіяхъ, графъ С. Г. Строгоновъ даже изобразилъ два поддѣльныхъ экземпляра (золотую монету, описанную нами подъ № I и серебряную, у насъ подъ № III) на таблицѣ, приложенной имъ къ письму къ барону Кёне отъ 24 Января 1860 года, напечатанному въ Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wappen-Kunde I Band 4 Heft 1861 года.

Итакъ, мы изъ всего этого заключаемъ, что поддѣлка золотыхъ совершена въ 1842 или 1843 году.

Штемпели для серебряныхъ поддѣлокъ, описанныхъ подъ № III, исполнены вѣроятно около того-же времени, а можетъ быть нѣсколько позже, такъ какъ Шубертъ не обладалъ монетой, чеканенной ими. № I и № III, судя по работѣ, легко могутъ быть дѣломъ рукъ одного поддѣлывателя, но работа № II изобличаетъ другаго автора. Литой экземпляръ Шуберта (№ IV), полученный имъ по его словамъ изъ Кіева, вѣроятно древнѣе всѣхъ другихъ поддѣлокъ (мы судимъ по довольно плохой сохранности его).

Въ заключеніе изслѣдованія о поддѣльныхъ Владиміровыхъ монетахъ мы должны сказать нѣсколько словъ о тѣхъ отличительныхъ чертахъ, по которымъ онѣ легко узнаются.

Отличительныя черты состоятъ во 1-хъ въ формѣ хоругви, во 2-хъ въ формѣ буквъ надписей. Кромѣ этихъ, бросающихся въ глаза особенностей, есть и болѣе мелкія черты, которыя легче всего видны на нашихъ рисункахъ (Т. 12 №№ 5—8).

Такъ, на Лиц. ст. 5-го рисунка всѣ бусы вполнѣ одинаковой другъ съ другомъ величины и т. п.

Окончивъ такимъ образомъ разсмотрѣніе поддѣльныхъ монетъ, мы должны сказать, что первоначально не намѣревались потратить на этотъ предметъ столько словъ; если мы и остановились на немъ сравнительно такъ долго, то это потому, что въ русской нумизматикѣ вопросъ о поддѣлкахъ очень мало разработанъ. Имѣя въ своей коллекціи нѣсколько сотенъ разнообразныхъ поддѣлокъ русскихъ монетъ, мы намѣреваемся издать ихъ полное описаніе въ возможно скоромъ времени и тѣмъ способствовать дальнѣйшей разработкѣ вопроса. Мы увѣрены, что этимъ заслужимъ большое спасибо, особенно со стороны начинающихъ нумизматовъ, избавивъ ихъ не отъ одной безцѣльной затраты.

ГЛАВА VI.

МОНЕТЫ СЪ ИМЕНЕМЪ БОЛЕСЛАВА, КИРИЛЛИЦЕЙ, КІЕВСКАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМІРА ОЛЬГЕРДОВИЧА И ПЕЧАТЬ СЪ ИМЕНЕМЪ РАТИБОРА.

Мы считали не безполезнымъ, въ видѣ прибавленія къ описанію монетъ первыхъ христіанскихъ русскихъ князей, присоединить къ нашему труду нѣсколько словъ о монетахъ, которыя могутъ имѣть нѣкоторую связь съ ними. Впрочемъ, мы ограничиваемся тутъ только ихъ описаніемъ и нѣкоторыми замѣчаніями авторовъ, описывавшихъ ихъ, не вдаваясь въ критику этихъ замѣчаній — о монетахъ Болеслава не беремся судить, не будучи достаточно знакомы съ чешской и польской нумизматикой; о монетахъ Владиміра Ольгердовича мы предоставляемъ себѣ право сказать нѣсколько словъ позже — когда онѣ войдутъ въ составъ предполагаемаго нами изданія Каталога нашей Коллекціи древнихъ русскихъ монетъ.

А. МОНЕТЫ СЪ ИМЕНЕМЪ БОЛЕСЛАВА.

Монетъ Болеслава съ надписью кириллицей извѣстно пока всего четыре экземпляра:

1. Найденный въ 1847 году близъ Пинчова и находящійся теперь въ коллекціи графа А. Платера въ Вильнѣ.

2. Подаренный г. Данненбергомъ барону Кёне около 1860 года, найденъ гдѣ-то въ Польшѣ (Прусской).

3. Находящійся нынѣ въ Копенгагенскомъ музеумѣ, найденный въ 1863 году въ Oster-Larskjer на островѣ Борнгольмѣ.

4. Недавно найденный въ Силезіи.

2-й и 3-й экземпляры изображены у насъ на Т. XIII подъ №№ 7 и 8.

О второмъ экземплярѣ упоминается въ первый разъ въ изданіяхъ барона Кёне: Zeitschrift für Münz-Kunde, Erster Band 4. Heft. Berlin 1861, p. 255 и Berliner Blätter für Münz-Kunde, Zweiter Band erstes Heft. Berlin 1864, p. 63.

3-й экземпляръ описанъ датскимъ нумизматомъ Томсеномъ въ тѣхъ-же Berliner Blätter für Münz-Kunde 1864. p. 52 и 53. Изображенъ на Т. XIV, № 2.

Какъ видно изъ рисунковъ на нашей Таблицѣ, на Лиц. ст. представлено грудное изображеніе князя впрямь. У него усы и окладистая борода; на головѣ низкая шапка, на плечахъ плащъ, застегнутый у праваго плеча круглой пряжкой. Въ полѣ монеты надпись:

ⰴВ Ъ
БОЛ ЄСЛ

раздѣленная посрединѣ изображеніемъ князя.

На Об. ст. большой 12-ти конечный крестъ, съ 16 бусами на концахъ и вокругъ середины. Круговая надпись:

БО ЛЄС Лⰴ ВЪ

Въ русской литературѣ, какъ кажется, никто, кромѣ А. А. Куника, не коснулся вопроса объ этихъ монетахъ. Поэтому мы и выписываемъ цѣликомъ посвященныя имъ строки изъ его часто нами упоминавшагося труда: „о русско-византійскихъ монетахъ. . . . .“

На стр. 146 читаемъ:

„Когда г. Стрончинскій въ 1847 году издалъ свой трудъ о монетахъ Пястовъ[1], „онъ сообщилъ также каталогъ отчасти неизвѣстныхъ монетъ, нѣкогда принадле-„жавшихъ прусскому ландрату Волянскому. Нѣкоторыя изъ нихъ будто бы снаб-„жены славянскими надписями[2]; но какъ при описаніи нѣтъ изображеній монетъ, то „это свѣдѣніе должно принять съ нѣкоторою недовѣрчивостью, тѣмъ болѣе что Во-„лянскій, какъ толкователь древностей, дозволялъ себѣ много произволу. Впрочемъ „онъ, сколько извѣстно, никогда не былъ виновенъ въ грубомъ подлогѣ монетъ. Объ „умышленномъ обманѣ нечего и думать относительно монеты, изображаемой здѣсь „ниже (Табл. D, 5) по книгѣ Стрончинскаго, который описываетъ (стр. 250) „ее такъ:

„*Solidus* — S. G. w obwodzie zwyczajnym coś na kształt kwiatu w kolo „ + BOLESLAV.O.DVX.

„ — S. O. krzyż patryarchalny, w kątach między ramionami kółka.

„Znajdował się w zbiorze Tadeusza Wolańskiego, zresztą nigdzie nie był wid-„ziany. Ze wszystkich pieniędzy Bolesławowskich ten najbardziéj od Czeskich Bole-„sławów odbiega, i najprędzéj może być Polskiéj mennicy wyrobem“[3].

„Едва вышло въ свѣтъ сочиненіе Стрончинскаго лѣтомъ 1847 года, какъ „въ октябрѣ сдѣлался извѣстнымъ кладъ монетъ, незадолго передъ тѣмъ найденный „между Сендоміромъ и Краковымъ въ окрестностяхъ Пинчова и перешедшій во вла-„дѣніе К. Бейера. Этотъ кладъ описанъ былъ Стрончинскимъ, а потомъ на его „основаніи также Лелевелемъ[4]. Ссылаясь на имѣющіяся въ этомъ кладѣ англо-

1 Pieniądze Piastów od czasów najdawniejszych do roku 1300. W Warzawie 1847. Съ явленія этого сочиненія въ свѣтъ началась систематическая обработка древне-польской нумизматики. Слышно, что авторъ приготовляетъ Прибавленіе къ своему большому сочиненію.

2 См. Spis monet piastowskich znajdujących się niegdyś w zbiorze Tadeusza Wolańskiego, p. 8, N⁰ 53—62.

3 Сообщаемъ и выписку изъ объясненія Волянскаго (на стр. 8):.... „N⁰ 63 Ten tu solidus... nosi na sobie wyraźny napis *Boleslaus Dux* przy tym samym krzyżu, który wraz z łukiem pojedynczym i podwójnym, oraz trojkątami znajduje się na monetach pod liczbą 46—52...“. Изъ этихъ нумеровъ въ каталогѣ Волянскаго изображены только два экземпляра съ особымъ видомъ патріаршаго креста. Объ ихъ посредственной или непосредственной связи съ византійскими монетами у Волянскаго нѣтъ ни слова.

4 Nowości numizmatyczne. Z ryciną (см. Журналъ: Biblioteka Warszawska. 1848. Tom piérwszy, 93—100).

Polska wieków srednich czyli Joach. Lelewela w dziejach narodowych polskich postrzeżenia. Tom IV. Poznań 1851, 339, 353 „...w myśli

„саксонскія, нѣмецкія, венгерскія и чешскія монеты, Стрончинскій утверждаетъ, „что монеты вмѣстѣ съ слитками были зарыты незадолго до 1060 года; но его до- „воды въ частности еще требуютъ нѣкоторой повѣрки. Въ числѣ монетъ была одна, „которая подходитъ къ Болеславской монетѣ Волянскаго; находящуюся на ней „(см. Табл. D, 4) надпись мы здѣсь передаемъ Остроміровскимъ шрифтомъ:

в ъ

бол єса

п

..лєє въ [1]).

„Первое извѣстіе объ этой монетѣ было у насъ принято съ недовѣрчивостью [2]. „И я также долго колебался признать ее за подлинную. Однако, судя по формѣ „креста невѣроятно, чтобы оба эти экземпляра были въ новѣйшее время поддѣланы „въ Польшѣ. Стрончинскій полагалъ, что кирилловская монета чеканена въ Кіевѣ, „который въ 1018 году на короткое время былъ занятъ Болеславомъ I Храбрымъ. „По догадкѣ же Лелевеля она была выбита въ южной Польшѣ для обитателей „русскаго племени. Но оба эти мнѣнія пока еще не доказаны“.

„pieniędzy szczegulnych dla Rusi, (moneta) mogła „być bita gdzieś bliżéj: może w mennicy sando- „mirskiéj“.

1 Рисунокъ этой монеты, приложенный къ Библіотекѣ Варшавской, вышелъ не совсѣмъ удачнымъ, и еще менѣе у Лелевеля. Благодаря услужливости г. Бейера, (издателя великолѣпнаго изданія: Album photographique des objets d'art et d'antiquité, exposés par les soins de l'Académie Impériale et Royale des sciences à Cracovie en 1858 et 1859) я могу ниже (Табл. D, 4) сообщить болѣе точный снимокъ. Выпишемъ нѣсколько мѣстъ изъ описанія К. Стрончинскаго (стр. 97 и 98), полагавшаго, что сребро Болеславле *никакимъ образомъ* не можетъ быть отнесено къ монетамъ чешскихъ князей: „bo się różni od nich „nie tylko mniejszą wagą, ale nawet całą po- „wierzchownością, Byzantyńskie piéniądze naj- „bardziéj przypominającą...“.

„Należy ona do monet zwanych w technice nu- „mizmatycznéj *solidami*, i pod tym względem „podchodzi pod piérwszą epokę numizmatyki Pia- „stów, która się przed wstąpieniem na tron Bole- „sława II zakończyła... Stopa w nim (piéniądz) „najwięcéj do Niemieckiéj stopy zbliżona, rysunek „zaś na Byzantyńskich ukształcony wzorach... „Wybicie to po r. 1018, tojest po zdobyciu osta- „tecznem Kijowa mogło mieć miejsce“.

2 Записки Спб. Археологическо-нумизматическаго Общества. Томъ I, 1849, стр. 272.

Объяснивъ, что византійское вліяніе было очень долгое время замѣтно на монетахъ чешскихъ, англо-саксскихъ, скандинавскихъ и другихъ, г. Куникъ однакожъ оставилъ вопросъ о происхожденіи Болеславля серебра нерѣшеннымъ. Въ настоящее время онъ же, какъ намъ извѣстно, приписываетъ всѣ до сихъ поръ найденные экземпляры этой монеты польскому князю Болеславу I.

В. МОНЕТЫ, ПРИПИСЫВАЕМЫЯ КІЕВСКОМУ КНЯЗЮ ВЛАДИМІРУ ОЛЬГЕРДОВИЧУ.

№ 1. *Лиц. ст.* Въ ободкѣ изъ бусъ знакъ или буква (В или К?), имѣющая приблизительно такой видъ: IS; вокругъ надпись:

ВОЛОДНWНЬЬ

въ ободкѣ изъ бусъ.

Об. ст. Фигура, похожая на изображеніе хоругви, навершіе которой имѣетъ форму креста; на полотнищѣ между откосами крестъ и по сторонамъ его двѣ бусы. Внизу между откосами три бусы; по обѣ стороны изображенія двѣ шестиконечныя звѣзды и четыре бусы. Ободокъ изъ бусъ.

1 экземпляръ въ коллекціи Университета Св. Владиміра.

Вѣсъ 19 долей. Изображеніе на Т. 12 № 9.

№ 2. Подобная предъидущей, но чеканена иными штемпелями. Знакъ въ срединѣ Лиц. ст. имѣетъ видъ черточки и крючка съ бусой между ними.

1 экземпляръ тамъ-же.

Вѣсъ $18\frac{1}{2}$ долей. Изображеніе на Т. 13 № 10.

№ 3. Подобная предъидущимъ, но знакъ въ срединѣ Лиц. ст. имѣетъ нѣсколько иную форму. На полотнищѣ хоругви 4 бусы.

1 экземпляръ въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 14 долей. Изображеніе на Т. 14 № 5.

№ 4. *Лиц. ст.* Буква к; сзади три бусы ⁝, спереди тоже три ∴, въ ободкѣ изъ бусъ. Вокругъ надпись:

•ВОЛОДНИШНРОВО..

въ ободкѣ изъ бусъ. Надпись читается справа на лѣво.

Об. ст. Тоже изображеніе, но нѣсколько иного вида и меньше, чѣмъ на предъидущихъ. На полотнищѣ 4 бусы. Между откосами, внизу, тоже 4 ⁘. Ободокъ изъ бусъ.

1 экземпляръ въ коллекціи графа Э. К. Гуттенъ-Чапскаго.

Вѣсъ 14 долей. Изображеніе на Т. 12 № 12.

Этотъ экземпляръ значится въ каталогѣ коллекціи графа Э. К. Гуттенъ-Чапскаго подъ № 10, гдѣ и изображенъ.

№ 5. Подобная предъидущимъ, но, кажется, болѣе грубой работы. Экземпляръ этотъ перечеканенъ, а потому какъ изображенія, такъ и надписи перепутались и крайне неразборчивы.

1 экземпляръ въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 14 долей. Изображеніе на Т. 12 № 13.

№№ 4 и 5 найдены около Путивля, Курской губерніи. Нашъ экземпляръ тотъ самый, о которомъ упоминаетъ графъ Э. К. Гуттенъ-Чапскій, какъ о принадлежащемъ г-ну Шпигельбергу. Предположеніе его, что монета принадлежитъ къ разряду современныхъ фальшивыхъ, ни на чемъ не основано.

№ 6. Подобная предъидущимъ, довольно грубой работы. На Лиц. ст. въ срединѣ крестъ, круговая надпись неразборчива и между буквами неправильно разбросаны бусы. На Об. ст. по сторонамъ изображенія вмѣсто звѣздъ бусы.

1 экземпляръ въ коллекціи Кіевской Духовной Академіи.

Вѣсъ 7½ долей. Изображеніе на Т. 12 № 11.

Эта монета, согласно любезному сообщенію С. В. Бодилевскаго, была отыскана въ Никольской слободѣ, Черниговской губерніи, на берегу Днѣпра, напротивъ Кіева.

Эти интересныя и малоизвѣстныя монеты впервые описаны Вл. Б. Антоновичемъ въ рефератѣ, читанномъ въ одномъ изъ засѣданій 3-го археологическаго съѣзда. Г. Антоновичъ первый предложилъ гипотезу для опредѣленія мѣста и времени ихъ чеканки; поэтому мы сочли необходимымъ привести этотъ рефератъ въ главныхъ чертахъ. Замѣтимъ еще, что критическаго разбора этой гипотезы еще не сдѣлано никѣмъ и что графъ Гуттенъ-Чапскій, описавшій экземпляръ, находящійся въ его коллекціи, принялъ ее безъ оговорокъ.

„Весною 1873 года", такъ начинается рефератъ г. Антоновича: „въ своемъ „селѣ Гвоздовѣ (въ 2-хъ верстахъ SW отъ Кіева) крестьянинъ распахивая первый „разъ поле, находившееся до того съ незапамятныхъ временъ подъ лѣсомъ, нашелъ „кладъ, небезъинтересный для русской нумизматики. Кладъ этотъ состоялъ изъ „слѣдующихъ предметовъ:

„1) 7-ми серебряныхъ гривенъ и 3-хъ отрубковъ такихъ же гривенъ; по вѣсу „и формѣ экземпляры эти относятся къ типу новгородскихъ гривенъ (каждая вѣ-„ситъ отъ 45 до 47 золотниковъ);

„2) шести экземпляровъ мелкой серебряной ордынской монеты. По опредѣленію „извѣстнаго спеціалиста восточной нумизматики уважаемаго сочлена нашего съѣзда „д-ра Блау (изъ Одессы), монеты эти распредѣляются слѣдующимъ образомъ: „4 экземпляра носятъ имя хана Гайатъ-Эддина, они чеканены въ золотой ордѣ „1330 года (христіанской эры); одинъ экземпляръ съ именемъ Мухамедъ-хана, че-„каненъ также въ золотой ордѣ 1354 года, и 1 экземпляръ съ именемъ Мюридъ-„хана, чеканенъ въ Гюлистанѣ 1364 года;

„3) наконецъ, двѣ русскія монеты сохранили надпись славянскими буквами: „ВОЛОДНМНРЬ".

Далѣе г. Антоновичъ говоритъ, что путемъ сличенія онъ пришелъ къ заключенію, что послѣднія монеты должны быть отнесены къ ряду литовско-русскихъ XIV-го или начала XV-го столѣтія. Сличая разные типы литовско-русскихъ монетъ, онъ приходитъ къ заключенію, что на лицевой сторонѣ изображены ворота (kolumny, stiebas), встрѣчающіеся сравнительно часто на монетахъ этого разряда. „На обо-„ротной сторонѣ нашихъ монетъ", по словамъ г. Антоновича, „внутри кружка, „составленнаго изъ точекъ, находится изображеніе тамги, совершенно тождествен-„ное съ изображеніемъ тамги на монетѣ, описанной Свидзинскимъ подъ № 4 и „похожее на тамги, находящіяся на двухъ монетахъ, изображенныхъ имъ же подъ

„заглавіемъ его статьи, причемъ на одномъ экземплярѣ Свидзинскаго тамга точно „также окружена надписью имени Витовда, какъ на разсматриваемыхъ экземплярахъ „она окружена надписью имени Владиміра".

Упомянувъ, что кіевское княженіе, бывшее передъ этимъ подъ властью татаръ, перешло во второй половинѣ XIV-го столѣтія подъ власть великихъ князей литовскихъ, и что Витовдъ (1399 года) боролся съ ордой изъ за тамги, выставлявшейся на его монетахъ, г. Антоновичъ выставляетъ то мнѣніе, что „сочетаніе тамги „съ видоизмѣненными колоннами (воротами, знаменемъ), служитъ указаніемъ, что „данныя монеты чеканены были въ Кіевѣ въ то время, когда кіевское княженіе, „находясь уже подъ властью великихъ князей Литовскихъ, сохраняло еще нѣкото„рые слѣды зависимости отъ хановъ золотой орды, т. е. между 1362 и 1407 годами".

Продолжаемъ словами реферата:

„Если форма начертанія колоннъ и присутствіе тамги на разсматриваемыхъ „монетахъ указываютъ на вторую половину XIV-го столѣтія или начало XV-го, то „написанное на нихъ имя Владиміра не только не противорѣчитъ этимъ положе„ніямъ, но еще болѣе подтверждаетъ ихъ и точнѣе дозволяетъ опредѣлить время, „къ которому могутъ быть отнесены данныя монеты. По извѣстію Густинской лѣто„писи, въ 1362 году „Ольгердъ, Кіевъ подъ Өеодоромъ княземъ взятъ, и посади „въ немъ Володимера, сына своего". Хотя о княженіи этого Ольгердовича до насъ „дошло не много свѣдѣній, мы однако знаемъ, что онъ управлялъ Кіевомъ въ тече„ніи 30 лѣтъ. Въ Никоновской лѣтописи подъ 1385 годомъ, мы находимъ о немъ „слѣдующее извѣстіе: „егда прииде Діонисій митрополитъ изъ Царяграда отъ пат„ріарха, и поима его князь Володимеръ Ольгердовичъ Кіевскій, внукъ Гедыминовъ, „и седѣ въ поиманье, дондеже и преставись, и положенъ бысть въ Кіевской печерѣ". „Наконецъ, лѣтопись Быховца сообщаетъ подъ 1392 годомъ, что „Князю Володи„меру Ольгердовичу, будучи въ Кіевѣ и не восхотѣвши покоры вчинити, чоломъ „вдарити Великому Князю Витовду; Князь же Великій Витовдъ... вывелъ его „съ Кіева и далъ ему Копыль, а на Кіевѣ посади Скиргайла Ольгердовича".

„Такимъ образомъ по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, княженіе Владиміра Оль„гердовича въ Кіевѣ обнимало время съ 1362 года по 1392 годъ, къ которому мы „и можемъ отнести монеты литовско-русскія съ именемъ этого князя".

Въ томъ, что надпись на разсматриваемыхъ монетахъ славянская, тогда какъ за исключеніемъ одного сомнительнаго типа (съ надписью ПЄѴАТЬ), всѣ извѣстныя литовско-русскія монеты снабжены латинскими надписями, г. Антоновичъ находитъ еще подтвержденіе своего мнѣнія о принадлежности ихъ Владиміру Оль-

гердовичу, такъ какъ по нѣкоторымъ историческимъ даннымъ можно заключить, что этотъ князь, также какъ и его потомки, тяготѣлъ къ Руси. „Итакъ“, заканчиваетъ свой рефератъ г. Антоновичъ: „приводя все сказанное о разсматриваемыхъ „монетахъ къ общему итогу, мы находимъ основанія полагать, что монеты были „чеканены въ Кіевѣ въ княженіе Владиміра Ольгердовича, между 1364 и 1392 го-„дами. Основанія эти состоятъ въ слѣдующихъ данныхъ:

„На Кіевъ, какъ на мѣсто чеканки, указываютъ слѣдующія обстоятельства: „1) мѣсто нахожденія клада; 2) сочетаніе тамги съ колоннами (воротами, знаме-„немъ?); 3) славянскій шрифтъ надписи; 4) имя Кіевскаго князя Владиміра“.

„Время чеканки (1364—1392) опредѣляется слѣдующими данными: 1) формою „колоннъ, посредствующею между колоннами монетъ Гедымина и Кейстута съ одной „стороны и монетъ Витовда и Казимира съ другой; 2) присутствіемъ ханской „тамги; 3) именемъ князя, правившаго съ 1362 по 1392 годъ и 4) совмѣстнымъ „нахожденіемъ въ одномъ кладѣ съ ордынскими монетами 1330—1364 годовъ“.

(О новонайденныхъ серебряныхъ монетахъ съ именемъ Владиміра. Рефератъ Вл. Б. Антоновича. Изъ Трудовъ 3-го археологическаго съѣзда. Кіевъ. 1875 г. Т. II, стр. 151—157).

Хотя мы и считаемъ опредѣленіе г. Антоновича болѣе, чѣмъ правдоподобнымъ, мы не можемъ однако согласиться со всѣми подробностями статьи. Въ частности, намъ кажется совершенно невѣрнымъ опредѣленіе фигуры на Об. ст. воротами. Она нисколько не похожа на всѣ извѣстныя до сихъ поръ изображенія извѣстнаго генуезско-литовскаго герба. Разнообразные рисунки его, представленные г. Антоновичемъ въ его брошюрѣ, поддерживаютъ скорѣе наше положеніе. Намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что Владиміръ Ольгердовичъ помѣстилъ на своихъ монетахъ знамя своихъ предшественниковъ — Великихъ Князей Кіевскихъ, воспоминаніе о которомъ въ то время еще не было утеряно. Повидимому, однако, первоначальное значеніе его не было уже вполнѣ ясно и его приняли за изображеніе хоругви.

Остальныхъ подробностей статьи, съ которыми мы не согласны, мы здѣсь не коснемся, предоставляя себѣ право обсудить ихъ въ будущемъ, обѣщанномъ нами изданіи.

C. Свинцовая печать съ именемъ Ратибора.

Лиц. ст. Изображеніе Святителя Николая впрямь. Правая рука благословляетъ. Голова окружена вѣнчикомъ изъ бусъ. Надпись:

Ѳ Н (М?)
К С Н
Н
Λ О

въ ободкѣ изъ бусъ.

Об. ст. Надпись:

—·:·—
ОТЪ
РАТИ
БОРА
—·:·—

въ ободкѣ изъ бусъ.

Находится въ нашей коллекціи и пріобрѣтена у Е. Е. Люценки.

Г. Люценко описалъ подобную печать (вторую, подобную приведенной) въ рефератѣ, читанномъ на 3-мъ археологическомъ съѣздѣ. Къ реферату приложенъ не вполнѣ точный рисунокъ и надпись Лиц. ст. прочитана не вполнѣ вѣрно. Считая рефератъ нуждающимся въ серьезной критикѣ, приводимъ его однако почти цѣликомъ безъ всякихъ замѣчаній, такъ какъ подробное изслѣдованіе вопроса объ описанной печати не имѣетъ прямой связи съ предметомъ настоящаго нашего труда. Почему мы сочли возможнымъ помѣстить рефератъ здѣсь, станетъ ясно изъ него самого, хотя мы и должны оговориться, что никоимъ образомъ не считаемъ заключенія г. Люценки доказанными.

„Въ 3-хъ верстахъ къ востоку отъ г. Ени-кале есть мѣстность, извѣстная подъ „названіемъ „Агіаносъ“, названіемъ, очевидно составленнымъ изъ двухъ греческихъ „словъ ΑΓΙΟΣ ΝΑΟΣ — святой храмъ, гдѣ, по преданію, существовала одна изъ са-„мыхъ древнѣйшихъ церквей въ Крыму, во имя Іоанна, но какого — неизвѣстно, „разрушенная въ 1774 году, во время выселенія Керченскихъ грековъ въ Маріуполь. „Около этой мѣстности какимъ-то татариномъ изъ деревни Джан-кой найдена въ „1872 году свинцовая, вислая печать, которая пріобрѣтена была у него, вмѣстѣ „съ разными мѣдными Босфорскими монетами, однимъ Керченскимъ собирателемъ „древностей и переуступлена мнѣ, съ объясненіемъ, что она, въ первоначальномъ „своемъ видѣ, покрыта была значительнымъ слоемъ металлической и земляной на-„кипи, очищенной имъ осторожно, перочиннымъ ножикомъ.

„Сравнивая стиль и очертанія буквъ ея надписей съ буквами нашихъ письмен-„ныхъ памятниковъ, какъ напримѣръ: съ записью князя Глѣба 1063 года, Изборни-„комъ 1073 года и проч.[1], нельзя не придти къ заключенію, что она относится къ „XI столѣтію, именно къ той эпохѣ русской исторіи, когда здѣсь существовало Тму-„тороканское княжество, господствовавшее на Киммерійскомъ Босфорѣ съ начала „X вѣка и занимавшее, кромѣ Таманскаго, и Керченскій полуостровъ [2]. Мѣсто, гдѣ „она найдена, находилось на пути Кіевскихъ и другихъ дружинъ южной Руси, ко-„торыя по Днѣпру спускались до рѣки Самары, потомъ по рѣкѣ Міусу выходили „въ Азовское море и, высадясь на Арабатскую стрѣлку, шли по сѣверному Крымскому „побережью [3], гдѣ до сихъ поръ видны большіе четырехконечные кресты, высѣчен-

1 Древніе памятники Русскаго письма и языка (X—XIV вѣковъ). И. Срезневскаго. Приложенія. С.-Петербургъ, 1866 года.

2 О Тмуторокаиской Руси.—Опытъ возстановленія и объясненія Несторовой лѣтописи. Н. Ламбинъ. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Январь 1874 г.

3 Бопланъ, въ извѣстномъ сочиненіи своемъ объ Украйнѣ, описавъ, какимъ образомъ Запорожцы возвращались въ войсковую Скарбницу изъ отважныхъ своихъ походовъ по Черному морю, между прочимъ, говоритъ, „что есть еще другая дорога для возвращенія въ Запорожье — чрезъ проливъ, отдѣляющій Тамань отъ Керчи, по Донскому лиману и по рѣкѣ Міусу. Здѣсь они плывутъ по Міусу, покуда возможно, а далѣе отъ этой рѣки до Тачаводы, около мили, идутъ волокомъ. Тачавода впадаетъ въ Самару; Самара же изливается въ Днѣпръ, выше Кайдака“. Профессоръ Ф. К. Брунъ, (Слѣды древняго рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море, помѣщен. въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и древностей. Т. V. 1863 года), между прочимъ, пишетъ, что извѣстіе о водяномъ сообщеніи, существовавшемъ

„ные на камняхъ и скалахъ, особливо тамъ, гдѣ встрѣчаются береговыя природныя „пещеры, служившія имъ повидимому становищами, какъ напримѣръ въ замѣчатель-„номъ урочищѣ „Коба" (пещера) въ двухъ верстахъ къ сѣверу отъ селенія Осовино. „Далѣе, около нынѣшняго маяка, въ самомъ узкомъ мѣстѣ Керченскаго пролива, они „переправлялись на материкъ Таманскаго полуострова, въ Тмуторокань. Должно по-„лагать, что упомянутая церковь, разрушенная въ 1774 году, стояла отсюда недалеко „и, кажется, именно тамъ, гдѣ нынѣ, внизу маяка, находится завалившійся колодезь, „снабжавшій еще недавно водою каботажныя суда. Вѣроятно, въ этой церкви хра-„нились разные документы и въ томъ числѣ жалованныя грамоты Тмутороканскихъ „князей, которыя всѣ погибли, кромѣ нашей печати съ именемъ Ратибора. Но какой „же это Ратиборъ, безъ княжескаго титула, имѣлъ здѣсь право привѣшивать къ „своимъ грамотамъ печати, съ изображеніемъ святаго, конечно, своего соименника и „патрона?

„Раскрываемъ наши лѣтописи и видимъ, что въ 1078 году Олегъ Святославичъ, „оставленный безъ удѣла Кіевскимъ великимъ княземъ Всеволодомъ, явился въ Тму-„торокань и, вмѣстѣ съ Борисомъ Вячеславичемъ, вступилъ въ сношеніе съ разными „Половецкими князьями, кочевавшими на Дону и въ степяхъ на восточномъ берегу „Днѣпра. Выгнавъ Всеволода изъ Чернигова, онъ былъ разбитъ на Нѣжатинской „нивѣ (гдѣ погибъ Борисъ). Половцы удалились въ свои степи, а Олегъ опять воз-„вратился въ Тмуторокань [1]. На слѣдующій годъ Олегъ, подговоривъ брата своего

въ древности между Днѣпромъ, Азовскимъ моремъ и Перекопскимъ заливомъ, сохранилось до временъ Константина Порфиророднаго. Руссы, если даже отправлялись въ Черное море внизъ по Днѣпру, могли, въ случаѣ надобности, совершать обратный путь чрезъ Керченскій проливъ, Азовское море, Міусомъ и Самарою". „Русскіе, утвердившись въ сосѣдствѣ Алановъ, должны были дорожить Азовскимъ моремъ, представлявшимъ имъ гораздо кратчайшій и удобнѣйшій путь изъ Тмуторокани въ Кіевъ, нежели Черное море съ Днѣпромъ. Если же въ суровое зимнее время оба моря были недоступны нашимъ предкамъ, то они все еще могли сообщаться съ дальнею своею колоніею посредствомъ Арабатской стрѣлки, которую описалъ раввинъ Петакія въ путешествіи своемъ въ 1175 году изъ Кіева въ Хазарію". Извѣстно, что вслѣдствіе договора Городецкаго, заключеннаго въ 1025 году, Тмутороканская область осталась въ связи съ Черниговскимъ княжествомъ, лежавшимъ на восточной сторонѣ Днѣпра. Поэтому неудивительно, что звѣномъ, соединявшимъ область съ княжествомъ, было не Черное море, но Азовское".

1 Лаврентьевская лѣтопись, стр. 85. Изда-

„Романа, снова двинулся съ толпами Половцевъ къ Чернигову; но Половцы, вѣроятно подкупленные Всеволодомъ, заключили съ нимъ миръ и на возвратномъ пути, „по совѣту участвовавшихъ въ походѣ Хазаръ, убили Романа, а Олега отправили „въ Грецію. Всеволодъ же немедленно присоединилъ Тмуторокань къ своимъ владѣ„ніямъ и послалъ туда своего посадника *Ратибора* [1]. Но не прошло и года, какъ „тамъ явились новые бѣглецы изъ Руси — Давидъ Игоревичъ съ Володаремъ Рости„славичемъ и, захвативъ Ратибора, завладѣли Тмутороканью [2]. Исторіографъ Карам„зинъ относитъ эти событія къ 1078—1093 годамъ и, описывая княженіе Владиміра „Мономаха (съ 1113 по 1125 годъ), говоритъ [3], что по случаю мятежа въ Кіевѣ, „происшедшаго отъ лихоимства евреевъ, угнетавшихъ должниковъ неумѣренными „ростами (процентами), Владиміръ Мономахъ собралъ въ Берестовѣ бояръ и тысяц„кихъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаемъ имя и Ратибора Кіевскаго, и, посовѣтовав„шись съ ними, издалъ извѣстный законъ о ростахъ, включенный въ Ярославову „Русскую правду [4].

„Послѣ такого указанія нашей лѣтописи, кажется, нельзя сомнѣваться, что най„денная около Ени-кале свинцовая печать принадлежала грамотѣ именно того Рати„бора, посадника Кіевскаго, о которомъ она упоминаетъ, говоря о назначеніи его „великимъ княземъ Всеволодомъ въ 1079 году своимъ намѣстникомъ въ Тмуторокан„ское княжество. Въ кратковременное пребываніе въ немъ этого правителя, такихъ „грамотъ его не могло быть много, и потому описанная печать, какъ единственный, „вещественный знакъ, подтверждающій лѣтописное сказаніе о когда-то бывшемъ „здѣсь намѣстникѣ Ратиборѣ, интересна во многихъ отношеніяхъ. О иноземномъ „происхожденіи ея не можетъ быть и рѣчи. Что же касается до отчетливой и хо„рошей работы находящейся на ней надписи и изображенія святителя Николая, „сравнительно съ грубою чеканкою извѣстныхъ монетъ, почти того же времени, „Владиміра Равноапостольнаго и Ярослава мудраго, то это вовсе не удивительно,

ніе Археографической Коммиссіи. С.-Петербургъ. 1846 года.

1 Тамъ же, стр. 87.

2 Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей. Т. II. О сѣверномъ берегѣ Чернаго моря и прилегающихъ къ нему степяхъ И. Бѣляевъ.

3 Исторія Государства Россійскаго. Карамзинъ. Т. II, глава V, стр. 55, изданіе 1842 года Эйнерлинга.

4 Тамъ же, стр. 89 и 216. Примѣчаніе, стр. 90.

„если вспомнимъ близкое сосѣдство Тмуторокани съ византійскими греками, имѣв-
„шими въ то время такое сильное вліяніе на искусства въ Россіи".

(Люценко, о древней вислой свинцовой печати, съ надписью „отъ Ратибора", найденной въ 1872 году около г. Ени-кале, что въ Керченскомъ Градоначальствѣ. Въ Трудахъ 3-го Археологическаго съѣзда. Т. II. Приложенія, стр. 165. Кіевъ. 1878 года).

ДОБАВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Послѣ напечатанія всего труда, мы получили еще слѣдующія интересныя монеты.

1. Монета похожая на описанную въ первой главѣ подъ № 6. На Лиц. ст. вокругъ изображенія великаго князя надпись, справа налѣво:

ВЛ⊲АНМНРЪ ⊲СЄЄГО

буквы выворочены основаніями къ ободку.

Об. ст. Складки на одеждѣ Спасителя расположены нѣсколько иначе, чѣмъ на № 6. Надпись та же:

НС ХС

1 экземпляръ принадлежитъ М. Д. Свиридову.

Вѣсъ 75 долей. Изображеніе на Т. 14 № 8. Кіевскій кладъ 1877 года.

2. Лиц. ст. Подобная Лиц. ст. предъидущей, но работа грубѣе. Изображеніе великаго князя больше, лицо угловато, на шеѣ ожерелье изъ 5-ти бусъ. Круговая надпись, слѣва направо:

+ВЛ⊲АНМНЬ Н⊲СТОЛ(Є?)

Об. ст. Грубое изображеніе Спасителя. Надпись:

Н̅С Х̅С

1 экземпляръ принадлежитъ М. Д. Свиридову.

Вѣсъ 69 долей. Изображеніе на Т. 14 № 9. Кіевскій кладъ.

3. Подобная предъидущей, но чеканенная иными штемпелями. Надпись на Об. ст., кажется:

І̅С Х̅С

1 экземпляръ плохой сохранности въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 35 долей. Изображеніе на Т. 14 № 10. Кіевскій кладъ 1877 года.

4. Подобная предъидущимъ, но еще болѣе грубой работы. Надписи:

на Лиц. ст. В............ЄЄГО

на Об. ст. ↄХ̅ ↄІ

1 экземпляръ плохой сохранности въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 54 доли. Изображеніе на Т. 14 № 11. Кіевскій кладъ 1877 года.

5. Изображенія тѣ же, что на предъидущихъ. Надписи:

на Лиц. ст. +ВЛ<АНМН......СЄЄГОСРЄБРО

на Об. ст. +ІСУСЪ.......ТОСЪ

1 экземпляръ плохой сохранности въ нашей коллекціи, чеканенный двойнымъ ударомъ.

Вѣсъ 68 долей. Изображеніе на Т. 14 № 12. Кіевскій кладъ 1877 года.

6. Подобная предъидущимъ, но чеканенная иными штемпелями (какъ-будто напоминаетъ описанную подъ № 9). Надписи:

на Лиц. ст. +ВЛ<АНМНР ЪНРС.......

на Об. ст. Н(или І?)СУ(С)Ъ Х....С.....

2 экземпляра въ нашей коллекціи.

Вѣсъ 66 и 46 долей. Изображеніе на Т. 15 №№ 1 и 2. Кіевскій кладъ 1877 года.

7. Подобная предъидущимъ, но фигуры какъ Спасителя, такъ и великаго князя поменьше. Надписи.

на Лиц. ст. +ВЛАДИМИР ЪНѢСТ.....

на Об. ст. ✠ ІСХЪ ЧН.....СЪ

1 экземпляръ принадлежитъ М. Д. Свиридову.

Вѣсъ 55 долей. Изображеніе на Т. 15 № 3. Кіевскій кладъ 1877 года.

Въ этомъ экземплярѣ небольшое отверстіе около лѣвой руки Спасителя.

Кромѣ того, М. Д. Свиридовъ имѣлъ крайнюю любезность прислать на наше разсмотрѣніе еще монету изъ Кіевскаго клада, чеканенную тѣми-же штемпелями, какъ и монета описанная нами въ I-й главѣ подъ № 5 и находящаяся въ коллекціи графа С. Г. Строгонова. Мы изобразили ее на Т. 15 подъ № 4. Она прекрасной сохранности и вѣситъ 75 долей.

С. В. Бодилевскій имѣетъ три экземпляра, чеканенные одними штемпелями и тождественные съ описанной нами въ добавленіяхъ на стр. 127 подъ № 6а.

Онъ прислалъ ихъ намъ на разсмотрѣніе. Они вѣсятъ: 71, 73 и 60 долей и одинъ изъ нихъ, именно 1-й, изображенъ на Т. 15 подъ № 5. Намъ г. Бодилевскій доставилъ возможность пріобрѣсти 3 экземпляра, чеканенные тѣми-же штемпелями и вѣсящіе 82, 54 (съ отломленнымъ кускомъ) и 60 долей.

Такимъ образомъ намъ извѣстно 7 экземпляровъ, чеканенныхъ этими штемпелями.

Итакъ, все количество экземпляровъ, найденныхъ въ 1877 году въ Кіевѣ (см. стр. 12) и извѣстныхъ намъ, простирается до 17. Честь отысканія ихъ въ разныхъ рукахъ всецѣло принадлежитъ С. В. Бодилевскому, любезности котораго мы обязаны и нашимъ сношеніемъ съ М. Д. Свиридовымъ. Всѣ монеты принадлежатъ къ I-му типу Владиміровыхъ монетъ.

Кромѣ этого, мы обращаемъ вниманіе читателя на изображенную на Т. 15 подъ № 6 монету. Она найдена въ нынѣшнемъ году близъ Гальберштадта. Ее

пріобрѣлъ А. А. Куникъ; лицо, доставившее ее ему, увѣряло, что она выпахана на полѣ. Она вполнѣ тождественна съ мѣдными экземплярами, описанными подъ № 109 и изготовлена изъ совершенно однороднаго металла (свѣтлой бронзы), только значительно лучшей сохранности, чѣмъ два описанные нами экземпляра. Появленіе этого экземпляра, впрочемъ, нисколько не измѣняетъ нашего мнѣнія объ этихъ монетахъ, выраженнаго на стр. 67—68.

Въ заключеніе не можемъ не обратить вниманіе на печальное для русской археологіи явленіе. Сколько любителей, имѣя въ своихъ рукахъ драгоцѣнные памятники старины, не дѣлаютъ ихъ достояніемъ науки и сколько кладовъ, будучи найдены, расходятся по рукамъ, оставляя по себѣ едва замѣтные слѣды! Между тѣмъ описаніе кладовъ въ цѣлости, хотя бы и поверхностное, нерѣдко бываетъ полезнѣе самыхъ подробныхъ описаній отдѣльныхъ экземпляровъ, входившихъ въ составъ ихъ. Если нашъ трудъ возбудитъ какой нибудь интересъ въ читателѣ, то пусть онъ подумаетъ, что изданіе подобныхъ трудовъ, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, возможно только при условіи описанія памятниковъ, находящихся въ честныхъ рукахъ, а еще важнѣе, при описаніи кладовъ въ ихъ цѣлости такъ, какъ они найдены.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ СПИСОКЪ

и

УКАЗАТЕЛИ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ СПИСОКЪ.

Предлагаемый списокъ составленъ главнѣйшимъ образомъ для тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые заинтересуются второй главой нашего труда. Такъ какъ мы въ этой главѣ не имѣли возможности упомянуть о всѣхъ статьяхъ, въ которыхъ въ прежнее еще время говорилось объ нашихъ монетахъ, то нашли полезнымъ нѣсколько расширить рамки предлагаемаго библіографическаго списка, включивъ въ него и тѣ сочиненія и статьи, въ которыхъ только вскользь упоминается о нашихъ монетахъ въ какомъ бы смыслѣ ни было. Такимъ образомъ, всякому, желающему глубже изучить причины существовавшаго до сихъ поръ разнообразія взглядовъ на наши монеты, облегчена возможность удовлетворить свое желаніе.

Предлагаемый списокъ не абсолютно полонъ. Въ немъ съ намѣреніемъ не упомянуты сочиненія, которыя по самому своему назначенію должны были бы коснуться вопроса о нашихъ монетахъ, но въ которыхъ объ нихъ не упоминается ни единымъ словомъ; мы говоримъ о сочиненіяхъ по исторіи нашихъ финансовъ, а особенно о тѣхъ, авторы которыхъ въ послѣдніе 50 лѣтъ поставили себѣ задачей выяснить вліяніе Византіи на нашу культуру. Въ этомъ отношеніи еще страннѣе, при скудости вещественныхъ памятниковъ нашей старины, что въ трудахъ касающихся исторіи древне-русскаго искусства и намека нѣтъ на такіе выдающіеся памятники, каковы экземпляры Ярославля серебра (см. выше стр. 80 и 154).

Въ концѣ прибавлены нѣкоторыя библіографическія указанія по поводу вліянія, которое, въ нумизматическомъ отношеніи, имѣла Византія во времена Владиміра и Ярослава на тѣ земли, которыя имѣли близкія сношенія съ юнымъ Русскимъ государствомъ, а именно на Польшу и на Скандинавію.

1792.

1. **Первое Ярославле серебро** въ Кіевѣ пріобрѣтено А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ.

См. стат. Фелькнера (№ 3) и выше стр. 63—66.

1796.

2. **Первое Владимірово злато** куплено аптекаремъ Бунге въ Кіевѣ.

См. стат. Кеппена (№ 29), сочин. Куника, стр. 33 и выше стр. 9 и 207.

1797.

3. **Фёлькнеръ.** Auszug aus... Chsti. Friedr. Völkner's Einleitung zu der Skizze der ersten und zweiten Epoche einer Geschichte der Russen.

Allgemeiner Litterarischer Anzeiger. Leipzig 1797 in-fol., pag. 764. — Это извѣстіе перепечатано на стр. 27 сочиненія Куника. См. выше стр. 63.

1801.

4. **А. Шлёцеръ.** (Рец. его на изданіе „Слова о полку Игор.“, Мусина-Пушкина).

Gelehrte Anzeigen. Göttingen. (St. 203), 19 Dec., p. 2020.

1802.

5. **А. Шлёцеръ.** НЕСТОРЪ. Russische Annalen. Teil I, p. 42 (Часть I русскаго перев.; 1809, стр. ѯє); I, p. 114 (— стр. ροд); Teil II, p. 278 (сравн. стр. 384 первой части русскаго перев.).

Извлеченіе изъ отзывовъ Шлецера напеч. въ соч. Куника, стр. 28 и 30. См. выше стр. 63, 131.

1805.

6. (Фил. Кругъ). Zur Münz-Kunde Russlands. St. Petersburg, 1805, p. 51, 149—153.

А. Шлёцера. Рец. на соч. Круга въ (Göttinger) Gelehrte Anzeigen. 1806. 11. Oct. № 163, p. 1623. Сравн. Ж. Мин. Н. Просв. Ч. 64, Отд. 6, стр. 34.

См. русск. перев. подъ № 8 и выше, стр. 5, 131, 134.

1806—1807.

7. А. И. Оленинъ. Письмо къ Графу Ал. Ив. Мусину-Пушкину о камнѣ Тмутороканскомъ. Во градѣ С. Петра, 1806, стр. 28 (Рисунокъ) и 32.

Рец. Шлёцера на соч. Оленина въ (Göttinger) Gelehrte Anzeigen. 1807, № 27, p. 260, 262, 265.

8. (Ф. Кругъ). Критическія разъисканія о древнихъ Руских монетахъ, изданныя Имп. Академіею Наукъ. Спб. 1807, стр. 64, 201—206.

См. выше № 6.

1809.

9. А. Шлёцеръ. НЕСТОРЪ. Рускія Лѣтописи... объясненныя Ав. Шлёцеромъ. Часть I. Перевелъ съ Нѣмецкаго Дм. Языковъ. Въ Спб. 1809 года.

См. выше № 5.

1810.

10. Первые два серебреника Владиміра найдены около 1810 г. въ Борисполѣ.

См. стат. Свиньина (№ 41) и выше стр. 37—40.

11. Тим. Мальгинъ. Опытъ историческаго изслѣдованія и доказательства о древности въ Россійскомъ Государствѣ монетъ разнаго достоинства и медалей своихъ собственныхъ.

Сочиненія и переводы, издаваемые Россійскою Академіею, Часть IV. Спб. 1810, стр. 140—224.

12. Т. Чацкій (Tadeusz Czacki). O rzeczy menniczněj w Polsce i Litwie dla uczniów Wołynskiego Gymnazium. (Pisana roku 1810).

Dzieła Tadeusza Czackiego. Tom III. Poznań 1845, p. 382.

1812.

13. Гавр. Успенскій. Извѣстіе о нѣкоторой старинной монетѣ.

Вѣстникъ Европы. Москва 1812. (Ч. 62), № 8, стр. 311—314.

14. —вичь. На новыя догадки о старинной монетѣ.

Вѣстн. Евр. М. 1812. (Ч. 63), № 10, стр. 126—128.

15. Н. Брусиловъ. О древней Русской монетѣ.

Вѣстникъ Европы. Москва 1812. (Ч. 63), № 11, стр. 225—232, (228 и 230).

1813.

16. (Гр. А. И. Мусинъ-Пушкинъ). Записки для біографіи Е. С. Графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина.

Вѣстникъ Европы. Ч. 72. Москва 1813, стр. 80.

17. (Письмо К. Калайдовича къ графу А. И. Мусину-Пушкину, отъ 13 дек. о сохранившемся Ярославлѣ серебрѣ и о предполагаемомъ русскомъ Святославлѣ серебрѣ).

Матеріалы (см. № 173), стр. 98 и 124. См. выше, стр. 65.

1815.

18. Шторхъ. Cours d'économie politique. Par Henri Storch. St. Pét. Tome sixième, pag. 47.

1816.

19. Н. Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго. Т. I. Спб. (1816), стр. 246, 493. Т. II (1816), стр. 39 и прим. 56.

20. Александръ Воейковъ. О найденныхъ древнихъ Русскихъ монетахъ. (Письмо изъ Кіева, отъ 20 іюня).

Вѣстникъ Европы. М. 1816. (№ 15) Ч. 87, стр. 316. (Неудачные рисунки трехъ монетъ приложены къ 242 стр. 88 части Вѣстника).

Статѣйка Воейкова перепечатана въ соч. Куника, стр. 33. См. также выше, стр. 7.

1817.

21. М. В. Могилянскій. (Письмо его къ Калайдовичу о двухъ Владиміровыхъ монетахъ).

Указаніе на это письмо въ Матеріалахъ Безсонова (см. № 173), стр. 120. См. выше стр. 207.

1818.

22. Гавр. Успенскій. Опытъ повѣствованія о древностяхъ Рускихъ. Изд. 2-е. Харьковъ. Ч. II, стр. 664.

23. Н. М. Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго. Изданіе II-е. Спб. Томъ II, примѣч. 56.

Нѣмецкими, французскими, польскимъ, италіанскимъ и греческимъ переводчиками Примѣчанія къ «Исторіи» Карамзина болѣе или менѣе сокращены.

См. выше стр. 9, 135.

24. Ив. Ник. **Лобойко.** О важнѣйшихъ изданіяхъ Герберштейна Записокъ. Спб. 1818, стр. 31.

1819.

25. К. Ф. **Фуксъ.** Краткое описаніе Россійскихъ монетъ, находящихся въ Минцъ-кабинетѣ Доктора и Профессора Фукса. Казань 1819 in 8°, стр. 7, 11 и 12.

Отзывъ Фукса о какихъ-то подложныхъ Владиміровыхъ монетахъ перепечатанъ въ Извѣстіяхъ Имп. Археологическаго Общества, Томъ III, столб. 76.

1820.

26. J. B. **Rakowiecki.** Prawda Ruska, ... tudzież Traktaty Olga y Igora ... których Texta ... poprzedza rys historyczny ... T. 1. W Warszawie 1820 in-4°, p. 180.

1821.

27. Ф. **Кругъ.** Berichte über einige die russische Geschichte betreffende Arbeiten.

[1] Archiv für Geschichte von Hormayr ... ~ [2] Forschungen in der älteren Geschichte Russlands. 2. Theil. Pet. 1848, p. 747. (Статья написана въ 1820 году).

28. (Письмо архіеп. **Евгенія** изъ Пскова къ Анастасевичу, отъ 14 ноября).

Древн. и Нов. Россія. 1881 годъ. (Томъ XIX, стр. 238).

1822.

29. Петръ Иванов. **Кеппенъ.** (Справка его въ Кіевѣ о судьбѣ Владиміровыхъ монетъ).

См. выше стр. 8.

30. П. И. **Кеппенъ.** Списокъ русскимъ памятникамъ. Москва 1822, стр. 1, 2.

Предисловіе Кеппена написано въ Кіевѣ 30 дек. 1821 г., а само сочиненіе напечатано иждивеніемъ графа Ѳ. А. Толстаго Калайдовичемъ.

31. **Добровскій.** (Рец. его на Исторію Карамзина).

Jahrbücher der Literatur. Wien. Band XX, p. 224.

32. П. И. **Кеппенъ.** Ueber Völker- und Länderkunde in Russland.

Jahrbücher der Literatur. Wien 1822. Anzeige-Blatt, p. 12. Особые оттиски напечатаны подъ заглавіемъ: Ueber Alterthum und Kunst in Russland. Wien, 1822, (p. 14—15).
См. Изв. Археол. Общ. Т. III, столб. 77.

1823.

33. **Кругъ и Френъ.**

Ibn-Foszlan's Berichte über die Russen älterer Zeit. Text und Uebers... von Frähn. St. Pet., pag. 78 (Anm. 39).

34. К. **Калайдовичъ.** Письмо его къ М. Могилянскому, отъ 14 іюля.

Матеріалы (см. № 173), стр. 121. См. выше стр. 207.

35. **Карамзинъ** къ Калайдовичу 3 окт. 1823.

[1] Матеріалы (см. № 173), стр. 118. ~ [2] Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. Издали Я. Гротъ и П. Пекарскій. Спб. 1866, стр. 448.

36. Найденъ **Ростовскій** экземпляръ Владимірова серебра.

См. стат. Еремѣева (№ 68, 95) и выше, стр. 41.

1824.

37. Ив. Петр. **Бекетовъ.** О сребрѣ Ярославлѣ.

Записки и Труды Общ. Ист. и Древн. Росс. Москва, Часть II (Отд. II), стр. 124—134.
См. выше, стр. 135—136 и отзывъ канцлера Румянцова въ письмѣ отъ 19 мая 1825. (Матеріалы, см. ниже № 173 и Библіографическіе Листы (№ 39).

38. К. **Калайдовичъ.** Біографическія свѣдѣнія о жизни, ученыхъ трудахъ и собраніи Россійскихъ Древностей Графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина.

Записки и Труды Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ. Москва. Ч. II (Отд. II), стр. 7—11.
См. выше стр. 135.

1825.

39. **Ѣ.** (Отзывъ о статьѣ К. Ѳ. Калайдовича (см. № 38) и о статьѣ И. П. Бекетова (см. № 37).

Библіографическіе Листы 1825 года, изд. П. Кеппеномъ (№ 9), столб. 119, 121. Сравн. письмо К. Калайдовича (см. Матеріалы, подъ № 173), стр. 129.

40. Janus Lassen **Rasmussen.** De Orientis commercio cum Russia et Scandinavia medio aevo. Havniae 1825, in-4°, pag. 55.

1826.

41. П. **Свиньинъ.** Обозрѣніе путешествія издателя Отечеств. Записокъ по Россіи въ 1825 г. относительно Археологіи. Читано имъ 16 окт. 1825 г. въ Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ, учрежд. при Имп. Моск. Унив.

Отеч. Зап. Ч. 27-я. Спб. стр. 244—245.
См. выше стр. 8.

42. Митрополитъ **Евгеній**. Примѣчанія на грамату В. Кн. Мстислава Володиміровича.

Труды и Записки Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, учрежд. при Имп. Московск. Унив. Москва. Ч. III, кн. 1, стр. 62—63.

1827.

43. Александръ **Альбенскій**. О состояніи Россіи и современныхъ государствъ Европы въ XI вѣкѣ. Спб., стр. 27.

Мнѣніе автора о русскихъ металлическихъ монетахъ XI вѣка перепечатано въ Извѣст. Археол. Общ. Томъ III, стр. 78.

44. К. **Калайдовичъ**. (О пожертвованіи перваго Бориспольскаго экземпляра Владимірова серебра въ Московское Общество исторіи зарайскимъ купцемъ Козмою Иванов. Авеpинымъ).

Зап. и Труды Общ. Ист. и Древн., учрежд. при Имп. Моск. Унив. Москва. Ч. III, кн. 2 (1827), стр. 154. Проток. засѣд. 28 янв. 1826 г., стр. 163—164. (Съ таблицею рисунковъ).

См. ниже Табл. 13, № 1 и выше стр. 37 и 205.

1829.

45. Ник. **Полевой**. Исторія русскаго народа. Томъ I. Москва 1829, стр. 272.

46. **Шёнъ**. Novae quaedam in rem numariam antiquae Rossiae observationes... Publice defendendas proponit Ioannes Schoen. Wratislaviae 1829, p. 4, 14.

1831.

47. П. **Шафарикъ**. Die ältesten Schriftdenkmäler der Süd-Slawen.

Jahrbücher der Literatur. Wien. Band LIII. Anzeige-Blatt, p. 3. (По замѣткамъ Кёппена, напечатаннымъ въ Вѣнѣ въ 1822 году).

Указанія Шафарика приведены Гроте въ Blätter für Münzkunde (см. ниже № 234) 1. Band. Leipzig 1835, № 28.

1832.

48. Фр. **Вилькенъ**. Ueber die Verhältnisse der alten Russen zum byzantinischen Reiche.

Abhandlungen der K. Academie der Wissenschaften zu Berlin. Aus dem J. 1829. Berlin 1832 in 4⁰, p. 133.

49. Ф. **Кругъ** и **Френъ**.

Drei Münzen der Wolgabulgaren. Von Ch. Frähn. (Mémoires de l'Acad. Imp. des sciences de St. Pétersbourg. Sciences politiques, histoire, philologie. Tome I, (1832), pag. 199). Отзывъ Круга перепечатанъ въ соч. Куника, стр. 36. См. выше стр. 136.

50. Альманахъ историческій или красоты Россійской исторіи, изданный **Кнцгм**. Москва въ 16⁰.

Рисунокъ трехъ монетъ (см. № 44) приложенъ безъ объяснительнаго текста къ стр. 319.

51. Фил. **Штраль** (Ph. Strahl). Geschichte des russischen Staates. 1. Band. Hamburg, p. 168.

52. Georg **Paucker**. Inhalts-Uebersicht des Werkes über „Maasz, Gewicht und Münze des Russischen Reichs und seiner deutschen Ostseeländer“. St. Pet. 1832, p. 12 (§ 61), p. 16 (§ 90).

Рукописное сочиненіе Г. Паукера († 1855) не было напечатано.

1833.

53. Ив. Петр. **Бекетовъ**. Краткое обозрѣніе ходячихъ монетъ, подъ названіемъ Кунъ, бывшихъ въ употребленіи въ Россіи.

Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древн. Росс. Часть VI, стр. 143.

1835.

54. (?). Ueber die vorzüglichsten Sammlungen russischer Münzen.

St. Petersburgische deutsche Zeitung. 1835. (6 Nov.) № 253.

Статья, написанная по вызову П. И. Кеппена, неизвѣстнымъ коллекціонёромъ монетъ.

55. (?). О важнѣйшихъ собраніяхъ Россійскихъ монетъ.

Спб. Вѣдомости 1835 г. № 260 (14 ноября).

1836.

56. Хр. **Томсенъ** (Christian Jürgensen Thomsen, въ Копенгагенѣ). Beiträge zur Erklärung einiger Münzen des Mittelalters.

Blätter für Münzkunde. Hannoversche numismatische Zeitschrift. Herausgegeben von H. Grote. 2. Band. Leipzig 1836, Sp. 209, 334.

1836—1841.

57. Бар. С. **Шодуаръ** (S. de Chaudoir). Aperçu sur les monnaies russes et sur les monnaies étrangères qui ont eu cours en Russie. Première partie, (St. Pét. 1836), p. 102—107 и стр. 221 (прим.). Seconde partie (1837), p. 1—4.

— Обозрѣніе Русскихъ денегъ. Спб. Часть I (1837), стр. 110—115, стр. 267 (Прим.). Часть II (1841), стр. II, и стр. 1—4.

Recueil des Planches. — Собраніе изображеній (1837). Pl. = Изобр. I, 1 и II, 1.
См. выше стр. 5, 38, 136, 137.

1837.

58. Ѳадд. **Булгаринъ.** Россія въ историческомъ, статистическомъ отношеніяхъ. Ручная книга. Исторія Часть вторая. Спб., стр. 361.

59. Ferd. **Wachter.** Jaroslaw.

Encyclop. der Wissensch. von Ersch und Gruber. 2. Sect. 14. Theil. Leipzig 1837, pag. 415.

60. М. **Каченовскій.** Кабинетъ медалей, монетъ и другихъ древностей (Историческаго Общества въ Москвѣ).

Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Часть VIII. Москва, стр. 331.
«Мнимая монета». См. № 44 и 233.

61. П. **Шафарикъ.** Slovanské starožitnosti. V Praze (1837), § 3, гл. 6.

По мнѣнію, заявленному Кеппеномъ въ 1822 году. Переводъ Древностей вышелъ на русскомъ, польскомъ и нѣмецкомъ.

До 1837 г.

62. Броръ Эмиль **Гильдебрандъ.** (Разсказъ его объ открытіи въ 1858 и 1861 гг. двухъ серебрениковъ Ярослава, вырытыхъ въ Швеціи до 1837 года).

Извѣст. Археол. Общ. Спб. Томъ III, столб. 341 и 343.
См. выше, стр. 87—89, 125.

1838.

63. Иванъ Петровичъ **Сахаровъ.** Современная хроника русской нумизматики, стр. 32—35.

Эта «Хроника», составленная, вѣроятно, въ 1838 году и напечатанная въ 8 долю, не была выпущена, но содержаніе ея вошло въ составъ Лѣтописи русской нумизматики 1842 года.

64. Ярославле сребро.

Журн. Мин. Нар. Просв. Ч. XVIII, стр. 654 (въ концѣ Іюньской книжки).

65. (Извѣстіе о находкѣ Ярославля серебра близъ Дерпта).

Numismatische Zeitung. Weissensee. № 19 (25 Sept.), p. 151.

1839.

66. **Лелевель.**

La Pologne historique, littéraire, monumentale et illustrée. Paris 1839—41, pag. 458. (Отзывъ Лелевеля перепечатанъ въ соч. Куника стр. 36). См. ниже № 177.

1840.

67. Як. Як. **Рейхель.**

Собраніе Русскихъ медалей, изданное по Высочайшему повелѣнію Археографическою коммиссіею. Спб., (вып. I), стр. 1.
Отзывъ Рейхеля перепечатанъ на стр. 38 сочиненія Куника. См. выше, стр. 137—139.

1841.

68. Софронъ Адріанъ. **Еремѣевъ.** Записки о русской нумизматикѣ. Посвящается Н. Т. Яковлеву въ Петербургѣ.

Сѣверная Пчела, № 146, стр. 583—584.

69. (**Лейцманъ?**) Angeblich älteste russische Münzen. (По Шодуару).

Numismatische Zeitung. Herausgegeben von Leitzman. Weissensee 1841, № 1, Sp. 3.

70. Василій **Априловъ** (впервые относитъ Святославле сребро къ болгарскому князю Святославу, † 1323).

Денница ново-болгарскаго образованія. Часть первая. Одесса, стр. 85—86.

1842.

71. И. **Сахаровъ.** Лѣтопись русской нумизматики. Отдѣленіе первое. Спб., въ типографіи Сахарова. 1842. in-4°, стр. 19, 31 и 32. (Съ литограф. таблиц.)

«Печатать позволяется. Янв. 19 дня 1839».

72. Фр. **Крузе.** Necrolivonica oder Alterthümer Liv-, Esth- und Kurlands. Dorpat 1842 in-fol. Beilage D, p. 19. Beilage E, p. 17—18.

73. — Nachtrag zu dem Werke: Necrolivonica. Leipzig 1859 in-fol., p. 28.

74. **Шегренъ** (Sjögren). Ueber das Werk von Finn Magnusen: Runamo og Runerne. St. Pet., p. 104.

75. Я. Я. **Рейхель.** Die Reichelsche Münzsammlung in St. Petersburg. Erster Theil. 1842, p. 1.

Этотъ томъ выпущенъ въ свѣтъ въ 1847 г. «Zum Druck erlaubt. St. Pet., den 3. Oct. 1847». Отзывъ

Рейхеля перепечатанъ въ соч. Куника, стр. 39. См. выше, стр. 138.

1843.

76. Ѳ. Ѳ. **Шубертъ.** Описаніе русскихъ монетъ и медалей собранія Шуберта... Часть I. Спб., стр. 54—55.

Отзывъ Шуберта перепечатанъ въ соч. Куника, стр. 40.
Сравн. ниже подъ № 82.

77. Я. Я. **Рейхель.** Die Reichelsche Münzsammlung in St. Petersburg. Neunter Theil. 1843, p. 494.

См. выше стр. 138.

1844.

78. **Гроте** (H. Grote). Die russische Münzkunde des Mittelalters (Nach Chaudoir's „Aperçu").

Blätter für Münzkunde. Herausg. von H. Grote in-4°. Hannover 1844, IV, p. 111—116. (Статья была отпечатана въ 1838 году).

1846.

79. И. Д. **Бѣляевъ.** Очеркъ исторіи древней монетной системы на Руси. (Читано 27-го ноября 1843 года).

Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. Росс. Засѣд. 23-го марта, 1846 года. № 3. Москва 1846, стр. 8.

80. М. **Погодинъ.** Изслѣдованія и лекціи. Москва. Т. I, стр. 345 и Т. III, стр. 287 и 542.

81. С. **Шевыревъ.** Исторія русской словесности. Лекціи. Ч. 1. Москва, стр. 173.

82. **S.** (Рецензія Я. Рейхеля и Б. Кёне на „Описаніе" Шуберта 1843 года).

Numismatische Zeitung, herausgegeben von J. Leitzmann. Weissensee, p. 14. См. выше стр. 138.

1847.

83. Ив. **Фундуклей.** Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ. Кіевъ, in-4°, стр. 91.

Отзывъ Ф. перепечатанъ въ соч. Куника, стр. 35. См. выше, стр. 136.

84. (Каз. **Стрончинскій**). Pieniądze Piastów od czasów najdawniejszych do roku 1300. W Warszawie, стр. 221 (§ 152).

Мнѣніе автора перепечатано въ Извѣстіяхъ Импер. Археолог. Общ. Томъ III, столб. 78.

85. **Лелевель.** Polska wieków średnich czyli Joachima Lelewela w dziejach narodowych polskich postrzeżenia. T. II. Poznań, стр. 434.

Отзывъ Лелевеля перепечатанъ въ сочин. Куника, стр. 36.

1848.

86. (?). Начало Серебряной и Золотой монеты въ Россіи.

Перепечатано изъ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей въ Таврич. Губ. Вѣд. 1849 г. (№ 52, Отд. II).
Извлечено изъ Таврическихъ Губ. Вѣдомостей въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1853 г. Часть 80-я, Отд. VI, стр. 157.

87. А. **Егуновъ.** Взглядъ на торговлю древнѣйшей Руси. Статья I—III.

Современникъ. Томъ XI (1848 г.), отд. II, стр. 2, 7.

88. М. **Погодинъ.** Взглядъ на торговлю древнѣйшей Руси.

Москвитянинъ 1848 г. Ч. VI, стр. 127—166.

1849.

89. А. **Егуновъ.** Отвѣтъ Погодину.

Отеч. Зап. Томъ 64, отд. VIII, стр. 141.

90. Я. **Рейхель.** Serbiens alte Münzen.

Mémoires de la société d'archéologie et de numismatique de St.-Pétersb. Vol. II (1848), p. 243.
См. еще о Святославлѣ серебрѣ Vol. III, p. 169.

91. — Порусски: „Монеты Западныхъ Славянъ" (съ предисловіемъ Павла Степановича Савельева, стр. 342).

Записки С.-Петербургскаго Археологическо-Нумизматическаго Общества. Томъ I (1849), стр. 344 и 370.
Отзывъ Рейхеля перепечатанъ въ сочиненіи Куника, стр. 39.
См. выше стр. 5, 139 и 154.

92. П. С. **Савельевъ.** Примѣчаніе о славянскихъ монетахъ съ именами Владиміра, Святослава и Ярослава.

Записки Спб. Археологическо-Нумизматическаго Общества. Томъ I (1849), стр. 386—398.
См. выше стр. 140—141.

93. Б. Б. **Кёне.** Ueber die im Russischen Reiche gefundenen abendländischen Münzen des X, XI und XII Jahrhunderts.

Mémoires de la société Imp. d'arch. et de numismatique, publiés par le Dr B. de Köhne. Vol. III. St.-Pétersb. (1849), pag. 353. Vol. IV. (Dritter Artikel. 1850.), p. 237, 239.

94. — Описаніе Европейскихъ монетъ X, XI XII вѣка, найденныхъ въ Россіи.

Записки Имп. Археологическаго Общества. Томъ IV (1852), стр. 3, 18 и 223.
См. выше стр. 140.

95. А. **Еремѣевъ.** Матеріалы для исторіи русской нумизматики.

Записки Спб. Археологическо-Нумизматическаго Общ. Т. I. (1849), стр. 427 и 428.

Около 1850 года.

96. О. М. **Бодянскій.** (Письмо его къ графу С. Г. Строгонову, по поводу статьи Рейхеля).

Упоминается также въ Исторіи сербскаго языка А. Майкова. Москва 1857, стр. 2.

97. **Лелевель.** (Взглядъ его на происхожденіе Ярославля серебра).

См. статью гр. С. Г. Строгонова (подъ № 109), перепечатанную въ сочин. Куника, стр. 36 и 47.

1850.

98. А. Б. **Лакіеръ.** О знакахъ отличія за службу въ Россіи, до временъ Петра Великаго.

Записки Спб. Археологическо-Нумизматическаго Общества. Томъ II, стр. 106—107.

1851.

99. И. **Сахаровъ.** Лѣтопись Русской Нумизматики. Отдѣленіе первое. Изданіе второе. Спб. (in-4°), стр. 29—31.

100. П. С. **Казанскій.** Изслѣдованія о древней русской монетной системѣ въ XI, XII и XIII вѣкѣ.

Записки Имп. Археол. Общ. Спб. Томъ III, стр. 91.
Отзывъ Казанскаго перепечатанъ въ сочиненіи Куника, стр. 42.

101. А. **Куникъ.** (Отвѣтъ на вопросъ о древнѣйшей русской надписи съ опредѣленной датою).

О русско-византійскихъ монетахъ, 1860 г. стр. 162.

102. Н. **Лебедевъ.** О деньгахъ, употреблявшихся въ Россіи съ 862 по 1663 годъ. Спб. 1851 in-8°.

Извлечено изъ №№ 104—105 Сѣверной Пчелы за 1851 годъ. См. ниже № 159 и 244.

1852.

103. М. **Погодинъ.** Важнѣйшее кіевское открытіе.

Москвитянинъ. Авг. кн. II (№ 16), Отд. VII, стр. 154.

104. М. **Погодинъ.** Изъ Кіева. Еще о [Нѣжинскомъ] нумизматическомъ кладѣ.

Москвитянинъ. Сент. кн. I (№ 17), Отд. VII, стр. 18, 19.

105. М. П. **Погодинъ** (о поддѣльности экземпляра Ярославля серебра, пріобрѣтеннаго имъ отъ А. А. Медынцова, и о неподдѣльности Дерптскаго экземпляра Ярославля серебра).

Москвитянинъ 1852 г. Авг. Кн. II. Отд. VII, стр. 154.
Сравн. № 237, соч. Куника, стр. 31 и Изслѣдованія Погодина, VII, 360.

106. (?). Письмо въ Редакцію Сѣверной Пчелы изъ Кіева, 20-го Авг.

Сѣв. Пчела. № 194.

1853.

107. Як. Як. **Волошинскій.** Описаніе древнихъ русскихъ монетъ, принадлежащихъ Минцъ-Кабинету Имп. Унив. Св. Владиміра изъ числа найденныхъ близь Нѣжина, въ маѣ мѣсяцѣ 1852 года.

Труды Коммисіи Высочайше учрежденной, при Имп. Университетѣ Св. Владиміра, для описанія губерній Кіевскаго Учебнаго Округа. Смѣсь. Кіевъ. XIII и 14 стр. in-4°. Съ 5 таблицами рисунковъ.
См. выше стр. 28 и 142 и слѣд., 187.

108. И. Д. **Бѣляевъ.** Били ли на Руси монету до XIV столѣтія?

Записки Импер. Археол. Общ. Томъ V, стр. 298—332.

109. И. М. **Снегиревъ** и гр. С. Г. **Строгоновъ.** Ярославле серебро.

Древности Россійскаго Государства, изд. по Высочайшему повелѣнію. Отд. V. Москва, въ листъ, стр. 89—90. Рисунокъ сѣребра въ Отд. V, № 59.
Статья эта перепечатана въ соч. Куника, стр. 46—47.
См. выше стр. 141.

1854.

110. М. П. **Заблоцкій.** О цѣнностяхъ въ древней Руси. Историческое изслѣдованіе. Спб. стр. 14.

Отзывъ Заблоцкаго перепечатанъ въ сочин. Куника, стр. 42.

1855.

111. А. Б. **Лакіеръ.** Русская геральдика. Книга I. Спб. стр. 94—95 (перепечатано изъ Зап. Археол. Общ. Т. VII).

112. А. **Аплечеевъ.** Экономическіе очерки. О монетѣ. Спб., стр. 26.

1856.

113. И. Сахаровъ. Записки о Русскихъ гербахъ. I. Московскій гербъ. Спб. 1856, стр. 1 и 33.

114. М. Погодинъ. Изслѣдованія и лекціи. Т. VII. Москва, стр. 325, 360—361.

1857.

115. Епископъ Макарій. Исторія русской церкви. Томъ I. Спб., стр. 227.

116. Янъ Шафарикъ. Новацъ србскогъ краля Владимира.

Гласникъ друштва Србске словесности. Свезка IX. У Београду. Въ «Додатокъ къ описанію Србски новаца», стр. 280—281.
См. выше стр. 143.

1858.

117. (Жиль. Fl. Gille). Ermitage Impérial. Cabinet numismatique. Collection Reichel. St.-Pét. pag. 9.

118. Ѳ. Ѳ. Шубертъ. Monnaies et médailles russes d'après l'état donné par le cabinet du Général d'infanterie T. F. de Schubert. Première partie. Monnaies. (Carlsruhe 1857) Leipsic, p. 32—33, № 289—293.

Отзывъ Шуберта перепечатанъ въ сочин. Куника, стр. 40. См. и выше стр. 139.

119. В. Лешковъ. Русскій народъ и Государство. Исторія русскаго общественнаго права до XVIII вѣка. Москва 1858, стр. 174.

120. Клеммингъ. (Извлеченіе изъ письма его къ г. Кёне, изъ Стокгольма отъ 14 сент. 1858).

[1] Zeitschrift für Münz- und Wappen-Kunde. Neue Folge. Berlin in-4⁰ (1. Band). 4. Heft (1861), pag. 255. — [2] Извѣстія И. Археолог. Общ. Т. III, стр. 168.
Сравн. Изв. III, 350, 351.

121. П. Шафарикъ. Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus. Prag 1858. in-4⁰, § 21. (Порусски въ Чтен. Общ. ист. М. 1860. кн. IV, отд. III).

122. М. Гаттала (M. Hattala). Mein Standpunkt in der Frage über den Ursprung der slavischen Schrift.

Kritische Blätter für Literatur. Redactor J. Hanusch. 3. Band. Prag 1858, p. 66.

1859.

123. А. Викторовъ. Послѣднее мнѣніе Шафарика о Глаголицѣ.

Лѣтописи русской литературы, издав. Николаемъ Тихонравовымъ. Томъ II. Москва 1859, стр. 99.

124. М. Погодинъ. Норманскій періодъ. М., стр. 180.

125. С. Шевыревъ. Исторія русской словесности. Лекціи. М. 2-е изд. Ч. I, стр. 204—205.

126. Н. И. Ланге. Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды.

Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, издав. Ник. Калачовымъ. Книга 1-я (Приложеніе). Спб. 1859, стр. 50, 59.
См. ниже рец. А. Н. Попова подъ № 178.

127. Б. Кёне (B. v. Koehne). Jakob von Reichel und seine Sammlung.

Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wappen-Kunde. Neue Folge. (I. Band). 1. Heft. Berlin, in-4⁰, pag. 6.
См. выше стр. 154.

128. Б. Э. Гильдебрандъ. (Извлеченіе изъ письма г. Гильдебранда отъ 8 іюля изъ Стокгольма къ г. Кунику).

На шведскомъ въ соч. «О русско-византійскихъ монетахъ» 1860 г., стр. 50.
См. Извѣст. Археол. Общ. Ч. III, стр. 374.

129. Бар. Б. Кёне. Die ältesten Münzen Russlands.

Zeitschrift für Münz- und Wappen-Kunde. Neue Folge. Berlin in-4⁰. (I. Band). 2. Heft. стр. 72—76.
См. выше выписки, стр. 68—72, 90—95 и русскій переводъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ соч. Куника, стр. 52—56.

1860—1861.

130. Ch. P(iot).

Revue de la numismatique belge. 3ᵉ Série. Tome IV, (Deuxième Livraison), pag. 214. (По поводу статьи г. Кёне: Die ältesten Münzen Russlands).

131. Графъ С. Г. Строгоновъ. Lettre à Monsieur le Conseiller d'État B. de Koehne sur les plus anciennes monnaies russes (Avec une Planche).

Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wappen-Kunde. Viertes Heft, in-4⁰. Berlin 1861, p. 204—208. (Письмо написано въ январѣ мѣсяцѣ 1860 года).
См. № 132 и выше стр. 81—82, 96—100.

132. Бар. **Кёне**. Réponse à Son Excellence M^r le Comte Serge Stroganoff, Aide-de-Camp général de S. M. l'Empereur, Général de cavallerie etc., sur la lettre concernant les plus anciennes monnaies russes.

Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wappen-Kunde, in-4°. Neue Folge. Berlin. 1861. (I. Band). 5. Heft. стр. 301—304.

См. ниже № 172 и выше стр. 85 и 101—105.

133. А. **Куникъ**. О русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I Владиміровича съ изображеніемъ Св. Георгія Побѣдоносца. Историко-нумизматическое изслѣдованіе. Спб. in-4°. VIII и 166 стр. Съ 4-мя табл. рисунковъ.

Рецензіи [1] Отеч. Зап. (Май, 1860 г.) Т. 130, отд. 3, стр. 72 — 74. ~ [2] Морской Сборникъ (Май, 1860 г.). Томъ 47, стр. 4—8. ~ [3] Библ. для Чтенія (Іюль). Т. 160. Литер. лѣтоп. стр. 1—3 и ниже № 134 и слѣд.

См. выше стр. 72—80, 86, 87, 144—150.

134. Иванъ Алексѣевичъ **Бартоломей**. Письмо члена-основателя [Археол. Общ.] И. А. Бартоломея [изъ Тифлиса, отъ 27 маія 1860] къ члену-основателю А. А. Кунику о Ярославлѣ сребрѣ.

Извѣстія Импер. Археологическаго Общества. Спб. Томъ II, столб. 338—342.

См. выше стр. 87, 121 и 153 и выписки въ соч. Ланглуа (№ 162), стр. 25—26.

135. **Владиміровъ** (Влад. Вас. Стасовъ). Ученый скандалъ. Письмо къ редактору.

Русскій Вѣстникъ. 1860. Москва. Томъ XXVII (№ 9, Май, кн. 1-я). Современная Лѣтопись, стр. 46—50.

136. Б. В. **Кёне**. Князь Олегъ и г. Куникъ.

Русскій Вѣстникъ. 1860. Москва. Томъ XXIX (№ 18, Сент. кн. 2-я). Современная Лѣтоп., стр. 144—152.

137. П. А. **Бартоломей**. Заявленіе его по прочтеніи статьи: „Князь Олегъ и г. Куникъ“.

См. Извѣстія Импер. Археол. Общ. Спб. Томъ II, столб. 338, Прим.

138. Ив. **Николичъ**. (Чтеніе въ засѣданіи Курляндскаго литературнаго Общества, 1 іюня 1860, о статьѣ г. Владиміровa).

Das Inland. Dorpat 1860, (№ 24) стр. 471.

139. И. И. **Срезневскій**. Случайная записка о древнихъ русскихъ монетахъ. 1. Монета великаго князя Олега. 2. Ярославле серебро по изслѣдованіямъ академика А. А. Куника.

Спб. Вѣдомости. №№ 90—91 (27 и 28 апр. 1860).

140. И. И. **Срезневскій**. (Записка о соч. „О русско-визант. монетахъ“).

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. русскаго языка. Т. VIII, столб. 374—379. (Послѣдній выпускъ 8-го тома вышелъ 8 мая 1860 г.).

141. Бар. Б. **Кёне**. (Взглядъ его на статьи И. И. Срезневскаго).

Zeitschrift für Münzkunde in-4°, 4. Heft (Berlin 1861), pag. 250.

142. Р. **Шалонъ** (R. Chalon. Извѣстіе о выходѣ книги А. Куника о русско-византійскихъ монетахъ).

Revue de la numismatique belge. 3 Série. Tome IV (1860), pag. 309.

143. В. **Ланглуа** (Victor Langlois). Oleg et Jaroslav. Question de numismatique russe.

Le Nord. Bruxelles 1860. № 221 (8 août).

144. Извлеченіе изъ письма проф. К. **Ширрена**, изъ Стокгольма отъ 11 сент. 1860 года къ А. Кунику.

См. выше стр. 88 и сравн. Изв. Имп. Археол. Общ. Томъ III (Вып. 5-й 1861), столб. 341.

145. П. И. **Лерхъ**. (О сочиненіи А. Куника).

Sanct-Petersburger Deutsche Zeitung №№ 132—133 (Sept. 1860).

146. Б. **фонъ-Кёне**. Ueber die älteste Münze Russlands. (По поводу статьи П. Лерха).

St. Petersburger Deutsche Zeitung, № 224 (15 Oct. 1860).

147. А. **Куникъ**. Zur Würdigung des Erfinders der Olegmünze.

St. Petersburger Deutsche Zeitung. № 224—225 (15 и 16 окт. 1860).

148. Бар. Б. **Кёне**. (Отзывъ въ ноябрѣ 1860 г. о послѣднихъ статьяхъ).

Zeitschrift für Münzkunde, in-4°. 4. Heft. 1861, № 112 стр. 255—256.

149. К. **Ширренъ**. (Чтеніе въ Засѣданіи учен. эстскаго Общества въ Дерптѣ, 2 ноября 1860 г.)

Das Inland. Dorpat. 1860, № 45 (p. 821).

150. **М.** (фонъ-Муральтъ). Faut-il lire OLEG REX ou O ΓΕΟΡΓΙΟ sur une monnaie conservée à Stockholm?

Journal de St.-Pétersbourg № 271. 1 дек. 1860 г. — Отзывъ бар. Кёне въ Zeitschrift für Münzkunde, in-4°. 5. Heft. 1861, p. 304.

151. Бар. Б. **Кёне.** (Рец. на соч. „О русско-визант. монетахъ“ съ Прибавленіемъ, написаннымъ въ ноябрѣ 1860 г.)

Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wappen-Kunde. Neue Folge. Berlin. (I. Band). 4. Heft. 1861, Neueste Literatur № 55, стр. 249—256.
См. выше стр. 82—83.

152. Бар. **Кёне.** A MM. les Directeurs de la Revue de la numismatique belge.

Revue de la numismatique belge. 3e Série. Tome IV (1860), p. 374—391.
«Saint-Pétersbourg, 20 octobre 1860. B. de Koehne». На стр. 391 Редакторъ Журнала (R. Chalon) предоставилъ право гг. Ланглуа и Кунику напечатать, если они хотятъ, свой отвѣтъ въ томже «Обозрѣніи».

153. И. **Срезневскій.** (Путевая замѣтка во время поѣздки по Швеціи, сообщенная имъ въ Засѣданіи Археол. Общ. 31 окт. 1860 г.)

Спб. Вѣдом. 11 ноября 1860 г. № 246. См. также Извѣстія Имп. Археол. Общ. Т. II, столб. 269.

154. Письмо Б. де-**Кёне**, отъ 20 дек. 1860, къ И. Срезневскому (по поводу Засѣданія Археол. Общ. 26 ноября).

Письмо барона Кёне прочтено въ Засѣданіи Общ., 23 янв. 1861 г. и напечатано въ Извѣст. Археол. Общ. Т. III, столб. 168—169. См. также Спб. Вѣд. 1861, № 23.

155. Б. **Гильдебрандъ.** (Краткія замѣтки изъ его писемъ, отъ 13 и 20 ноября 1860 г., къ А. Кунику и послѣднимъ сообщенныя Импер. Археолог. Обществу въ засѣданіи 26 ноября 1860 г.)

Извѣстія Археол. Общ. Т. III (Вып. 5. 1861), ст. 338 и 339. — См. Т. II, 377 и Спб. Вѣд. 1860, 14 дек. № 272.

156. **Лишъ** (Lisch). Der Silberfund von Schwaan. (1859 года).

[1] Jahrbücher des Vereins für mecklenburgische Geschichte und Alterthumskunde. 26. Jahrgang. Schwerin 1861, p. 230—231, 296. — [2] Zeitschrift für Münzkunde. Berlin 1861, in-4⁰. 5. Heft, p. 284—285, 290.
См. выше, стр. 25 и ниже № 167.

157. Открытъ Ю. Б. **Иверсеномъ** новый типъ Владиміровыхъ серебрениковъ. (1860 г.)

См. Извѣст. Имп. Археол. Общ. Томъ III, столб. 73 и выше стр. 11.

158. Д. Д. **Ханыковъ.** Русскія былины. Москва 1860, стр. 80.

См. выше, стр. 144.

159. Н. **Лебедевъ.** О деньгахъ, употреблявшихся въ Россіи, съ 862 по 1663 годъ.

Производитель и Промышленность, 1860 года, № 41.
См. выше № 102 и ниже № 244.

1861.

160. **Клеммингъ.** (Извлеченіе изъ его письма изъ Стокгольма отъ 18 янв. 1861 г.)

Извѣстія Имп. Археол. Общ. Томъ III, столб. 340.

161. Б. Э. **Гильдебрандъ.** Lettre de M. Hildebrand, de Stockholm, 28 février 1861, à M. Kunik.

[1] По французски въ «Lettre à M. Victor Langlois sur une monnaie attribuée à Oleg. Paris 1861», p. 27—29. — [2] См. выше, стр. 125—126. — [3] По русски въ Извѣст. Имп. Археолог. Общ. Т. III, столб. 341—343.

162. В. **Ланглуа** (Langlois). Lettre [de M. Gille, de St. Pétersbourg, le 5 août 1861] à M. Victor Langlois sur une monnaie attribuée à Oleg, duc de Novgorod, suivie d'observations et de pièces justificatives par MM. le général Bartholomaei, Hildebrand et Victor Langlois. Paris [Nov. 1861]. 31 pag. in-8⁰.

См. выше, стр. 84, 107 и слѣд.

163. Бар. **Кёне.** Notices sur les sceaux et les armoiries de la Russie. 1e partie. Berlin 1861 in-4⁰, pag. 6.

Мѣсто, относящееся къ Олеговой монетѣ, перепечатано въ Извѣстіяхъ Археол. Общ. Спб. Томъ III, столб. 345.

164. С. А. **Еремѣевъ.** Нумизматическая замѣтка.

С.-Петербургскія Вѣдомости, 1 февр. 1861, № 26.

165. Catalogue of the valuable collections of ...coins and medals, in gold, silver and copper, formed by the late Baron S. de Chaudoir, of St. Petersburg..., which will be sold by auction... the 2-nd of August, 1861 by Messirs S. Leigh Sotheby & John Wilkinson. Pag. 16 № 283. & p. 18 № 320.

Описаніе златника и серебреника Владиміра перепечатано въ Извѣст. Археол. Общ. Спб. Томъ III, столб. 359.
Сравн. соч. Волошинскаго, стр. VI, и Куника, стр. 49.

166. Фр. **Рачки** (Franjo Rački). Pismo slovjensko. U Zagrebu, p. 81.

По Гатталѣ (Nevengod. 1858, p. 283).

167—171. А. А. **Куникъ**. Розысканія о славяно-византійскихъ монетахъ.

167. — 1) Извѣстіе о найденномъ (въ 1859 году), въ Мекленбургѣ, Владиміровомъ сребрѣ.

Извѣстія Импер. Археол. Общ. Спб. Томъ III, 1861, столб. 69—74. См. № 156 и выше стр. 25.

168. — 2) Извѣстіе о найденномъ въ Польшѣ Владиміровомъ сребрѣ. [Письмо г. Стрончинскаго отъ 27 мая 1861 г. къ г. Кунику].

Извѣстія Археол. Общ. Томъ III, 1861, столб. 74—79. См. выше стр. 21.

169. — 3) О древности монетъ съ именемъ Владиміра. Письмо И. А. Бартоломея [изъ Тифлиса отъ 12 янв. 1861 г.] къ А. А. Кунику.

Извѣстія Археолог. Общества. Томъ III (1861), столб. 105—113.
См. выше, стр. 163 и 168.

170. — 4) Отзывъ г. Гильдебранда [отъ 28 февраля 1861] о небывалой монетѣ Олега, съ замѣчаніями А. Куника.

Извѣстія Имп. Археолог. Общ. Томъ III (1861), столб. 337—359.
См. выше № 161.

171. — 5) Письмо графа А. С. Уварова [изъ Порѣчья отъ 26 дек. 1861] къ А. А. Кунику, о монетахъ Владиміра и Ярослава.

Извѣстія Имп. Археол. Общ. Томъ IV (1862), столб. 127—144.
См. выше, стр. 151, 171.

172. Р. **Шалонъ** (R. Ch.) Извѣстіе о 5 тетр. журнала бар. Кёне (Zeitschrift in-4°. 1861), въ которомъ помѣщенъ отвѣтъ г. Кёне гр. С. Г. Строгонову.

Revue de la numismatique belge. 3e Série. Tome VI. 1862, p. 137.

1862.

173. П. А. **Безсоновъ**. Матеріалы для жизнеописанія К. Ѳ. Калайдовича, и особенно для изображенія ученой его дѣятельности.

Чтенія въ Имп. Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ. Москва 1862. Книга третья, стр. 1—208.

174. Ив. **Смоляръ** (J. Schmaler). Die ältesten russischen Geldwerthzeichen. (По сочиненію Куника).

Zeitschrift für slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft. Band I (Bautzen 1862), p. 29—34, 57—67.

175. **Гроте** (H. Grote). Die ältesten russischen Münzen.

Münzstudien, herausgegeben von H. Grote. 2. Band. (№ VI). Leipzig 1862, p. 917—924.
Статья написана по поводу мнимой Олеговой монеты (см. выше № 129) и отпечатана въ окт. 1861 года. По появленіи статьи, помѣщенной въ Брюссельскомъ журналѣ (см. выще № 152), Гроте прибавилъ «Nachschrift» (pag. 923—924). О самой статьѣ Гроте отозвался Камиль Пике (Picqué) въ Revue de la Numismatique belge. 3e Série. Tome VI. 1862, p. 301.
См. ниже № 185.

176. И. И. **Срезневскій**. Сребро князей Русскихъ.

[1] Древніе памятники русскаго письма и языка X—XIV вѣковъ. Общее повременное обозрѣніе. (Извѣстія II Отдѣленія Импер. Академіи Наукъ. Томъ X, столб. 166. Сравн. столб. 224. Третій выпускъ X тома Извѣстій вышелъ 7 марта 1862 года). ~ [2] Древніе памятники... Спб. 1863, in-4°, стр. 13, 40, 73 и 137. (Перепечатано изъ Извѣстій).
См. выше стр. 152.

177. **Лелевель**. O monecie polskiéj skreślił J. Lelewel. Rzecz... tłumaczona na język polski przez E. Januszkiewicza. Poznań 1862, pag. 5.

Переводъ статьи, написанной Лелевелемъ для одного изъ изданій Сборника Леон. Ходзко (La Pologne illustrée, см. выше № 66). Тотъ же переводъ вошелъ и въ Собраніе сочиненій Лелевеля. См. № 179.

178. Александръ Николаевичъ **Поповъ**. Рец. на сочин. Н. И. Ланге (см. выше № 126).

Отчетъ о 5-мъ присужденіи наградъ графа Уварова. Спб. 1862, стр. 18.

1863.

179. **Лелевель**. Polska. Dzieje i rzeczy jéj. Poznań. Tom V. 1863, p. 237.

См. № 177.

180. Андрей **Предтеченскій**. Въ защиту русскаго православнаго духовенства отъ современныхъ обвиненій и нареканій. Спб. 1863, стр. 129.

1864.

181. А. **Тилезiусъ-фонъ-Тиленау.** Explication de la figure problématique, représentée sur les monnaies de Wladimir 1er et de Iaroslaw 1er par A. Tilésius de Tilenau, conseiller d'Etat. St.-Pétersbourg, 22 pag. in-4°. Съ литограф. таблицею рисунковъ. (Въ видѣ письма къ А. Кунику).

Рец.: [1] Графа Уварова (Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества. Томъ I. М. 1865. Библiографiя, стр. 34—35). — [2] Барона Кёне (Berliner Blätter für Münzkunde. Zweiten Bandes drittes Heft 1865, p. 383—384).

См. выше стр. 175.

182. Баронъ Б. **Кёне.** Byzantinische Nachahmungen.

Berliner Blätter für Münzkunde. Zweiten Bandes erstes Heft (1864), p. 12.

1865.

183. Д. И. **Прозоровскiй.** Монета и вѣсъ въ Россiи до конца XVIII столѣтiя. Изслѣдованiе, стр. 228—233 и 240.

Указатели приложены къ IX Отчету о наградахъ графа Уварова (Спб. 1866), стр. 124.

184. Д. П. **Сонцовъ.** Нумизматическiя изслѣдованiя славянскихъ монетъ. Москва. Ч. I (1865), стр. 25.

См. выше стр. 27.

185. **Гроте** (H. Grote). Zum zweiten Bande der Münzstudien. Die ältesten russischen Münzen. Von Kunik in Petersburg.

Münzstudien. Herausgegeben von H. Grote. Vierter Band. Leipzig 1865, pag. 310—311. (Извлечено изъ письма А. Куника). См. выше № 175.

186. Бар. **Кёне** упоминаетъ о существованiи (ганноверскаго) экземпляра бронзовой Ярославовой монеты.

Въ Рец. на сочин. Тилезiуса фонъ-Тиленау въ Berliner Blätter fur Munzkunde. Zweiten Bandes drittes Heft (1865), p. 384.

См. выше стр. 67, 68, 230 и Табл. 13, № 6.

1866.

187. Е. Е. **Лѣствицынъ** въ Ростовѣ. (На основанiи его статьи, помѣщенной въ Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ (1866 г., № 3), составлено извѣстiе подъ заглавiемъ: „Частныя собранiя монетъ и древностей въ Ярославской губернiи“.

Извѣстiя Имп. Археологическаго Общества. Томъ VI (Отд. II), Вып. 6, столб. 215.

Упомянутые здѣсь два экземпляра изъ Нѣжинскаго клада были куплены Еф. Еф. Луценко у прiѣзжаго изъ Кiева въ Керчь чиновника, а послѣ уступлены Байкову въ Ростовѣ. Въ 1881 году оба экз. вошли въ составъ нашей коллекцiи и изображены на Табл. 14 (№ 3, 4).

188. Н. **Аристовъ.** Промышленность древней Руси. Спб. 1866, стр. 128.

1867.

189. Д. П. **Сонцовъ.** Нумизматическiя изслѣдованiя славянскихъ монетъ. Часть I. Вып. II. Москва, стр. 41.

190. С. А. **Holmboe.** Om det ældre Russiske Vægtsystem. (О древне-русской системѣ вѣса).

Forhandlinger i Videnskab-Selskabet i Christiania. Aar 1867, pag. 28, 30 (3).

1868.

191. Митрополитъ **Макарiй.** Исторiя русской церкви. Второе изданiе. Томъ I. Спб., стр. 81.

192. Ник. **Закревскiй.** Описанiе Кiева. Вновь обработанное и значительно умноженное изданiе съ приложенiемъ рисунковъ. Напечатано иждивенiемъ Московскаго Археологическаго Общества. Томъ I. Кiевъ 1868, стр. 148, 556.

193. Д. И. **Прозоровскiй.** Каталогъ русскимъ медалямъ и монетамъ, хранящимся въ музеѣ Имп. Русскаго Археологическаго Общества (съ таблицей рисунковъ). Изд. 2-е. Спб. стр. 20—21 и приписка къ стр. 161.

1871.

194. М. П. **Погодинъ.** Древняя русская исторiя до монгольскаго ига. Томъ I. Москва 1871 in-4°, стр. 84, 182.

195. М. М. **Михайловъ.** Исторiя русскаго права. Лекцiи 1—18. Спб. 1871, стр. 113, 87.

196. **Н.**(иколай) **А.**(венарiусъ). Византiйскiй перiодъ нашей нумизматики.

Всемiрная Иллюстрацiя, № 115, 13 марта, стр. 179.

197. Николай Авенаріусъ. Нѣчто о кунѣ.

Извѣстія Имп. Археолог. Общ. Томъ VII, (вып. 2-й), столб. 114. (Статья написана въ 1868 году).

198. Д. И. Прозоровскій. Куны.

Извѣстія Археолог. Общ. Томъ IX (Спб. 1871), столб. 129, 131, 132, 139.

1872.

199. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Русская исторія. I. Спб. 1872, стр. 265.

Geschichte von Russland, übersetzt von Schieman. Erster Band. Mitau 1873.

1875.

200. Графъ Э. К. Гуттенъ-Чапскій. Удѣльныя, великокняжескія и царскія деньги древней Руси. Спб. in-4°. №№ 9 и 10 (стр. 3—4).

См. выше стр. 45.

201. С. Любичъ (Ljubić). Opis jugoslavenskih novaca od prof. Sime Liubića. U Zagrebu, in-4°.

См. выше стр. 153.

202. В. Ягичъ (V. Jagić). O Ljubićevoj jugoslavenskoj numismatici.

Obzor. Zagreb 1875, № 54.

См. выше стр. 153.

1876.

203. Данненбергъ. (Рец. на соч. Любича).

Zeitschrift für Numismatik. Redigiert v. Sallet. Band 3. Berlin, p. 170.

См. выше стр. 153.

1877.

204. С. В. Ведровъ. О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ сравнительно съ законами салическихъ Франковъ.

Чтенія Общ. исторіи и древн. россійскихъ. Москва, стр. 56—59.

205. Кладъ Владиміровыхъ монетъ, найденный при постройкѣ зданія архитекторомъ В. Н. Николаевымъ въ Старомъ Кіевѣ.

См. выше стр. 12 и 128.

1878.

206. Д. Прозоровскій. По вопросу о регаліяхъ, приписываемыхъ Владиміру Мономаху.

Труды третьяго Археологическаго Съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Кіевѣ въ августѣ 1874 года. Томъ II. Кіевъ 1878. Приложенія, стр. 146.

1879.

207. А. Куникъ. (Заявленіе объ уцѣлѣвшемъ златникѣ Владиміра, принадлежавшемъ академику Кругу).

Записки Имп. Академіи Наукъ. Томъ 35. Протоколъ (засѣданія историко-филологическаго Отдѣленія, 22 мая 1879 года), стр. 55.

208. И. Забѣлинъ. Исторія русской жизни. Часть вторая. Москва стр. 505 (прим. 95).

209. И. Д. Бѣляевъ. Лекціи по исторіи русскаго законодательства. Москва стр. 201.

210. А. Рамбо (Alfred Rambaud). Histoire de la Russie. Deuxième édition. Paris p. 64.

211. П. Ванье (Polydore Vacquier). Médaille de Saint-Vladimir, frappée dans la ville de Chersonèse. Étude de Numismatique. Moscou in-8°.

Сравн. выше № 13—15.

1880.

212. Д. Иловайскій. Исторія Россіи. Москва, ч. II. (Владимірскій періодъ), стр. 327—328.

См. выше стр. 164.

213. С. Соловьевъ. Исторія Россіи. Томъ III. Изданіе пятое. Москва 1880. Прим. 112.

214. Хр. Хр. Гиль (Chr. Giel). Quelques remarques sur la Collection Schubert. St.-Pét. in-4°, p. 1. 2.

1881.

215. Ю. Фридлендеръ (Jul. Friedländer). Münzfund in Posen (т. е. въ познанской провинціи).

Zeitschrift für Numismatik. Redigiert von A. v. Sallet. 8. Band. p. 149—150.

См. выше стр. 67, 68, 230 и Табл. 13, № 3.

216. П. Мрочекъ-Дроздовскій. Опытъ изслѣдованія источниковъ по вопросу о деньгахъ Русской Правды.

Ученыя Записки Имп. Московскаго Университета. Отдѣлъ юридическій. Выпускъ второй. М. 1881, стр. XVI и слѣд.

Библіографическія замѣтки о подражаніяхъ и поддѣлываніи монетъ императоровъ Василія II и Константина XI Романовичей (976—1025) на Сѣверо-Востокѣ Европы.

А. Болеславле сребро съ такъ назыв. патріаршимъ крестомъ.

1829.

(№ 1, съ лат. надписью).

217. **Волянскій.** Spis monet Piastowskich, znajdujących się niegdyś w zbiorze Tadeusza Wolańskiego.

Pieniądze Piastów od czasów najdawniejszych do roku 1300. W Warszawie 1847. (На стр. 8 Прибавленія къ своему сочиненію К. Стрончинскій напечаталъ нарисованный Волянскимъ въ 1829 г. рисунокъ Болеславля сребра съ лат. надписью и такъ назыв. патріаршимъ крестомъ. Тотъ же рисунокъ у Лелевеля (Polska średnich wieków. Tom. IV. Poznań 1851, Tabl. 6, № 38) и у Куника (о русско-виз. мон. D, № 5).

См. выше стр. 215.

1848.

(№ 2, съ кирилл. надписью).

218. К. **Стрончинскій.** Nowości numismatyczne (объ экз., найденномъ въ 1847 г. въ окрестностяхъ города Пинчова).

Biblioteka Warszawska. 1848. Tom pierwszy, p. 93—100.
Рисунокъ 2-го экз. повторили по Стрончинскому (№ 1 Таблицы) Лелевель (Polska wieków śr. IV, Табл. 6, № 39), Куникъ (Табл. D, № 4) и изъ соч. послѣдняго Срезневскій (см. выше № 140), столб. 379.

См. выше стр. 215—217.

219. Петръ Павл. **Дубровскій.** (Письмо его о Пинчовскомъ экз. къ гр. С. Г. Строгонову, читанное въ засѣданіи Археологическо-Нумизматическаго Общества, 9 февр. 1848 г.).

Записки С.-Петербургскаго Археологическо-Нум. Общ. Томъ первый. 1849, стр. 272.

1851.

220. J. **Лелевель.** Polska wieków średnich Tom IV. Poznań 1851, стр. 339, 354.

Сравн. соч. Куника о русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I, стр. 147.

1860.

221. А. **Куникъ.** О чешско-византійскихъ монетахъ.

О русско-виз. монетахъ, стр. 147—149. Сравн. выше стр. 217

1860.

(№ 3, съ кирилл. надписью).

222. Бар. **Кёне** заявляетъ (см. выше статьи подъ №№ 146, 151 и ниже № 223), что недавно получилъ Болеславле сребро отъ берлинскаго нумизмата Данненберга.

См. Рисунокъ этой монеты, (пріобрѣтенной въ 1878 г. г. Куникомъ изъ коллекціи кн. В. А. Вадбольскаго; см. выше стр. 67) у насъ на Табл. 13, № 7.

1863.

(№ 4, съ кирилл. надписью).

223. Христіанъ **Томсенъ.** Der Oster-Larskjer (чит. Ny-Larskjer) Fund.

Berliner Blätter für Münz-, Siegel- und Wappenkunde. Zweiten Bandes erstes Heft. Berlin 1864, pag. 55 (съ Примѣч. бар. **Кёне**, стр. 63—64).
Рисунокъ борнгольмскаго экземпляра, вырытаго въ 1863 г. и поступившаго въ Копенгагенскій музей, находится на Табл. 14 (№ 2) Berliner Blätter и у насъ на Табл. 13, (№ 8).

1881.

(№ 5, съ кирилл. надписью)

224. Этотъ экземпляръ только-что поступилъ въ Берлинскій музей отъ г. Данненберга, недавно получившаго ее изъ Силезіи.

Описаніе этого экземпляра будетъ напечатано въ берлинскомъ журналѣ: Zeitschrift für Numismatik.

Б. Поддѣлываніе типа монетъ императоровъ Василія и Константина Романовичей (976—1025), преимущественно въ Скандинавіи въ 11-мъ вѣкѣ.

1836.

225. Христ. **Томсенъ.** Beiträge zur Erklärung einiger Münzen des Mittelalters.

Blätter für Münzkunde. Hannoversche numismatische Zeitschrift. Herausgegeben von H. Grote in-4°. 2. Band, Sp. 333, 334. Tafel XII, № 195—200.

Сравн. выше «Кругъ» (подъ № 6 и 8) и замѣтку Томсена въ Berliner Blätter für Münzkunde. Zweiten Bandes erstes Heft 1864, p. 53—54.

1857.

226. Atlas de l'Archéologie du Nord, représentant des échantillons de l'âge de bronze et de l'âge de fer. Publié par la Société Royale des Antiquaires du Nord. Copenhague 1857 in-fol.

Pag. 7, IV, V. Tabl. III, n° 36—39, n° 40—45. Tabl. XII, n° 248.

1855. 1860.

227. Къ Археологическому Атласу относится слѣдующая Записка **Томсена** на датскомъ и французскомъ языкахъ:

— Om Guldbracteaterne og Bracteaternes tidligste Brug som Mynt.

Annaler for Nordisk Oldkyndighed og Historie 1855. Kjöbenhavn in 8°.

— Sur les bractéates en or et sur le premier emploi de bractéates en or comme monnaies.

Mémoires de la Société Royale des Antiquaires du Nord. 1850—1860. Copenhague in-8°, pag. 203—293.

Въ приведенной объяснительной запискѣ Томсена для насъ особенно любопытны слѣдующіе два параграфа:

— IV. Bractéates qui nous montrent des imitations des monnaies des empereurs Basile II Porphyrogénète et Constantin le onze (975—1025).

Mémoires de la Société Royale des Antiquaires du Nord. 1850—1860, pag. 234—236.

См. у насъ на Табл. 15, № 7 и 10 поддѣльныя монеты такого рода.

— V. Bractéates portant des caractères cufiques, véritables ou en imitations.

Mémoires de la Société Royale des Antiquaires du Nord. 1850—1860, pag. 236—237.

См. у насъ на Табл. 15, № 9 поддѣльную византійско-арабскую монету.

1860.

228. А. **Куникъ.** О . . . варяжско-византійскихъ брактеатахъ и монетахъ.

О русско-виз. монетахъ Ярослава I, стр. 149—155 и 160.

1862.

229. И. **Сабатье (J. Sabatier).** De quelques imitations de la monnaie byzantine.

Description générale des monnaies byzantines. Tome premier. Paris 1862 in 8°, pag. 88—92.

1864.

230. Бар. Б. **Кёне.** Byzantinische Nachahmungen.

Berliner Blätter für Münz-, Siegel- und Wappenkunde. Zweiten Bandes erstes Heft. Berlin 1864, pag. 8—16. Рисунки на Табл. XV.

ДОПОЛНЕНІЕ.

1812.

231 (№ 15[a]). Митроп. **Евгеній.** († 1837). Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей. Томъ II. Москва 1845, стр. 95.

Словарь этотъ конченъ былъ первоначально въ 1812 г. Сравн. №№ 28 и 42 и см. выше 135.

Около 1820 г.

232 (26[a]). Вас. Вас. **Капнистъ.** (Письмо его къ М. В. Могилянскому съ препровожденіемъ „исторической выписки касательно монетъ Владиміра и Ярослава").

Матеріалы (см. № 34 и 173), стр. 122.

То что выше (стр. 8, 9, 134) сказано о пріѣздѣ М. В. Могилянскаго въ Петербургъ, основано на ясномъ свидѣтельствѣ Круга, сообщенномъ намъ г. Куникомъ. Но впослѣдствіи, на основаніи письма канцлера Румянцова къ Кругу отъ 10 апр. 1820, оказалось, что онъ получилъ (вѣроятно зимою 1817—18), черезъ посредничество В. В. Капниста, только на разсмотрѣніе златникъ и серебреникъ Владиміра, принадлежавшіе Могилянскому.

1827.

233 (44[a]). Мих. Троф. **Каченовскій.** О старинныхъ названіяхъ въ Россіи денегъ металлическихъ въ смыслѣ ходячей монеты.

Вѣстникъ Европы. М. 1827 (№ 15), стр. 204.
Сравн. выше № 60.

1835.

234 (55[a]). **Гроте.** Serbische Münzen.

Blätter für Münzkunde. Herausgegeben von H. Grote. 1. Band. Leipzig 1835 in-4⁰, № 28, Sp. 12.
По Шафарику (см. выше № 47).

235 (55[b]). М. Т. **Каченовскій.** О кожаныхъ деньгахъ.

Ученыя Записки Московскаго Университета (1835 г.), Часть осьмая, стр. 33.
См. ниже № 236 и № 242.

236 (55[c]). Степ. **Руссовъ.** Опытъ о кожаныхъ деньгахъ. Спб. 1835, стр. 40 и 55.

1839.

237 (66[a]). А. И. **Оленинъ.** (Письмо его, отъ 4 янв. 1839, къ купцу А. А. Медынцову, владѣльцу — поддѣльнаго — экземпляра Ярославля серебра).

Напечатано въ соч. Куника о русско-виз. мон. Ярослава, стр. 32. См. также мнѣніе М. Погодина (№ 105) и гр. Строгонова (№ 109).

1839 (1838).

238 (см. № 63 подъ 1838 г.). W. (т. е. И. П. **Сахаровъ**). Современная хроника русской нумизматики.

Сѣверн. Пчела 1839 г., № 69—70 (31 марта и 1 апр.) и № 124—125 (6 и 7 іюня).

— Современная хроника русской нумизматики въ 8-ю дол. (См. выше № 63).

«Хроника» или «Лѣтопись» русской нумизматики Сахарова дошла до насъ въ 4 редакціяхъ (1839—1851). 19 янв. 1839 г. (см. выше № 71) цензурой было позволено Сахарову печатать представленное имъ рукописное сочиненіе объ этомъ предметѣ. Вскорѣ послѣ того онъ напечаталъ первоначальную редакцію своей Лѣтописи въ Сѣверной Пчелѣ (см. выше 238). Ту же самую статью онъ перепечаталъ съ нѣкоторыми поправками и дополненіями, въ своей собственной типографіи въ 8 дол., но не выпустилъ ея. Вслѣдствіе того онъ вовсе не упоминаетъ объ этой перепечаткѣ въ спискѣ книгъ, имъ отдѣльно изданныхъ. См. Русскій Архивъ, издав. П. Бартеньевымъ, 1873 года. Кн. I, столб. 928 и 933.

1841.

239 (70[a]). Фил. **Детье.** (Phil. Ant. Dethier). Commentationis historicae vindiciarum quatuor primorum Poloniae christian. regum specimen. Berolini (1841 in-8⁰), pag. 25.

1842.

240 (71[a]). Фил. **Детье.** — Epistola inedita Mathildis Suevae, . . . data anno 1027 aut 1028 ad Misegonem II, Poloniae regem, et commentarius critico-historico-exegeticus in eam epistolam...

Auctore Phil. A. Dethiero. Cum tab. aer. inc. Berol., Behr 1842.

Съ изображеніемъ Владиміpова серебра.

1846.

241 (82[a]). Ф. Крузе (Friedr. Kruse). Ur-Geschichte des Esthnischen Volksstammes. Leipzig (Moskau), p. 493.

1849.

242 (75[a]). М. Каченовскій († 1842). Два разсужденія о кожаныхъ деньгахъ и о Русской Правдѣ. Москва 1849, стр. 84.

См. перв. и вторую редакціи этой статьи въ Вѣстникѣ Европы 1827 и 1828 г, и въ Уч. Зап. Московск. Универс. 1835, № 9 и 10.

Сравн. Опытъ Степ. Руссова (№ 236) и Изслѣдов. Погодина. Томъ I. (1846), стр. 333 и 345. Сравн. Томъ III, стр. 383.

1852.

243 (№ 94). Б. Б. Кёне. Описаніе Европейскихъ монетъ, находимыхъ въ Россіи.

Въ русскомъ изданіи этой статьи мѣсто о находкѣ въ Кіевѣ «серебреника какого-то южно-славянскаго Ярослава» (Mém. Vol. IV, p. 239), редакторомъ IV тома Зап. (стр. 18), А. Н. Поповымъ, передано слѣдующимъ образомъ: «о находкѣ тамъ сребра Ярославова».

1855.

244 (112[a]). Н. Лебедевъ. О деньгахъ, обращавшихся въ Россіи съ 862 по 1663 годъ. Изданіе второе, дополненное. Новгородъ 1855, стр. 12.

Отпечатано изъ Новгородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. (Часть неофиц. № 45).

Изъ Новг. Губ. Вѣд. эта статья была перепечатана въ Олон. Губ. Вѣд. (Часть неофиц. № 46 и 47) и съ дополненіями въ Подольск. Губ. Вѣд. того же года (Отд. II, къ № 49).

Сравн. выше № 102.

1869.

245 (193[a]). М. П. Погодинъ. Судьбы археологіи въ Россіи. (Читано 16 марта 1869 въ первомъ Засѣданіи Археологическаго съѣзда въ Москвѣ).

Труды перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ 1869. Изданы подъ редакціей гр. А. С. Уварова. Москва 1871 in 4°, (Приложенія) стр. 8, 28 и 35.

1875.

246 (202[a]). М. Хмыровъ. Металлы, металлическія издѣлія и минералы въ древней Россіи. (Матеріалы для исторіи русскаго горнаго промысла). Сочиненіе М. Д. Хмырова. Исправлено и дополнено К. А. Скальковскимъ. Спб. 1875, стр. 41—45, 52.

1879.

247 (211[a]). В. Д. Сиповскій. Родная Старина. Отечественная исторія въ разсказахъ и картинахъ съ IX по XIV столѣтіе. Спб. стр. 76.

Имена авторовъ, встрѣчающихся въ Библіографическомъ спискѣ, въ алфавитномъ порядкѣ.

УКАЗАТЕЛИ *).

I. УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫЙ И ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ.

*) Цифры означаютъ страницы; когда передъ ними стоитъ № — то онѣ означаютъ номеръ, подъ которымъ приводится монета, при описаніи которой употреблены то или другое имя или терминъ.

*) На стр. 207 по ошибкѣ напечатано, что г. Снигиревъ писалъ письмо Калайдовичу; письмо не Снигирева, а Сигуревича.

*) На стр. 64 напечатано: .... Сребро Ярославле, кромѣ Штарка (Cours d'économie politique....) .....; слѣдуетъ читать Шторха.

II. УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТНЫЙ.

III. УКАЗАТЕЛЬ ЛЕГЕНДЪ.

(Буквою f отмѣчены легенды на монетахъ поддѣльныхъ).

1 ВРА ... ИМРАСРА

2

3

4 ВЕОНН..................

5 ....ИМРАСРА

6

7 ИМРАСРА

8

9

10

11 ИСО ... РАСРА

12

13

14.

15 ВА МИР ЧИЕСТОЛЬ

16.

17. ....ИНА СТОЛ

18.

19.

20.

21 ВЛАДИМИ ... НА

22 КИН

23

ФОТОГАЛОТИПЪ СЪ ОРИГИНАЛА.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТ. ГОСУД. БУМАГЪ

22.

ч съ оригиналовъ де Кастелл.

ФОТОГАЛОТИПЪ СЪ ОРИГИНАЛА. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТ. ГОСУД. БУМАГЪ

Таблица 3.

Рис.	1.	Лицевая сторона монеты Св. Владиміра серебряной, IV типа, находящейся въ нашей коллекціи и описанной въ 1 главѣ подъ	№ 68	на стр.	40
„	2.	„ „ „ „ „ „ „ „ „ „	№ 69	„	41
„	3.	„ „ „ „ „ „ „ „ „ „	№ 77	„	43—44
„	4.	„ „ „ „ „ „ „ „ „ „	№ 79	„	44
„	5.	„ „ „ „ „ „ „ „ „ „	№ 82	„	45
„	6.	Лиц. ст. серебр. мон. Святополка; нашей колл.; опис. подъ	№ 83	„	47
				срвн. стр.	194
„	7.	„ „ „ „ „ „ „ „ „	№ 84	на стр.	48
„	8.	„ „ „ „ „ „ „ „ „	№ 88	„	48
„	9.	„ „ „ „ „ „ „ „ „	№ 89	„	49
„	10.	„ „ „ „ „ „ „ „ „	№ 91	„	49
„	11.	„ „ „ „ „ „ „ „ „	№ 92	„	49
„	12.	„ „ „ „ „ „ „ „ „	№ 88	„	48
„	13.	„ „ „ „ „ „ „ „ „	№ 94	„	50
„	14.	„ „ „ „ „ „ „ „ „	№ 95	„	50
„	15.	„ „ „ „ „ „ „ „ „	№ 97	„	51
„	16.	„ „ „ „ „ „ „ „ „	№ 99	„	51
„	17.	Лиц. ст. серебр. мон. Ярослава I типа „ „ „ „	№ 102	„	55—56
„	18.	Лиц. ст. мон. Ярослава II типа „ „ „ „	№ 104	„	58
„	19.	„ „ „ „ „ „ „ „ „ „	№ 105	„	58
„	20.	„ „ „ „ „ „ „ „ „ „	№ 106	„	58

Всѣ эти монеты изъ Нѣжинскаго клада. На Таблицѣ 3а надписи, находящіяся на лиц. ст. монетъ, подъ соотвѣтствующими №№; на слѣдующей, 4-й Таблицѣ изображены оборотныя стороны тѣхъ-же экземпляровъ.

1.

2.

3.

4.

5.

6.

7.

8.

9.

10.

11.

12.

13.

14.

15.

16.

17.

18.

19.

20.

съ оригиналовъ до К

Фотогалотипія съ оригинала. Экспедиція загот. госуд. бумагъ

Таблица 4.

Рис. 1.	Оборотная сторона монеты Св. Владиміра серебряной, IV типа, находящейся въ нашей коллекціи и описанной въ 1 главѣ подъ	№ 68	на стр.	40
„ 2.	„ „ „ „ „ „ „ „ „ „	№ 69	„	41
„ 3.	„ „ „ „ „ „ „ „ „ „	№ 77	„	43—44
„ 4.	„ „ „ „ „ „ „ „ „ „	№ 79	„	44
„ 5.	„ „ „ „ „ „ „ „ „ „	№ 82	„	45
„ 6.	Об. ст. серебр. мон. Святополка; нашей колл.; опис. подъ	№ 83	„	47 срвн. стр. 181
„ 7.	„ „ „ „ „ „ „ „ „	№ 84	на стр.	48
„ 8.	„ „ „ „ „ „ „ „ „	№ 88	„	48
„ 9.	„ „ „ „ „ „ „ „ „	№ 89	„	49
„ 10.	„ „ „ „ „ „ „ „ „	№ 91	„	49
„ 11.	„ „ „ „ „ „ „ „ „	№ 92	„	49
„ 12.	„ „ „ „ „ „ „ „ „	№ 88	„	48
„ 13.	„ „ „ „ „ „ „ „ „	№ 94	„	50
„ 14.	„ „ „ „ „ „ „ „ „	№ 95	„	50
„ 15.	„ „ „ „ „ „ „ „ „	№ 97	„	51
„ 16.	„ „ „ „ „ „ „ „ „	№ 99	„	51
„ 17.	Об. ст. серебр. мон. Ярослава I типа „ „ „ „	№ 102	„	55—56 срвн. стр. 181 и 194
„ 18.	Об. ст. мон. Ярослава II типа „ „ „ „	№ 104	на стр.	58
„ 19.	„ „ „ „ „ „ „ „ „ „	№ 105	„	58
„ 20.	„ „ „ „ „ „ „ „ „ „	№ 106	„	58

Всѣ эти монеты изъ Нѣжинскаго клада. На Таблицѣ 4а надписи, находящіяся на об. ст. монетъ, подъ соотвѣтствующими №№; на предъидущей, 3-й Таблицѣ изображены лицевыя стороны тѣхъ-же экземпляровъ.

1.

2.

3.

4.

5.

6.

7. СЕРЕБРО

8. СЕРЕБР

9. СЕ

10. ЕГ О

11. ГО СЕРЕБРО

12. СЕРЕБР

13. ЕГО

14.

15.

16.

17.

18.

19.

20.

Рѣз. съ оригиналовъ де Кастелли

ФОТОГІАЛОТИПЪ СЪ ОРИГИНАЛА.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТ. ГОСУД. БУМАГЪ

Таблица 5.

Рис. 1 и 2.	Два экземпляра золотой монеты Св. Владиміра, чеканенные одними штемпелями, находящіеся въ колл. Императорскаго Эрмитажа и описанные въ 1 главѣ подъ.	№ 1	на стр. 1—2
„ 3.	Золотая монета, находящаяся тамъ-же и описанная подъ	№ 2	„ 2—3
„ 4.	„ „ „ „ „ „	№ 3	„ 3
„ 5.	„ „ „ „ „ „	№ 2	„ 2—3
„ 6.	Монета Св. Владиміра серебряная II типа, находящаяся въ той-же коллекціи и описанная подъ.	№ 28	„ 19
„ 7.	„ „ „ „	№ 31	„ 20
„ 8.	„ „ „ „	№ 40	„ 23—24
„ 9.	Владиміра III типа, той-же коллекціи, описанная подъ	№ 47	„ 32
„ 10.	Владиміра IV типа „ „ „ „	№ 78	„ 44
„ 11.	Монета серебряная Святополка, той-же коллекціи, описанная подъ	№ 85	„ 48
„ 12.	„ серебр. Ярослава, II типа „ „ „ „	№ 107	„ 58

Монеты, изображенныя подъ №№ 1—4 находились въ Эрмитажѣ еще до 1805 года; откуда онѣ происходятъ и когда туда попали — неизвѣстно. Изображенная подъ № 5 входила въ составъ коллекціи Рейхеля. Остальныя всѣ изъ Нѣжинскаго клада. Изображенная подъ № 6 входила въ составъ коллекціи Рейхеля.

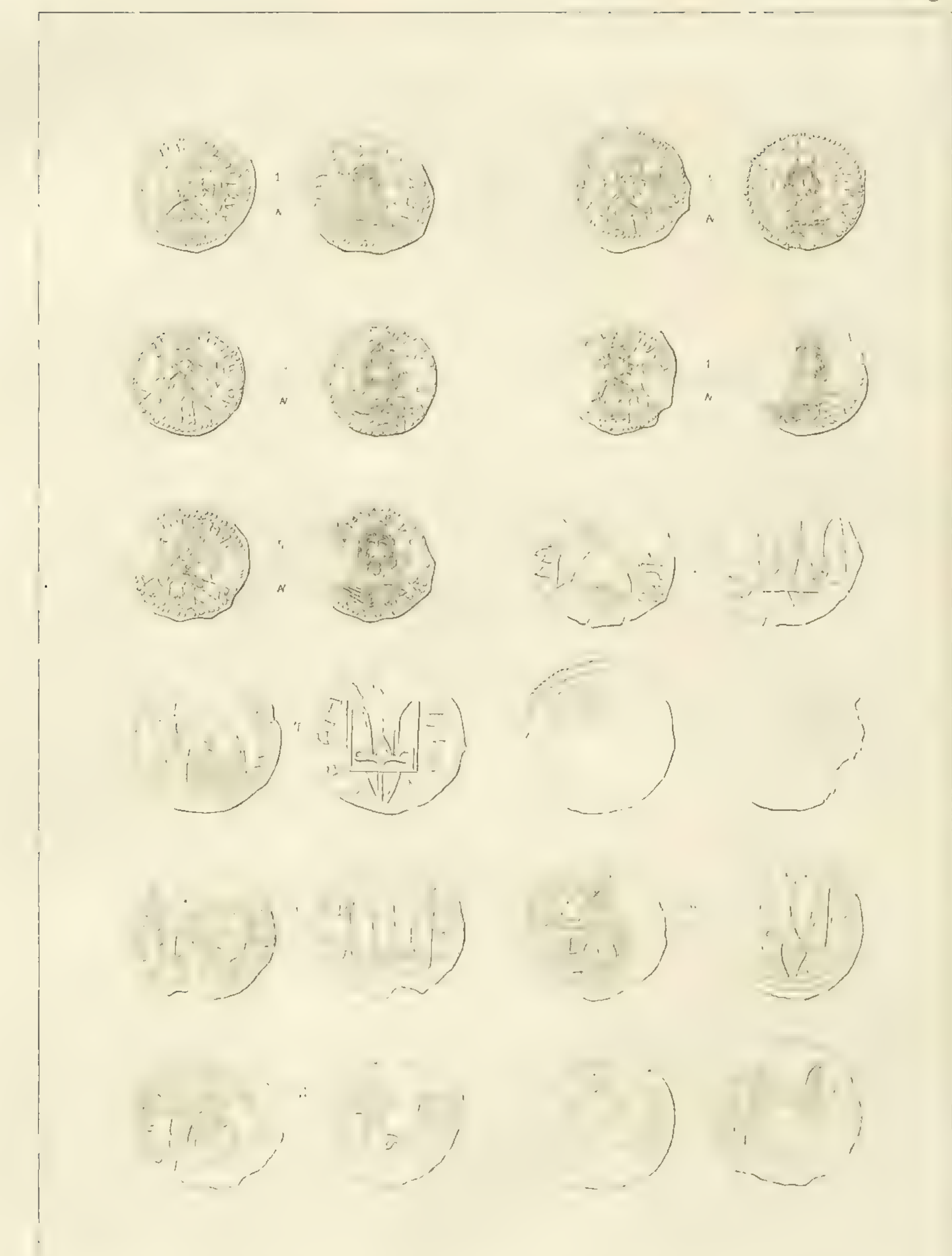
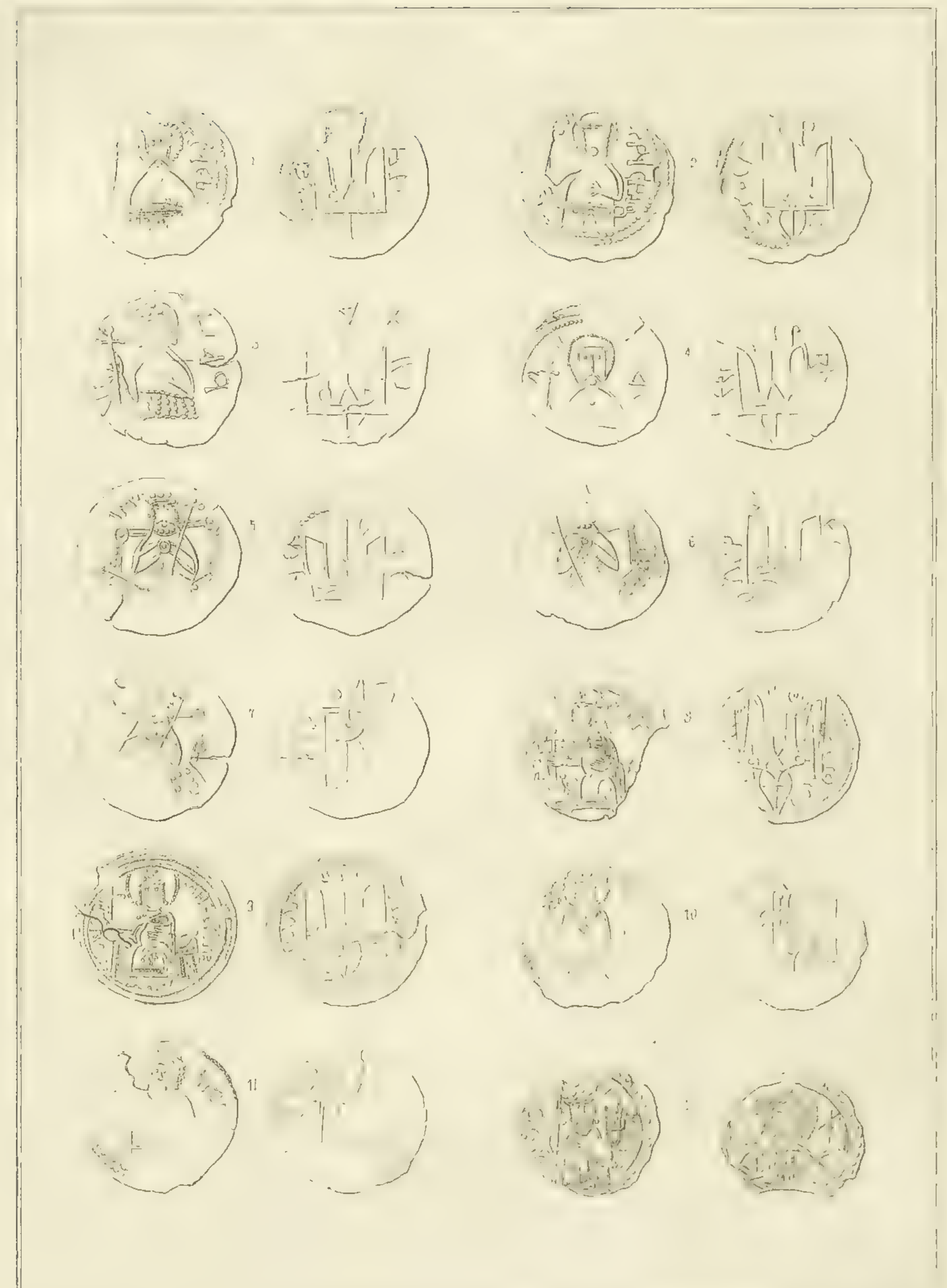

Таблица 6.

Рис. 1.	Монета Св. Владиміра серебряная, II типа, находящаяся въ коллекціи графа С. Г. Строгонова и описанная въ 1 главѣ подъ	№ 21	на стр.	17
„ 2.	„ „ „ „ „ „ „	№ 25	„	18
„ 3.	„ „ „ „ „ „ „	№ 17	„	16
„ 4.	„ „ „ „ „ „ „	№ 39	„	23
„ 5.	Монета Владиміра III типа, находящаяся тамъ-же и описанная подъ	№ 61	„	35
„ 6.	„ „ „ „ „ „ „	№ 56	„	34
„ 7.	„ „ „ „ „ „ „	№ 60	„	35
„ 8.	„ „ IV типа „ „ „ „	№ 74	„	43
„ 9.	„ „ „ „ „ „ „	№ 82	„	45
„ 10.	„ серебряная Святополка „ „ „ „	№ 93	„	49
„ 11.	„ „ „ „ „ „ „	№ 94	„	50
„ 12.	„ Св. Владиміра серебряная I типа „ „ „	№ 5	„	11

Всѣ монеты, за исключеніемъ изображенной подъ № 12, изъ Нѣжинскаго клада. Послѣдняя найдена Ю. Б. Иверсеномъ въ 1860 г. въ небольшомъ собраніи другихъ монетъ.

ъ оригиналовъ де Картело

Таблица 7.

Рис. 1.	Монета Св. Владиміра золотая, находящаяся въ коллекціи Императорской Академіи Наукъ и описанныя въ 1 главѣ подъ.	№ 2	на стр.	2—3
„ 2.	Монета Св. Владиміра серебряная, II типа, принадлежащая А. А. Кунику и описанная подъ.	№ 33	„	20—21
„ 3.	„ „ „ „	№ 30	„	20
„ 4.	Монета Владиміра III типа, принадлежащ. ему-же, описанная подъ	№ 62	„	35
„ 5.	„ „ IV типа „ „ „ „	№ 73	„	42
„ 6.	„ „ „ „ „ „ „	№ 70	„	41—42
„ 7.	„ серебряная Святополка „ „ „ „	№ 98	„	51
„ 8.	Монета Св. Владиміра золотая, находящаяся въ коллекціи С. В. Бодилевскаго; описана подъ.	№ 4	„	3—4
„ 9.	Находящаяся тамъ-же монета Св. Владиміра серебряная, III типа; описана подъ.	№ 52	„	33
„ 10.	Тоже, IV типа.	№ 75	„	43
„ 11.	„ „ „ „ „	№ 69	„	41
„ 12.	Монета серебряная Святополка; находящ. тамъ-же, описанная подъ	№ 95	„	50

Монета, изображенная подъ № 2, найдена близъ Ленчицы (въ Польшѣ); изображенная подъ № 6— въ Ростовскомъ уѣздѣ (въ 1823 г.); изображенная подъ № 8 куплена С. В. Бодилевскимъ у Кіевскаго еврея; остальныя изъ Нѣжинскаго клада.

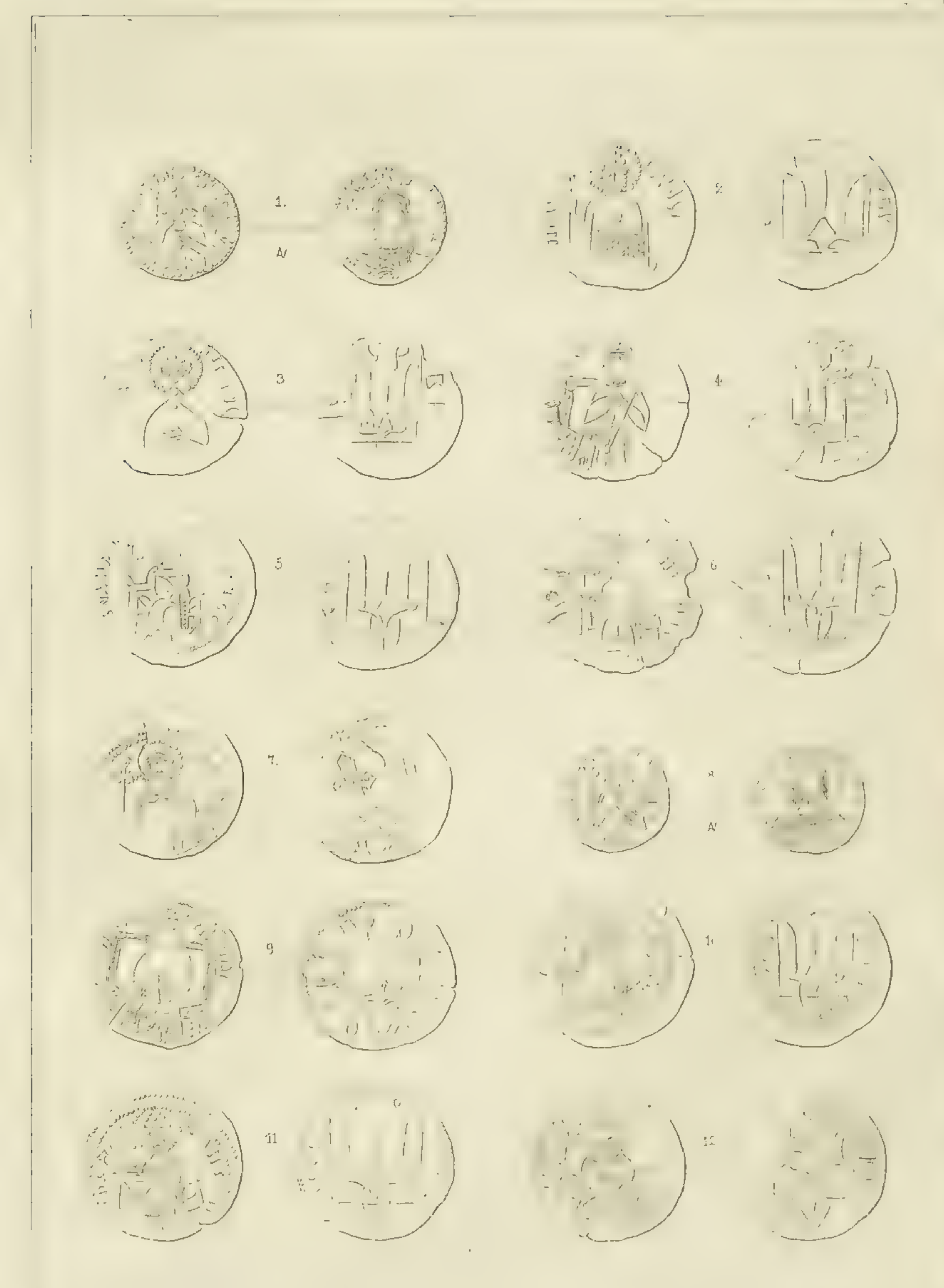

Таблица 8.

Рис.	1.	Монета Св. Владиміра серебряная, II типа, находящаяся въ коллекціи университета Св. Владиміра и описанная въ 1 главѣ подъ. .	№ 32	на стр.	20
„	2.	„ „ „ „ „ „ „ „	№ 31	„	20
„	3.	„ „ „ „ „ „ „ „	№ 26	„	18—10
„	4.	„ „ „ „ „ „ „ „	№ 20	„	17
„	5.	„ „ „ „ „ „ „ „	№ 22	„	17—18
„	6.	„ „ „ „ „ „ „ „	№ 14	„	16
„	7.	„ „ „ „ „ „ „ „	№ 13	„	15—16
„	8.	Монета Владиміра III типа, находящаяся тамъ-же, описанная подъ.	№ 49	„	32
„	9.	„ „ „ „ „ „ „	№ 51	„	33
„	10.	„ „ „ „ „ „ „	№ 50	„	33
„	11.	„ „ „ „ „ „ „	№ 60	„	35
„	12.	„ „ „ „ „ „ „	№ 55	„	33

Всѣ эти монеты изъ Нѣжинскаго клада.

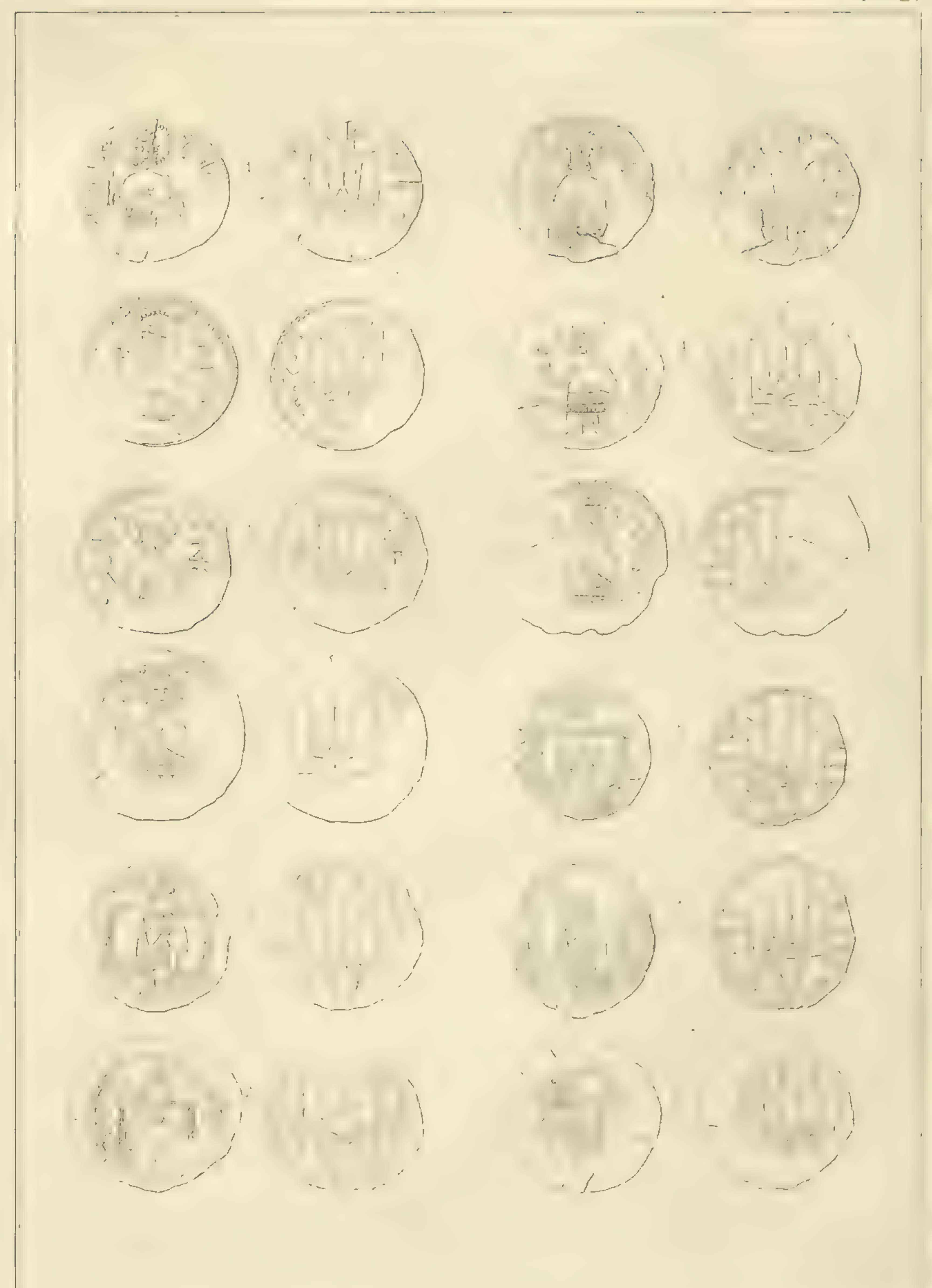
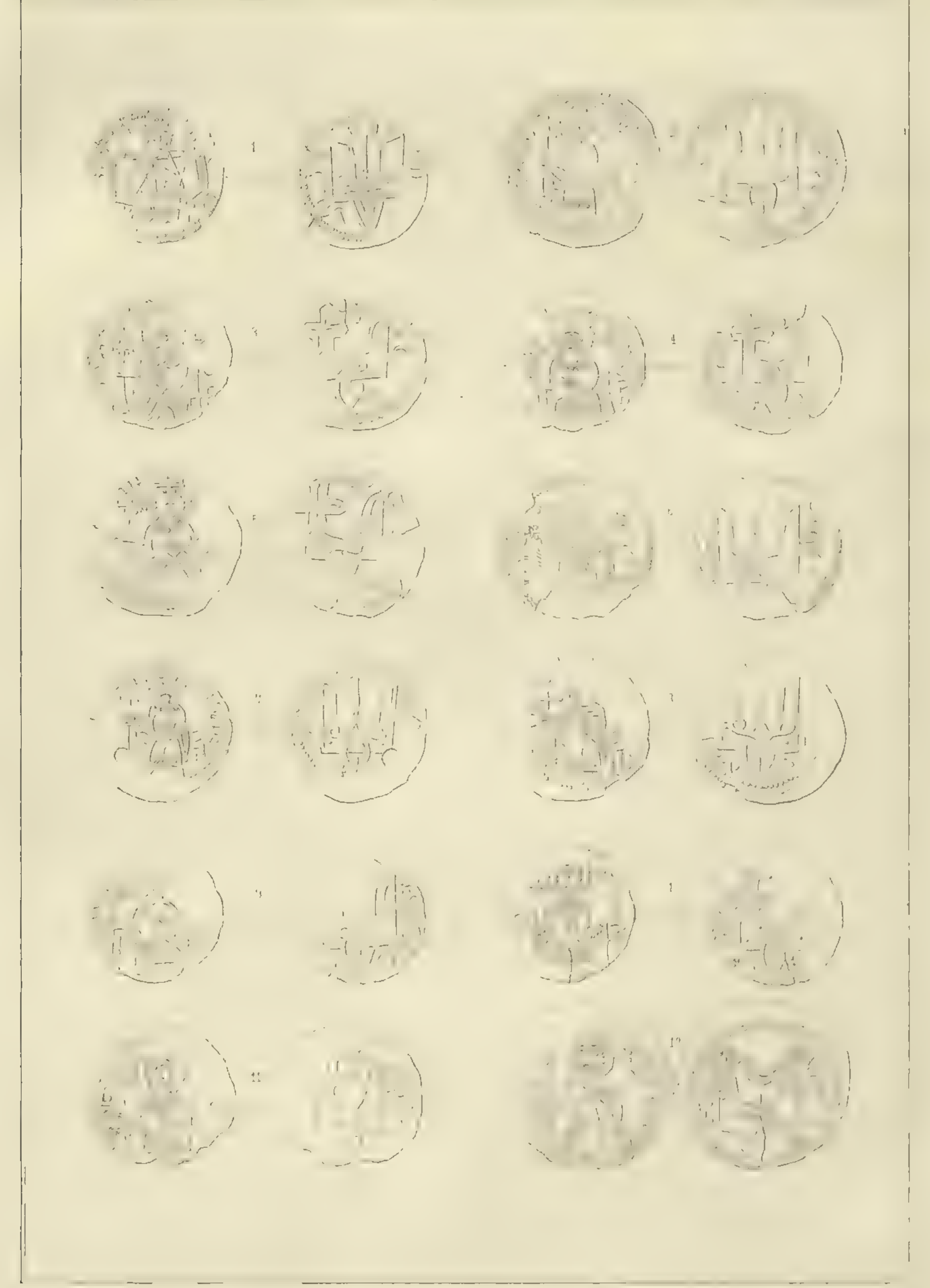

Таблица 9.

Рис.	1.	Монета Св. Владиміра серебряная, III типа, находящаяся въ коллекціи Университета Св. Владиміра и описанная въ 1 главѣ подъ	№ 63	на стр. 36
„	2.	Владиміра IV типа; тамъ-же описанная подъ	№ 71	„ 42
„ „	3. 4.	Монеты Святополка „ „ „	№ 87	„ 48
„	5.	„ „ „ „ „	№ 95	„ 50 срвн. стр. 190
„	6.	„ „ „ „ „	№ 101	на стр. 51—52 срвн. стр. 181
„	7.	„ Св. Владиміра IV т. „ „ „	№ 78	на стр. 44
„	8.	„ „ IV „ „ „ „	№ 72	„ 42
„	9.	„ Святополка „ „ „	№ 96	„ 50—51
„	10.	„ „ „ „ „	№ 100	„ 51
„	11.	„ „ „ „ „	№ 99	„ 51
„	12.	„ Ярослава II типа „ „ „	№ 103	„ 57—58

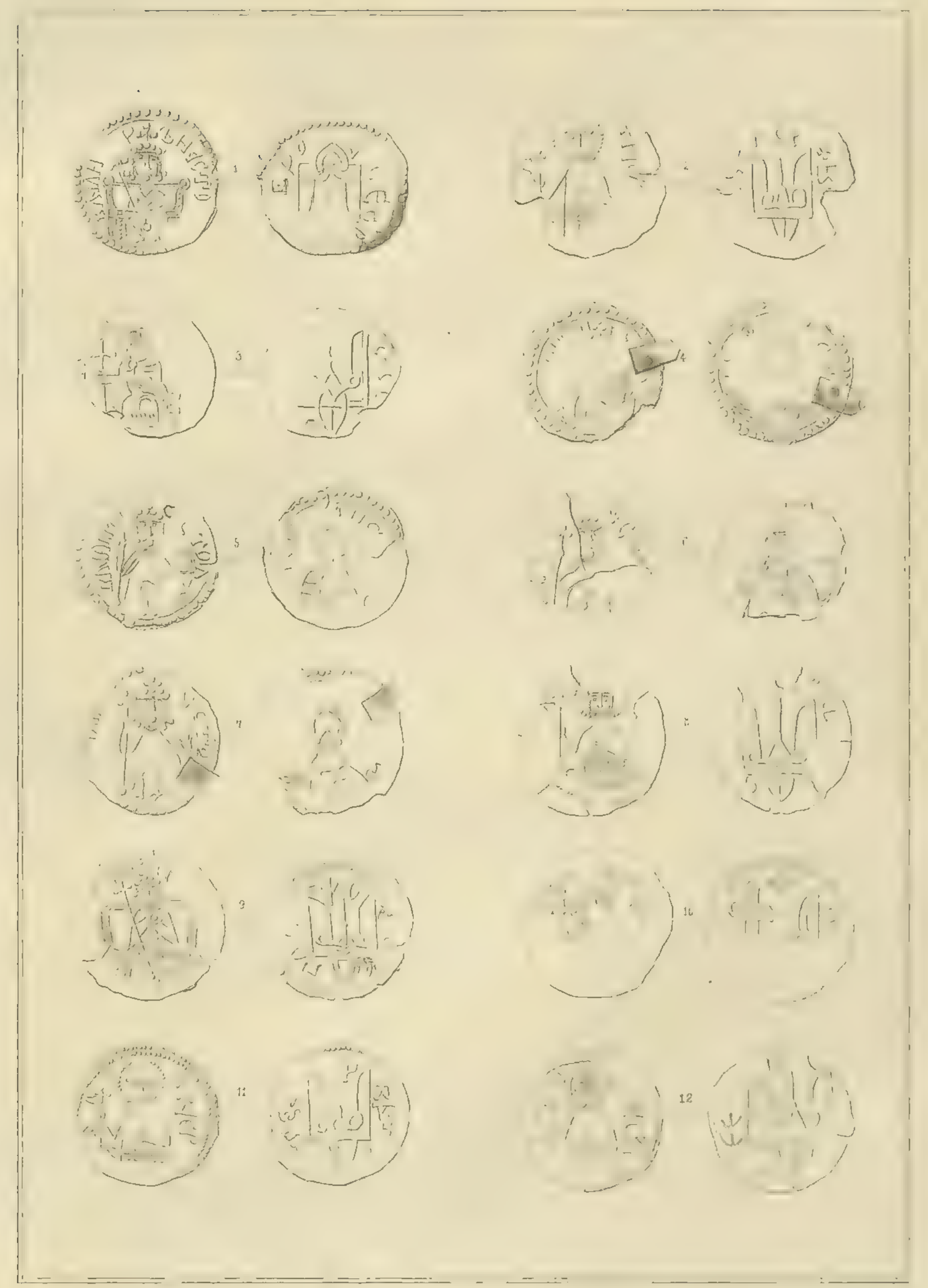
Всѣ монеты изъ Нѣжинскаго клада.

Рѣз съ оригиналовъ де Кастелли

Таблица 10.

Монета, изображенная подъ № 1, найдена въ Борисполѣ, Черниговской губ. (ок. 1810 г.); изображенныя подъ №№ 4—7 — въ курганахъ въ Быковскомъ уѣздѣ Могилевской губ. г. Турбинымъ. Остальныя изъ Нѣжинскаго клада.

Рѣз. съ оригиналовъ де Костюма

Таблица 11.

Рис.	1.	Монета Св. Владиміра серебряная, II типа, находящаяся въ коллекціи Императорскаго Эрмитажа и описанная въ 1 главѣ подъ.....	№ 19	на стр.	17
„	2.	„ „ „ „ „ „ „	№ 24	„	18
„	3.	„ „ „ „ „ „ „	№ 44	„	24
„	4.	„ „ „ „ „ „ „	№ 34	„	21
„	5.	„ „ „ „ „ „ „	№ 37	„	22
„	6.	„ „ „ „ „ „ „	№ 43	„	24
„	7.	Владиміра III типа, находящ. тамъ-же и опис. подъ.........	№ 54	„	33
„	8.	„ „ „ „ „ „ „ „	№ 57	„	34
„	9.	„ „ „ „ „ „ „ „	№ 58	„	34—35
„	10.	„ „ „ „ „ „ „ „	№ 59	„	35
„	11.	„ IV „ „ „ „ „ „	№ 80	„	44
„	12.	Монета Святополка „ „ „ „ „	№ 88	„	49
				срвн. стр.	190
„	13.	„ „ „ „ „ „ „	№ 90	на стр.	49

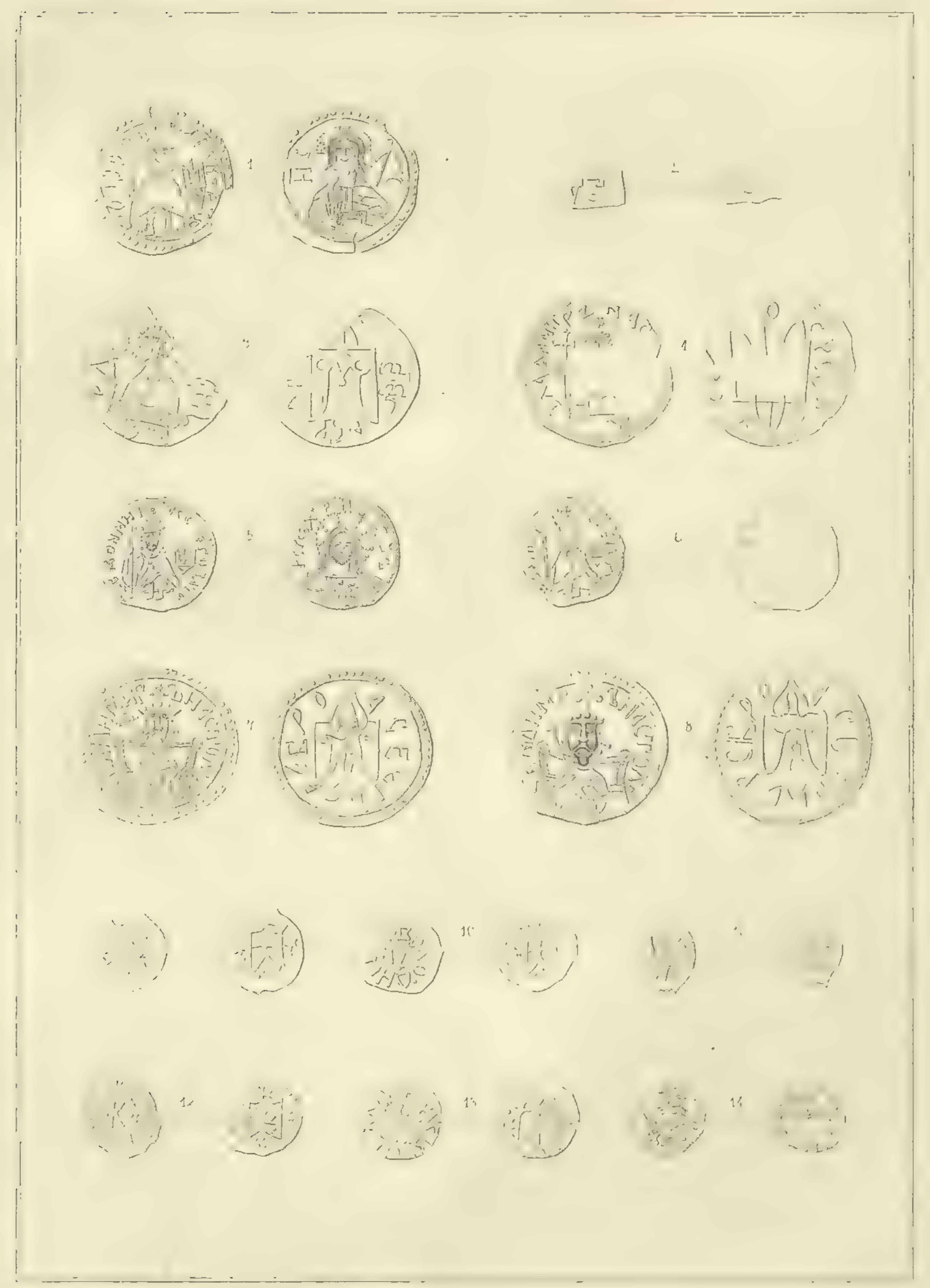
Всѣ эти монеты изъ Нѣжинскаго клада.

Таблица 12.

Рис. 1.	Монета Св. Владиміра серебряная, I типа, находящаяся въ коллекціи Кіевской Духовной Академіи и описанная въ 1 главѣ подъ	№ 6	на стр.	12
„ 2.	Обломокъ монеты Св. Владиміра, I типа, находящійся въ коллекціи Императорскаго Эрмитажа и описанный въ 1 главѣ подъ	№ 10а	„	14
„ 3.	Снимокъ съ изображенія монеты найденной въ Шваанѣ, помѣщеннаго въ Ч. XXVI Записокъ Мекленбургскаго Историко-Археологическаго Общества		см. стр.	25
„ 4.	Монета Св. Владиміра, IV типа, находящаяся въ коллекціи графа Э. К. Гуттенъ-Чапскаго и описанная въ 1 главѣ подъ	№ 81	на стр.	45
„ 5.	Поддѣльная золотая монета Св. Владиміра, находящаяся въ нашей коллекціи и описанная въ V главѣ подъ	№ I	„	191—197
„ 6.	Поддѣльная золотая принадлежащая А. А. Кунику	№ II	„	197—198
„ 7.	Таковая-же серебряная въ нашей коллекціи	№ III	„	198
„ 8.	Таковая-же, литая, тамъ-же	№ IV	„	198
„ 9.	Серебряная монета Владиміра Ольгердовича, находящаяся въ коллекціи Университета Св. Владиміра и описанная въ VI главѣ подъ	№ 1	„	217
„ 10.	„ „ „ „ „	№ 2	„	217
„ 11.	Таковая-же, въ коллекціи Кіевской Духовной Академіи	№ 6	„	218
„ 12.	Тоже, въ коллекціи графа Э. К. Гуттенъ-Чапскаго	№ 4	„	218
„ 13.	Тоже, въ нашей коллекціи	№ 5	„	218
„ 14.	Монета города Пскова, времени его самобытности		см. стр.	158

Монета, изображенная подъ № 1, Кіевскаго клада 1877 г.; изображенная подъ № 2, отыскана въ кладѣ иностранныхъ монетъ, найденномъ въ 1878 г. въ селѣ Молодня, Псковской губ.; изображенная подъ № 4. — Нѣжинскаго клада. Монеты Владиміра Ольгердовича найдены: изображенныя подъ №№ 9 и 10 въ селѣ Гвоздовѣ, близъ Кіева (1873 г.), подъ № 11—въ Никольской слободѣ, Черниговск. губ. близъ Кіева, подъ №№ 12 и 13—около Путивля, Курской губ.

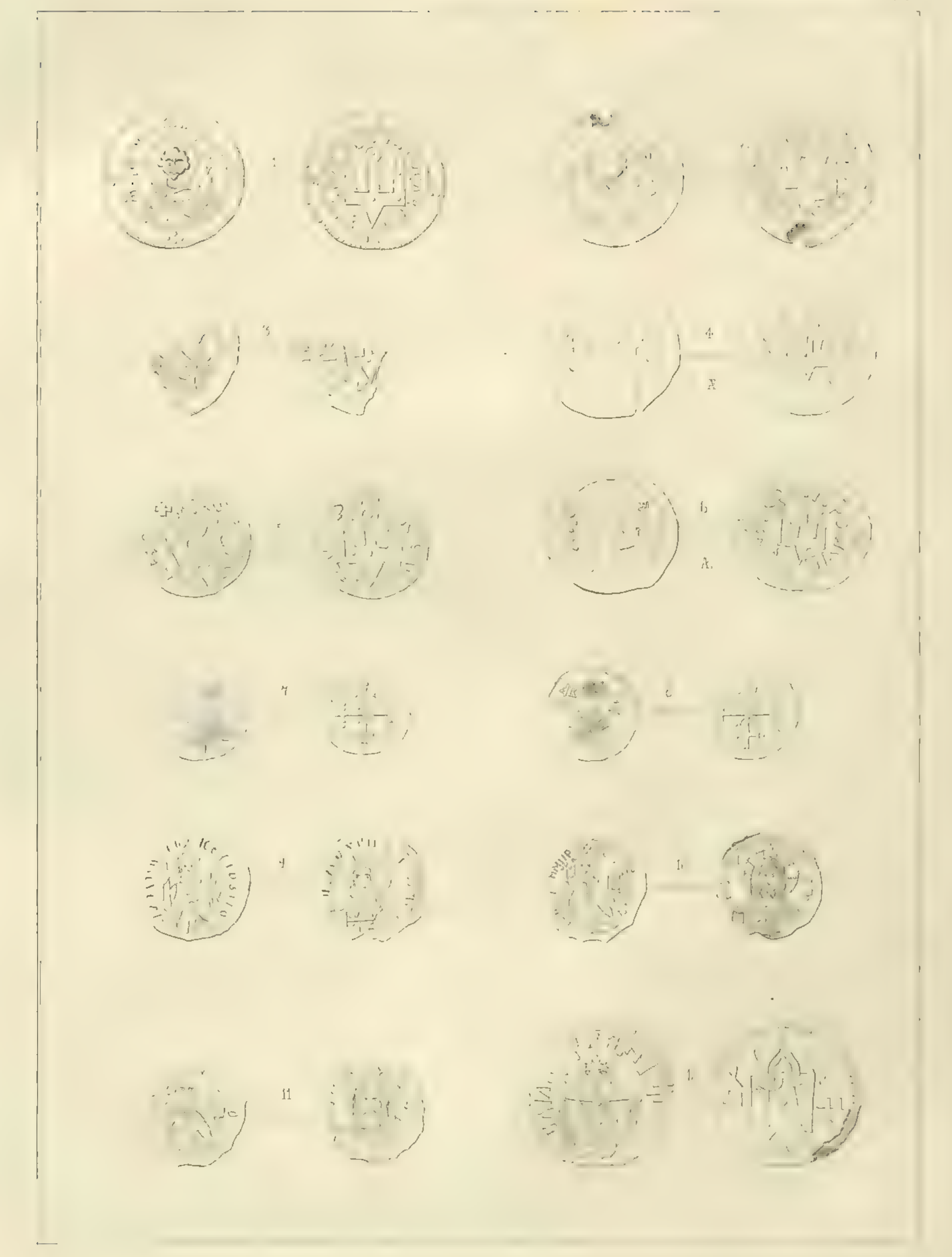
Гр. съ оригиналовъ де Кастелли.

Таблица 13.

Рис.	1.	Монета Ярослава серебряная, III типа, находящаяся въ коллекціи графа С. Г. Строгонова и описанная въ I главѣ подъ	№ 108 на стр.		60—61
			Сравн.	„	63—67
„	2.	Монета чеканен. тѣми-же штемпелями, принадлежащая графу А. А. Мусину-Пушкину и описанная тамъ-же.			
„	3.	Обломокъ серебряной монеты Ярослава, III типа, найденнаго въ Познани, описанъ подъ	№ 109 на	„	61—62
			Сравн.	„	67—68
„	4.	Мѣдный литой экземпляръ того-же типа и тѣхъ-же штемпелей, находящ. въ Берлинскомъ Минцъ-Кабинетѣ; описенъ тамъ-же.			
„	5.	Серебряная монета Ярослава, III-го типа, находящаяся въ Стокгольмскомъ Минцъ-Кабинетѣ.	№ 110 на	„	62
			Сравн.	„	68—126
„	6.	Тождеств. съ изобр. подъ № 4, мѣдная, принадл. А. А. Кунику	№ 109 на	„	62
„	7.	Серебряная монета Болеслава, принадлежащая ему-же, описанная въ VI главѣ	на	„	214
„	8.	Такая-же, находящаяся въ Копенгагенскомъ музеумѣ	на	„	214
„	9.	Снимокъ съ рисунка Владимірова злата, помѣщеннаго въ Вѣстникѣ Европы за 1816 г. Ч. LXXXVII.	См.	„	7
			и		206—210
„	10.	Снимокъ съ рис., приложеннаго къ статьѣ Калайдовича въ Трудахъ Общ. Ист. и Древн. 1827 г. ч. III, кн. II	См. тамъ-же.		
„	11.	Снимокъ съ рис., у Шодуара.		„	
„	12.	Снимокъ съ рисунка Бориспольскаго сребра, приложеннаго къ статьѣ Калайдовича.	См. стр.		204—206

Монета, изображенная подъ № 1, найдена близъ Дерпта въ 1838 г.; изображенная подъ № 2 въ 1792 г. въ Кіевѣ, между привѣсками на иконѣ; изобр. подъ № 3 въ Познани въ кладѣ (1880 г.). Изъ монетъ Болеслава — первая найдена въ Польшѣ, вторая въ Ny Larskjer на о. Борнгольмѣ (1863 г.).

Т 13

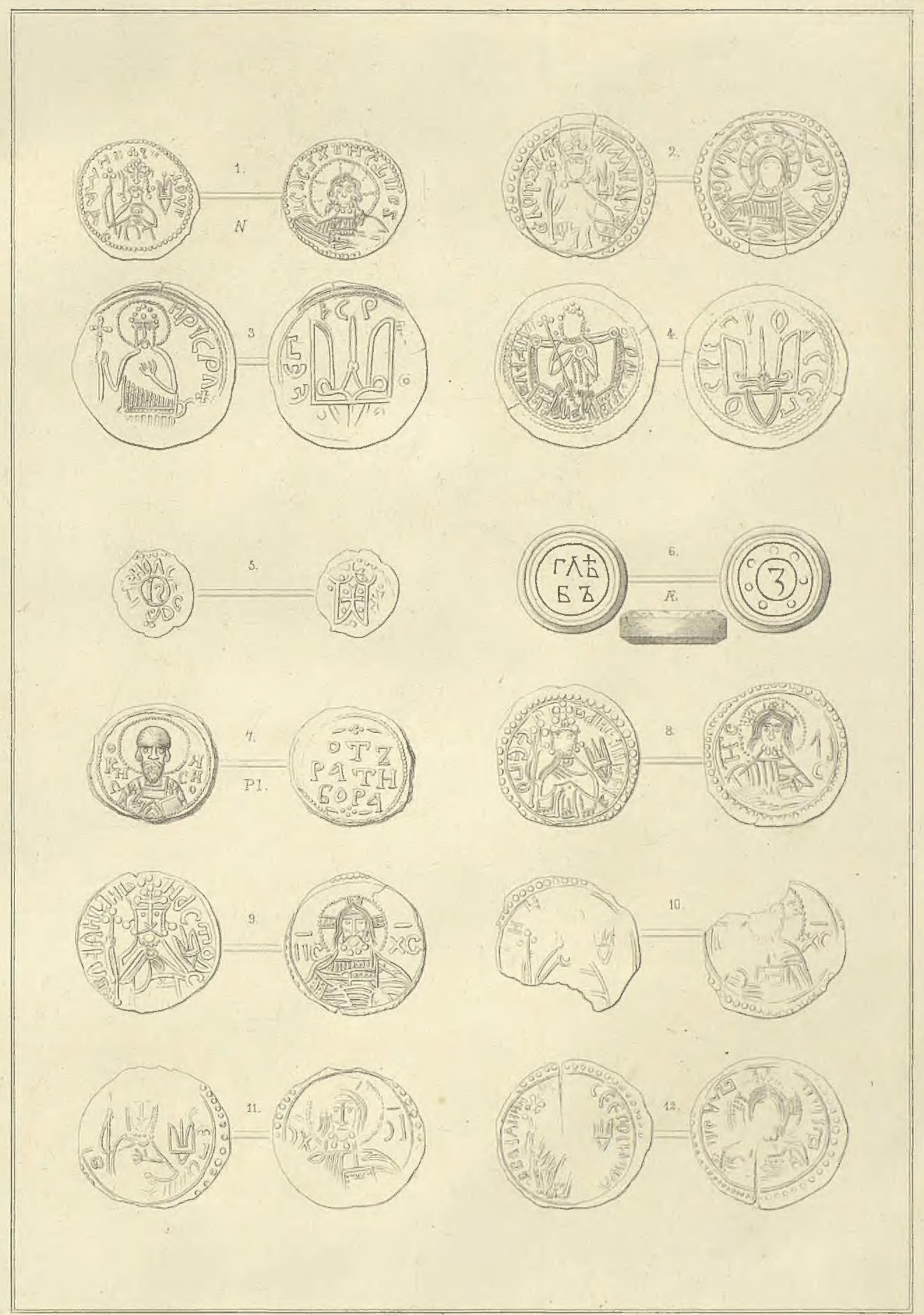

Раз ев оригиналовъ де Кастелан

Таблица 14.

Рис.	1.	Монета Св. Владиміра золотая, принесенная въ даръ Одесскому историческому обществу Н. Н. Мурзакевичемъ и описанная въ Добавленіяхъ подъ	№ 1	на стр.	127
„	2.	Монета Св. Владиміра серебряная, I-го типа, находящаяся въ нашей коллекціи и описанная тамъ-же подъ	№ 6а	„	127—128
„	3.	Такая-же, II типа, находящаяся тамъ-же и описанная тамъ-же подъ	№ 31а	„	128
„	4.	Такая-же, III типа, описанная подъ	№ 46а	„	128
„	5.	Монета серебр. Владиміра Ольгердовича, находящаяся въ нашей коллекціи и описанная въ VI главѣ подъ	№ 3	„	217
„	6.	Мѣдная гирька, находящаяся въ коллекціи Императорской Академіи Наукъ	см.	„	131—134
„	7.	Свинцовая вислая печать, находящаяся въ нашей коллекціи	см.	„	222—225
„	8.	Монета Св. Владиміра серебряная, I-го типа, принадлежащая М. Д. Свиридову и описанная во 2-мъ Добавленіи подъ	№ 1	„	227
„	9.	Такая-же, тамъ-же; описанная подъ	№ 2	„	227—228
„	10.	Такая-же, находящаяся въ нашей коллекціи	№ 3	„	228
„	11.	„ „ „ „ „	№ 4	„	228
„	12.	„ „ „ „ „	№ 5	„	228

Монеты, изображенныя подъ №№ 3 и 4 Нѣжинскаго клада, подъ №№ 2 и 8—12 — Кіевскаго клада 1877 г.

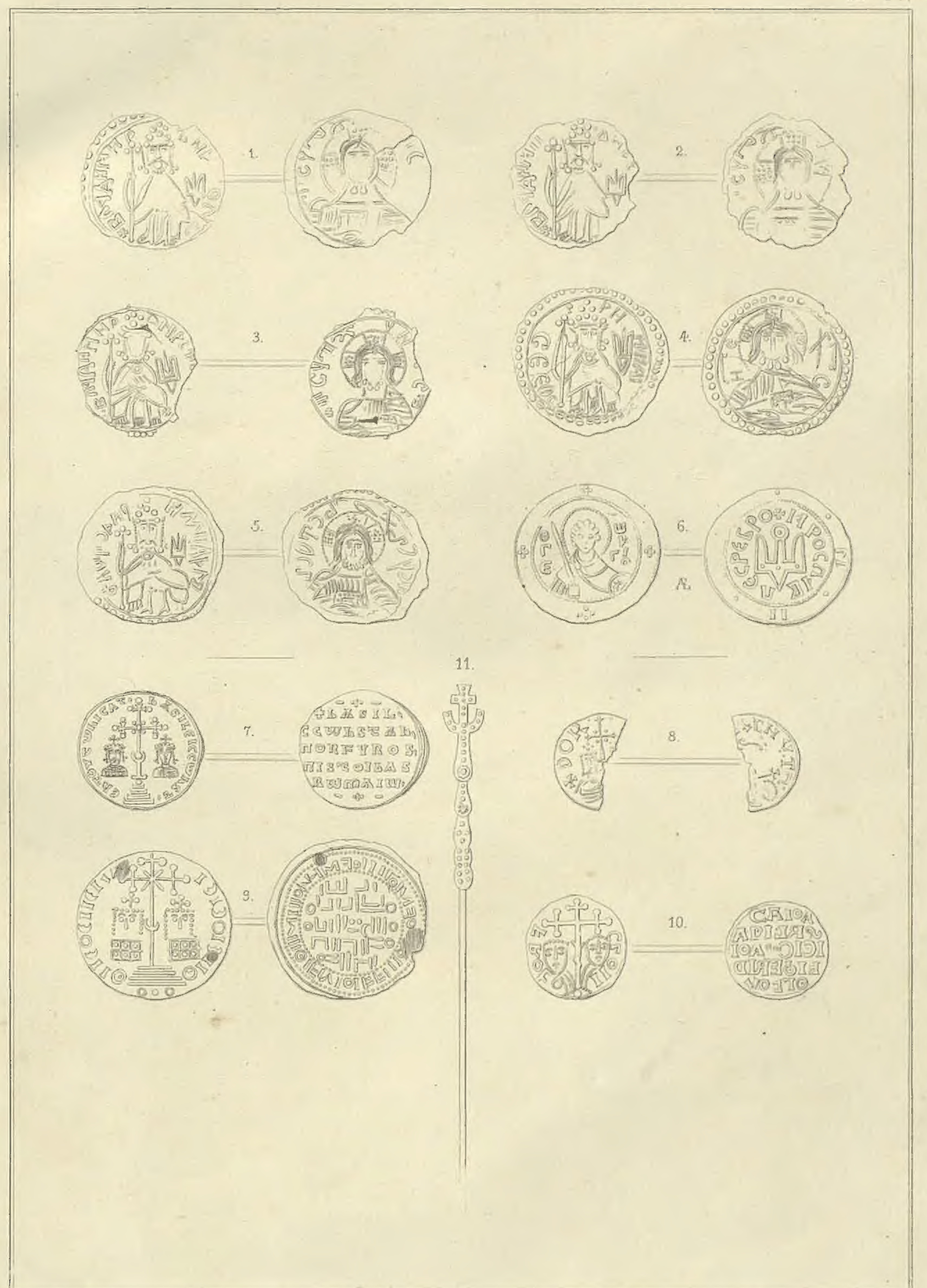

Рѣз. съ оригиналовъ де Кастелли

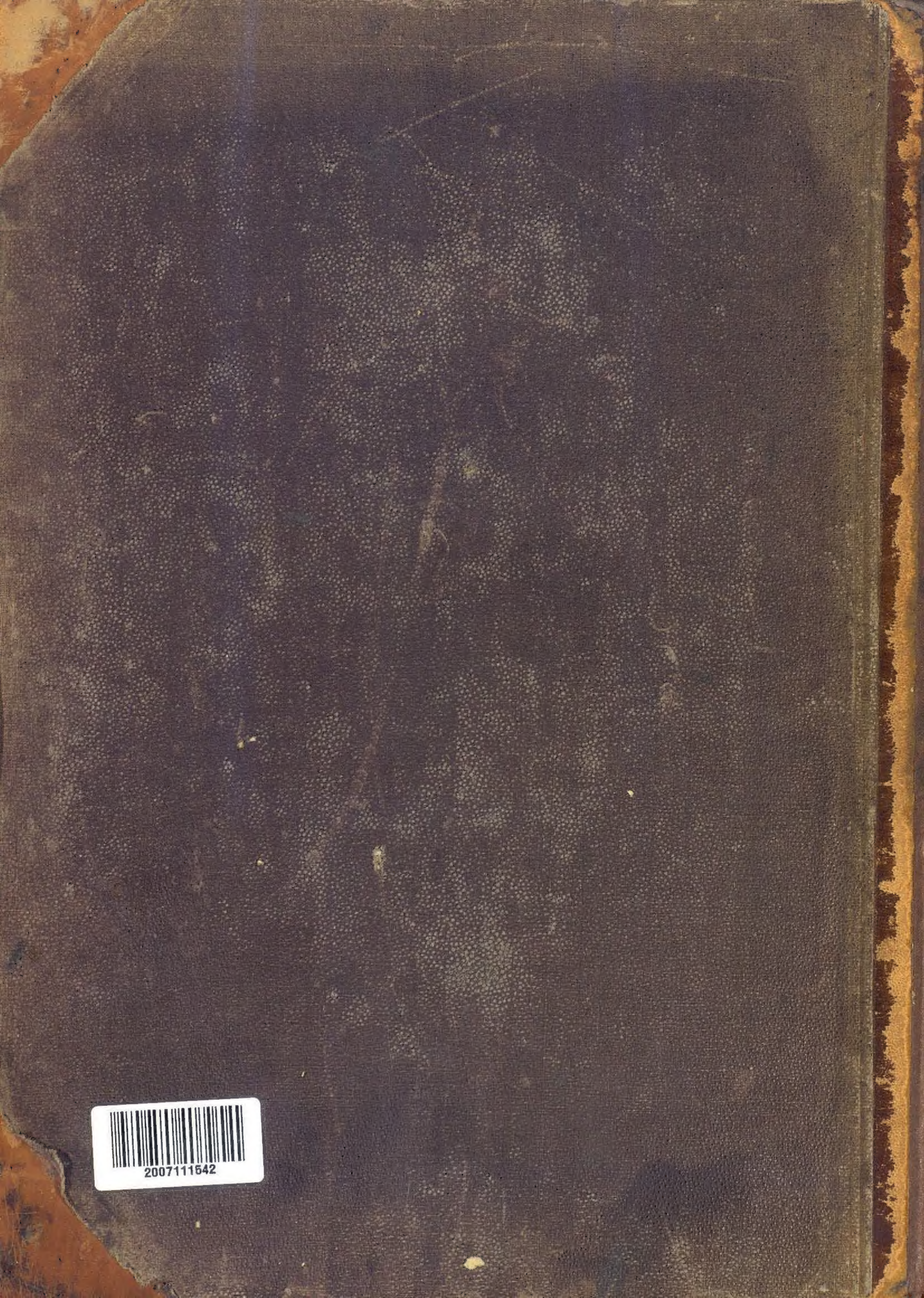
Таблица 15.

Рис.	1.	Монета Св. Владиміра серебряная, I-го типа, находящаяся въ нашей коллекціи и описанная въ Добавленіи второмъ подъ...	№ 6 на стр. 228—229
„	2.	„ „ „ „ „ „ ...	№ 6 „ 228—229
„	3.	Такая-же, принадлежащая М. Д. Свиридову............	№ 7 „ 229
„	4.	„ „ „	См. „ 229
„	5.	„ въ коллекціи С. В. Бодилевскаго...........	„ „ 229
„	6.	Мѣдная (литая) монета Ярослава, III типа, принадлежащая А. А. Кунику..............................	„ „ 229—230
„	7.	Подлинная серебряная монета Византійскихъ Императоровъ Василія и Константина.	
„	8.	Обломокъ подлинной серебряной монеты короля Кнуда (царств. въ Англіи съ 1014 г. и въ Даніи съ 1018 г. † 1035 г.), находящійся въ колл. Императорскаго Эрмитажа, съ изображеніями тѣхъ-же императоровъ.	
„	9.	Серебряная норманская поддѣлка, съ изображеніемъ на лиц. ст. тѣхъ-же братьевъ-императоровъ, а на об. ст. обезображенной копіей съ надписи, находящейся на Куфической монетѣ (Atlas de l'Archéologie du Nord. Tab. XII, № 248).	
„	10.	Поддѣлка серебряной монеты тѣхъ-же императоровъ, найденная въ кладѣ въ Помераніи (Dannenberg, Mittheil. der numismat. Gesellsch. von Berlin. Drittes Heft 1857, pag. 218 Taf. X, 177).	
„	11.	Изображеніе δικανίκιον'а..........................	См. на стр. 173—174

Монеты, изображенныя подъ №№ 1—5 изъ Кіевскаго клада 1877 г.

Рѣз съ оригиналовъ де Кастельи С.П.Б

2007111542